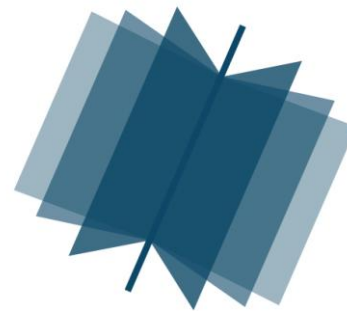

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2015

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

№7 (38) 2015

Часть 4

Август

Подписано в печать 15.08.2015.
Тираж 900 экз.
Заказ 26094.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам XLI заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПН № ФС 77 – 51217.**

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилов В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свистунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.исп.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИИ АХАЙЯ (БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ) ВРЕМЕН РИМСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. I В. ДО Н.Э. – V ВЕК Н.Э. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ	6
ИГРУШКИ И ИГРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИГРОТЕКАХ: ДИНАМИКА 1930-Х–2000 ГГ.	12
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭСТОНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ XIX ВЕКА С НАРОДАМИ КАВКАЗА	16
КУЛЬТУРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ЯПОНИИ	18

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

КОЛЛАЖ И ФОТОМОНТАЖ В КИНОРЕКЛАМЕ ВУФКУ	19

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY

«ЛОКУС» СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: РЕСУРС КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	22
ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ	24
СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	28
СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИДЕНТИЧНОСТЬ	33
ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	36
«КУДИНОВСКИЙ ПЕРИОД» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА	38

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА	39
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ	42
МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ	44
О СПЕЦИАЛЬНЫХ СФЕРАХ-ИСТОЧНИКАХ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	45
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ И СИНТЕТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ	48
ЛЕКСИКА КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВЫХ ИГР НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ	50
СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	52
ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ВОКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	54
ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЬНЫЕ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (ЭПИТЕТЫ)	56
ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЬНЫЕ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (СРАВНЕНИЯ И ПОВТОРЫ)	58
ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIAN LANGUAGE	61
ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И ПЕРЕЖИВАНИЯ В РАССКАЗЕ Е. ГРИШКОВЦА «ПАЛЕЦ»	62
ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ В ФАМИЛЬЯРНОМ РЕГИСТРЕ ОБЩЕНИЯ	65
ДЕНОТАЦИЯ В ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ ШУКШИНА	67

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE SCIENCES

ОСОБЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	70
РАЗРАБОТКА ЗОН ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КОМПЛЕКСА ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ В ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЪЕКТОВ САММИТА АТЭС-2012 В Г. ВЛАДИВОСТОКЕ	72
ОБЫЧАИ И ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ОТНОШЕНИЯХ К ИНВАЛИДАМ У НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (XIX В.)	73
БУДДИЗМ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ ТУВЫ (НА ПРИМЕРЕ МИСТЕРИИ ЦАМ)	76

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITICS

POLITICAL AND LEGAL REGULATION OF COUNTERACTION TO THE INTERNATIONAL CRIMES	81
ГЕОПОЛИТИКОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ОСНОВА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	83

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ	90
РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ У МОЛОДЕЖИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ	92
THE WHYS AND WHEREFORES OF THE POLICY OF MULTICULTURALISM IN GERMANY	95
ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ.....	96
НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНД КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМИДЖА.....	98

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ.....	100
СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КАК ПРОЕКЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ И СОЦИАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА.....	102
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ	104
PROBLEMS OF THE CROWDSOURCING TECHNOLOGY ADOPTION TO THE GOVERNMENT CONTROL SYSTEM	107
ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ.....	109
ПРИНЦИП «НЕ НАВРЕДИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	111

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY

ИЗОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД РАБОТЫ СО СТРАХАМИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ	113
ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ С УРОВНЕМ ПРИВЕРЖЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ВУЗА.....	117
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДУ	120
ОСОБЕННОСТЬ ЛЕВО- И ПРАВОПОЛУШАРНЫХ ФУНКЦИЙ У СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ ДЕТЕЙ ...	122

НАУКИ О ЗЕМЛЕ / SCIENCE ABOUT THE EARTH

ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВИЙ ОСАДКОНАКОПЛЕНИЯ ПО СОСТАВУ УГЛЕВОДОРОДНЫХ СОЕДИНЕНИЙ В РАССЕЯННОМ ОРГАНИЧЕСКОМ ВЕЩЕСТВЕ ОТЛОЖЕНИЙ НИЖНЕГО МЕЛА СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	125
ПРИМЕНЕНИЕ РЕНТГЕНОВСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ КЕРНА ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИЗОЛЯЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕЛЕОБРАЗУЮЩИХ СОСТАВОВ	128
ОЦЕНКА ДОЛИ И ГОДОВОЙ АМПЛИТУДЫ АДДИТИВНЫХ СЕЗОННЫХ КОМПОНЕНТ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ ПРИЗЕМНОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ ВОЗДУХА 30-ТИ ПУНКТОВ НАБЛЮДЕНИЙ РФ ЗА 120-ЛЕТНИЙ ПЕРИОД.....	133
ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ «MLCM2» ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДОЖДЕВЫХ ПАВОДКОВ НА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ВОДОСБОРАХ	137

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY**Андреева Т.В.**

Соискатель кафедры истории мирового искусства исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
**СКУЛЬПТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПРОВИНЦИИ АХАЙЯ (БАЛКАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ) ВРЕМЕН
 РИМСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА. 1 В. ДО Н.Э. – 5 ВЕК Н.Э. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ**

Аннотация

Статья посвящена истории развития греческого портрета на территории Балканского полуострова. Начало было положено своеобразными скульптурными формами – гермами, восходящими к 7 в. до н.э. История портрета имеет много аспектов. В разное время греки принимали в себя многое: необычные формы египетского искусства, красочность Азии, – все это оставило отпечаток на портретном искусстве. Достигнув своего высшего уровня в эллинизме, портретное мастерство на следующей ступени органично соединилось с италийскими традициями. Новое явление «римский скульптурный портрет» стал результатом этого грандиозного процесса. История эволюции римского портрета вызвала огромный интерес в научном и культурном мире. Постепенно забывалась роль греческого искусства в его становлении. Достаточно удивительно, что учебники по античной скульптуре заканчиваются на поздне-эллинистическом искусстве. Работы, сделанные греками на своей родной земле, нужно было искать в литературе, посвященной римскому искусству. Между тем исследование показывает, что в римский период греческое искусство оставалось мощным самостоятельным явлением. Мало затронутым характерными италийскими особенностями.

Ключевые слова и фразы: римский скульптурный портрет, эллинистический стиль, гермы, погребальные маски предков, греческий портрет.

Andreeva T.V.

Applicant of the department of history of art of the historical faculty of Moscow State University. M.V. Lomonosov
**THE SCULPTURAL PORTRAIT OF THE PROVINCE OF ACHAIA (BALKANS) ROMAN TIMES.
 1. BC. - 5TH CENTURY BC A BRIEF HISTORY OF THE DEVELOPMENT**

Abstract

The article is devoted to the history of Greek portrait on the territory of the Balkan Peninsula. The beginning was a sort of sculptural forms - Herma, rising to 7. BC. The history of the portrait has many aspects. At various times, the Greeks took a lot: an unusual form of Egyptian art, colorful Asia - all this has left its mark on the art of the portrait. After reaching its highest level in Hellenism, portrait skills on the next stage was organically united with the Italic traditions. The new phenomenon of "Roman portraiture" was the result of this grand process.

The history of the evolution of the Roman portrait aroused great interest in the scientific and cultural world. Gradually the role of Greek art in its formation was forgotten. Surprisingly enough, the textbooks on ancient sculpture end in late-Hellenistic art. Works made by the Greeks in their native land, it was necessary to search the literature on Roman art. Meanwhile, research shows that in the Roman period, Greek art was a powerful independent phenomenon. Not so much affected by the characteristic features of the Italic.

Keywords: Roman portraiture, Hellenistic style, Hermas, funerary masks of ancestors, the Greek portrait.

Мы попробуем обрисовать в нескольких словах общий контур эволюции, используя материалы монографии К. Шефолда «Портреты античных поэтов, писателей и мыслителей». [1]

У греков существовала особая портретная форма, известная как герма. Ее история развития во всех деталях до настоящего времени не ясна. Именно герму ставят в начало линии развития греческого портрета.

Первые каменные гермы, как символ бога Гермеса, в греческое архаическое время имели, видимо, фаллическое значение. В этот период они устанавливались как межевые столбы на перекрестках дорог. Их использовали в качестве надгробий, что могло быть связано с функцией олимпийского бога Гермеса как проводника в подземный мир. В конце шестого века до н.э. простой столб венчается головой бородатого Гермеса, на передней поверхности которого располагается высеченный фаллос. Эта скульптурная форма сохраняется в течение последующих веков. В поздний архаический период на гермах появляются головы, связанные с реальными моделями. Они остаются для эллинов все еще идеализированными погребальными образами. [1, 196]

Переломным в процессе эволюции портрета становится пятый век до нашей эры греческой истории. Появление героизированного портрета-типа в первой половине пятого века, видимо, связано с самоосознанием греческой нации после побед над персами. Так называемые портреты Перикла, Мильтиада, Кимона или Фемистокла, в нашем понимании не являются изображениями конкретных лиц. Лучше называть такой типовой образ «героем времени». Поэтому в литературе эти скульптуры подписывают именем персонажа в кавычках. Поскольку эти греки как говорится, «на одно лицо». Четвертый век связан с новым типом изображений: их можно назвать «придуманные или фантазийные» образы интеллектуалов. Такая практика увековечивания памяти давно умерших знаменитостей становится популярным. К ним отнесем многочисленные изображения слепого певца (Гомера?), Гесиода и других любимых авторов древней истории.

Сошлемся на найденные на острове Парос базах раннего четвертого века к монументу, возведенному в честь Архилоха. [2] Этот человек жил за полтора века до указанного времени.

Исследователи не пришли к единому мнению по вопросу времени возникновения полностью индивидуализированного образа. Мнения высказываются, что такой поворот мог произойти в конце пятого, или же в начале четвертого века до н.э. Но в целом согласились, что портреты, близкие к современному пониманию, были впервые сделаны в Греции в середине 4 века до н.э. [3]. Согласно Плинию, создание слепков известно в греческой художественной практике с начала эллинистической эры: «Он (Лисистрат из Сикиона – Т.А.) был также первым, кто

стал делать действительные портреты: до этого времени старались делать лица как можно прекраснее. Тот же мастер открыл, как делать слепки с целой фигуры, и процедура стала настолько общей, что ни божественный, ни человеческий образ более не делался без использования глиняной модели». [4]

Известное изображение Аристотеля около 330 г, возможно, работы Лисиппа, начинает отсчет нового этапа в изображении человеческого лица. В портрете философа-перипатетика выражен философский, или даже «ученый» тип, реалистические черты лица, и запечатлена духовная жизнь персонажа. [5]

Во 2 пол.4 века новая концепция набирает силу в портрете, как и в других ветвях греческого искусства. Отдаленность, идеализированность портретов пятого, и обобщение четвертого века сменяются индивидуалистическим подходом эллинистической эпохи. Тот же контраст наблюдается в литературе. Универсальные однозначные характеры героев комедий Аристофана уступают место персонажам с характеристическими чертами у Менандра. Психологизм, внимание к нюансам, интерес к глубинам личности, выходит на поверхность. Типичной для раннего эллинистического портрета третьего века является известная статуя Демосфена, поставленная около 280 г. От нее сохранилось более чем 40 копий головы великого оратора и два полно фигурных изображения, передающих лицо и осанку трезвого и решительного политика. Лицо афинского оратора напряжено, морщина пересекает лоб, он в раздумье или печали.

В конце третьего и во втором веке наступил высший расцвет эллинистического искусства. По главному культурному центру периода его стиль называют «пергамским», в иностранной литературе часто встречается характеристики «патетический стиль» или «барочный». Характерными портретами этого типа являются т.н. Галл из Гизы, 2 века до н.э., Каирский музей, и многочисленные скульптурные портреты Александра, работы мастера Лисиппа. Полуоткрытый рот, поворот головы, скорбное выражение лица со сведенными бровями – такие черты встречаются в образах правителей от Александра Великого (конец 3 в. до н.э.) до Митридата Шестого (первая половина 1 в. до н.э.).

Второй век известен не только «пергамским» стилем. Среди достижений можно назвать портреты философов Хрисиппа, Антисфера, Зенона, Карнеада, Диогена, Псевдо-Сенека и др. Они демонстрируют расцвет реализма, достигнутого в греческом портрете. Каждый портрет особенный, лица философов индивидуальны, без труда запоминаемые. Особенно отметим портрет Гомера, Музей изящных искусств, Бостон, с его характерными для слепых глазами и веками. О высоком качестве потерянных греческих портретов можно судить по бронзовой голове неизвестного философа середины 2 в. до н.э., найденной у острова Антикифера, ныне в Афинах. Волевой облик демонстрирует признаки интеллектуальной активности в Греции в это бурное время. [6].

Следующим важным этапом стал греко-римский республиканский портрет 2-1 вв. до н.э. Известно, что римляне хотели быть увековечены лучшими мастерами того времени. Поэтому масса греков-профессионалов, по доброй воле или в качестве заложников, оказалась в новой столице мира в Италии.

Типичный римлянин был, как часто отмечается, весьма практической персоной: он интересовался всем тем, что мог видеть, слышать или ощущать и был далек от теоретических умствований греков. Безусловно отмечая превосходство греков в изобразительных искусствах и восхищаясь их литературой и поэзией, римляне с удовольствием «позволили» грекам стать теми «не-варварами», с которыми вместе «оградились» от остальной ойкумены. При этом от своих откровенно варварских обычаев они не собирались отказываться. Более того, амфитеатры для убийств людей и животных строились рядом с театрами по всей империи.

Римский портрет прошел несколько стадий в своем многовековом развитии. Обычно особенно сильное влияние греков на римскую культуру связывают с ограблением Афин в 80 году до н.э. войсками Суллы. Центр культуры Европы из Афин переезжает в Рим, примерно на следующие пять веков.

Однако портреты продолжают создаваться на территории условно независимой Эллады, которая все сильнее втягивается в римскую сферу влияния. Среди оригинальных греческих портретов – мраморные головы молодого человека из Дельф, археологический музей, и жреца, Национальный музей, Афины. Датированные поздним вторым и ранним первым веком, эти работы, можно так сказать, перекидывают мостик между поздним эллинистическим и ранним римским республиканским портретом. Портреты подтверждают, что достигнутая греками за несколько веков способность высококачественной обработки материала, также как умение передать характер, не утеряна в изменившихся политических и экономических условиях. [7] Произведения греков отличаются от современных им римских портретов «греческим» типом лица, на котором порой вместо прежней интеллектуальной силы отражаются глубокое разочарование и грусть. Эллинистические образы представляют значительный контраст современным им решительным римским лицам. Что вполне вписывается в политический контраст времени. Сюда же можно отнести некоторые поздние эллинистические монеты с отчетливыми портретными характеристиками правителей. Они иллюстрируют распространение греческого реалистического портрета по территориям угасающих восточно-греческих царств. Изображены не только греческие и восточные, но и римские типы лиц. Значение этих греко-римских монет велико не только потому, что они являются оригиналами, но и в силу того обстоятельства, что римские скульптурные портреты конца 2 начала 1 века до н.э. не известны. Эти монеты фактически заменяют погибшие скульптурные образцы, и по ним до какой-то степени можно представить переход к римскому республиканскому портрету. Качество этим миниатюрных образов подтверждают идеи того, что греческий эллинистический портрет способствовал становлению реалистического портрета Рима.

Портретные головы римского республиканского периода, как часто отмечается, производят сильное впечатление на зрителя. В лучших работах особенно чувствуется жизненность схваченной натуры, реальность черт лица персонажа убедительны, и образ совершенно специфичен по производимому впечатлению. Чувства и мысли, которые рождаются от римских работ, отличаются от тех, что возникают при созерцании образов выдающихся греков четвертого и третьего веков. Эта разница выражена исследователем Р. Хинксом в следующих словах: «Эллинистический портрет был идеальной реконструкцией персонажа, в которой отдельные индивидуальные черты использовались только как исходный пункт для уточнения психологичности образа. Затем включалось воображение.

Но римский портретист подходит к своей модели не субъективно, но объективно. Он полагается на внешние черты, которые медленно, одну за другой переводит на язык искусства. В результате получившаяся работа и документ и комментарий одновременно, но первый аспект оказывается очевиднее, чем второй. Римский портрет, можно сказать, был заявлением особого рода, он оказывался надежно отдаленным от обобщенности и типизации». [8]

Подход мастеров, делавших эти ранние римские головы, часто определяется термином «натуралистический». Что само по себе представляет определенную трудность для определения. Гизела Рихтер описывает термин как «сухой реализм» [9]. Р. Хинкс говорит о привлечении фундаментально разных подходов. «Термин «реалистический» следует считать субъективным, то есть имеющим отношение к мастеру, «натуралистический» в таком случае получает объективный смысл, то есть прилагается к работе... Эллинистический мастер может быть назван реалистом, потому что он старается получить эффект целостного образа, используя пластические метафоры, и тогда создается портретный облик по аналогии. Итальянская работа может быть названа «натуралистический», потому что воспроизводит оригинал с буквальным вниманием к детали» [10].

Вот пример, используемый А. Хеклером в его монографии. Он сравнивает «документальный», как его называет автор, республиканский портрет из Геркуланума, выставленный в Капитолийских музеях, и греческий портрет из Катахо, Государственный музей, Вена. «В первой, - пишет А. Хеклер, - словно персонифицирована прозаическая манера трактовки образа, во второй - поэтическая. Образы демонстрируют разницу в подходах к моделям. При очевидной близости физиономического типа и сходстве художественно-технических приемов, мы видим в портрете блестящего грека яркий пример глубины и красоты поэтической интуиции, а в памятнике мастера из Геркуланума выступает сухой саркастический образ культурного римлянина. Портреты сделаны с различным чувством формы, особенно заметной в исполнении волос». [11]

Иными словами, греческий художник, работая с заказчиком, формирует идею образа и, сохраняя ее целостной, развивает с помощью черт, которые характеризуют персонаж наиболее выразительно. Так создается образ широкого общественного восприятия, где соотносится частное с универсальным, мастер-грек думает о портрете как о статуе в полный рост, даже если изображение предполагалось иным по форме и размеру. Так, греческий мастер изучал черты лица своей модели, осанку, жесты, важной оказывалась даже драпировка. Для выражения индивидуальности это давало больше возможностей, что видно на примере нескольких сохранившихся портретов в полный рост. В известной статуе скульптора Полиевкта, выдающаяся личность Демосфена передана многими приемами: выражением лица, каждой линией тела и даже складками одежды. А несокрушимая авторитарная власть Деметрия I, полнофигурная статуя из музея Терм, яркий образец давящей и беспощадной мощи властителя.

Существует мнение, что главное отличие между римским и эллинистическим портретом состоит в самой натуре изображенных. А не определяется квалификацией мастеров или господствующими модными тенденциями. Дж. Д. Карпентер указывает: «Античные портреты по своей природе – неопределенная и ускользающая материя, в них субъективный интерес к индивидуальной модели перевешивает объективные критерии типа и стиля» [12]. Сторонники концепции эллинистического происхождения римского портрета объясняют, что разное впечатление возникает из-за личностных особенностей персонажей. По мнению Г. Хинкса, «объективные причины коренятся в особенностях представленной индивидуальности более, чем в субъективном подходе или в точке зрения мастера» [13]. Согласно этой школе исследования, мы различаем созданные греками портреты римлян и их соотечественников, потому что первые представлены практиками, деятелями, трезвыми политиками, торговцами, а моделями-греками в большинстве своем были деятели интеллектуальной элиты: философы, писатели и поэты. [14] Однако практика показала другое. Археологические исследования на острове Делос и раскопки на Афинской агоре дали для исследований много оригинальных греческих портретов. И оказалось, что по меньшей мере в эллинистическое время греки были также заинтересованы в изображении представителей всех слоев своего общества, как и римляне. [15] Известно, что Демосфен и Эсхин были не менее крупными политиками, чем Цицерон. Последний, в свою очередь, будучи консулом и сенатором, почитался как глубокий и эрудированный интеллектуал. Такое мнение возникло, не в последнюю очередь, в связи с тем, что наши знания об идентифицированных портретах греков основываются на копиях, заказанных сами же римлянами. Последние предпочитали иметь изображения деятелей греческой культуры. Это стало модой еще в середине 2 в до н.э., благодаря деятельности «кружка» Сципиона Эмилиана, племянника победителя Карфагена. Великий оратор Демосфен, очевидно, почитался как своего рода предшественник их собственного Цицерона. Поэтому до наших дней сохранились десятки изображений великого грека. Плавт и Терренций упрощали в угоду римскому вкусу слишком утонченные комедии афинянина Менандра и имели успех. Пьесы последнего стали базой для образов и тем драматургов по всему римскому миру. Не этот ли факт сохранил для потомков облик греческого комедиографа, размноженного в римских копиях?

Известна заинтересованность римских интеллектуалов республики в некоторых системах греческой философии. Можно сказать, что на формирование изобразительной системы Рима оказали влияние греческие философские течения. Как это не звучит парадоксально. Однако, римляне относились к философам и их школам по-другому. Избирательно. Натурфилософы и софисты классического времени не интересовали прагматичную нацию. Моралисты и догматики времени кризиса классического полиса и появления империй эллинизма, предложили руководство для людей в суровом индивидуалистическом мире, лишенном стабильности городов-государств.

Практичные римляне, не имея своей философии, оказались во 2 веке до н.э. перед богатым выбором. И склонились к греческому стоицизму, и, как это ни удивительно, эпикуреизму. А их доктрины, несмотря на некоторую неприязнь к друг другу, имеют много общего. Во-первых, обе системы утверждают, что все познаваемое находится в мире чувств. Тогда портрет человека, если он точно отражает специфические черты, может считаться адекватным выражением его натуры. Во-вторых, признание обеими школами ценности индивидуального существования способствовало сохранению скульптурных школ реалистических изображений. Поэма Лукреция «О природе вещей, - полагает Дж.Д. Брекенридж, - в которой он следует своим любимым грекам-эпикурейцам, представляет атомистический материализм так, что натуралистическое искусство представляется неизбежно сопутствующим

ему. [28] В римском обществе портрет превратился в форму выражения художественности, красоты, неразрывно соединенной с повседневной человеческой жизнью. Может быть поэтому при слове «римский» почти автоматически вспоминается «римский портрет».

Создатель римского портрета подходит к образу по-своему. Он схватывает каждую мельчайшую деталь внешности модели, составляет сходство, концентрируя всю индивидуальность персонажа в чертах лица. Так возникает уникальный образ конкретного заказчика. Возможно, поэтому римляне предпочитали создание крупных бюстов, а не портретных статуй.

Есть точка зрения, что портреты греков и римлян воспринимаются по-разному, потому что их создатели использовали различные технические приемы. Речь идет о традиции погребальных слепков с лиц древних римлян, известной как минимум с 5 в. до н.э. Но этот прием был широко распространен не только на землях Италии. По этому вопросу сошлемся на информацию в монографии Дж.Д. Брекенриджа. «Снятие слепков с лица и фигуры человека в эллинистическом искусстве позволило точно воспроизвести внешность по сравнению с использованием только концептуально обусловленных зрительных впечатлений. Это был рабочий прием, сам слепок не полагался окончательным вариантом. 16. «...когда Плиний утверждал, что Лисистрат из Сикиона, брат Лисиппа, был «первым мастером, сделавшим действительный портрет», это значило, что он довел до высшей степени точности детализированный подход, уже практиковавшийся большинством скульпторов в его время. Плиний нигде не делает ссылки на портреты, сделанные этим скульптором, и то, что «сиконец» упоминается особо, вероятно, результат его вклада в технику, а не заслуга создания нового направления – буквального воссоздания живых форм». [17]

Есть мнение, что использование слепков имело исключительное значение в производстве римских портретов. Действительно, сохранился высококачественный портрет мужчины, ныне в музее Бостона, в терракоте. Он очевидно исполнен с обработанного слепка живого человека, и это очень редкий образец. [18] Республиканские портреты, сделанные с посмертных масок, широко известны. Да, маска служила основой портрета, но подвергалась изменениям в процессе создания образа. Такие работы, в целом не являются, по мнению Задокс-Джозефус Джиты, самыми сильными и убедительными из известных республиканских изображений. [19]. Поэтому не стоит переоценивать значение практики снятия восковых слепков в таком выдающемся явлении, как римский императорский портрет.

В настоящее время не известны круглые скульптурные изображения римлян в натуральную величину, созданные раньше 100 года до н.э. Самое раннее свидетельство – это профильный образ «освободителя» Греции Тита Фламинина на редком чекане золотых монет. Последние сделаны в Греции, в честь победы над Филиппом У в 197 г. до н.э. Римский полководец представлен в эллинистической героизированной версии изображений правителей-потомков Александра. [21] Но изображение Фламинина на монетах трудно сопоставлять со скульптурным. «Образец создавал греческий мастер и монеты циркулировала только в районе, где господствовала эллинистическая концепция, – указывает Дж. Д. Брекенридж, – поэтому изображение не помогает получить представление о современном ей римским скульптурном портрете». [22].

Первым достоверно датированным скульптурным портретом остается знаменитый образ Помпея Великого, сделанный не ранее 60 г. до н.э. Его трудно назвать типично римским. [20]. В некоторой литературе портрет называют «а ля Александр», открыто связывая стиль с эллинизмом.

Можно говорить о существовании во время поздней республики трех скульптурных школ. Латинская натуралистическая, классическая идеализированная и эллинистическая героизированная. Это деление условное, приемы обработки заимствовались, атрибуты перенимались. В известных портретах из базальта Марка Антония и Октавии, созданных египетскими мастерами в черном базальте, нетрудно видеть попытку соединить римскую республиканскую традицию с поздней эллинистической героизацией, с влиянием Египта. [24]

Идентифицированные портреты лидеров римской республики времени ее заката убеждают, что политики стали использовать портретные эллинистические образцы для закрепления возникающих внутри римского государства новых официальных концепций. «Портрет Помпея «в виде Александра», по мнению Дж.Д.Брекенриджа, – иллюстрирует первую попытку использования греческих образов, совершенное же выражение этой идеи было достигнуто только в правление Августа, когда стабилизировалась сама политическая ситуация». [23] Укажем, что Гней Помпей достиг небывалой для сенатской республики концентрации власти в одних руках. И на портрете он был изображен во время своей диктатуры, необходимой для борьбы с пиратами. Логично было использовать «эллинистические элементы» в данном изображении. Влияния греческого востока в работах поздней республики середины I века до н.э. представлено в портретах общественных деятелей. Выбор здесь не многочисленный, и сошлемся на кажущийся более достоверным образ Цицерона. [27] Образы главных исторических лиц предназначались, кроме привычных камерных целей, и для публичного обозрения. Этим можно объяснить большую эллинизацию «прославляющего» типа, который создавался несомненно с намерением скорее поразить зрителя, нежели просто зафиксировать определенные черты облика. Возможно, портретное искусство тоже было под влиянием «греческой моды».

Заметим, что в 40-ые годы до н.э. в Риме уже существовали портреты с классицистическими тенденциями, которые через несколько десятилетий будут доминировать в искусстве Августа. В неоднозначно датированном портрете Цезаря, музей Кьярамонти, Ватиканские музеи, диктатор изображен с идеализированными чертами лица и волос, стилизованными в манере Поликлета. [25] Эта работа обычно рассматривается как созданная в период Августа, и приводится в качестве примера посмертной идеализации правителя. Но сходство гермы Цезаря с портретами Катона Утического, в музее Волубилиса, Марокко, и Брута, которые также исполнены в сходном стиле «высокой классики 5 века». Знание исторической подоплеки подсказывает, что две последние работы вряд ли относятся к периоду Октавиана Августа. Это позволяет предположить создание всех трех работ при жизни Цезаря. [26]

Натуралистическая линия базировалась на посмертных или прижизненных масках, и наиболее многочисленна в надгробьях, как известные изображения Гаттерия и Гаттерии. Знакомые по репродукциям лица старых римлян и римлянок, с подчеркнутыми морщинами, полные скорби и достоинства. Скорее всего множество портретов в Риме

были близки к таким традиционным и любимым рядовыми жителями формам. В ведущих музеях мира всегда можно встретить один-два подобных образца. Цецилий Секунд из Помпей, ныне в Национальном музее Неаполя, и пожилой мужчина из Музея Торлония, Рим, сохранившие для потомков традиционные римские доблести. Изображения рядовых граждан могли быть сделаны для семейных мемориальных (стояли в атриуме дома) или для погребальных целей.

Причины внезапного расцвета римского реалистического портрета по сей день обсуждаются. С одной стороны, оказалось недостаточным исходить из опыта исконно этрусского или италийского искусства для объяснения республиканского портрета. С другой стороны, признавая зависимость мастеров Рима от эллинской культуры, приходится признать, что греческие портреты, даже работы с высоко индивидуализированными чертами с Делоса или Агоры, по сравнению с римскими, имеют другой характер. И, наконец, от этого периода сохранились портреты с явно египетским воздействием. Их своеобразный натурализм трудно прямо соотносить с римским. Эти традиции, рассмотренные по отдельности, не исчерпывают сложности всей проблемы. Можно предположить, что все три района играли роль в создании условий для расцвета римского портрета.

Римляне легко заимствовали достижения других народов и приспособляли их к возможностям римской жизни. Это легко проследить на примерах разных видов искусств. Греческие техники, стили и формы искусства использовались для создания новой эстетической и концептуальной системы и при этом сами менялись. Вергилий нашел путь использовать греческую эпическую поэзию Гомера для прославления единоличной власти Августа. Саллюстий оставил исторические записки о бурных событиях конца республики. Греческие мозаики в римских копиях сохранились в Помпеях и Стабии.

В любом случае, римская прагматичность привела их к материализму, а убежденность в том, что материя является доказательством существования духа, сделал детальное изображение лица весьма важным. Римляне имели многовековой опыт создания и использования погребальных масок, что усиливалось реализмом их соседей египтян. Известно, что проникновение египетских влияний в Рим стало стремительным тоже в 1 в. до н.э. С начала 1 века до н.э. Рим фактически оказывается столицей мира. Старый тип портрета новых властителей мира уже не устраивал. Что можно понять: растут амбиции и возможности, усложняется и становится пышным новый образ жизни. Так по требованиям римских заказчиков в портретах произошла стилевая трансформация. И греки обладали подходящими мастерством, позволявшим довести римский запрос в портретной изобразительности до уровня истинного искусства. «...как не только факты существовали в римской поэзии, так в их искусстве существует нечто большее, чем просто натурализм. В изобразительных искусствах, как в литературе и философии, римляне были настоящими эклектиками в fullest и высшем смысле слова. Им свойственно знание разнообразных форм художественного выражения, умелое их использование и приспособление к современным требованиям», - отмечает Дж.Д. Брекенридж. [29]

По-прежнему остаются вопросы о становлении римского портрета в 1 в. до н.э. Так группа ученых полагает, что у нас недостаточно доказательств существования местной школы собственно римских мастеров, работавших в скульптуре в этот период. Эти исследователи полагают, что все римские портреты были сделаны приезжими греками. [30].

А как же разница между римскими портретами и греческими? Изображения греков и римлян не схожи! Они разные по духу и настроению, по уникальным личностным характеристикам. Действительно, доминирование греческих мастеров в Риме в 1 веке до н.э. подтверждается документами этого и более поздних периодов. Хотя портрет мог и не быть полной монополией эллинов, как считала Гизела Рихтер. [31] Видимо, рядом работали греки и римляне, передавая приемы друг другу. Содружество приезжих эллинов и местных ремесленников оказалось плодотворным. В любом случае римляне получили тип искусства, в котором нуждались, детально разработанное, а не обобщающее, ярко эмоциональное, а не «усредненное», какое предпочитали сами греки. И если приглашенные скульпторы не имели собственного опыта для создания нужных образов, возникших из традиции погребального культа предков, то заказчики направляли мастерство иностранцев в нужное им русло. Владеющие высоким техническим, отшлифованным веками мастерством, эллинские мастера были способны удовлетворить любые запросы римлян. Можно привести в дополнение мнение К. Шарбонно: «Портретное искусство в эллинистическом мире теряло интерес в натурализме как раз во 2 и 1 веках до н.э. то есть когда римляне попали под влияние греческого искусства» [32] И можно сказать, что римляне и греки в плане развития портрета встретились в правильное время. Реализм ослабшей греческой культуры оказался к месту в новом миропорядке их соседей.

Заметим еще одну специфическую особенность искусства древней Италии. Неповторимость почерка, индивидуально и роль мастера, существующие как крайне важный аспект творческого процесса древнегреческого искусства, по всей вероятности, не принималось в расчет создателями скульптуры римской. Мнения современных ученых склоняются к тому, что сами римляне оценивали своих мастеров довольно низко, чуть ли не как ремесленников. Античные литературные источники сохранили нам имена и биографии греческих классических и эллинистических мастеров. Но такой информации о скульпторах, работавших в период римской империи, мало. [33] Их имена нам неизвестны. Однако, именно эти мастера были создателями многих оригинальных статуарных памятников и портретов, особенно во 2 и 3 веках новой эры. Эти сохранившиеся монументы способствовали дальнейшему развитию портретного искусства, через находки Возрождения.

Примечания

1. Краткий обзор развития герм см.: Schefold, K. Die Bildnisse der antiken Dichter Redner und Denker. Basel. 1943. P.196.
2. Richter, G.M.A. The Portraits of the Greeks, 1965, with Supplement, 1972. No. 67.
3. Breckenridge, J.D. Likeness: A Conceptual History of Portraiture. Evanston. 1968. P. 167.
4. Carpenter, R. Observations on Familiar Statuary in Rome. - Memoirs of the American Academy. No. XYIII. New York, 1941. P. 74. Cf. Rackharn's translation. P. 373.
5. Richter, G.M.A. The Portraits of the Greeks. Abridged and revised by R.R.R. Smith. 1984. No. 49.
6. Там же. No. 17.

7. Там же. No. 19, 20.
8. Hinks, R. Carolingian Art. London, 1935. P.123f.
9. Richter, G.M.A. – J.R.S. XLV. 1955. P. 39
10. Hinks, R. J.H.S. LIV. 1934. P. 232
11. Hekler, A. Die Bildniskunst der Griechen und Roemer. 1972. Pl. 76, 128a. P. XXXIV.
12. Carpenter, R. Hesperia, XX. 1951. P. 37.
13. Hinks, R. Carolingian Art. London, 1935. P.124.
14. По этому вопросу см.: Schefold, K. Die Bildnisse der antiken Dichter Redner und Denker. Basel. 1943. P. 42 f. Значительная информация содержится в работах: Richter, G.M.A. The Critical Periods of Greek Sculpture. Oxford, 1951. P. 53 f. и Richter, G.M.A. – J.R.S. XLV. 1955. P. 46.
15. Harrison, E.B. The Athenian Agora; 1: Portrait Sculpture. Princeton, 1953. Обобщающую информацию см.: Hafner, G. Spaethellenistische Bildnisplastik. Berlin, 1954.
16. Breckenridge, J.D. Likeness: A Conceptual History of Portraiture. Evanston. 1968. P. 149.
17. Там же. P. 149. Об этой терракоте в Бостоне см.: Caskey, L.D. Catalogue of Greek and Roman Sculpture in the Museum of Fine Arts. Boston: Cambridge, Mass, 1925. P. 188. No. 108.
18. См. фундаментальный труд: Zadoks-Josephus Jitta, A.N. On the Ancestral Masks of the Romans. Act. Arch. XIII. 1942. P. 226. По вопросу о сходстве масок предков, и также об отношении республиканского портрета к римской и итальянской погребальным практикам, см. Zadoks-Josephus Jitta, A.N. Ancestral Portraiture in Rome. Amsterdam. 1932. No. 1.
19. Schweitzer, Die Bildniskunst der roemischen Republik. Leipzig. 1948. P. 1 und weiter.
20. Vessberg, O. Studien zur Kunstgeschichte der roemischen Republik. Lund, Leipzig, 1941. P. 5.
21. Breckenridge, J.D. Likeness: A Conceptual History of Portraiture. Evanston. 1968. P. 153.
22. Там же. P. 187-188.
23. Статуя больше человеческого роста из Афродитополиса в музее Каира см.: Notiziario Archeologico. 1922. III. Fig. no. 9-11. P. 13.
24. Amelung, W. Die Skulpturen des Vaticanischen Museums. I. Berlin. 1903. No. 107. Pl. 39. P. 276.
25. Poulsen, V. Les portraits romains. I. Republique et dynastie Julienne. Ny Carlsberg Glyptotek. Copenhagen, 1962. P.12.
26. Breckenridge, J.D. Likeness: A Conceptual History of Portraiture. Evanston. 1968. P. 155.
27. Там же. С. 184
28. Там же. С. 186
29. Richter, G.M.A. Who Made the Roman Portraits Statues, Greeks or Romans? – Proceedings of the American Philosophical Society. 1951. XCV. P. 184.
30. Есть доказательства, что по меньшей мере более скромные монументы были выполнены местными мастерами, см.: Poulsen, V. Les portraits romains. I. Republique et dynastie Julienne. Ny Carlsberg Glyptotek. Copenhagen, 1962. P. 37.
31. Acta Congressus Madvigiani Hafniae MDMLIV, III. The Classical Pattern of Modern Western Civilization. Portraiture. Copenhagen, 1957, III. P. 46.
32. Hanfmann, G.M.A. Observations on Roman Portraiture. – Latomus. II. Brussels, 1952. P. 339.

Литература

1. Светоний, Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1991.
2. Amelung, W. Die Skulpturen des Vaticanischen Museums. I. Berlin. 1903.
3. Baker, H. The Image of Man. New York, 1961.
4. Bastien, P. Le buste monetaire des empereurs romains I. 1992.
5. Bieber, M. Ancient Copies. 1977.
6. Bieber, M. The Sculpture of the Hellenistic Age, 1961, 67. NY.
7. Bluemel, C. Staatliche Museen zu Berlin. Roemische Bildnisse. Berlin, 1933.
8. Breckenridge, J.D. Likeness: A Conceptual History of Portraiture. Evanston. 1968.
9. Brown, P. The world of Late Antiquity. AD150-750. London, 1971.
10. Carpenter, R. Observations on Familiar Statuary in Rome. Memoirs of the American Academy. No. XYIII. New York, 1941.
11. Caskey, L.D. Catalogue of Greek and Roman Sculpture in the Museum of Fine Arts. Boston: Cambridge, Mass, 1925.
12. Castriota, D. The Ara Pacis Augustae and the Imagery of Abundance in Later Greek and Early Roman Imperial Art. 1995.

References

1. Svetonij, Gaj Trankvill. Zhizn' dvenadcati cezarej. M., 1991.
2. Amelung, W. Die Skulpturen des Vaticanischen Museums. I. Berlin. 1903.
3. Baker, H. The Image of Man. New York, 1961.
4. Bastien, P. Le buste monetaire des empereurs romains I. 1992.
5. Bieber, M. Ancient Copies. 1977.
6. Bieber, M. The Sculpture of the Hellenistic Age, 1961, 67. NY.
7. Bluemel, C. Staatliche Museen zu Berlin. Roemische Bildnisse. Berlin, 1933.
8. Breckenridge, J.D. Likeness: A Conceptual History of Portraiture. Evanston. 1968.
9. Brown, P. The world of Late Antiquity. AD150-750. London, 1971.
10. Carpenter, R. Observations on Familiar Statuary in Rome. Memoirs of the American Academy. No. XYIII. New York, 1941.
11. Caskey, L.D. Catalogue of Greek and Roman Sculpture in the Museum of Fine Arts. Boston: Cambridge, Mass, 1925.
12. Castriota, D. The Ara Pacis Augustae and the Imagery of Abundance in Later Greek and Early Roman Imperial Art. 1995.

Ефимова Е.А.

Кандидат педагогических наук,
Музей истории детского движения

Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Воробьевы горы», Москва
ИГРУШКИ И ИГРЫ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИГРОТЕКАХ: ДИНАМИКА 1930-Х–2000 ГГ.

Аннотация

В статье рассматривается в историческом плане реализация педагогического потенциала детской игрушки, осуществляемая в детских учреждениях социально-педагогической направленности – игротеках.

Ключевые слова: игротеки, игрушки, игры, история педагогики.

Efimova E.A.

PhD in Pedagogy

Museum of the history of the children's movement of the
State budgetary educational institution «Vorobyovy Gory», Moscow

TOYS AND GAMES IN THE TOY LIBRARIES IN USSR AND RUSSIA: DYNAMICS 1930 – 2000 YEAS

Abstract

The article considers in historical terms the implementation of the pedagogical potential of children's toys, carried out in institutions of socio-pedagogical direction – the toy library.

Keywords: game-rooms, toy libraries, toys, games, history of pedagogy.

Игротека определяется как собрание игр, игрушек, игрового инвентаря, посредством которых осуществляется педагогически целесообразная организация игровой деятельности и досуга детей, как правило, в рамках деятельности образовательного или культурно-просветительного учреждения (или его структурной части).

К началу 1930-х гг. педагогической общественностью и политическим руководством страны была осознана необходимость принятия мер как в области создания новых игрушек, отвечающих действительности и направленных на воспитание человека нового общества – игрушек для коллективной игры (что требовало организации экспериментальной работы по опробованию образцов игрушек), так и комплексного социально-педагогического использования игрушек в воспитании детей, включая рациональную организацию детского досуга в игре, но имеющего и более широкие задачи [22, С.7]. Эти годы связаны с возникновением *игротек*, «особого вида внешкольных учреждений» [2, С.16] социально-педагогической направленности; эти учреждения – наше отечественное «ноу-хау».

Музей игрушки, существовавший в Москве с 1920-х гг., в конце 1931 г. был переведен в г. Загорск, там его деятельность развернулась шире и в новом направлении: с 1932 г. в его структуре начал действовать Научно-экспериментальный институт игрушки. В 1934 г. при НИИ игрушки, затем при Загорской образцовой школе была открыта игротека, фонды которой составляли игры и игрушки, разработанные сотрудниками педолого-педагогической лаборатории НИИИ под руководством О.А. Дьячковой. Целью игротеки было опробование новых образцов игрушек, педагогическое наблюдение над игрой детей младшего школьного возраста. Затем в ее работу были включены организация игр с детьми, выдача игрушек детям на дом, консультации для педагогов и работников детских садов; исследовательское направление работы игротеки имело место до середины 1936 г.

Интересный опыт был подхвачен, и во второй половине 1930-х гг., в частности, в Москве, директивно были открыты школьные игротеки для октябрятских групп с целью организации их каникулярного досуга. Руководство игрой было возложено на вожатых. Эти игротеки вскоре столкнулись со сложностями в комплектовании фондов играми и игрушками, поскольку имевшиеся в продаже игрушки кустарного производства были дороги и непрочны, часто не отвечали педагогическим, эстетическим, гигиеническим, политическим требованиям.

Воспитательную ценность коллективных сюжетно-ролевых игр младших школьников на темы социалистического строительства оценили педагоги и идеологические работники.

В 1935-36 гг. было открыто много Домов пионеров и детских парков, в структуре которых, как правило, были игровые комнаты, комнаты игр и игрушек, комнаты сказок и пр. На всю страну был известен Московский Дом пионеров и октябрят, оборудование октябрятской игротеки которого (игрушечная железная дорога, большие заводные автомобили, детская карусель и другие игрушки, многие из которых были выполнены в одном авторском экземпляре) поражало воображение детей и взрослых. Известны действовавшие в эти годы игротеки в Горьком и в Ростове-на-Дону, игротеки Ленинградского, Курского, Омского, Чебоксарского Домов пионеров.

Открывшаяся в 1935 г. игротека Одесской станции детских развлечений (впоследствии – Одесского Дома художественного воспитания), имела в своей основе инициативу коллектива педагогов-энтузиастов с опорой на детский актив. Она была ориентирована на широкий охват детей школьного возраста, основной целью ее работы являлась рациональная организация досуга школьников в социуме, по месту жительства во внеучебное время, в том числе в каникулы. В ее фондах было немного покупных игрушек; был достаточно широко представлен спортивно-игровой инвентарь (покупной – мячи, прыгалки; изготовленный в игротеке – ходули); основную часть фондов составляли игры, изготовленные в игротеке. [23, С.23-26]. Игротека вела культурно-просветительную и педагогическую работу, выдачу игр на дом во временное пользование, текущий ремонт игр и изготовление новых. В течение 1937-41 гг. под ее методическим руководством были созданы игротеки при десятках Домов пионеров Украины; начато производство оборудования.

В 1930-х гг. игротеки комплектовались лучшими игрушками, поставляемыми торговой сетью, а единичные образцы крупногабаритных деревянных игрушек делали на заказ. С целью координации фондов игротек издавались каталоги игрушек, руководства для работников торговой сети, рекомендательные списки для октябрятских игротек, списки игрушек, разрешенных и запрещенных к производству [6; 24]. В рекомендательных списках ставились задачи

продвижения больших комплексных игр для детского коллектива. Специальным разделом были даны «комплексные наборы на социально-бытовые темы» (освоение Севера, колхоз, зоопарк, улица) [24, С.43,127,129], выпускавшиеся целенаправленно для использования в игротеках, пионерских лагерях и пр. – например, набор игрушек «Красная Армия», весьма распространенный в довоенные годы, буквально знак времени.

Педагогический потенциал игр и игрушек в игротеке успешно реализовывался благодаря педагогическому руководству коллективными играми детей; эксклюзивность игр и игрушек в игротеках создавала для детей обстановку праздника.

Игротечная практика получила значительное развитие во второй половине XX века. Преимущественное включение игротек в систему работы пионерской организации в эти годы определило как возраст детей, так и общую направленность работы. Действовали самодельные пионерские игротеки в школах и крупные игротеки в Домах пионеров при ведущей роли игротеки Московского городского Дома пионеров (Московского городского Дворца пионеров и школьников). Подчеркнем большую роль, которую сыграла в этом деятельность организатора одесской игротеки, а затем игротеки МГДП (МГДПиШ) Е.М. Минскина [11]. Творчески развитый опыт его работы был использован и широко распространен в организации досуга школьников.

Игротеки этого периода удачно вписывались в образ счастливого детства советских детей. Наиболее востребованы обществом они были в 1940-е - 1950-е гг., когда был невысок уровень жизни населения (в частности, игрушек было мало) и невелик выбор способов проведения свободного времени. В те годы школьные пионерские - дружинные и отрядные - игротеки (их фонды состояли преимущественно из самодельных игр, а отвечали за их работу пионеры-активисты) наряду с другими направлениями пионерской работы (юннатская, краеведческая и др.) успешно выполняли как воспитательные, так и досуговые задачи. Эти игротеки были ориентированы на организацию здорового рационального отдыха, заслуженного успешным исполнением долга пионера – учебы. Для иллюстрации этой связи с ее первичным учебным компонентом и вторичным – досуговым, можно привести стихотворные строки, не раз появлявшиеся в печатных материалах по работе игротек: *Хоть хвалиться неприлично, / Но должны мы всем сказать - / Мы умеем на отлично / И учиться, и играть. А также – Но всему приходят сроки / Если сделаны уроки / И отметки хороши - / Веселись от всей души.*

Самодельность пионерских игротек преследовала несколько целей: приучение детей к труду, воспитание в труде (актуальность этого направления видна в контексте широкого распространения в те годы кружков «Умелые руки»); воспитание коллективизма, умения трудиться вместе на общее благо (изготавливать игры) и вместе проводить досуг (вместе играть в эти игры); воспитание ответственности, заботы о других (поддерживать сделанные игры в рабочем состоянии, обучать играть в них желающих, дарить самодельные комплекты игр подшефным сельским школам, младшим классам, клубам по месту жительства); восполнение дефицита промышленно выпускаемых игр и игрушек, особенно для среднего школьного возраста.

Игротеки внешкольных учреждений (Домов пионеров) работали с детьми младшего и среднего школьного возраста; игры и игрушки в их фондах были представлены как лучшими промышленными образцами, так и изготовленными на заказ или в мастерских. С целью охвата играми большего количества детей применялась также дистанционные (выдача игр на дом, в отряд, в школу, ответы на игровые задания, в том числе – по почте) и выездные формы работы.

Одним из следствий работы пионерской организации по развитию игротек образовательных учреждений при методическом руководстве игротеки МГДПиШ стало проявление внимания государства, производителей, педагогов к игрушечному ассортименту 1940-х – 1950-х гг. [20]. Производство игрушек было возобновлено уже в военном 1942 году - в масштабах в 10 раз меньших, чем в 1940 г., но к 1947 г. превысило эти показатели. [3, С.3]. В 1940-е гг. начали действовать художественно-технические советы по игрушке [15]. В 1955-59 гг. были приняты постановления правительства РСФСР относительно мер по увеличению производства, расширению ассортимента и улучшению качества игрушек, вошли в строй фабрики игрушек, возрос выпуск настольно-печатных игр в книжных издательствах [13]. Проходили конкурсы и выставки игрушек [10], на Выставке достижений народного хозяйства в Москве в 1959-60 гг. действовал павильон игрушки. Даже в приветствии пионеров XXI съезду КПСС (1959) прозвучали слова: *Чтобы делались игрушки / Качества хорошего! / И еще большая просьба, / Стоили бы дешево!*

Следует отметить подъем игротечной работы во второй половине 1960-х гг. в связи с проведением Всесоюзного смотра работы кружков затейников и юных мастеров пионерских игротек; этот смотр и последовавшие за ним слеты затейников и юных мастеров – организаторов пионерских игротек во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» способствовали расширению педагогических исследований по проблемам применения игры в воспитании, возрастанию внимания педагогической общественности к игротекам и играм.

В 1960-е гг. функционировало Главное Управление по производству игрушек; значительное внимание уделялось игрушкам из новых материалов и техническим игрушкам для школьников [7]; капиталовложения в производство игрушек возросли по сравнению с 1949 г. в 2,4 раза [1, С.3].

Следует констатировать немалое влияние научно-технического прогресса на реализацию педагогического потенциала игр и игрушек в игротеках. Внедрение новых материалов и технологий в производство привело к увеличению выпуска игрушек, выросло количество познавательных игр и игрушек.

В 1960-е гг. у детей и взрослых возрос интерес к достижениям науки. Это было время огромных успехов СССР в освоении космоса, в области науки, влекущих за собой увеличение объема информации, время далеко идущих социальных планов, которые базировались на успехах научно-технического прогресса и сами стали базой, в частности, для воспитательной работы. В содержании пионерской, внешкольной работы стало больше олимпиад, викторин, различных познавательных конкурсов, но меньше игр. Социальные последствия научно-технической революции проявились в 1960-е – 1980-е гг. и в изменении условий развития воспитательного процесса. Самым явным стало изменение структуры свободного времени. Появилось телевидение и прочно вошло в быт, и резко сократилось время на другие виды проведения свободного времени. В структуре досуга как детей, так и взрослых изменилось

соотношение общественно организованных форм и индивидуальных с тенденцией к возрастанию последних [14, С.89].

В 1960-е гг. игротеки откликнулись на возрастание объема информации увеличением количества познавательных, дидактических, обучающих игр для младших школьников (это направление в работе игротеки МГДПиШ оставалось одним из основных до конца 1980-х гг. [12, С.4]). Игротеки в школах стали теперь частью октябрятской работы, их предлагалось организовывать пионерам для октябрят в помещениях групп продленного дня и пр. [5].

В производстве игр и игрушек 1970-1980-х гг. обозначились проблемы несоответствия ассортимента запросам потребителей: высокие цены при неудовлетворительном качестве, отсутствие сложных механизированных, электрифицированных игрушек, отставание от зарубежных аналогов [18; 20].

В целях увеличения ассортимента игр и игрушек были проведены конкурсы игрушек и предметов технического творчества для детей и подростков, в частности: Всесоюзный конкурс на создание лучших образцов технических игрушек и предметов для детского технического творчества (1974), Всесоюзный конкурс по разработке новых образцов сложных технических игрушек и предметов для технического творчества (1978), конкурс на лучшую игрушку в честь Международного года ребенка (1979), конкурс изобретателей технической игрушки «Игрушка – мир и прогресс» (1987). В Москве прошли международные выставки игрушек: «Игрушка-72» с участием европейских, американских и японских фирм, «Мир ребенка» (1974), «Игрушка-80» с участием 44 зарубежных фирм. Но отечественное производство игр и игрушек отставало от зарубежного по ассортименту и качеству продукции, а главное – по ее привлекательности для детей; игротечное оборудование (игровые предметы для коллективной игры) почти не выпускалось.

Увеличение объема информации обусловило увеличение количества познавательных игр в игротеках, но часто в ущерб играм, развивающим физические и нравственные качества личности (ловкость, меткость, точность и координация движений, находчивость и сообразительность, умение действовать согласованно, умение играть в команде и пр.). Информационная волна влечет за собой несистематичность и поверхностность знаний, «верхоглядство», «всезнательство», что приводит к складыванию завышенного уровня притязаний, неадекватной самооценке детей и подростков. А это, в свою очередь, стало одним из факторов снижения игрового возраста – весьма серьезной воспитательной, социально-педагогической проблемы современности. В середине 1970-х гг. А.В.Запорожец, директор Института дошкольного воспитания, сокрушался: «Очень помолодели игры, как будто табличку повесили – детям после 12 играть не разрешается» [21]. В начале 1980-х гг. одиннадцатилетняя школьница из Москвы спрашивала – до каких лет можно играть в игрушки? – и наперекор одноклассникам отстаивала свое право «играть, пока не надоест» [9]. В 2000-х гг. по результатам социологического исследования типичным посетителем игротеки МГДД(Ю)Т оказался мальчик 5-6 лет в обществе матери 32-33 лет [17, С.74]. Фонды игротек, изначально методически ориентированные на работу со школьниками, не могут адекватно восприниматься дошкольниками, да и их родителями.

К концу XX в. закрепились указанная выше тенденция изменения структуры досуга: к телевидению прибавились компьютерные игры и Интернет, и окончательно взяли школьника в плен. Специалисты констатируют также происходящие в игрушках изменения: модификация внешнего вида и содержания игрушек и игровых предметов (роботы, трансформеры, электронные игрушки и игры), изменение социального статуса игрушки под влиянием рыночных отношений: «...современная игрушка выступает элементом моды, несет рекламную нагрузку, она оказывается в точке пересечения маркетинговых стратегий, кинематографического пространства» [4, С.4,8,14-15].

Широко открывшийся в 1990-е гг. импорт предметов и товаров для детей, в том числе игр, игрушек, игровых средств, материалов и пр. наполнил рынок разнообразным товаром, часто весьма сомнительного качества. В 1999 и 2000 гг. Министерством среднего и специального образования РФ были приняты решения о введении обязательной государственной экспертизы детских игрушек, игр, игрового оборудования [19], где было констатировано, что современный рынок засорен игрушками, представляющими опасность для физического и духовного здоровья детей: игрушки, провоцирующие агрессивность, жестокость, безнравственность. Экспертиза касалась настольных, компьютерных и иных игр, игрушек и игровых сооружений для детей по критериям, обеспечивающим безопасность ребенка, его защиту от негативных влияний игрушки (полифункциональность игр, игрушек и пр., возможность применения их в совместной деятельности, дидактическая, эстетическая ценность и др.). Однако через экспертный совет по играм и игрушкам при Минобрнауки РФ проходил только 1% продаваемой игровой продукции, а Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека на основании проверенных в 2004 г. игрушек выяснила, что «качество и безопасность игрушек остаются неудовлетворительными», а «67%, в том числе импортных – 71,3%» из проверенных игр и игрушек были изъяты из оборота [16].

Последнее двадцатилетие во многом стало непростым для страны в целом, для педагогики и для отечественных игротек: сократилось число игротек образовательных учреждений, появилось огромное количество развлекательных заведений для детей и взрослых. Игротека Московского городского Дворца детского (юношеского) творчества (с 2014 г. – ГБПОУ «Воробьевы горы») – одна из немногих, сохранивших свой педагогический потенциал в эти годы.

Стремительно развивающийся бизнес развлечений захватывает и область педагогики, где игротека является лакомым куском. Реальностью XXI века стали коммерческие игровые комнаты: в крупных торговых центрах они используются как «камеры хранения», в которых родители могут оставить детей младшего возраста, отправляясь за покупками. Ассортимент продаваемых в крупных торговых центрах игрушек преследует не рекламируемую широко цель «с детства определенным образом воспитать будущего покупателя» [8]. Немногочисленные попытки поставить игротечное дело на коммерческую основу, внедрить самокупаемость, платные абонементы, детские праздники и пр. уже теперь показывают, что платность игротечных услуг может привести к депедагогизации игротек. Включение игротечной работы в список «развлекательных услуг» ставит под угрозу весь развивающе-воспитательный потенциал игротек.

Недостаточный в настоящее время уровень реализации педагогического потенциала игр и игрушек в игротеках объясняется сокращением игротечной практики, недостаточной разработкой теории, отсутствием системы подготовки работников игротек, сильной конкуренцией со стороны коммерческих игровых заведений и пр., антипедагогичностью рынка игрушек и игрового оборудования наряду с отсутствием строгой государственной экспертизы.

Литература

1. Батракова О. Игрушки и детские машины, выпускаемые автостроителями, – на уровень мировых стандартов: Обзор. / О. Батракова НИИАВТОПРОМ. – М., 1969. – 38 с.
2. Дьячкова О.А. Игры школьников. / О.А. Дьячкова. – М.: Госучпедгиз, 1955. – 176 с.
3. За советскую игрушку : Сборник Главного управления художественных промыслов Научно-исследовательского института игрушки управления промышленной кооперации при Совете Министров СССР. / Под ред. А.П. Кораблева. – Вып.1. – Загорск, 1948. – 60 с.
4. Зиновьева Т.Н. Отношение «человек-игрушка» в культуре: автореф. дис....канд.филос. наук. / Т.Н. Зиновьева. – Ростов-Дон, 2001. – 19 с.
5. Игровая комната // Приглашаем в Октябрытск : Книга вожатого звездочки. / Сост. Н.А. Извекова. – Вып. 4. – М., 1985. – С. 54-56.
6. Игрушка : Пособие для торговых работников потребкооперации. / Всесоюзное отраслевое объединение по оптовой торговле товарами культурного обслуживания «ВОКТ». – М.-Л., 1937. – 156 с.
7. Игрушки из пластических масс. / Мин-во местной промышленности. – М.: ЦБ НТИ, 1968. – 34 с.
8. IKEA. http://www.formychild.ru/cgi-bin/toys.cgi?step=art_card&id=142&search=yandex&place=all&text
9. Клуб «Зеркало» // Пионерская правда. – 1980. – 9 января.
10. Конкурс на новые образцы игрушек. – М., 1954.
11. Минский Е.М. Пионерская игротка. / Е.М. Минский. – М.: МГ, 1962 (см. также издания 1966, 1987 годов).
12. Московская игротка. Альманах. Вып. 1. / Ред.-сост. С.В. Григорьев, Ю.Н. Тимофеев. МГДТДиЮ. – М., 1997. – 56 с.
13. Настольно-печатные игры : каталог. – М.: Упр-е полигр. пром-ти и культтоваров Мосгорисполкома, 1958.
14. Орлов А.С. Социология рекреации. / А.С. Орлов. – М.: Наука, 1995. – 148 с.
15. Постановление Совета министров РСФСР № 946 от 17 ноября 1949 г. «О мероприятиях по улучшению ассортимента и качества игрушки» // Систематическое собрание законов РСФСР. – Т.ХІІ. – М.: Юрид. лит., 1969. – С.50.
16. Постановление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека №5 от 14.02.2005 г. «О повышении эффективности контрольно-надзорных мероприятий за производством и реализацией детских игр и игрушек». http://www.gsen.ru/doc/postan/ps_5_2005
17. Празднично-игровой мир детства: проблемы и технологии развития. Информационно-аналитические материалы и психолого-педагогический анализ. / Под. ред. С.В. Григорьева. □ М.: МГДД(Ю)Т, 2006. □ 178 с.
18. Приказ Министерства просвещения СССР «О мерах по увеличению производства товаров для детей, повышению их качества и улучшению торговли этими товарами» № 173 от 23 ноября 1978 г. // Сборник приказов и распоряжений МП РСФСР. – 1978. – №11. – С.24-26.
19. Приказ Министерства среднего и специального образования РФ о введении обязательной государственной экспертизы детских игрушек, игр, игрового оборудования № 109/23-16 от 26 мая 1999 г.; № 1917 от 26 июня 2000 г.
20. Пряхин В.П. История советской игрушки за 60 лет : Педагогический, художественный и производственно-товарный аспекты : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. / В.П. Пряхин. – М., 1979.
21. Куда уходят детские игры? / Н. Смирнова // Литературная газета. – 1973. – 25 июля.
22. Советская игрушка : Сборник Междувед.научно-худож. совета по игрушке и игровым материалам Всесоюзного совета и музея игрушки. – Вып.1. – М., 1931. – 64 с.
23. Создадим в клубах игротки (о «Методическом письме Одесского Дома художественного воспитания об игротках») // Клуб. – 1935. – №23. – С. 23-26.
24. Список игрушек, разрешенных и запрещенных комитетом по игрушке Наркомпроса РСФСР. – Вып.1, 2. – М., 1934-1935.

References

1. Batrakova O. Igrushki i detskie mashiny, vypuskaemye avtostroiteljami, – na uroven' mirovyh standartov: Obzor. / O. Batrakova NIIAVTOPROM. – M., 1969. – 38 s.
2. D'jachkova O.A. Igry shkol'nikov. / O.A. D'jachkova. – M.: Gosuchpedgiz, 1955. – 176 s.
3. Za sovetskiju igrushku : Sbornik Glavnogo upravlenija hudozhestvennyh promyslov Nauchno-issledovatel'skogo instituta igrushki upravlenija promyslovoj kooperacii pri Sovete Ministrov SSSR. / Pod red. A.P. Korableva. – Vyp.1. – Zagorsk, 1948. – 60 s.
4. Zinov'eva T.N. Otnoshenie «chelovek-igrushka» v kul'ture: avtoref. dis....kand.filos. nauk. / T.N. Zinov'eva. – Rostov-Don, 2001. – 19 s.
5. Igrovaja komnata // Priglashaem v Oktjabrjatsk : Kniga vozhatogo zvezdochki. / Sost. N.A. Izvekova. – Vyp. 4. – M., 1985. – S. 54-56.
6. Igrushka : Posobie dlja trgovyh rabotnikov potrebkooperacii. / Vsesojuznoe otraslevoe ob#edinenie po optovoj trgovle tovarami kul'turnogo obsluzhivanija «VOKT». – M.-L., 1937. – 156 s.
7. Igrushki iz plasticheskikh mass. / Min-vo mestnoj promyshlennosti. – M.: CB NTI, 1968. – 34 s.
8. IKEA. http://www.formychild.ru/cgi-bin/toys.cgi?step=art_card&id=142&search=yandex&place=all&text
9. Klub «Zerkalo» // Pionerskaja pravda. – 1980. – 9 janvarja.
10. Konkurs na novye obrazcy igrushek. – M., 1954.
11. Minskin E.M. Pionerskaja igroteka. / E.M. Minskin. – M.: MG, 1962 (sm. takzhe izdaniya 1966, 1987 godov).

12. Moskovskaja igroteka. Al'manah. Vyp. 1. / Red.-sost. S.V. Grigor'ev, Ju.N. Timofeev. MGDTDiJu. – M., 1997. – 56 s.
13. Nastol'no-pechatnye igry : katalog. – M.: Upr-e poligr. prom-ti i kul'ttovarov Mosgorispolkoma, 1958.
14. Orlov A.S. Sociologija rekreacii. / A.S. Orlov. – M.: Nauka, 1995. – 148 s.
15. Postanovlenie Soveta ministrov RSFSR № 946 ot 17 nojabrja 1949 g. «O meroprijatijah po uluchsheniju assortimenta i kachestva igrushki» // Sistematicheskoe sobranie zakonov RSFSR. – T.XII. – M.: Jurid. lit., 1969. – S.50.
16. Postanovlenie Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere zashhity prav potrebitelej i blagopoluchija cheloveka №5 ot 14.02.2005 g. «O povyshenii jeffektivnosti kontrol'no-nadzornyh meroprijatij za proizvodstvom i realizaciej detskih igr i igrushek». http://www.gsen.ru/doc/postan/ps_5_2005
17. Prazdnichno-igrovoj mir detstva: problemy i tehnologii razvitiya. Informacionno-analiticheskie materialy i psihologo-pedagogicheskij analiz. / Pod. red. S.V. Grigor'eva. □ M.: MGDD(Ju)T, 2006. □ 178 s.
18. Prikaz Ministerstva prosveshhenija SSSR «O merah po uvelicheniju proizvodstva tovarov dlja detej, povyshenii ih kachestva i uluchsheniju trgovli jetimi tovarami» № 173 ot 23 nojabrja 1978 g. // Sbornik prikazov i rasporyazhenij MP RSFSR. – 1978. – №11. – S.24-26.
19. Prikaz Ministerstva srednego i special'nogo obrazovanija RF o vvedenii objazatel'noj gosudarstvennoj jekspertizy detskih igrushek, igr, igrovogo oborudovanija № 109/23-16 ot 26 maja 1999 g.; № 1917 ot 26 ijunja 2000 g.
20. Prjahn V.P. Istorija sovetskoj igrushki za 60 let : Pedagogicheskij, hudozhestvennyj i proizvodstvenno-tovarnyj aspekty : avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. / V.P. Prjahn. – M., 1979.
21. Kuda uhodjat detskie igry? / N. Smirnova // Literaturnaja gazeta. – 1973. – 25 ijulja.
22. Sovetskaja igrushka : Sbornik Mezhdruved.nauchno-hudozh. sojeta po igrushke i igrovym materialam Vsekopromsojeta i muzeja igrushki. – Vyp.1. – M., 1931. – 64 s.
23. Sozdamim v klubah igroteki (o «Metodicheskom pis'me Odesskogo Doma hudozhestvennogo vospitanija ob igrotekah») // Klub. – 1935. – №23. – S. 23-26.
24. Spisok igrushek, razreshennyh i zapreshennyh komitetom po igrushke Narkomprosa RSFSR. – Vyp.1, 2. – M., 1934-1935.

Малахов Е.С.

Аспирант, Академия ИМСИТ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЭСТОНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ XIX ВЕКА С НАРОДАМИ КАВКАЗА

Аннотация:

В данной статье рассматривается переселение эстонских крестьян в XIX веке на Кавказ и их взаимоотношения с местными народами. Рассмотрены проблемы при заселении и адаптация на новых землях.

Ключевые слова: Кавказ, эстонские крестьяне, переселенцы, обычаи.

Malakhov.E.S

Postgraduate Academy IMSIT

RELATIONSHIPS ESTONIAN SETTLERS OF THE XIX CENTURY WITH THE PEOPLES OF THE CAUCASUS

Abstract

This article describes the relocation of the Estonian peasants in the XIX century in the Caucasus and their relations with local people. The problems in the population, and adaptation to the new land.

Keywords: Caucasus, Estonian peasants, settlers, customs.

авказ – самый многонациональный регион Российской Империи. Здесь проживает более 100 национальностей. У проживающих бок о бок народов постепенно складываются взаимоотношения влияющие на их обычаи, культуру и дальнейшую жизнь. Одной из таких национальностей являются эстонцы, жизнь и взаимоотношения, с другими национальностями которых мы проследим в данной работе. В середине XIX-го века с сочинских земель были изгнано коренное население черкесов в Турцию, после чего край превратился в пустыню. Русские, проживавшие там, не могли обрабатывать эти земли. Поэтому устроители края решили привлекать различные национальности с их культурой на пользу края. В приоритете были армяне, но также они симпатизировали грекам, молдаванам и в особенности эстам, поэтому им и достались лучшие места в береговой зоне.[1] На этих участках земли эстонцы соседствовали с молдаванами. По началу, эстонцы жили боязливо, устройству в новых краях мешали чужой язык и нравы других переселенцев из разных концов России. Корчевали вековые деревья, самодельной сохой вспахивали отвоеванные у лесов клочки земли. Но молдаване вскоре помогли им обустроиться.[2] Делились всем, чем были богаты, ведь они сами были недавно в качестве переселившихся гостей. Общались каждый день, эстонцы с молдаванами взаимно и разносторонне обогащались. Так например эстонцы научились выращивать овощи, бамбук и шелковицу, а молдаване же перенимали у переселенцев практику молочного животноводства. Внимание всех поселян в этот период было обращено на бежавших из Турции переселенцев-армян, где была устроена дикая резня. Вспомнив свои беды и то, как и им помогли жители молдавского села Веселое, поселенцы в свою очередь старались облегчить участь несчастных: устраивали их на временное жилье, обеспечивали на первых порах продуктами питания. Эстонские переселенцы несли с собой новшества, связанные уже с капиталистическими отношениями в сельском хозяйстве. Они способствовали развитию местного земледелия и животноводства, оказывали определённое влияние на развитие культуры.[3]

Следующая волна переселенцев прослышала о Красной поляне. Несколько ходоков были посланы на местность и просили разрешения туда переселиться, но, не дождавшись разрешения, начали переселение. Там уже проживали несколько семей греков, которые заприметили поляну еще в 1867 году. Так и поселились на одной территории

эстонцы и греки. Две разные культуры малоазиатская и балтийская, обе неподходявшие к условиям края. [4]Каждый пытался принести из своей культуры что то, но понимая ее непригодность, потихоньку перенимали местную сочинскую культуру. Побережье в те годы было еще совсем глухим, диким, бездорожным. И эстонцы, и греки поддерживали связь только с Северным Кавказом – через горы. "С греками жили мирно, только объясняться было трудно: ни по-эстонски, ни по-русски греки тогда не понимали. Вместе ходили через горы за хлебом то на Псебай, то в Адлер. Дорога была опасная, несколько раз лошадей губили" – так говорит один из старейших жителей Красной поляны Ян Нахкур. [4]Положение края изменилось лишь в 90-х гг. XIX века. Прошла слава о том, что в горах Западного Кавказа пустуют огромные, после выселения черкесов почти незаселенные площади, и богаты зверем горные леса. Тогдашний устроитель Черноморского побережья, царский вельможа Абаза, решил сделать царствующему дому приятный подарок и устроить в лесах царский и великокняжеский охотничий заказник. А чтобы легче было царю и великим князьям добираться сюда на охоту, в 1898 году инженер Константинов построил к Красной Поляне шоссе. Бок о бок работали все соседствующие национальности, проживавшие на этой территории. "А потом пришли к нам инженеры строить шоссе. Тогда мы, эстонцы, первыми прошли сквозь ущелье по самой реке по заданию инженера Константинова. Греки удивлялись - они еще от черкесов слышали, что река тут течет будто бы сквозь гору, туннелем." Мягкие" части дороги строили русские. На строительство скальных участков собралось много пришедших турков – до полутора тысяч человек. Их считали умельцами по части скальных работ и привлекали высокой оплатой – по восьмидесяти копеек за день. Около пятидесяти человек погибло в ущелье при взрывах" – так ведет свой рассказ Ян Нахкур который являлся одним из главных советников инженера Константинова. [4]

При переселении эстонцы начали забывать старые обычаи и народные верования, также происходило обобщение обычаев разных переселенцев в пределах своего села, причем сами эстонцы считают их перенятыми у соседних народов. Основными соседями были русские, армяне, грузины. Это оказывало большое влияние на их дальнейшую жизнь и обычаи. Например, когда в эстонские поселения на Кавказе начали заселяться русские, то их язык стал официальным для общения. Также оказывалось влияние на обычаи. Так как обряды часто обладают общими для всех народов чертами, то не всегда можно выяснить, являются ли они перенятыми у другого народа или же сохранившимися собственными обрядами. Для русских считался характерным запрет на шитье по воскресеньям. Новорожденного иногда пеленали в какой-либо старый предмет одежды. Следуя этому обычаю, эстонцы полагали, что в таком случае ребенок будет бережно относиться к одежде". От эстонцев из Красной Поляны известно сообщение о пеленании ребенка в одежду противоположного пола, что также является международным обычаем. Таким образом, надеялись обеспечить ребенку удачный брак. [5] Многие традиции в селениях на Кавказе исчезли раньше чем в Эстонии. Под влиянием православных соседей некоторые явления стали возникать опять. Было известно, что старые обычаи исчезали под влиянием городской культуры, но возможно, что именно долгое нахождение на чужбине должно было обусловить стремительное забывание обычаев.

Эстонские крестьяне быстро адаптировались в незнакомых местностях. Важно отметить, что отношения с новыми соседями было мирным, единственная стычка с русскими произошла в 1885 году, когда 2 человека погибли и 30 были ранены. [6] Больше конфликтов не наблюдалось и эстонцы начали обживать новые места. Развивалось земледелие и скотоводство, устанавливались торговые связи не только с окрестными селами и станицами, но также с некоторыми ближайшими городами, и вскоре они стали зажиточными людьми.

Литература

1. ГАКК фонд Р-1547 опись №1 дело №8 "Материалы по истории города Сочи"
2. Мейбаум Владимир "Сто лет под южным солнцем", Изд-во "Ээстираамат", Таллин, 1984.-13с, 17с, 23с
3. http://sugupuu.narod.ru/pdf/K_Saaber.pdf
4. Ефремов. Ю.К. "Тропами горного Черноморья" Государственное издательство географической литературы МОСКВА 1963
5. Marika Mikkor "Sunnijargse ajaga seotud toimingutest Kaukaasia eestlastel." c166-170
6. Малахов Е.С. "Образование и дальнейшее развитие эстонских поселений на юге России (1866-1886 годы)", Изд-во "Современные фундаментальные и прикладные исследования" Кисловодск 2013, РИНЦ, с 7-9
7. Щупец, Е.С. История развития города Владикавказа: тенденции и особенности (1784-1917 гг.) [Текст] : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2003. – 187 с.

References

1. GAKK fond R-1547 opis' №1 delo №8 "Materialy po istorii goroda Sochi"
2. Meibaum Vladimir "Sto let pod yuzhnym solntsem", Izd-vo "Eestiraamat", Tallin, 1984.-13с, 17с, 23с
3. http://sugupuu.narod.ru/pdf/K_Saaber.pdf
4. Efremov. Yu.K. "Tropami gornogo Chernomor'ya" Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury MOSKVA 1963
5. Marika Mikkor "Sunnijargse ajaga seotud toimingutest Kaukaasia eestlastel." c166-170
6. Malakhov E.S. "Obrazovanie i dal'neishee razvitie estonskikh poselenii na yuge Rossii (1866-1886 gody) ", Izd-vo "Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniya" Kislovodsk 2013, RINTs, s 7-9
7. Shchupets, E.S. Istoriya razvitiya goroda Vladikavkaza: tendentsii i osobennosti (1784-1917 gg.) [Tekst] :dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. – Pyatigorsk, 2003. – 187 s.

Штанько М.А.

Кандидат философских наук, Томский политехнический университет

КУЛЬТУРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ЯПОНИИ

Аннотация

Статья посвящена характеристике одной из составляющих политической культуры – культуре функционирования политических институтов. Автор выделяет основные элементы культуры функционирования политических институтов и показывает их специфику на примере Японии.

Ключевые слова: история Японии, политическая культура, политический институт, электоральный процесс, политическое решение, конфликт.

Shtanko M.A.

PhD in Philosophy, Tomsk Polytechnic University

CULTURE FUNCTIONING OF POLITICAL INSTITUTIONS IN JAPAN

Abstract

The article is devoted to the one part of the political culture - the culture of the functioning of the political institutions. The author identifies the basic elements of culture functioning of political institutions and their specificity shows the example of Japan.

Keywords: history of Japan, political culture, political institutions, the electoral process, political solution to the conflict.

В истории и формировании политической культуры современной Японии наибольшее значение имеет период середины XIX в. В это время происходит насильственное «открытие» страны, реформы Мэйдзи 1868 г. (которые изменили политический режим Японии) и её столкновение с западной цивилизацией. В результате межцивилизационного столкновения началась ломка старых политических институтов и усвоение западных политических идей, а также их соединение с традиционной японской политической мыслью. Позднее происходит заимствование западной конституционной системы и создаются новые представления о роли Японии в мире, о её месте, в дальневосточной цивилизации, о системе международных отношений.

Начиная с эпохи Мэйдзи, политическая система Страны Восходящего Солнца менялась несколько раз. С приходом европейцев в середине 19 века страна приобрела черты конституционной монархии, затем пыталась пустить корни демократизации, которые плавно превратили страну в тоталитарную. Однако с окончанием второй мировой войны, силами американской администрации была установлена демократия. Все эти трансформации, с неизбежностью, накладывали свой отпечаток на политическую культуру Японии в целом, и на особенности культуры функционирования политических институтов.

Согласно политической науке к содержанию культуры функционирования институтов политики относится культура восприятия и регулирования конфликтов социально-политического характера, культура электорального процесса, а также культура принятия и реализации политических решений.

На функционирование политических институтов современного японского общества, оказали доминирующее влияние исторические, культурные и религиозные факторы. Естественным результатом такого воздействия стало преобладание в японской политической культуре таких ценностей, как лояльность, спокойствие, гармония, коллективизм, долг, обязанность, иерархия, подчинение личности интересам группы и, одновременно, право защищать эти ценности [1]. Это, в свою очередь, повлияло на политические традиции Японии. Они заключаются в почтительности к чинам, некритическому отношению к власти, незначительном распространении нечестных способов политической конкуренции, желании реализовывать интересы страны вопреки всяческим трудностям, стремлении уклоняться от конфликтно-конфронтационных отношений, что стало возможным благодаря способности политических традиций воспроизводиться в новых социокультурных условиях, обеспечивая жизнеспособность японского общества [2].

Данная особенность наиболее ярко проявляет себя в процессе принятия и реализации политических решений, а также при урегулировании социально-политических конфликтов. И в первом, и во втором случае для политической культуры современного японского общества как культуры политических отношений свойственно стремление подавляющего большинства субъектов этих отношений строить их мирными, законными методами. Кроме того, в массовом политическом сознании и политической практике распространен приоритет эволюционного пути социального прогресса [3].

Фактором, который оказал влияние на культуру электорального процесса, стал социально-психологический фактор. И.Миякэ выделяет несколько составляющих данного фактора и объясняет их влияние на электоральное поведение японского общества. Так поддержка политических партий обусловлена особенностями внутрисемейной стадии социализации японцев, где основная роль отводится японской семье, главным образом – родителям [3]. Социализация, осуществляемая средствами массовой информации, ориентирована на то, чтобы избиратели селективно усваивали ту информацию, которая подкрепляет их собственную точку зрения. Тем самым они игнорируют современные ценностные ориентации и присущие эпохе направления мысли.

Еще одной составляющей, по мнению И.Миякэ, является особенность профессиональной и возрастной социальной стратификации японского общества. Необходимо различать среди членов общества тех, кто по своему социальному статусу более самостоятелен в своей профессиональной деятельности, и тех, кто менее самостоятелен. Первые, предпочитают поддерживать консерваторов, вторые – прогрессистов. В то же самое время, молодежь с современными ценностными ориентациями, тяготеет к поддержке прогрессистских партий в лице СПЯ или КПЯ, лица старшего возраста – к консерваторам в лице ЛДП.

Таким образом, культура функционирования политических институтов оказывается под непосредственным влиянием японской традиционности, которая объясняет более чем толерантный характер политических отношений.

Более того, общество не приемлет революционных путей для достижения желаемых результатов, а пользуется мирными законными методами. Именно такое отношение к власти дало основание охарактеризовать японскую модель демократии как консенсусную.

Литература

1. Гаман-Голутвина О. В. Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли // ПОЛИТЭК. - 2005. - №2. - С. 38 - 50.
2. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы: этнопсихологические очерки. - М.: ВиМ, 1996.- 400 с.
3. Еремин В.Н. Политическая система современного японского общества. - М.: Наука, 1992. - 215 с.

References

1. Gaman-Golutvina O. V. Razvitie kategorii «politicheskaja kul'tura» v obshhestvenno-politicheskoi mysli // POLITeKS. - 2005. - №2. - S. 38 - 50.
2. Pronnikov V.A., Ladanov I.D. Japoncy: jetnopsihologicheskie ocherki. - M.: ViM, 1996.- 400 s.
3. Eremin V.N. Politicheskaja sistema sovremennogo japonskogo obshhestva. - M.: Nauka, 1992. - 215 s.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

Будник А.В.

Старший преподаватель кафедры графического дизайна и рекламы
Киевского национального университета культуры и искусств

КОЛЛАЖ И ФОТОМОНТАЖ В КИНОРЕКЛАМЕ ВУФКУ

Аннотация

Статья исследует специфику использования коллажа и фотомонтажа в киноплакатах и журнальной продукции Всеукраинского фотокиноуправления в 1920–30-х гг. Проводится сравнительная характеристика графического дизайна ВУФКУ и других кинофабрик СССР.

Ключевые слова: коллаж, фотомонтаж, киноплакат, журнал «Кино», ВУФКУ.

Budnyk A.V.

Senior Lecturer, Department of Graphic Design
of the Kiev National University of Culture and Arts, Ukraine, Kiev
COLLAGE AND PHOTO MONTAGE IN VUFKU'S MOVIE ADVERTISING

Abstract

The article explores the specifics of the use of collage and montage in movie posters and magazine production of All-Ukrainian Photo and Film Management in 1920-30s. Conduct a comparative characteristic of graphic design of VUFKU and other Soviet film studio.

Keywords: collage, montage, movie posters, magazine "Kino", VUFKU.

Постановка проблемы. Актуальность выбранной темы заключается в необходимости анализа основ прикладной графики в Украине, с последующей трансформацией в искусство дизайна.

Базой для проведенного исследования послужили литературные и визуальные источники: журнал «Кино» 1920–30-х гг., фильмы производства ВУФКУ, плакаты из государственных и частных собраний.

Анализ опубликованных исследований. Констатировала применение коллажа и фотомонтажа киевская исследовательница И. Золотоверхова [2, с. 53], не рассматривая ситуацию развернуто. Немного шире описал их употребление в плакате преподаватель ХДАДМ В. Я. Шевченко [7, с. 26], не коснувшись журнального дизайна. Еще более подробно на использовании этих техник в рекламе советского времени останавливался С. А. Хан-Магомедов в книге «Пионеры советского дизайна», основываясь преимущественно на произведениях русских художников [6].

Терминологическая база. Коллаж (от фр. *coller* – склеивать) – технический прием в изобразительном искусстве, основанный на введении в произведение различных по фактуре и цвету предметов: кусков газет, афиш, обоев и т. д.

Фотомонтаж (от др.-греч. *φῶς*, г.в. *φωτός* – свет и фр. *montage* – подъем, установка, сборка) – процесс и результат создания составного фотоизображения путем разрезания и совмещения элементов разных фотографий. Полученную таким образом картинку снимают повторно для того, чтобы окончательное изображение выглядело бесшовным.

Формулировка целей статьи: Вычленил использования коллажа и фотомонтажа в кинорекламе (плакатах и журналах) ВУФКУ и его организации-преемницы – Украинфильма.

Основная часть.

Организация Всеукраинского фотокиноуправления (период существования 1922–1930 гг.) послужила мощным толчком к развитию кинодела и обслуживающих его графических видов искусства.

Господство конструктивизма в графическом дизайне 1920–30-х гг. характеризовалось применением фотомонтажа вместо рисованной иллюстрации, или вместе с последней. Концепция монтажа была одной из крупнейших инноваций советской кинопродукции. Режиссер Лев Кулешов продемонстрировал, как части киноплёнки могут быть смонтированы, чтобы получить новое содержание в художественных фильмах «Луч смерти» (Госкино, 1925), «По закону» (Госкино, 1926), «Веселая канарейка» (Межрабпомфильм, 1929).

Пионером теории документального монтажа был режиссер Дзига Вертов, в чьем первом фильме «Киноглаз» (Госкино, 1924) не было ни актеров в классическом понимании. Вертов снимал на улицах людей и необычные явления (часто скрытой камерой), размещал кадры особым образом с многократным подсветкой, используя моментальную съемку, обратный ход, съемку на большой скорости, микрокинематографию и т.д. Героями фильмов Вертова были не

актеры, а киноаппараты и технологии. В конце его культового фильма «Человек с киноаппаратом» (ВУФКУ, 1929), камера покидает штатив и раскланивается, как кинозвезда.

С экранов монтаж переместился в графический дизайн, обслуживающий киноиндустрию – плакаты и журналы. Использование упомянутой техники имело существенные технические преимущества – можно было не рисовать лица главных героев и сценки из фильмов, а заменить их фотографиями или рисунками с фотографий. Первые попытки фотомонтажа в киноплакатах были достаточно скованными и относятся к 1923 году. Перерисованные кадры из лент могли размещаться без особой изобретательности вокруг главного героя (Бестер Китон в комедии «Наше гостеприимство», 1923, худ. Л. Каплан). Или фотографии располагались определенными группами вокруг соответствующих текстов («Хмель», 1923, неизвестный автор) – портреты актеров возле надписи «в главных ролях», фотокадры из ленты ближе к самому названию. Такие плакаты не передавали сущности кинокартины, не создавали эмоционального и визуального образа. Они носили технократический характер, что вскоре уже не могло соответствовать бурному развитию киноиндустрии вследствие полноценного функционирования ВУФКУ, которое выходит на самофинансирование и «через три года ... становится второй по мощности государственной кинофирмой в СССР после «Совкино» [1, с. 21].

Далее все чаще встречается комбинирование рисунков, сделанных с фото и самих фотографий, как в плакатах И. Литинского «Джимми Гигинс» (ВУФКУ, Одесса, 1928), М. Прусакова «Его карьера» (ВУФКУ, Ялта, 1928) и неизвестного автора «Наивный портной» (ВУФКУ, 1928). Композиционные построения становятся смелее, применяются как симметричные, так и асимметричные схемы. В плакате М. Длугача «Сплетня» (ВУФКУ, 1928) вокруг центрального женского образа по траектории абриса замочной скважины вращаются, как херувимы, головки других героев, остроумно перемежающиеся дублированием названия фильма шрифтами разного цвета (что в целом напоминает построение иконы). Тоже симметрично, только диагонально, располагаются второстепенные персонажи вокруг главного героя в спасательном круге на плакате К. Болотова «Буря» (ВУФКУ, 1928).

Интересен тот факт, что одно и то же фото иногда использовалось в нескольких плакатах к одному фильму. Показательна ситуация в российских киноплакатах к ленте «Мисс Менд» (Межрабпом-Русь, 1927), когда женская и мужская фигуры повторяются на двух разных печатных листах.

К разряду анекдотических можно отнести случай, когда одно лицо молодой женщины в три четверти появляется сначала на плакате «Чадра» (Узбеккино, премьера 30 декабря 1927), а затем в рекламе фильма «Инженер Елагин» (Совкино, Ленинград, премьера 4 июня 1928). В первой ленте речь идет о раскрепощении женщин Востока, во второй – об общественных колебаниях бывшего царского инженера, который только в советское время реализовал свои изобретения. Между фильмами нет ничего общего ни по сюжету, ни по географии происходящего, ни по гендерному составу главных героев. Поэтому наличие повторяющегося женского портрета на двух разных плакатах свидетельствует об устойчивом спросе на, так сказать, набор «шаблонных» лиц, которые подходили к любой кинокартине в качестве рекламных ай-стопперов (*eye-stopper*).

К плакатам с использованием фото как ресурса можно отнести и известные работы для всемирно признанных лент. Это и «Борьба гигантов» (ВУФКУ, Ялта, 1926) А. Довженко, «Звенигора» (ВУФКУ, 1927) неизвестного автора, «Арсенал» (ВУФКУ, 1930) братьев В. и Г. Стенбергов, «Земля» (ВУФКУ, 1930) И. Литинского, одноименный плакат С. Манделя и еще один плакат к этому же фильму братьев Стенбергов. Все они употребляют фотографию как первоисточник для перерисовывания, что отнюдь не уменьшает, а в исторической ретроспективе увеличивает их художественную ценность, поскольку именно благодаря такому графическому решению они стали символами эпохи. Оправдывает такую эксплуатацию фотоматериалов и тот факт, что нарисованные в живописной манере (наподобие станковых картин) плакаты того же времени и близко не дотянулись до уровня, установленного вышеупомянутыми знаковыми произведениями. Использование киноплакатистами фотографий можно трактовать как эквивалент работы с живописца с натурщиками с той разницей, что станковист мог себе позволить работать с моделями значительно дольше, чем рекламист в кино. Известно, что просмотрев фильм после обеда, художники должны были подать макет готовой афиши уже на утро, т.е. на реализацию проекта давалось менее суток [5].

Сам прием использования фото как ресурса пришел из западного кинематографа вместе с импортными лентами в советском прокате, что свидетельствует об определенном соответствии развития украинского зрелищного плаката первой половины XX века общемировым тенденциям. Впрочем, местные художники подходили к решению рекламных задач творчески, например И. Литинский в плакате «На седьмом небе» (1928) не автоматически перерисовал фото сносшибательного трюка Гарольда Ллойда, а подал его в оригинальной интерпретации, подвесив на очки самого же главного героя, а не на стрелки часов, как в кадре из американского фильма *Safety Last!* (1923). Так же с выдумкой использовано и обыграно фото главных героев, вплетенные в знак «№» на плакате художника М. Покорного «Номер телефона» (1930).

Фотомонтаж как техника в полноформатных плакатах почти не встречается, из-за отсутствия возможности распечатать фотографии большого размера аппаратными средствами тех времен. Поэтому авторам приходилось перерисовывать образы с фотографий по клеточкам. Некоторые делали это настолько мастерски, что создали свою технологию воспроизведения (братья Владимир и Густав Стенберги). Таким образом, рисованные плакаты количественно доминировали над фотомонтажными, но использовали приемы монтажа в построении композиции.

В журнале «Кино», который издавался ВУФКУ, сложилась прямо противоположная ситуация: рисованные плакаты-анонсы количественно уступали фотомонтажным. Цветные вклейки в журнал были немногочисленными и на них публиковались работы художников «живописного» направления: К. Болотова, А. Довженко и владельцев нескольких нерасшифрованных монограмм. В то время как на страницах черно-белого блока царил фотомонтаж в одну или две краски. Конечно, на внутренних страницах тетради печатались и произведения, исполненные в реалистической графической традиции – Ф. Красицкого, В. Касияна, но количество их было невелико и выглядели они романтической архаикой на фоне конструктивистского натиска. Типичный пример фотомонтажной рекламы –

журнальный плакат-анонс неизвестного автора для шпионской драмы «Экспонат из паноптикума» (ВУФКУ, Одесса, 1929).

На обложке журнала «Кино» первая и четвертая страницы печатались полноцветными, а внутренние (по полиграфической терминологии – вторая и третья) только черной краской. Здесь тоже царил фотомонтаж, как правило, на фоне очень яркого открытого цвета – красного, желтого, синего, зеленого и т. д. Первую страницу обложки чаще всего украшала фотография привлекательного женского лица (Кино, № 1, 1928, № 1, 6, 7, 1929) или фото коммерчески выгодного сюжета, например из фильма «Спартак» (Кино № 11, октябрь, 1926). Иногда встречаются детские лица (Кино, № 6-7, 1926 г.).

Не обходилось и без выполнения идеологического заказа, что участилось после 1930 года вследствие сократительной реорганизации ВУФКУ в Украинфильм, когда начали печататься статьи наподобие «Чистим Украинфильм» с призывами: «... надо, проверив штат, вымести из него весь чуждый элемент, бюрократов, рвачей, вредителей, которые тормозят развитие кинематографии» [4, с. 14]. Поскольку чистку должны были проводить передовики производства киевских заводов, можно себе представить качество и критерии отбора. На обложках стали появляться рабочие кулаки, которые бьют по «буржуазным остаткам, традициям, вкусам» [5], красноармейцы с винтовками, направленными на фашистских чудовищ (№7–8, 1931) и т.д.

Так закончилась эпоха творческих поисков, новаторских решений, господства конструктивизма в журнальной кинорекламе, а коллаж и фотомонтаж перешли на обслуживание идеологии.

Выводы: Если фотомонтаж в практике ВУФКУ существовал полностью в системе конструктивизма и печатался в большинстве случаев в журналах, то коллаж имел характерные местные признаки – украинские художники компоновали не кадры из фильмов, а рисованные изображения. Не все персонажи были заимствованы из фото, встречаются и самостоятельно написанные, острые по выразительности и живописные по форме образные решения. Таким образом, невысокая техническая оснащенность привела к самобытной трактовке передовых техник коллажа и фотомонтажа художниками, работавшими для ВУФКУ и Украинфильма.

Перспективы дальнейшего исследования.

Использование коллажа и фотомонтажа требует исследования дальнейшей их трансформации, учитывая подчинение искусства новой идеологической доктрине. Интересным аспектом остается, каким образом новаторские и буржуазные формы искусства были поставлены на службу коммунистической идее.

Литература

1. Госейко Л. Історія українського кінематографа (1896–1995). – К., 2005. – 464 с.
2. Золотоверхова І. І. Український радянський кіноплакат 20–30-х років / І. І. Золотоверхова. – Київ : Наук. думка, 1983. – 128 с. : іл.
3. Кіно : журн. укр. кінематографії. – [Харків] : ВУФКУ, 1930. – № 1.
4. Кіно : журн. укр. кінематографії. – [Харків] : ВУФКУ, 1931. – № 1.
5. Киноплакаты русского авангарда // КАК. – 1998. – № 1 (3) [Электронный ресурс] URL: <http://kak.ru/magazine/3/a186/> (дата обращения 27.07.2015).
6. Хан-Магомедов С. О. Пионеры советского дизайна / С. О. Хан-Магомедов. – Москва : Галарт, 1995 – 494 с. : ил.
7. Шевченко В. Я. Композиція плаката : навч. посіб. / В. Я. Шевченко. – 2 вид., доп. – Харків : Колорит, 2007. – 133 с. : іл.

References

1. Gosejko L. Istorija ukrai'ns'kogo kinematografa (1896–1995). – K., 2005. – 464 s.
2. Zolotoverhova I. I. Ukrai'ns'kyj radjans'kyj kinoplakat 20–30-h rokiv / I. I. Zolotoverhova. – Kyi'v : Nauk. dumka, 1983. – 128 s. : il.
3. Kino : zhurn. ukr. kinematografii'. – [Harkiv] : VUFKU, 1930. – № 1.
4. Kino : zhurn. ukr. kinematografii'. – [Harkiv] : VUFKU, 1931. – № 1.
5. Kynoplakaty russkogo avangarda // KAK. – 1998. – № 1 (3) [Jelektronnyj resurs] URL: <http://kak.ru/magazine/3/a186/> (data obrashhenija 27.07.2015).
6. Han-Magomedov S. O. Pyonery sovetskogo dyzajna / S. O. Han-Magomedov. – Moskva : Galart, 1995 – 494 s. : yl.
7. Shevchenko V. Ja. Kompozycja plakata : navch. posib. / V. Ja. Shevchenko. – 2 vyd., dop. – Harkiv : Koloryt, 2007. – 133 s. : il.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ / PHILOSOPHY**Драга С.В.¹, Лойко О.Т.², Корнеева А.Ю.³**¹Кандидат философских наук, ²доктор философских наук, ³магистр туризма

НИ Томский политехнический университет

*Работа выполнена при поддержке исследовательского гранта Российского гуманитарного научного фонда «Социальная память в интернет пространстве как ресурс формирования коллективной идентичности»**a(p) 15-13-70001***«ЛОКУС» СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: РЕСУРС КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ****Аннотация**

В статье рассмотрены локусы (места) памяти выступающие в качестве способа идентификации человека. Социальная память представлена примерами культурно-исторических ресурсов в виде известных памятников этнографии, археологии, истории, архитектуры и искусства. Цель работы – рассмотреть социальную память как способ социокультурной идентификации человека. Методы исследования: анализ статей, монографий, иных источников информации. На основе проанализированной информации сделаны выводы о потребности общества в формировании и сохранении социальной памяти как обязательного условия существования общества.

Ключевые слова: социальная память, социокультурная идентификация, культурно-исторические ресурсы, локус памяти, Семилуженский острог, памятник, идентификация личности.

Dryga S.V.¹, Loiko O.T.², Korneeva A.Y.³^{1,2}PhD in Philosophy, ³master of Tourism, National Research Tomsk Polytechnic University**«LOCUS» SOCIAL MEMORY: RESOURCE COLLECTIVE IDENTITY****Abstract**

The actuality of the theme is stipulated by memory's ability to be a locus social memory. In the work social memory is represented by the examples of cultural and historical resources by famous monuments of ethnography, archeology, history, architecture and art. The aim of the work is a social memory's consideration as a method of a social-cultural person's identification. Method of the research is an analysis of the articles, monographs and other sources of information. Conclusion of the research is devoted to society's needs of a social memory's formation and protection as its obligated resource of a society's existence.

Keywords: social memory, social-cultural identification, cultural-historical resources, locus, Semilyschenckij ostrog, monuments, person's identification.

Прошлое не является стабильным конструктом, а процессом, поиском себя в глубинах памяти. Понятие социальной памяти наиболее полно представлено в работе французского социолога М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти», полагавшего, что возможно и необходимо создать историю памяти, в ходе которой человек научится или разучится что-либо помнить, поскольку память является социальным фактом, и не только содержание воспоминаний локализуется во времени, привязываясь к хронологическим ориентирам, но и сам факт запоминания имеет пространственно-временную и социально-классовую датировку, т.е. является историчным [1].

М. Хальбвакс подчеркивает насколько сильно социальные процессы влияют не только на индивидуальную память человека, но и на общественные воспоминания о прошлом. Так, коллективные воспоминания являются решающими для идентификации людей и идеи общества получают свою убедительную силу не только благодаря логической связности и доказуемости, но и благодаря опоре на традиции [1]. «Фундаментальный вклад Хальбвакса в изучение социальной памяти заключается в обосновании им связи между социальной группой и коллективной памятью. Его положение о том, что каждая группа формирует память о своем собственном прошлом, которая обосновывает ее уникальную идентичность, продолжает оставаться отправной точкой для всех исследований в этой области», – пишет Б. Миштал [2].

Другой источник, касающийся социальной и коллективной памяти, труд П. Рикёра «Память. История. Забвение», где автор рассматривает память как деятельность, работу. По мнению автора, работа памяти осуществляется как внутри, так и вне индивидуального сознания, не только на уровне отдельного человека, но и на уровне общества. Само же общество переживает особое «историческое состояние» – ситуацию разрыва с прошлым, которое приходится восстанавливать не через живую память, а через историческую реконструкцию [3].

Память прошлого играет решающую роль в становлении социокультурной идентичности. Идентичность в данном случае понимается в качестве способности человека ощущать свою принадлежность к той или иной устойчивой группе людей. Эта принадлежность обычно считается фактом, если признается, с одной стороны, самим человеком, с другой, окружающими его людьми или обществом в целом. Долгие разъяснения здесь, впрочем, едва ли требуются. В каждом обществе и в каждой стране, коллективная и общественная память передается старшими поколениями младшим, через разнообразные каналы (учебную литературу, СМИ, памятники и памятные ритуалы), оказывая влияние на их культурную идентификацию и систему ценностей, а также их желание инвестировать эту память экономически, политически и социально.

«Все воспоминания создаются в тандеме с забывчивостью; запомнить все означало бы овладеть памятью. Забывчивость является необходимым компонентом в структуре памяти» [4, S. 63].

Поддержание идентичности требует ощущения непрерывности истории. Коллектив, адаптируя новые явления и идеи, должен периодически проводить переинтерпретацию прошлого так, чтобы эффект новизны был утрачен и новое предстало продолжением исторической традиции. Поэтому прошлое в коллективной памяти постоянно подвергается реорганизации. В этой картине прошлого должны отсутствовать большие перемены и разрывы, чтобы группа могла бы себя узнать в ней на любом историческом этапе. Память прошлого, выраженная в культуре, зачастую организована

на высоком уровне и стратегически важна. Сохранить такую память призваны локусы памяти, включающие в себя объекты культуры – музеи, выставки, театры, археологические местности, этнографические особенности, фольклор, центры прикладного искусства.

Локусы памяти подразделяются на материальные и духовные. Материальные охватывают совокупность средств материальных ценностей общества на каждой исторической стадии его развития, а духовные – совокупность достижений общества в образовании, науке, искусстве, литературе, в организации государственной и общественной жизни, в труде и быте. К материальным объектам относятся предметы, которые можно перемещать (например, полотна, произведения искусства и коллекции), к духовным – памятники архитектуры, археологии, которые составляют непередаваемые объекты.

Среди культурно-исторических объектов ведущая роль принадлежит памятникам истории и культуры, которые отличаются наибольшей привлекательностью и поэтому служат главным средством удовлетворения потребностей в познавательно-культурной рекреации. В этом случае памятники историко-культурного наследия выступают как воссоздание в реальности емкого образа прошлого, созвучного восприятию современного человека, позволяющее осознать свою причастность к этому прошлому. В настоящее время все чаще обращаются к реконструкции своеобразных мест (локусов) памяти. Приведем один из примеров, отражающих локальный памятник сибирской духовной культуры, несомненно, влияющий на формирование идентичности современного человека.

Речь идет о Семилуженской крепости, расположенной в центре Сибири, в пригороде Томска [5].

Ее история удивительная и уникальна. В 1609 году сибирские казаки построили крепостные стены для защиты от набегов. В 1702 году, 7 июля, служилым людям было явление Святителя Николая Угодника, Мирликийского чудотворца. Он приказал поставить на этом месте Святоникольскую церковь. Что и было сделано.

Храм и икона Николая Чудотворца высоко почитались жителями села Семилужки и всей Томской губернии. Но изменение политического режима в России привело к разрушению Семилуженской крепости. В 2002 году стараниями местного жителя, Филиппова Владимира Федоровича, Семилуженский острог получил вторую жизнь. Сейчас – это полностью восстановленная, по рисункам и чертежам XVII века, крепость стала местом, привлекающим туристов со всей страны.

Уже на подъезде к крепости, слышится колокольный звон, заходя внутрь, невольно попадаешь в атмосферу сибирского Средневековья. Толстые бревенчатые стены, Часовня Николая Угодника, русская изба с низким потолком, широкими лавками и русской печью. Любой, посетивший этот острог, может получить уникальный опыт погружения в мир культуры сибирского казака: примерить кольчугу, выстрелить из пушки, угоститься душистым чаем из сибирских трав.

Подводя итог, стоит отметить, что культурно-исторические ресурсы переносят современного человека в новый мир впечатлений, а память возвращает утраченное современным человеком чувство дома, где мир, покой и защищенность создавали ту неповторимую атмосферу, в которой когда-то жили наши предки. По результатам пилотного опроса студентов, посетивших острог, 50 % ответили, что они впервые столкнулись с аутентичным памятником истории Сибири. 40 % считают, что именно посещение Семилужинского острога способствует формированию у них гордости за дела и труды своих предков, все без исключения пришли к выводу о необходимости не только воссоздавать памятники прошлого, но и путем своеобразного «погружения» в культуру и быт своих предков, лучше и полнее осознавать свою причастность к истокам российской истории и культуры.

Идентичность поддерживается памятью. Коллективная память о совместном прошлом – основа идентификации группы, выражение коллективного опыта, объединяющего группу, объясняющего ей смысл ее прошлого, причины нынешнего совместного бытия и определяющего надежды на будущее. Однако между памятью и идентичностью существуют отношения взаимозависимости. Не только идентичность укоренена в памяти, но и память зависит от присвоенной себе идентичности.

Литература

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
2. Misztal B. Theories of Social Remembering. Maidenhead: Open University Press, 2003. – See more at: <http://www.nlobooks.ru/node/2640#sthash.p5zf3FHP.dpuf> [дата обращения – 08.07.2015].
3. Ricoeur P. Memory, History, Forgetting / P. Ricoeur, University of Chicago Press, 2004. – 624 p.
4. Burke, P. A Social History of Knowledge / P. Burke; Emmanuel College, Cambridge Press, 2000. – 268 p.
5. См.: Чудо явления Святителя Николая Мирликийского Чудотворца и его иконы в селе Семилужном и покаяния града Томска. – Проект Общества Святителя Николая «Благовест», Томск - 2004 – 24 с.

References

1. Halbwachs M. Socialnie ramki pamiaty / Per. S. franzuzskogo Zenkin – M.: Novoe izdatelstvo, 2007. – 348 с.
2. Misztal B. Theories of Social Remembering. Maidenhead: Open University Press, 2003. – See more at: <http://www.nlobooks.ru/node/2640#sthash.p5zf3FHP.dpuf> [data obrasheniadata – 08.07.2015].
3. Ricoeur P. Memory, History, Forgetting / P. Ricoeur, University of Chicago Press, 2004. – 624 p.
4. Burke, P. A Social History of Knowledge / P. Burke; Emmanuel College, Cambridge Press, 2000. – 268 p.
5. Chudo javlenia Svajtitelja Nicolaja Mirliciiskogo Chudotvorza I jigo iconi v sele Semuluschnom i pokojana grada Tomska. – Proect Obshestva Svajtitelja Nicolaja «Blagovest», Tomsk - 2004 – 24 с.

Лобазова О.Ф.

Доктор философских наук, Российский государственный социальный университет (Москва)

ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ*Аннотация*

Особенности государственно-церковных отношений в современной России обусловлены объективными и субъективными факторами. История взаимоотношений власти и религиозных организаций до и после 1917 года продолжает оказывать свое влияние на состояние, как правовых установлений, так и общественного мнения.

Ключевые слова: государственно-церковные отношения, правовое положение церкви.

Lobazova O.F.

PhD in Philosophy, Russian State Social University (Moscow)

REGULATORY PRACTICES STATE-CHURCH RELATION IN RUSSIA*Abstract*

Features of church-state relations in modern Russia are due to objective and subjective factors. The history of relations between the authorities and religious organizations before and after 1917 continued to exert its influence on the state, as the legal establishments, and public opinion.

Keywords: state-church relations, the legal status of the church.

Содержание государственно-церковных отношений, по преимуществу, зависит от того, как в тот или иной исторический период решаются проблемы свободы совести и толерантности. От принципиальной позиции власти и религиозных организаций в этом вопросе зависят, с одной стороны, пределы светскости (степень распространения влияния государственных установлений на состояние духовной жизни общества и индивида), а, с другой стороны, границы активности религиозных организаций (виды и направления деятельности, понимаемой самой религиозной организацией как необходимое и возможное в данных условиях социальное служение). Среди способов воздействия власти на состояние (численность, авторитет, материальные возможности) религиозных организаций можно выделить, по крайней мере, три составляющих: правовое регулирование, идеологическое постулирование, социальная практика.

Власть, даже лишившись сакрального обоснования и церковной опоры, всегда ощущает себя силой, превосходящей обычные возможности и рамки требований здравого смысла. Находя своё обоснование в «светской религии» – очередной форме идеологии государственного диктата – власть заинтересована в устранении даже слабой возможности морального укора, на который способна, например, религиозная организация. Для того, чтобы придать позиции церкви (которую она в состоянии открыто высказать) желательный характер (соглашательство, покорность, сотрудничество, нейтралитет и т.д.), государство устанавливает путём правовых норм границы для активности религиозных организаций. Введение правовых норм всегда сопровождается мерами другого характера – экономическим и внеэкономическим принуждением или стимулированием определённого образа действий всех участников государственно-церковных отношений.

Чем адекватнее воспринимаются властью существующие социальные противоречия, тем больше внимания уделяется в обществе правовому регулированию и практическому выстраиванию отношений и связей между властными органами управления и иерархическими структурами религиозных организаций.

Современные исследования охватывают широкие аспекты государственно-церковных отношений, уделяя особое внимание возможностям влияния религиозных организаций на социальные процессы [1,2,3,4,5]. Практически всеми исследователями поддерживается тезис о том, что роль религиозных организаций в современном российском обществе обусловлена особенностями исторического пути, пройденного нашим государством и гражданским обществом.

Практика правового регулирования государственно-церковных отношений в России в XX веке знает несколько кардинально различных этапов. В дореволюционной России господствующая православная церковь находилась на службе государства. Она являлась составной частью государственного аппарата, выполняя ряд государственных функций: ведение метрических книг, регистрация брака и смерти, организация народного образования, оглашение царских манифестов и т. д. Со своей стороны государство оказывало всестороннюю поддержку господствующей церкви. На ее содержание тратились огромные средства, намного превышающие расходы на образование. Все служители культа находились на государственном обеспечении. Церковь получала доходы от земли и предприятий, находившихся в ее собственности. Государство проводило строгое деление религиозных организаций на господствующую церковь, «терпимые» и «гонимые» религиозные направления. Всякое выступление против господствующей религии расценивалось как государственное преступление и наказывалось самым жестоким образом, вплоть до ссылки на вечное поселение и каторжные работы. Церковь играла руководящую роль в народном образовании. Большое количество школ (церковноприходские школы) находилось в прямом подчинении церкви. Во всех остальных учебных заведениях (гимназиях, училищах и пр.) существовала должность «законоучителя», преподавался «закон божий», день начинался молитвой, в учебных помещениях находились предметы религиозного культа (иконы, кресты, распятия).

В 1917 году произошёл слом прежних, складывавшихся веками церковно-государственных отношений. Религиозные организации были выведены из активного политического поля. «Декларация прав народов России», утвержденная 2(15) ноября 1917 г., провозгласила равенство и суверенность всех больших и малых наций и национальностей страны, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Все граждане России провозглашались равными в правах независимо от вероисповедной принадлежности. Первые декреты Советской власти положили начало созданию новой системы государственно-церковных отношений и их правового обеспечения, основанной на сопротивлении любой религии и активной

пропаганде антирелигиозных взглядов и действий. Не смотря на весь радикализм борьбы большевиков с церковью и неизбежные при таком подходе негативные последствия, можно отметить и некоторые положительные моменты десакрализации общественной жизни. Было провозглашено равноправие всех народов страны, упразднён порядок, при котором христианин, вступивший в брак с «иноверцем», подвергался церковному покаянию и даже тюремному заключению, было ликвидировано ограничение детей в правах (детей внебрачных уравнивали с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям), был совершён решительный поворот в судьбах женщин.

Окончательным правовым актом Советской Республики в деле установления приоритета светской идеологии явился декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный 23 января (5 февраля) 1918 г. Первая статья декрета гласила: «Церковь отделяется от государства». Был реализован принцип свободы совести, понимаемый как возможность иметь собственную отрицательную позицию по отношению к религиозной организации. Декрет реализовал принцип полной светскости школы («Школа отделяется от церкви» статья 9 – В соответствии с этим не допускалось преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы. Граждане, говорилось в данной статье, могут обучать и обучаться религии частным образом), объявил все имущества церковных и религиозных обществ народным достоянием (статья 13).

Законы, регулирующие государственно-церковные отношения и пределы светскости и религиозной активности в ленинский период советской власти, раскрывали представления партии большевиков о свободе совести и демократических правах граждан и при условии соответствия социальной практики изданным законам могли бы обеспечить некоторый баланс прав верующих и неверующих людей, различных религиозных организаций. Но одной из трагических характеристик того времени стал быстрый отход от соблюдения провозглашенных правовых норм в условиях яростной социальной борьбы. Расхождение между нормой права и социальной практикой, особенно когда речь идёт о свободе совести и деятельности религиозных организаций, наблюдалось в течение почти всего периода советской власти.

Советское законодательство о культах, существовавшее в 70-х годах XX века (к этому времени церковь и государство пережили немало событий, повлиявших на позицию руководства и рядовых граждан), опиралось на Конституцию СССР, статья 52 которой гласила: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства». Все граждане СССР, говорила Конституция, равны перед законом, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Считалось, что советское государство никому не запрещает отправлять религиозных обрядов. Это объявлялось личным делом каждого гражданина. Но для регулирования культовой деятельности были приняты некоторые нормы. Например, только после принятия решения о регистрации Советом по делам религий при Совете Министров СССР общество, созданное с культовой целью, могло приступить к своей деятельности. 18 марта 1966 г. был издан специальный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах». Государственный контроль за соблюдением законодательства о культах осуществлялся как высшими, так и местными органами власти. Принцип централизации во всех вопросах, связанных с деятельностью религиозных организаций, был ведущим в законотворчестве и практической деятельности органов власти. Контролем за соблюдением законов в правительственных постановлениях, касающихся религиозных организаций, занимался Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

Среди положительных характеристик советского законодательства о свободе совести и религиозных организациях следует отметить, что оно в общих чертах соответствовало международным нормам, особенно в части недопущения деструктивной деятельности религиозных организаций [8]. Некоторые возможности на излёте советского времени получили религиозные организации для решения своих материальных проблем.

Одной из наиболее важных положительных сторон советского законодательства о культах являлась конституционная норма о запрещении вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями. Вместе с тем, свобода совести, провозглашавшаяся в нашей стране, понималась и реализовывалась как свобода только отправления религиозных потребностей (без свободы религиозной пропаганды) и, в противовес, как свобода только атеистической пропаганды.

В настоящее время российское демократическое государство провозглашает в качестве одного из основных принципов своего устройства свободу совести, понимаемой уже как свобода иметь, выражать и отстаивать любые, не противоречащие принципам гуманизма, убеждения. Государство подтверждает, что религиозные организации не играют административной роли, религиозная вера из «общего дела» становится частным делом человека, продолжая выполнять свои нравственные и культурные задачи.

Отношение в обществе к современному пониманию принципа свободы носит двойственный характер. Однако, следует признать, что в секуляризованном государстве именно принцип свободы совести является важным средством существования любой религиозной организации в виде общественного института в безрелигиозном обществе, обеспечивая её легальный юридический статус и вытекающие из него легальные возможности расширения влияния.

Проблема юридического и социального религиозных организаций была решена (для условий определённого исторического этапа) с принятием Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г. Идеологические позиции авторов закона основываются на том, что провозглашение свободы совести и отделение церкви от государства нельзя трактовать как отделение последней от общества, характерное для атеистической модели церковно-государственных отношений, а схема отношений церкви и государства должна

включать взаимоотношение церкви не только с государственными структурами, но и с нацией и национальной культурой.

В нашей стране отношения церкви и государства складывались в разные периоды согласно разным моделям: единство, сотрудничество, противостояние, компромисс, нейтралитет. Наиболее приемлемым принципом государственно-конфессиональных отношений в условиях сохранения светского характера Российского государства является, по мнению некоторых исследователей, принцип «культурного сотрудничества», который был положен в основу вероисповедной политики Временного правительства, но из-за краткого периода его существования не получил заметного развития. В новых условиях данный принцип требует осмысления и поиска форм его практической реализации.

Основы для реализации такого подхода в современных условиях заложил Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», в преамбуле [9] которого признается «особая роль Православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и одновременно говорится об уважении других религий, «составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России».

Русская православная церковь и ряд других традиционных религиозных организаций одобряют этот закон. Протестантские церкви и некоторые другие религиозные организации нетрадиционного для России направления считают закон противоречащим международным документам по правам человека и Конституции Российской Федерации. В этой своей позиции они опираются на поддержку из-за рубежа. Так, в докладе о религиозной свободе в мире, опубликованном 8 ноября 2005 года Государственным департаментом США, среди главных врагов свободы религии в России, помимо власти и ФСБ, американские аналитики назвали еще и Русскую Православную Церковь [7]. Все попытки США привить России несвойственную ей американскую модель государственно-конфессиональных отношений носят явно тенденциозный характер. Общемирового стандарта демократии не существует, как не существует и всеобщего канона, по которому каждое государство должно выстраивать свои отношения с религиозными объединениями.

Для нашей страны особенно важно то обстоятельство, что сегодня человечество обладает теоретическим, философским стандартом трактовки свободы совести, и то, что получившие международное признание четкие очерченные демократические права и свободы нами признаны в качестве непреложных. В законодательной, государственно-правовой сфере произошли принципиальные изменения. В законе гарантируется право исповедовать «любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (статья 3, п. 1). Сторонники религии и атеизма – все они могут свободно распространять свои убеждения; как религиозные, так и атеистические объединения отделены от государства; государство в вопросах свободы вероисповеданий и убеждений нейтрально, то есть не становится на сторону какого-либо мировоззрения, оно не должно финансировать ни религиозную, ни атеистическую деятельность и т. д. [6, с.46]

Разумеется, нельзя считать, что исчерпаны резервы для совершенствования нашего законодательства, хотя изменения в закон вносились девятнадцать раз, последнее – 13 июля 2015 года. Такая практика обусловлена тем, что первоначально ряд норм закона был сформулирован, исходя из насущных требований переходного периода, когда актуальной представлялась легитимация ранее отсутствовавшей свободы вероисповедания. Сегодня становится более важным избежать любого неоправданного ограничения веротерпимости, обеспечив свободу не только вероисповеданий, но и всякого мировоззренческого выбора, и даже отсутствие мировоззренческого самоопределения. Представляется также целесообразным в статьях закона более четко определить необходимость защиты прав не только религиозных объединений, но и верующих как частных лиц.

Предполагая и дальнейшее совершенствование закона, необходимо остановиться на двух вопросах. Первый – как пресечь деятельность антиобщественных организаций религиозного характера. Второй – как проверить, не служит ли декларируемая религиозность сугубо коммерческим и политическим целям. Оба вопроса связаны с деятельностью новых для России религиозных образований, которые благодаря активной миссионерской деятельности зарубежных представителей вызывают неоднозначную реакцию в общественном мнении. Социологические исследования показали, что по отношению к деятельности зарубежных миссионеров россияне расколоты на три примерно равные части (34% опрошенных относятся положительно к этой деятельности, 33% - отрицательно, а 33% - безразлично) [6, с.49]. Решение этих проблем требует конкретных действий власти на основании особых методов, позволяющих отличать подлинно религиозные организации от иных новообразований.

Отметим, что современные российские конституционные и другие правовые нормы (в отличие от ряда стран – Болгарии, Литвы, Бельгии, Ирландии и др.) не включают термина «традиционная религия». Причина тому, вероятно, трудности в его определении или нежелание создавать представление о правовом неравенстве религий и т. д. И, тем не менее, на наш взгляд, есть объективные факторы, позволяющие обществу использовать понятие «традиционная религия». Первый среди этих факторов – это степень воздействия данной религии на историю, социальную и духовно-культурную жизнь народа или группы народов страны, на их ментальность и образ жизни, на становление и развитие государственности и национального самосознания, на личное и общественное поведение значительной части граждан. Разумеется, эти функции религиозная организация обретает и реализует при весьма длительном существовании среди значительной части населения. В России таким качеством обладает ряд религиозных организаций, среди них отметим, в первую очередь, Русскую православную церковь. И отметим не только за то, она является самым крупным религиозным объединением России, но и за исторически значительную роль в отечественной духовной, культурной и общественной жизни. Частью отечественной культуры стали и другие веками существующие в России религии и конфессии – ислам, иудаизм, старообрядчество, буддизм, различные протестантские течения.

Признание исторической социально-культурной значимости тех или иных религий не должно приводить к ущемлению прав других конфессий и религий. Равенство всех религиозных объединений перед законом – незыблемое конституционное положение, но объем, длительность, массовость выполняемой социальной и духовно-культурной

функции у них различны. Констатация этих различий естественна. И тут нет предпосылок ни для обиды, ни для дискриминации. Такова историческая реальность.

В нынешних условиях новых глобальных вызовов и опасностей становится настоящей необходимостью взаимопонимание и сотрудничество как всех традиционных религий России, так и других «нетрадиционных» религиозных объединений, но при условии, что последние могут внести свой посильный вклад в оздоровление социальных и духовных условий жизни общества. Для утверждения в нашем обществе социального и нравственного благополучия важно использование духовно-культурного потенциала как традиционных, так и нетрадиционных религий. Таково мнение части светских обществоведов [6, с.59].

На пути формирования оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений в современной России есть ещё немало нерешённых задач. В числе наиболее острых – проблема собственности на культовые здания и сооружения, богослужебные предметы и другое церковное имущество. С точки зрения РПЦ, государство должно прислушаться к её аргументам. Представители церкви считают возможным реституцию церковного имущества, национализированного советской властью. Вместе с тем светские учёные выступают за более осторожный подход к проблеме церковной собственности, считая, что всеобщая реституция национализированного после революции церковного имущества является неосуществимой.

Наиболее острым остается вопрос о передаче в церковную собственность объектов, представляющих особую культурную и историческую ценность. Попытки одностороннего решения данной проблемы уже породили немало конфликтных ситуаций, не способствующих ни обеспечению прав верующих, ни сохранению культурного наследия. В большинстве случаев учреждения культуры и религиозные организации всё же находят конструктивные подходы к совместному использованию памятников истории и культуры, в результате чего между двумя сторонами складываются партнёрские отношения.

Среди других проблем государственно-церковных отношений, требующих особого рассмотрения и специальной юридической проработки, можно назвать степень присутствия религиозных организаций в государственных образовательных учреждениях, армии, органах внутренних дел, пенитенциарной системе, учреждениях здравоохранения и социального обеспечения. Здесь представляется важным при сохранении светского характера этих учреждений обеспечить максимальное включение в соответствующие сферы деятельности духовно-нравственного потенциала религиозных организаций.

Проблемы государственно-церковных взаимоотношений постоянно находятся в центре внимания центральных органов федеральной власти и их первых лиц. Если в начале процесса реформирования (в 90-е годы) высшее руководство страны, а за ним и многие руководители среднего звена, оказывали предпочтение (в личных контактах, посредством идеологического, информационного и экономического протекционизма) нетрадиционным для России религиозным организациям, то сейчас явно демонстрируется приверженность традиционным для России религиозным организациям.

Государство в поисках политического союза с религиозными организациями оказывает им материальную поддержку через выделение бюджетных средств на восстановление памятников истории и культуры, создание внебюджетных фондов и установление льготного финансового режима для восстанавливаемых объектов. Государство активно выстраивает сотрудничество с религиозными организациями и по другим направлениям. В результате этого сотрудничества стороны надеются на укрепление обстановки веротерпимости в обществе, на повышение уважения к организационным структурам традиционных религий. Кроме того, органы власти не могут не рассчитывать на повышение собственного престижа в глазах граждан, на повышение доверия к себе и, следовательно, укрепления своей стабильности.

Итак, практика регулирования государственно-церковных отношений (или шире – государственно-конфессиональных отношений) зависит от того, как понимаются принципы свободы совести и веротерпимости в конкретный исторический момент в масштабах всего человечества, государства, гражданского общества, этнического объединения. Регулирование государственно-церковных отношений проводится с помощью использования трёх рычагов – правовое установление, идеологическое постулирование, социально-экономическое воплощение.

Правовое установление норм и правил, определяющих пределы светскости и границы религиозной активности, является прерогативой власти и продолжением её силовых функций. Идеологическое постулирование основных принципов взаимоотношений общества и религиозных организаций, верующих разных конфессий, верующих и неверующих, является результатом деятельности всех участников политической системы общества – властных органов (через правительственные решения), политических партий и движений (в программных документах), руководящих органов религиозных организаций (в богословских текстах и программных документах). Социально-экономическая практика, в ходе которой реализуются и воплощаются принципы государственно-церковных отношений, зависит от степени информированности, заинтересованности, от идейной и мировоззренческой ориентированности участников процесса.

Литература

1. Белова Т.П. Религия как институт гражданского общества / Институт управления (г. Архангельск), Ивановский филиал, Научный центр по проблемам взаимодействия власти и гражданского общества. – Иваново, 2012. – 107 с.
2. Большакова З.Г. Влияние Русской православной церкви как социального института на процесс социализации личности // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. – Нижний Новгород, 2011. – Вып. 4. – С. 7-12.
3. Денисенко М.Ю. Социальная концепция православия в жизни современной России: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук; Философские науки: 09.00.13. / Ставропольский государственный университет. – Ставрополь, 2009. – 22 с.

4. Капалин А.М. Социальные функции института Русской православной церкви: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук: Социологические науки – 22.00.04. / Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2009. – 22 с.
5. Корнеева И.П. Многообразие религиозного развития современного общества и религиозная целостность человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 9 (23), ч.1. – С.112-114.
6. Мchedlov M.P. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. – М.: Научная книга, 2005. – 382с.
7. Петров А. В чужой монастырь со своим уставом // НГ-Религии, 07 декабря 2005.
8. Сьюэлл Э. Сравнительная характеристика светских государств и равенство религиозных организаций. / Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и о путях реализации свободы совести. Сост. А.Верховский. – М.: Центр «Сова», 2003. – С.44 -56.
9. Федеральный закон Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ с изменениями на 13 июля 2015 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420287097> Дата обращения 21.07.2015.

References

1. *Belova T.P.* Religion as an institution of civil society / Management Institute (Arkhangelsk), Ivanovo Branch, Research Center for cooperation between the authorities and civil society. – Ivanovo, 2012. – 107 p.
2. *Bolshakova Z.G.* Influence of the Russian Orthodox Church as a social institution in the process of socialization of the person // Bulletin of the University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. – Nizhny Novgorod, 2011. – Vol. 4. – P.7-12.
3. *Denisenko M.U.* The social concept of the Orthodox Church in the life of modern Russia: the Author's abstract of the dissertation for the degree of candidate of sciences; Philosophical sciences: 09.00.13. / Stavropol State University. – Stavropol, 2009. – 22 p.
4. *Kapalin A.M.* Social functions of the Institute of the Russian Orthodox Church: Abstract of the thesis for the degree of candidate of sciences: Social sciences - 22.00.04. / Tyumen State University. – Tyumen, 2009. – 22 p.
5. *Korneeva I.P.* The diversity of the religious development of modern society and religious integrity of the person // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice. – Tambov, 2012. – № 9 (23), p.1. – P.112-114.
6. *Mchedlov M.P.* Theological essays. Religion in the spiritual and political life of modern Russia. – M.: Science Book, 2005. – 382p.
7. *Petrov A.* In a strange monastery with its charter // IN-Religions, December 7, 2005.
8. *Sewell E.* Comparative characteristics of the secular state and equality of religious organizations. / Limits of secularism: a public discussion about the principle of the secular state and the ways of realization of freedom of conscience. Comp. A.Verhovsky. – M.: Center "Sova", 2003. – P.44 -56.
9. Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" dated September 26, 1997 № 125-FZ amended on July 13, 2015. [Electronic resource] Access: <http://docs.cntd.ru/document/420287097> Date Treatment 07/21/2015.

Мартиросян К.М.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музееведения
ФГБОУ ВПО «Краснодарский государственный университет культуры и искусств»

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация

Статья посвящена генерированию и функционированию символического капитала в современной медийной индустрии, в связи с чем анализируется место и роль символического капитала в телепродукции и рекламе в связи с функциями телевидения и рекламных коммуникаций.

Ключевые слова: медийное пространство, медиапроизводство, телевидение, реклама, функции рекламы, символический капитал, целевая аудитория.

Martirosyan K.M.

PhD in History, Associate Professor of History and Museology VPO «Krasnodar State University of Culture and Arts»

SYMBOLIC CAPITAL IN TODAY'S MEDIA LANDSCAPE

Abstract

The article is devoted to the generation and function of symbolic capital in the modern media industry, and therefore analyzed the place and role of symbolic capital in television production and advertising in connection with the functions of television and advertising communications.

Keywords: media space, media production, television, advertising, advertising functions, symbolic capital, target audience.

Символизация современного мира является своеобразным ответом на глобализацию, в результате которой происходит либо разрыв с национальными традициями, либо гибридизация национального и наднационального, что приводит к необходимости имплантации глобальных и гибридных норм и ценностей в сферу сознания современного человека, ощущающего свое одиночество в условиях глобальности и преодолении национального даже на ментальном уровне, в результате чего «идеал может внедряться в любую вещь: он располагается, где хочет. Всякого рода случайные обстоятельства определяют способ его фиксации. Тогда та или иная

вещь, как бы заурядна она ни была, оказывается выше всех». [1, с.301] Современное мировое сообщество начинает напоминать автономные анклавные индивидов, объединенных общими моделями стиля жизни, для которых коллективными скрепами являются национальные и наднациональные идеи, религиозные конфессии и т.п. [2]

В этой связи символизация приобретает в современном информационном обществе особое значение. Как справедливо указывал Р.Мертон, «общественные определения ситуации (пророчества или предсказания) становятся неотъемлемой составляющей ситуации и тем самым влияют на последующие события». [3]

Испытывая дефицит физического и социального времени, современный человек вынужден подчиняться третьей реальности современности - медиапосредникам, которые программируют структуру свободного времени и восприятие реальности в символическом медиaprостранстве. [4, с. 221] Однако было бы неправомерным упрощением сводить медиaprостранство и медиасобытия, то есть структурированную особым образом информацию, к виртуальному миру – виртуальный мир подчинен, в конечном итоге логике программного обеспечения и программной поддержки и ресурсам компьютера, то есть, в конечном итоге, имеет предсказуемые последствия и ожидаемые эффекты, например, уровни компьютерных игр и результаты их прохождения. В то время как в медиaprостранстве медиадискурса господствуют энтропия и перенасыщенность информацией, которые создают социальные интеракции, трудно предсказуемые по своим последствиям. [5, с.115]

На самом деле средства массовой коммуникации способны выполнять роль медиатора, управляющего социальными знаниями человека об окружающем мире: во-первых, в качестве сигнификационной системы, создающей и структурирующей системы образов, наделяющая эти образы и системы образов в целом смыслами, и предлагающей модели их интерпретации массовой аудитории; во-вторых, в качестве референциальной системы, которая генерирует паттерны моделей поведения и предлагает их в качестве моделей поведения людей, составляющих целевые аудитории телепередач; в-третьих, в качестве репрезентационной системы, предоставляющей существующие в обществе или в иных социокультурных сообществах модели поведения и рефлексивно их номинирующая. [6, с. 10-12]

Ежедневно 30% населения просматривает телепередачи, причем этот просмотр во многом перестал сводиться к пассивному восприятию медиaproдукции, а можно рассматривать в качестве активной социальной практики, ориентированной на активную переработку символического материала и превращению его в индивидуальный символический капитал. [7, с. 62] При этом символический капитал, содержащийся в электронной масс-медиапродукции может быть частично или полностью трансформирован и переработан потребителем, который при этом получает эффекты, на которые первоначально не рассчитывали конструкторы информации. [7, с.62]

В современном обществе транслируемые медиативными посредниками смыслы инкорпорируются в социально-культурное пространство кодов. Причем кодирование и перекодирование тех или иных смыслов и символических значений осуществляется не только самими потребителями, но и средствами массовой коммуникации. [8, с. 43] Поэтому современный мир можно представить как доминирование обыденного, как «микрореволюцию банальности», в котором «царствует медиум, идол, симулякр», а не содержательное сообщение, идея, истина. [9, с. 5] Причем потребительские аудитории предстают в качестве дифференцированных фрагментированных и атомизированных целевых аудиторий, объединенных не общим смыслом, а общими эмоциями. [9, с.10] Если в начале XX века потребители информации масс-медиа или читающая публика формировались на основе агрегирования читателей вокруг какого-либо органа печати, обеспечивая ему тираж и обратную связь, то в настоящее время процесс агрегирования сменился принципом сегментирования, когда сами медиасредства создают свои целевые аудитории, навязывая им свои смыслы и символические значения. [10, с.346]

В результате массированного целенаправленного воздействия на целевые группы аудитории телеканалов происходит перманентный процесс генерирования и деградации символических целевых аудиторий, ориентированных на восприятие коллективно навязываемых символических значений, но не способных к коммуникативным интеракциям в рамках самой целевой аудитории.

Дифференциации и индивидуализация жизненных стилей является важнейшим фактором дифференциации контентных предпочтений российских потребителей телепродуктов – телевизионные целевые аудитории все более фрагментируются. [11, с.73] Такие целевые аудитории основываются на спонтанных символических взаимосвязях, в которых атомизированные индивиды и микросообщества существуют в легко разрушаемом символически однородном пространстве, которое легко может быть символически переформатировано в любой момент. И обладатели символического капитала могут превратиться из авангарда в арьергард, из успешных лидеров в социальных аутсайдеров с невозможностью трансформации накопленного символического капитала в любые другие формы капитала. [12, с.77-78]

Конструктивная деятельность по производству «коммуникации» исключает проблему «интерсубъективного отношения» как морального отношения индивидов, редуцируя субъекта до объекта – носителя информации, или «вещи», используемой в информации». [12, с.80-81]

Происходит вытеснение коммуникации, как сферы общения и социально-коммуникативного взаимодействия, подменяемое информационным воздействием и использованием информационных технологий, когда информация начинает рассматриваться человеком как демиург, творящий мир «здесь и сейчас», вне актуальных времени и пространства. [13, с.131]

Телепередачи из продукта семейного назначения превратились, наряду с радиопередачами в продукт индивидуального использования, чему способствовало увеличение средств мобильной индивидуальной ретрансляции, тематическая фокусировка передач, специализация теле- и радиоканалов, превратившимися в фон других повседневных социальных практик. [11, с. 75]

Развитие новых цифровых медиа не смогли пока еще радикально трансформировать пользовательские аудитории традиционных электронных средств массовой информации – телевидения и радио. Появляющиеся новые сегменты телевизионных и радиоаудиторий свидетельствуют лишь о продолжающихся процессах переструктурирования и пересегментирования слушательских и зрительских аудиторий. Это обусловлено не в последнюю очередь тем, что

медианосители, являющиеся проводником сегментирования пользовательских аудиторий, поддерживают в целом существующую структуру как рынка медиауслуг, так и пользовательских сегментов, потому что производители медиапродукции заинтересованы, как и общество и государство, в стабильности социальных и институциональных структур.[14, с. 48]

В условиях доминирования этих «традиционных» по отношению к Интернету и мобильной связи медиа, Интернет-сообщения достигают основные массы населения «в пересказе, в ретрансляции публичных и локальных лидеров, других медиа, через систему фильтров, следуя известным ранее двухступенчатым моделям коммуникации (Кац, Лазарсфельд)».[14, с.65] При этом, по справедливому, на наш взгляд, замечанию Ю.Хабермаса, распространение Интернет-практик в социальной повседневности приводит к смещению социальной интеграции в сферу культуры,[15] усиливая информационную энтропию и подрывая гражданское доверие к политическим системам и акторам политических процессов, к политическому участию, потому что информация поступает к людям в хаотической энтропийной массе, не будучи интерпретированной в комментариях политических активистов и лидеров, ученых и т.п.

В результате укрепляется асимметрия в распределении информации в обществе, что, в конечном итоге, приводит к возрастанию горизонтального неравенства как дополнения вертикального неравенства, порождаемого социальными структурами и функционирующими в них вертикально ориентированными информационными потоками. При этом медиа транслируют не только информацию, но и модели культуры.[16] Формируя повестку дня, тренды социальной жизни, современные медиа выполняют функцию социального конструирования реальности. Д.Шоу и М.МакКомбс прямо указывали на диффузное влияние средств массовой информации на формирование воспринимаемой обществом картины мира, причем в каждом сегменте пользовательской аудитории эта картина окружающего мира носит дифференцированный характер, сохраняя рамочное общее и отличаясь в деталях социального означивания и символизации.[17] То есть наряду с генерированием и передачей общего социального символического капитала средства массовой информации создают предпосылки для производства индивидуального и группового символического капитала.

Важное значение в генерировании символического капитала имеют рекламные коммуникации. Кroeбер-Риль выделяет пять функций рекламы - информационную, мотивационную, социализирующую, подкрепляющую, развлекающую.[18, S.130] Нам представляется, что этот перечень необходимо дополнить когнитивной и навигационной функциями. Рассмотрим перечень рекламных функций под углом символического капитала подробнее.

Информационная функция рекламы выполняет роль коллаборативной фильтрации в рыночном пространстве перенасыщенном информацией. Рекламируемые товары и услуги, попавшие в рекламные сообщения, тем самым наделяются к уже имеющемуся символическому капиталу товарной или торговой марки дополнительным символическим капиталом, который дополняет символический капитал канала рекламной коммуникации. С точки зрения символического капитала рекламное сообщение уже представляет собой инвестиционную характеристику рыночных интеракций двоякого рода – с одной стороны она подтверждает символический капитал товара и его продавца, а с другой продуцирует символический капитал потребителя в виде порождаемого рекламным сообщением и содержащимся в нем символическом капитале качественного времени.[19, p.134]

Мотивационная функция рекламы связана с эмоциональным воздействием рекламного сообщения на потребителя. Цель эмоционального воздействия создателями рекламы осознается как активация побудительных стимулов и мотивация потребительской активности. При этом, однако, вне поля зрения специалистов в сфере рекламы остается производство символического капитала, связанного с эмоциональными составляющими ядерной функции и атрибутов в мультиатрибутивной модели товара. По-видимому, такое положение вещей является следствием соотнесения эмоциональных характеристик только с атрибутами в мультиатрибутивной модели товара массовой индустриальной эпохи (например, подарочной упаковки, интерьера парикмахерского салона, костюмов участников корпоративного мероприятия). Но эмоциональные составляющие мотивации могут быть связаны с ориентацией индивида в окружающем социокультурном пространстве, соотнесение своего положения и статуса в группе, ощущением своей самоидентичности: «Именно с помощью рефлексивности - оборачиваемости опыта индивида на самого себя – целостный социальный процесс привносится в опыт участвующих в нем индивидов...индивид способен сознательно приспосабливаться к этому процессу и модифицировать протекающий процесс в любом данном социальном действии с точки зрения своего приспособления к нему».[20, p.290;21, p.19; 22, p.167-168]

Символический капитал, формируемый рекламным сообщением, приобретает потребителем, трансформируясь из символического капитала бренда в символический капитал его обладателя, который наделяет его дополнительными свойствами самоидентификации и социального статуса. Например, дополняющая визуальный рекламный образ престижного автомобиля визуальная информация, продуцирующая в сознании потребителя эффект обуславливания и вызывающая у него определенный эмоциональный настрой, в телевизионной рекламе подобный эффект ореола создает телевизионная передача или художественный фильм, в процесс демонстрации которой имплантированы рекламные врезки.[23, p.227]

Подкрепляющая функция рекламы поддерживает в сознании потребителя убеждение в правильности выбранной модели потребительского поведения, соотносимой с принятыми в обществе нормативно-ценностными ориентациями. Необходимость в подобном подкреплении связана с постепенным снижением эмоционального настроения потребителя после приобретения товара или услуги, когда приобретенный символический капитал трансформируется в символический капитал потребителя и подвергается переоценке, как самим потребителем, так и его социально-культурным окружением. В результате такой трансформации символический капитал может, как потерять часть символической стоимости, так и сохранить ее или даже увеличить. Однако это во многом определяется дополнительными факторами – степенью социальной активности потребителя, поддержанием или изменением самоидентификации потребителя, его вовлеченностью в социально-культурное поле бренда или выбранных в информационном множестве товаров или услуг, коллаборативной экспертной оценкой его окружения и т.п.

Развлекающая или гедонистическая функция рекламы отражает то эмоциональное удовольствие, которое получает потребитель в процессе ознакомления с рекламным сообщением, когда символический капитал рекламного сообщения, содержащийся в выраженной или латентной форме, способен продуцировать эмоции у потребителя рекламного продукта. Как и при покупке, в рамках методологического подхода Беккера-Ланкастера, потребитель рекламной продукции производит эмоции, которые влияют на его дальнейшую социальную и, уже, потребительскую активность. Современные рекламные сообщения, как правило, содержат дополнительную «ценность переживания», обусловленную ментальным проектированием рекламных сообщений, наделяющих модели рекламных сообщений управляемым символическим капиталом: «Люди должны обрести вознаграждение переживания... В этом и состоит основа теории выбора...».[24, р.56] В этом случае дополняющий символический капитал, как правило, либо сохраняет стоимость индивидуального или группового символического капитала за счет как пролонгирования его ценности (имеющей тенденцию снижения в сфере социально-культурных практик с течением времени), либо повышает эту стоимость за счет привнесения новых эмоциональных ценностей.

Когнитивная функция рекламы реализуется в трансформации культурного (образовательного) капитала в новые компетенции, меняющие социально-культурный статус индивида или группы потребителей данного потребительского сегмента, что свидетельствует о возможности трансформации социально-культурного капитала рекламных сообщений в индивидуальный или групповой символический капитал.

Наконец, навигационная функция рекламы позволяет потребителю фактически и символически экономить основной ресурс социальной жизни современности – время (путем отбора необходимой информации), с одной стороны, и подкрепить или изменить модель персональной идентичности или модель поведения в конкретной ситуации с использованием символического капитала – с другой стороны. Важнейшим детерминантом восприятия для многих сегментов потребителей, как представляется, является стоимость символического капитала, содержащегося в рекламных сообщениях. Этот символический капитал содержится в рекламируемом бренде, в уровне используемых в рекламном сообщении VIP-персон, являющихся предписантами для данного сегмента, в эстетическом уровне рекламного сообщения и т.п.

Литература

1. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. - М.: Канон, 1995.
2. Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Svidler A., Tipton S.M. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. - Berkely: University of California Press, 1985.
3. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество (Теорема Томаса) //URL: <http://socioline.ru/pages/r-mertonsamoispolnyayuscheesya-prorochestvo-teorema-tomasa> (Дата обращения: 21.03.2015).
4. Луков А.В. Следствия «теоремы Томаса» в условиях становления информационной цивилизации // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 4. – С.220-222.
5. Ильин, А.Н. Дискурс новостей и мифотворчество // Социологические исследования. – 2010. – № 12. – С.115-121.
6. Климов И.А. Телевидение: модальности существования // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – С. 1-17.
7. Коломиец, В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С.58-66.
8. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета 2000.
9. Малковская И.А. Социологический профиль информационно-коммуникативного общества // Социологические исследования. – 2007. – № 2. – С.1-23.
10. Маклюен М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. Understandingmedia. - М.; Жуковский: КАНОН-пресс Ц, Кучково поле, 2003.
11. Полуэхтова И.А. Динамика российской телеаудитории // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С.66-77.
12. Малковская И.А. Профиль информационно -коммуникативного общества (обзор зарубежных теорий) // Социологические исследования. – 2007. – N 2. – С.76 – 85.
13. Хабермас, Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма. // THESIS. – 1993. – Весна. – С.123-136.
14. Костенко Н.В. Информационно-культурные стили в России и Украине // Социологический журнал. – 2009. – № 1. – С.47-69.
15. Хабермас Ю. Первым почуять важное. Благодарственная речь по случаю вручения Премии им. Бруно Крайски // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 3 (47) // URL: <http://www.magazines.russ.ru> (Дата обращения: 21.03.2015).
16. Thompson J.B. The media and modernity. A social theory of the media. Stanford: Polity Press, 1995.
17. Shaw D., McCombs M. The emergence of American political issues: The agenda-setting function of the press. – St. Paul: West, 1977.
18. Kroeber-Riel W. Konsumerystrategien. – Muenchen: Valhen, 1992.
19. Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. – Chicago: University of Chicago Press, 1962.
20. Berlyne D.E. Conflict, Arousal and Curiosity. – New York: McGraw-Hill, 1960 P.290.
21. Scitovsky T. The Joyless Economy. – New York – London-Toronto: Oxford University Press Inc., 1976. P.19.
22. Valaskakis K. et al. La société de conservation. - Montréal: Les éditionsQuinze, 1978.P.167-168.
23. Parsons T. The Social System. - Clencoe: Free Press, 1968.

24. Pinson C., Malhorta N.K., Jain A.K. Les styles cognitifs des consommateurs // Rechercheet applications en marketing. – 1988.– Vol.3. – № 1. –P.55-73.

References

1. Djurkejm Je. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie / Per. s fr. - M.: Kanon, 1995.
2. Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Svidler A., Tipton S.M. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. - Berkely: University of California Press, 1985.
3. Merton R. Samoispolnjajushheesja prorochestvo (Teorema Tomasa) //URL: <http://socioline.ru/pages/r-mertonsamoispolnyayuscheesja-prorochestvo-teorema-tomasa> (Data obrashhenija: 21.03.2015).
4. Lukov A.V. Sledstviya «teoremy Tomasa» v uslovijah stanovlenija informacionnoj civilizacii // Znanie. Ponimanie.Umenie.– 2006. – № 4. – S.220-222.
5. Il'in, A.N. Diskurs novostej i mifotvorchestvo // Sociologicheskie issledovanija. – 2010. – № 12. – S.115-121.
6. Klimov I.A. Televidenie: modal'nosti sushhestvovanija // Sociologicheskie issledovanija. – 2005. – № 10. – S. 1-17.
7. Kolomiec, V.P. Mediasreda i mediapotreblenie v sovremennom rossijskom obshhestve // Sociologicheskie issledovanija. – 2010. – № 1. – S.58-66.
8. Bodrijar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva ili konec social'nogo. - Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta 2000.
9. Malkovskaja I.A. Sociologicheskij profil' informacionno-kommunikativnogo obshhestva // Sociologicheskie issledovanija. – 2007. – № 2. – S.1-23.
10. Makljuen M. Ponimanie Media: vneshnie rasshirenija cheloveka. Understandingmedia. - M.; Zhukovskij: KANON-press C, Kuchkovo pole, 2003.
11. Polujehtova I.A. Dinamika rossijskoj teleauditorii // Sociologicheskie issledovanija. – 2010. – № 1. – S.66-77.
12. Malkovskaja I.A. Profil' informacionno -kommunikativnogo obshhestva (obzor zarubezhnyh teorij) // Sociologicheskie issledovanija. – 2007. – N 2. – S.76 – 85.
13. Habermas, Ju. Otnoshenija mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v uslovijah pozdnego kapitalizma. // THESIS. – 1993. – Vesna. – S.123-136.
14. Kostenko N.V. Informacionno-kul'turnye stili v Rossii i Ukraine // Sociologicheskij zhurnal. – 2009. – № 1. –S.47-69.
15. Habermas Ju. Pervym pochujat' vazhnoe. Blagodarstvennaja rech' po sluchaju vruchenija Premii im. Bruno Krajski // Neprikosnovennyj zapas.– 2006. – № 3 (47) // URL: <http://www.magazines.russ.ru> (Data obrashhenija: 21.03.2015).
16. Thompson J.B. The media and modernity.A social theory of the media.Stanford: PolityPress, 1995.
17. Shaw D., McCombs M. The emergence of American political issues: The agenda-setting function of the press. – St. Paul: West, 1977.
18. Kroeber-Riel W. Konsumerystrategien. – Muenchen: Valhen, 1992.
19. Mead G.H. Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. – Chicago: University of Chicago Press, 1962.
20. Berlyne D.E. Conflict, Arousal and Curiosity. – New York: McGraw-Hill, 1960 P.290.
21. Scitovsky T. The Joyless Economy. – New York – London-Toronto: Oxford University Press Inc., 1976. P.19.
22. Valaskakis K. et al. La société de conservation.- Montréal: Les éditionsQuinze, 1978.P.167-168.
23. Parsons T.The Social System.- Clencoe: Free Press, 1968.
24. Pinson C., Malhorta N.K., Jain A.K. Les styles cognitifs des consommateurs // Rechercheet applications en marketing. – 1988.– Vol.3. – № 1. –R.55-73.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

Мы настоятельно рекомендуем всем нашим авторам зарегистрироваться в системе **Science Index РИНЦ**.

Таким образом, авторы могут более детально контролировать список своих публикаций, не только в нашем журнале, но и во всех научных изданиях, входящих в РИНЦ.

Регистрация в системе также позволит узнать индекс научного цитирования автора и его публикаций.

Подробную инструкцию по регистрации в системе Science Index РИНЦ Вы можете найти на нашем сайте <http://research-journal.org/> в разделе «Полезно знать».

Мартirosян К.М.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музееведения
ФГБОУ ВПО «Краснодарский государственный университет культуры и искусств»

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация

Статья посвящена роли символического капитала в интеграции и дифференциации современных социальных систем путем продуцирования индивидуальных и коллективных идентичностей; символический капитал позволяет использовать новые формы идентификации, предполагающие использовать виртуальные социальные сети, гибридные основания традиционных и новых идентичностей; в статье анализируется роль символического капитала в аксиологической сфере современного общества.

Ключевые слова: идентичность, дифференциация, интеграция, самоидентификация, индивидуальная идентичность, коллективная идентичность, электронная идентичность, мультиидентичность, символический капитал.

Martirosyan K.M.

PhD in History, Associate Professor of History and Museology VPO «Krasnodar State University of Culture and Arts»

SYMBOLIC CAPITAL AND IDENTITY

Abstract

The article is devoted to the role of symbolic capital in the integration and differentiation of modern social systems through the production of individual and collective identities; symbolic capital allows the use of new forms of identification, involving the use of virtual social networks, base hybrid of traditional and new identities; The article analyzes the role of symbolic capital in the axiological sphere of modern society.

Keywords: identity, differentiation, integration, identity, individual identity, collective identity, electronic identity multiidentity, symbolic capital.

В современном обществе важнейшим смыслообразующим интегрирующим и дифференцирующим фактором функционирования сложных социальных систем становится идентичность. Идентичность (лат. «тождественный») в современной науке определяется как упорядоченная иерархически организованная система факторов, определяющих соотношение конкретным индивидом себя с идеальным образованием (языком – лингвистическая идентичность), религиозной системой (религиозная идентичность), политической идеологией или политической партией (политическая идентичность), этносом (этническая идентичность), государством (государственная идентичность), регионом (региональная идентичность), организацией общества (гражданская идентичность), культурой (культурная идентичность), корпоративной культурой (корпоративная идентичность), половой принадлежностью (гендерная идентичность) и т.п.[1]

Как писал Э.Эрикссон, под индивидуальной идентичностью следует понимать «ощущения тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве, осознание того факта что твои тождество и непрерывность признаются окружающими».[2, с. 69]

Как полагает Т. Витч, базисным основанием для поддержания целостности социальных систем выступает эмоциональная оценка явлений, с помощью которой сущему и идеальному присваиваются эмоционально окрашенные определения, тесным образом взаимосвязанные с идентификацией.[3] Как представляется автору, в основе оценочных суждений лежат эмоционально окрашенные феномены символического описания сущего и должного, основанные на категоризации фактов действительности в рамках той или иной нормативно-ценностной символической модели в пределах терминальных и инструментальных ценностей. При этом эти символические формы содержат в том или ином объеме символический капитал.

С развитием глобального коммуникативного пространства человек, как обладатель и распорядитель символического капитала, переместился в центр современного коммуникативного поля, оказывающего разнообразное воздействие на развитие и формирование различных виртуальных и ментальных миров, в которых в символических формах реализуются социально-культурные практики.[4, с.36]

По мнению современных российских ученых, «для наших сограждан характерна ... устойчивая самоидентификация ... с такими символическими, абстрактными общностями как люди с аналогичными взглядами на жизнь, представители определенного поколения или той же профессии».[4, с.36] Это свидетельствует о том, что «символические общности очень важны для наших сограждан и имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость».[5, с.17] А значимость этих символических общностей, в свою очередь, определяются объемом и значимостью символических ресурсов.

Стремясь максимизировать возможности использования индивидуального и общественного символического капитала даже самые рационально ориентированные граждане в общей стратегии своего социально-культурного поведения выбирают символические ресурсы большие по объему и возможностям конвертации, в противовес узкогрупповым символическим ресурсам, которые могут решить ситуативные задачи, помочь достичь ситуативные цели, но проигрывают по объему и возможностям символическому капиталу российского общества и российского государства в целом. Вместе с тем нельзя не отметить того факта, что получение человеком доступа к ресурсам глобальной информационной сети Интернет, содержащей огромный объем символического капитала, существенным образом влияет на формирование многомерной самоидентификации личности.

В современной жизни человек интегрирован не только в доступный его восприятию мир, но и в существующие природные и социальные трансцендентности, включенные (но не проявляющие себя открыто) в универсум символического и действительного пространства «социальной перспективы».[6]

Большинство населения за счет массового использования электронных масс-медиа могут формировать свою сетевую идентичность в форме анонимного аватара, наделяя его сконструированными свойствами от

сконструированной биографии до выстраивания внешних границ своей индивидуальной и групповой идентичности, получая тем самым возможность доступа к различным формам капитала Сети, в том числе и символическому капиталу. Да и сама индивидуальная биография превращается в символический капитал, потому что существует постольку, поскольку ее принимают как некую данность другие члены сетевых сообществ, признающие за пользователем Интернета право на самописание себя как участника сети. В подтверждение свойств аватара участники сети заботливо выкладывают в открытый доступ свои фотографии и комментарии, трансформирующиеся в персональный символический капитал. Мобильная идентичность является следствием выхода в киберпространстве за рамки стабильности, которая формируется преодолеваемой в Интернете ограниченностью телесности физических тел.

Однако с возникновением социальных сетей в Интернете мобильная идентичность уступила пальму первенства стабильным идентичностям, потому что «значимость узла в сети во многом определяется именно стабильностью виртуальной личности и ее статусом, репутацией».[7, с.7]]

Канадская ученая А.Висо для обозначения идентичности пользователей в Интернет-пространстве использовала термин электронная идентичность.[8] Однако вряд ли можно согласиться с утверждением М. МакЛюэна о том, что «мы создаем технологии, которые создают нас».[9] Технологии лишь предоставляют людям новые возможности. С учетом различных видов он-лайнных и офф-лайнных возможностей современных электронных технологий мы полагаем целесообразным использования термина электронная идентичность.[10]

Можно сформулировать несколько дихотомий, присущих электронной идентичности: 1) выбор – судьба; 2) автономия – власть; 3) конструкция – реальность [7, с.14]; 4) анонимность – персонализация.

В этих дихотомиях заключен глубокий смысл персонализации выбора поведения человека в виртуальной реальности. И в зависимости от индивидуального выбора цепь наступающих последствий может существенным образом изменяться — выбор персонализации идентичности в кибер-пространстве превращает человека в часть неприсваиваемого индивидом виртуального мира, который задает свои правила и конструирует траекторию жизнедеятельности человека, пока еще в кибер-пространстве). Персонифицировав свою идентичность и добившись ее стабильности, человек утрачивает возможность нарушать правила, становясь частью социальной сети и подчиняясь ее нормативным установкам и превращая индивидуальный символический капитал в символический капитал сетевого сообщества.

Электронная идентичность опирается на социальный опыт Интернет-пользователя, включая индивидуальный опыт пользователя, опыт, полученный из опыта других людей в процессе коммуникативных взаимодействий, художественной литературы, средств массовой коммуникации. При этом собственная сконструированная биография, созданная по схеме script или сюжетного повествования, выстроенного по особой повествовательной схеме, постоянно пополняемая за счет дополнительных материалов и комментариев других пользователей, является частью множественной идентичности современного человека. Л.Морено предлагает употреблять применительно к определению идентичности жителей европейских мегаполисов и малых стран Европы термин «космополитический локализм».[11] Мы полагаем возможным определить индивидуальную совокупность различных идентичностей современных людей, использующих средства электронной коммуникации и использующих в различных ситуациях различные социально-ролевые статусы термином мультиидентичность.[12,13,14] Именно индивидуальная мультиидентичность позволяет таким людям в рамках индивидуальной стратегии максимизации использования ресурсов добиваться вовлечения в свою деятельность и в персональную публичную репрезентацию максимальные объемы символического капитала, разнообразного по видам и формам использования в самореализации личности не только в виртуальной, но и в актуальной реальности.

В эпоху системных изменений и обострения конфликта новых и традиционных ценностных систем, процессы формирования новой идентичности, по сути, представляют собой форму ответа общества на трансформационный вызов, которая выражается в развитии бинарной (гибридной) идентичности, в которой человек идентифицирует себя как с уходящим прошлым, так и с приходящим настоящим.[15] Это и является базисным основанием мультиидентичности, возникающей как ответ на кризис персональной идентичности, и пытающейся использовать как традиционный, так и инновационный символический капитал.[16] А это позволяет дополнить концепцию социальной идентичности, включающей когнитивные схемы, поведенческие стратегии и аффективное подкрепление, образующих базовое основание для системы мотиваций, дополнительный ресурсом в виде символического и социального капиталов, связанных со всеми вышеперечисленными факторами.

В целях полноты анализа нам представляется целесообразным использование концепта «персональной идентичности», предложенного еще в конце XIX века У.Джемсом.[17, p.176] Если быть последовательным и согласиться с Э.Эриксоном в том, что персональная идентичность связана с ощущением «тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве, осознание того факта что твои тождество и непрерывность признаются окружающими».[2, с.69] Если принять это достаточно широкое определение идентичности, то в рамках персональной идентичности человек должен отказаться от символического капитала, связанного с прошлым, и опираться лишь на инновационный символический капитал. Однако на практике этого не происходит, потому что потеря столь значительного объема символического капитала была бы не рациональной, поэтому предпочтительной персональной стратегией человека, реализующего инновационные социально-культурные паттерны, является гибридизация персональных ценностных оснований, сохраняющая доступ к символическому капиталу традиционалистского прошлого. В инновационно ориентированных групповых идентичностях гибридизация выражена в меньшей степени потому, что использование символического капитала прошлого возможно преимущественно в переформатированном виде, в противном случае инновационность утратила бы свой смысл.

Символический капитал имеет очень большое значение для россиян, всегда отличавшихся повышенным вниманием к идеальным сферам социальной жизни: «...для наших сограждан характерна также устойчивая самоидентификация и с такими символическими, абстрактными общностями как люди с аналогичными взглядами на жизнь, представители определенного поколения или той же профессии. Таким образом, абстрактные, символические

общности очень важны для наших сограждан и имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость».[18, с. 36] В условиях дефицита ресурсов наибольшее значение приобретает получение максимального доступа к социальному и символическому капиталу Интернета, в результате чего электронная идентичность становится наиболее доступной и доминирующей в рамках мультиидентичности.

Если в эпоху модерна сформировался феномен «национальной культуры» как знаково-символической системы, разделяемой представителями определенной этносоциальной общности, в рамках которого организовано освоение и интерпретация культурного наследия и производство и интерпретация культурных смыслов, то в современном мире на смену национальному присвоению культурного поля индустриальными государствами пришли культурные индустрии, создающие в рамках культурных потоков производства глобальной массовой культуры медиасферы (mediascapes) и идеосферы (ideoscapes), или продуцирующие смыслы и символический капитал.[19, p. 112-115]

В условиях снижения присутствия государства, как властного института, во взаимоотношениях между производителями и потребителями продуктов культурного производства, в переходе национального уровня лояльности на наднациональный уровень Объектами лояльности становятся «знаково-символические целостности и коммуникационные пространства, границы которых пересекают границы национальных государств».[20] Во-вторых, претерпела изменения идентичность, когда в процессе глобализации появились сообщества идентичности, плохо совместимые с национальной идентичностью, но быстро растущие количественно.[20] В результате знаково-символическое пространство стандартизируется с одной стороны, и фрагментируется – с другой.[20]

В рамках развития глобальной массовой культуры происходит взаимная трансформация культур, сопровождающаяся интенсивным переформатированием и развитием привлеченных символических капиталов. Как отмечал П.Штомпка, трансформации в интеракционном (interactions) и нормативном (norms) полях, ведут также к трансформации идеологического (ideology) и потенциального (opportunity) измерений, характеризующих социальный и символический капитал, как отдельных персон, так и социальных групп.[21, с. 28-30] А современное общество превращается в «сообщество массивированной образности».[22, p. viii]

Стремясь подчинить личность, социум формирует различного рода потестарные социальные сети, которые пытаются стабилизировать персональную идентичность и подчинить человека негосударственным социальным институтам с целью коллективного освоения его индивидуального символического капитала.

Тем самым символический капитал превращается в современном обществе в важнейший ресурс индивидуальных и коллективных идентичностей, дифференцируя и интегрируя современное общество по различным социокультурным основаниям, составляющим базовые основания социокультурной идентичности.

Литература

1. Шиманов А.Ю. Самоидентификация человека как антропогенетический феномен: автореф. дис ... д-ра философ.наук. - М., 2008.
2. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс, 1996.
3. Wise D. Virtual Identity: How Virtual Worlds Affect Identity // University of Colorado at Denver and Health Sciences Center // URL: <http://debwise.com/> (Датаобращения: 21.03.2015).
4. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. - М.:Институтсоциологии РАН 2013.
5. Тишков В. А. Российская нация и российские национальности // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и воФранции. -М.: ИЭА РАН, 2008.
6. Poster M. Cyber Democracy: Internet and the Public Sphere. // Arnowitz S. In The Information Subject (Ed.). - Amsterdam: G&B Arts, 2001. P.95-116.
7. Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. — 2009. — № 3. — С.3—15.
8. Viseu A. A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. – Toronto: University Press, 1999.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. Understandingmedia. - М.: Жуковский: КАНОН-прессЦ, Кучково поле, 2003.
10. Control + Shift / Сборник статей под ред. К.Тойнбинер, Э.Шмидт, Н. Конрадовой.- М.: Новое литературное обозрение, 2009.
11. Moreno L. Multiple identities and global meso-communities. // Lachapelle G., Paquin S. (eds.). MasteringGlobalization. - Oxon: Routledge, 2004. P. 127-140.
12. Striker Ch. Symbolic Interactionism: A Social Structural Version Menio Park: Bejamin-Cummings, 1980.
13. MacCall S. Identity and Interaction. - Chicago: University of Chicago Press,1990.
14. Курские В.С. Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): автореф. дис...канд. соц. наук. - М., 2011.
15. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник. Серия «Социология». - М.: ИНИОН РАН, 1995. С.95-113.
16. Hopf T. Identity and Security.Construction, Imposition and Choice. - New York: Ann Arbor, 1994.
17. James W. The Self and Its Selves // Lemert Ch. (ed.). Social Theory. Malden: Academic Press,1993. P. 171-187.
18. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. - М.: Институт со-циологии РАН, 2013.
19. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
20. Национальная культура в эпоху глобализации // URL:http://www.ccisru.org/books/Natcionalnaya_kultura_v_epohu...mic.org.ru/index.php...mediakultura-kultura-media (Дата обращения: 29.03.2015).

21. Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект-Пресс, 1996.
22. Emmison M., Smith P. Researching the Visual. – London: Sage, 2002.

References

1. Shimanov A.Ju. Samoidentifikacija cheloveka kak antropogeneticheskij fenomen: avtoref. dis ... d-ra filosof.nauk. - M., 2008.
2. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis. - M.: Progress, 1996.
3. Wise D. Virtual Identity: How Virtual Worlds Affect Identity // University of Colorado at Denver and Health Sciences Center // URL: <http://debwise.com/> (Dataobrashhenija: 21.03.2015).
4. Gorshkov M.K., Tihonova N.E. Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva.- M.:Institutsociologii RAN 2013.
5. Tishkov V. A. Rossijskaja nacija i rossijskie nacional'nosti // Jetnicheskie kategorii i statistika. Debaty v Rossii i voFrancii. -M.: IJeA RAN, 2008.
6. Poster M. Cyber Democracy: Internet and the Public Sphere. // Arnowitz S. In The Information Subject (Ed.). - Amsterdam: G&B Arts, 2001. R.95-116.
7. Asmolov A.G., Asmolov G.A. Ot My-media k Ja-media: transformacii identichnosti v virtual'nom mire // Voprosy psihologii. — 2009. — № 3. — S.3—15.
8. Viseu A. A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. – Toronto: University Press, 1999.
9. Makljuven M. Ponimanie media: vneshnee rasshirenie cheloveka. Understandingmedia. - M.: Zhukovskij: KANON-pressC, Kuchkovo pole, 2003.
10. Control + Shift / Sbornik statej pod red. K.Tojnbiner, Je.Shmidt, N. Konradovoj.- M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
11. Moreno L. Multiple identities and global meso-communities. // Lachapelle G., Paquin S. (eds.). MasteringGlobalization. - Oxon: Routledge, 2004. P. 127-140.
12. Striker Ch. Symbolic Interactionism: A Social Structural Version Menio Park: Bejamin-Cummings, 1980.
13. MacCall S. Identity and Interaction. - Chicago: University of Chicago Press, 1990.
14. Kurske V.S. Mnozhestvennaja jetnicheskaja identichnost': teoreticheskie podhody i metodologija issledovanija (na primere rossijskih nemcev): avtoref. dis...kand. soc. nauk. - M., 2011.
15. Giddens Je. Modern i samoidentichnost' // Sovremennaja teoreticheskaja sociologija: Jentoni Giddens. Referativnyj sbornik. Serija «Sociologija». - M.: INION RAN, 1995. S.95-113.
16. Hopf T. Identity and Security.Construction, Imposition and Choice. - New York: Ann Arbor, 1994.
17. James W. The Self and Its Selves // Lemert Ch. (ed.). Social Theory. Malden: Academic Press, 1993. R. 171-187.
18. Gorshkov M.K., Tihonova N.E. Sociokul'turnye faktory konsolidacii rossijskogo obshhestva. - M.: Institut so-ciologii RAN, 2013.
19. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. - Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
20. Nacional'naja kul'tura v jepohu globalizacii // URL:http://www.ccisru.org/books/Natcionalnaya_kultura_v_epohu...mic.org.ru/index.php...mediakultura-kultura-media (Data obrashhenija: 29.03.2015).
21. Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij. - M.: Aspekt-Press, 1996.
22. Emmison M., Smith P. Researching the Visual. – London: Sage, 2002.

Шарова М.А.

Кандидат философских наук, доцент Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского
ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация

В статье рассмотрена концепция философии истории К.Н. Леонтьева в контексте культурологического процесса и определения будущности России исходя из национальной идеи и роли византийского фактора в истории страны.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, история философии, культура

Sharova M.A.

PhD in Philosophy, Kaluga State University names of K. Chiolkovsky
PHILOSOPHER OF HISTORY BY K.N. LEONTIEV IN INSIDE CULTURAL PROCESS

Abstract

In article devote conception the philosopher of history by K.N. Leontiev in inside cultural process and future of Russian for nation idea and role visantism in philosopher of our country.

Keywords: K.N. Leontiev, philosopher of history, cultural

Н.А. Бердяев писал, что «трудно отыскать К. Леонтьева на большой дороге, на основной магистрали русской общественной мысли. Он не принадлежал ни к какой школе и не основал никакой школы», но также не возможно не оценить значимость его творчества в истории русской мысли.

Широту и неоднозначность взглядов К.Н. Леонтьева отмечали многие современники общественной мысли: сторонники и оппоненты. По проблеме философии истории К.Н. Леонтьев вступил в полемику с представителями «розового христианства» – Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, а в конце жизни и с В.С. Соловьевым, упрекавшими его

в «трансцендентном эгоизме» – спасении души отдельного человека, но не человечества. В.В. Зеньковский в «Истории русской философии» показал значимость исторической антропологии К.Н. Леонтьева, восходящей к утверждению культурной роли человека в истории: религиозно – мистическому пониманию, поскольку человек озадачен темой «спасения культуры», в том числе и культуры личностного плана. П.Б. Струве был единственным из числа русских идеалистов, обратившим внимание на гармоничное соединение в творчестве К.Н. Леонтьева диссонансного содержания истории культуры и эстетического восприятия веры [1, С.183].

Концептуально философию истории К.Н. Леонтьев изложил в работе «Византизм и славянство». Мыслитель показал, что вехи истории имеют свою ценность не только потому, что заставляют обращаться к корням и не забывать о них, но и потому, что дают импульс, своеобразный толчок дальнейшему развитию общества, ставят новые вопросы к истории для того, чтобы найти современные ответы. По К.Н. Леонтьеву, большое значение в этом процессе принадлежит русской философии, но не той философии, которая хочет походить на иные европейские системы, а философии действительно близкой и нужной народу. Он полагал, что если русская философия хочет сказать что-нибудь значимое, верное, глубокое русскому народу и человечеству вообще, после всех пережитых блужданий и крушений, то она должна возжелать ясности, четкости и жизненности, а для этого должна стать убедительным исследованием национального духа и духовности. К.Н. Леонтьев понимал, что общественная ситуация XIX века заставляет вновь пересмотреть материал, имеющийся в русской культуре со времен славянофилов.

Излагая философию истории как теорию органицизма, он обозначил этапы развития: 1) первичной простоты; 2) «цветущей сложности»; 3) вторичного смесительного упрощения. Согласно мыслителю, Европа уже вступила в третью стадию, о чем свидетельствуют: нивелирование веры, духовный диссонанс, утверждение идеологии индивидуализма в плане гипергуманистического идеала человека – человекопоклонничества. Недостаток европейского общества он видел в обезличности: секуляризации культуры и человека. Отсутствие религиозного идеала приводит к «взрачиванию» образа и подобия Божия в человеке: то есть норма восприятия человека таким, какой он есть, без этической составляющей и необходимости духовного развития, что порождает идеал европейца, ориентированного на прогресс. В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» философ задался целью раскрыть образ культурного образованного европейца с позиции человеческой ценности. Он показал, что в европейской культуре законы разума попадая на эмпирические науки, возводят в культ поклонения – прогресс, что влечет изменения в мировоззрении людей, в их образе жизни, в личных и социальных отношениях. Происходит дифференциация сфер науки по условиям развития, и общества по степени принадлежности к ней на – знание и незнание. Знание разума для европейского общества определяет ход цивилизации, а незнание «есть состояние разума ... с малым накоплением фактов... отрицательное состояние разума» [2, С. 436]. Ход цивилизации намеренно ведет к приоритету науки. Культ людей «знающих» вызывает преклонение и является антиподом массе людей «незнающих» - антрополатрия пересиливает любовь к Богу. «Просвещенная» Европа верит в человечество, а в человека больше не верит. В антропологии К.Н. Леонтьев дифференцировал пути религиозного (византийского) и гуманистического (европейского) учений. Философ показал, что религиозное учение – любовь к Богу – тому общему, что присутствует в каждом, ведет к выявлению лучших черт характера, их неповторимости. Он заключал, что гуманность новоевропейская и гуманность христианская - антитезы. Диссонанс в культурном развитии Европы ведет к ее вторичному уравнительному смещению, гибели. Мыслитель полагал, что даже один монах выбором аскетического идеала духовно противостоит уравнительным цивилизационным тенденциям и, тем самым, отсрочивает вторичность культурного смещения. Эстетическое неприятие им традиций европейской цивилизации, отразилось в идеи преемственности Россией основ культуры Византийской. Мыслитель верил в возможность подлинного развития и процветания России. Основную задачу он видел в «подмораживании России»: с одной стороны – блокировании разрушительных европейских процессов, а с другой – сдерживании от растленного либерализмом славянства. Философ утверждал, что Россия всем своим развитием обязана не славянству, а византизму, который усвоила и дополнила. Наследие византийской культуры долгое время не было актуализировано ввиду незрелости отечественной науки. Сейчас же, когда передовая общественность действительно начала задумываться над вопросом византийского наследия, у России появилась возможность обрести будущее. По К.Н. Леонтьеву, Россия - мир культурно своеобразный и обособленный от западноевропейского, поэтому главная задача – изучение основ национальной культурной самобытности.

Литература

1. Струве П.Б. Константин Леонтьев – В кн.: Леонтьев К.Н.: pro et contra. Кн. II, СПб., 1995 – 584 с.
2. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения – В кн.: Леонтьев К.Н. Храм и Церковь – М., 2003 – 476 с.

References

1. Stryve P.B. Konstantin Leontiev – In B.: Leontiev K. N.: pro et contra. B. II, SPb., 1995 – 584 p.
2. Leontiev K. N. Middle Europe mane as ideal and subject world destruction - In B.: Leontiev K. N. Temple and church – M., 2003 - 476 p.

Шарова М.А.

Кандидат философских наук, доцент

Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского
«КУДИНОВСКИЙ ПЕРИОД» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА**Аннотация**

В статье рассмотрен «кудиновский период» жизни и творчества К.Н. Леонтьева, отмечено его влияние на становление и формирование мировоззренческой позиции и философский взглядов мыслителя (особенно категории эстетизма).

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, философия, Кудиново, краеведение

Sharova M.A.

PhD in Philosophy,

Kaluga State University names of K. Chiolkovsky

«KYDINOVSKY PERIOD» IN LIVE AND CREATE BY K.N. LEONTIEV**Abstract**

In article devote «kydinovsky period» in live and create by K.N. Leontiev, mark his influence for begin world – conception and philosopher look by K.N. Leontiev (special esthetics conception).

Keywords: K.N. Leontiev, philosopher, Kydinovo

Жизнь и деятельность К.Н. Леонтьева, его лучшие творческие годы во многом связаны с селом Кудиново Мещевского уезда Калужской губернии, где родился и вырос, приезжал отдохнуть мыслитель. Просторный деревенский дом, живописный пейзаж, аромат липовых аллей и неустанный взгляд хозяйки – матери Ф.П. Леонтьевой следили за устроенностью быта маленького К.Н. Леонтьева. Она много сделала для развития эстетического вкуса сына, привила любовь к культуре, раскрыла основы национальной духовности русского народа. Безусловно, Ф.П. Леонтьева, сама получившая образование и воспитание в Екатерининском институте Санкт – Петербурга старалась дать сыну блестящее образование: Дворянский полк в Петербурге (1843), мужская гимназия в Калуге (1844–1849), медицинский факультет Московского университета (185 –1854), который К.Н. Леонтьев не закончил, приняв решение уйти на войну в качестве полкового лекаря.

Но на всем протяжении жизни маленькое село Кудиново было для мыслителя самым благоприятным местом для жизни и работы. Здесь в споре с матерью маленький К.Н. Леонтьев начал отстаивать свои общественно – политические взгляды на крепостное право, внешнюю политику России середины XIX века и т.д. Здесь формируются истоки удивительного эстетического видения мира: природы, искусства, истории, культуры. В одном из писем В.С. Соловьеву он отмечал: «нигде я там много и так спокойно писать не мог, как у себя в Кудиново» [1, С. 227]; в другом письме К.Н. Леонтьев признавался: «Я очень люблю Кудиново с самого детства. Я заботился о сохранении его даже издали, из Турции» [1, С. 233]. Так К.Н. Леонтьев описывает свой «райский уголок» в письме Е.С. Карцевой: «Двор мой очень зелен, липовые аллеи очень тенисты, розы на этом зеленом дворе так же милы... Пока в роще есть грибы, и мальчики, стригущие лошадей поют русские песни... Пока приходят ко мне после обеда лечиться больные и я могу помогать им... Пока в прохладном флигеле моем, окруженным акацией и бузиной, теплица лампада перед афонским образом юноши – мальчика Пантелеймона, образом, обделанным мною в золото и серебро и убранном рукою моею искусственными фиалками, розовыми бутонами и зеленью... Пока все это есть, есть искусство, есть молитва» [1, С. 234]. К.Н. Леонтьев ценил родословные истоки происхождения, особенно по линии матери, безусловно растворившейся в детях. Лето семья проводила в Кудиново, а осеннее – весенний период, когда дети проходили обучение, жила в Калуге. Привычка возвращаться в родные места навсегда укоренилась в сознании юноши. В Кудиново им были написаны первые публицистические работы: «Немцы», «Женитьба по любви», прочитанные и одобренные в кругу близких. Позже с этими произведениями ознакомился И.С. Тургенев, посчитавший работы начинающего публициста весьма самостоятельными и осмысленными, с определенной жизненной установкой и философским взглядом.

На театре военных действий в Крыму (1854 – 1857) К.Н. Леонтьев не раз вспоминал о своей «родовой обители», душой устремляясь в Кудиново. В письмах к матери он отмечал: «В Крымской моей жизни много трудностей, много того, что зовут борьбой с обстоятельствами, но полагаю, что жизнь в Кудиново должна исцелить мою душу от ... этого глубокого равнодушия ко всему» [1, С. 32]. Кратковременное пребывание в Кудиново после длительного пребывания на войне вновь вернуло ему силы жизни и умиротворение. В уединенном уголке его посещают уже философско – культурологические размышления. В 1860 – е годы им написаны, в том числе и под впечатление от пребывания в родном уголке, повесть «Лето на хуторе», роман «Подлипки». Последующие 1860 – 1870 –е годы ознаменованы длительной службой К.Н. Леонтьева на Востоке: Крит, Адрианполь, Тульча, Янина, Солоники. В Россию мыслитель вернулся только в 1874 году.

Последующие шесть лет К.Н. Леонтьев провел в Кудиново. О своей жизни в имении в письмах В.С. Соловьеву он отмечал: «Только здесь я пользуюсь тем, что мне необходимо для занятий и отдыха. В Кудиново, когда я сел за письменный стол, то и петух знает, что под моим окном громко кричать нельзя. Условия были замечательные и написано было много. Но это были годы тяжелых финансовых испытаний» [1, С. 235]. За долги К.Н. Леонтьев вынужден был заложить имение (только Малютинского банку выплачивал 600 рублей ежегодно). Тяжелые финансовые растраты привели к тому, что по Кудиново в 1879 году прошли первые торги, а в 1882 году оно продано окончательно, что стало тяжелой потерей для мыслителя.

Но связь с селом Кудиново он не терял на протяжении всей жизни, несмотря на отсутствие реальных контактов. Кудиново стало истоком многих его мировоззренческих исканий и духовных успокоений. Во многом Кудиново сыграло определенную роль в принятии К.Н. Леонтьевым решения о поселении с семьей в «консульский домик» за

оградой Оптиной Пустыни. Близость к обители стала неотъемлемым условием его дальнейшего бытия, надеждой на восстановление утраченной безмятежности и умиротворения Кудиновской жизни.

Деятельная душа К.Н. Леонтьева всю энергию растратила на борьбу за обоснование своего мировоззрения, которая считала правильным и которое никак не могла поменять, или даже соотнести в соответствии с утвержденными обществом положениями, всегда стремясь апеллировать к собственным идеалам. При жизни К.Н. Леонтьев не получил должного понимания и отношения к своему творчеству ни в политике, ни в литературе, ни в философии – ни в какой другой сфере, оставшись до конца не изученным мыслителем.

Для современных историографов творчества К.Н. Леонтьева интерес представляет «роль места» (если можно сказать «географического фактора») на мировоззрение и жизненные установки мыслителя: Кудиново, учеба в мужской гимназии г. Калуги, студенческие годы в Московском университете, Крымская война, дипломатическая служба на Ближнем Востоке, жизнь в «консульском домике» за оградой Оптиной Пустыни, монашеский подстриг.

Литература

1. Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб., 1993. – 349 с.

References

1. Leontiev K.N. Select by letter. SPb., 1993. – 349 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

Гольдина О.А.

Студент направления подготовки «Лингвистика», профиля «Межкультурная коммуникация», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА РОССИИ В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию трансформации образа России в чешской литературе XX века. На примере произведений Юлиуса Фучика «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем» и Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» выявлены и проанализированы ключевые характеристики, формирующие образ России в глазах чешского общества до 1968 года и после. Подробно исследуется трансформация образа, ее причины и векторы развития отношений между Россией и Чехией. Исследование выполнено в лингво-культурном аспекте.

Ключевые слова: чешская литература, трансформация, образ России

Goldina O.A.

Student of Linguistics and Intercultural Communication, Lomonosov Moscow State University

TRANSFORMATION OF IMAGE OF RUSSIA IN CZECH LITERATURE OF 20TH CENTURY

Abstract

This article presents a study of transformation of Russia's image in Czech literature of 20th century, as reflected in works "In a Land, Where Tomorrow is Already Yesterday" by Julius Fučík and "The Unbearable Lightness of Being" by Milan Kundera. The study analyses main transformation features that created perception of Russia in the eyes of Czech society before and after year 1968 and explores reasons of the transformation and vectors of development of relations between Russia and Czech Republic. The research is conducted in lingua-cultural aspect.

Keywords: Czech literature, transformation, image of Russia

Несмотря на свое расположение в самом центре Европы и тесные отношения с Западом, Чехия всегда была и до сих пор остается славянской страной с языком, культурой и традициями, схожими с другими славянскими народами, в том числе русским. Чешская история наполнена различными событиями, связанными с международной политикой, и конфликтами с соседними государствами, однако Россия начала играть роль в судьбе Чехии лишь во второй половине XIX века. Именно в это время чешские просветители и писатели стали развивать идею панславизма, которая была представлена на Всеславянском конгрессе в Праге в 1848, и окончательно вербализована политиком и государственным деятелем Карлом Крамаржем в начале XX века. В 1914 г. Крамарж написал документ под названием «Славянская конституция», где подробно описывал возможное объединение всех славянских народов под руководством Российской империи. Позитивное отношение к русскому народу продолжалось и после Первой мировой войны и образования Чехословакии и еще более возросло после освобождения страны от немецкой оккупации в 1945 г. Однако отношение к СССР и русскому народу в целом резко изменилось после того, как советские войска вместе с другими странами Варшавского договора (кроме Румынии) вторглись в Прагу в 1968 г. для подавления реформ.

Таким образом, 1968 год стал переломным в чешской истории и заметно повлиял на образ России в кинематографе, театре, музыке и главным образом в литературе. СССР уже не воспринимался как союзник и партнер, а как крупная угроза. После распада СССР и Чехословакии ситуация стала улучшаться, что привело к восстановлению относительно нейтрального взгляда чешского народа на Россию.

На примере произведений Юлиуса Фучика «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем» (1932) и Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (1984) сделана попытка выявить и изучить особенности трансформации образа России в чешской литературе.

Произведение «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем» чехословацкого журналиста Ю.Фучика является художественным очерком о его путешествии в Советский Союз в начале 30-х годов. Автор описывает достижения СССР в области строительства, техники и сельского хозяйства, а также особенности жизни русских

людей в больших городах и деревнях. Отношение автора к русскому народу крайне уважительное и в целом позитивное.

Для проведения данного исследования методом сплошной выборки из вышеуказанного произведения было собрано и проанализировано 46 контекстов упоминания топонима «Россия» (а также «Советский союз») и были выявлены закономерности его употребления. Существительные «Россия» и «СССР», а также прилагательные «русский» и «советский» встречаются в тексте в сочетании со следующими словами (по мере убывания):

- Работник (12,5%)
 - *Руки советских рабочих не способны бездействовать, и целый мир наблюдает за ними...* (Фучик: 45)
 - *Если пролетариат капиталистического мира увидит ладони советских рабочих...* (там же: 45)
 - *В огне осознания скрывался восторг советских рабочих от новой производственной дисциплины...* (там же: 115)
- Республика (6,25%)
 - *Рабочие классы советской республики были поглощены самоотдачей и восторгом от работы...* (там же: 100)
 - *Наступают очень тяжелые годы для советской республики...* (там же: 100)
- Развитие (6,25%)
 - *Все более глубокий кризис капитализма и все более масштабное развитие СССР...* (там же: 49)
 - *Чтобы рядом с падением капиталистического мира ярче отличалось развитие СССР...* (там же: 49)
- Производство (6,25%)
 - *Данная диаграмма сравнивает развитие производства в Советском Союзе от начала революции до 1926 года...* (там же: 50)
- Экономика (6,25%)
 - *Капиталистический сектор экономики Советского Союза не способен развиваться рука об руку с социалистическим...* (там же: 66)

Другие: коммунистическая страна (4,2%), нужда (4,2%), завод (4,2%), правительство (4,2%), буржуазия (4,2%), промышленность (4,2%), пролетариат (2,1%), великая страна (2,1%), поле (2,1%), заказчик (2,1%), деревня (2,1%), друзья (2,1%), сахар (2,1%), пшеница (2,1%), ужас (2,1%), бульвар (2,1%), царская (2,1%), фронт (2,1%), коммунистическая партия (2,1%), заказы (2,1%), народ (2,1%), опасность (2,1%), успех (2,1%)

Большинство лексических единиц имеют положительную оценку, но встречаются также и слова с нейтральной и отрицательной коннотацией (опасность, нужда, буржуазия). Данные лексические единицы указывают на некоторые недостатки, однако не влияют на общую позитивную оценку.

Основываясь на результатах анализа контекстов, была составлена диаграмма (Рис. 1), включающая в себя слова, упоминаемые в сочетании с рассматриваемыми топонимами более двух раз. Из диаграммы следует, что топоним «Россия» и «СССР» чаще всего употребляется в сочетании со словами, указывающими на экономическое и промышленное развитие Советского Союза, а также на желание граждан принять участие в этом процессе и способствовать созданию великого государства.

Рис.1 – Контексты употребления топонимов в произведении Ю.Фучика

Результаты анализа указывают на то, что в 30-е годы Советский Союз воспринимался Чехословакией как сверхдержава с сильной экономикой и невероятными достижениями в области промышленности и сельского хозяйства. СССР выглядел как надежный союзник и вызывал желание объединить силы и трудиться вместе.

Однако после вторжения советских войск в Прагу в 1968 году ситуация изменилась в худшую сторону, и СССР превратился в основного врага чешского народа, что отразилось в романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия».

Роман рассказывает о судьбе пражского хирурга Томаша, изменившейся после вторжения армии Варшавского договора в Чехословакию. Лейтмотивом произведения является личная жизнь Томаша и его романтические отношения, однако важную роль играет именно образ Советского Союза и коммунистического режима в целом. Автор дает понять, что все несчастья, произошедшие в жизни главных героев, случились именно по вине СССР и вторжения танков в Прагу.

В целях выявления закономерности употребления топонима «Россия» было выявлено и проанализировано 65 контекстов. Топонимы «Россия» и «СССР», а также прилагательные «русский» и «советский» встречаются в романе в сочетании со следующими словами (по мере убывания):

- Армия, войска, военные самолеты, оружие (18,2%)

- Когда в Чехию вторглась советская армия, и начались политические чистки... (Кундера: 205)
 - Руководители страны были вывезены советской армией как преступники... (там же: 28)
 - С первого дня оккупации русские военные самолеты летали над Прагой ночи напролет... (там же: 36)
 - Вторжение (18,2%)
 - Русское вторжение было не только трагедией, но и пиршеством ненависти... (там же: 65)
 - Годы после русского вторжения были периодом похорон... (там же: 224)
 - Танк (10,9%)
 - Он осознал это примерно на десятый день после того, как его страну захватили советские танки... (там же: 27)
 - Затем Томаш пересек чешскую границу и натолкнулся на колонны русских танков... (там же: 35)
 - Солдаты, офицеры (7,3%)
 - Тереза всю неделю была на улицах и фотографировала русских солдат и офицеров во всех компрометирующих их ситуациях... (там же: 64)
 - Разведка, сыск, секретная служба (5,5%)
 - Ему было ясно, что чехи, выходящие оттуда, были тайными агентами русской разведки... (там же: 135)
 - Империя, империализм (5,5%)
 - Молодые французы поднимали кулаки и выкрикивали лозунги против советского империализма... (там же: 96)
- Другие: кич (3,6%), фильм (3,6%), посольство (1,8%), посол (1,8%), запрет (1,8%), закрытие (1,8%), география (1,8%), история (1,8%), комендатура (1,8%), принуждение (1,8%), оккупация (1,8%), стратегия (1,8%), имена (1,8%), текст (1,8%), лад (1,8%), брань (1,8%), город (1,8%)

Подавляющее большинство лексических единиц имеют ярко выраженную негативную коннотацию. В тексте также встречается несколько нейтральных слов (имена, текст, город, география, история), которые не меняют общей отрицательной оценки образа России.

На основе анализа была составлена диаграмма (Рис.2), включающая в себя слова, упоминаемые в сочетании с рассматриваемыми топонимами более двух раз. Из диаграммы следует, что топоним «Россия» чаще всего употребляется в сочетании со словами, обозначающими различные виды военной техники, и ассоциируются с вторжением советских войск в Чехословакию. Также выделяются слова «империя» и «империализм», являющиеся показателем того, что СССР воспринимался, как мощная сверхдержава, представляющая серьезную угрозу.

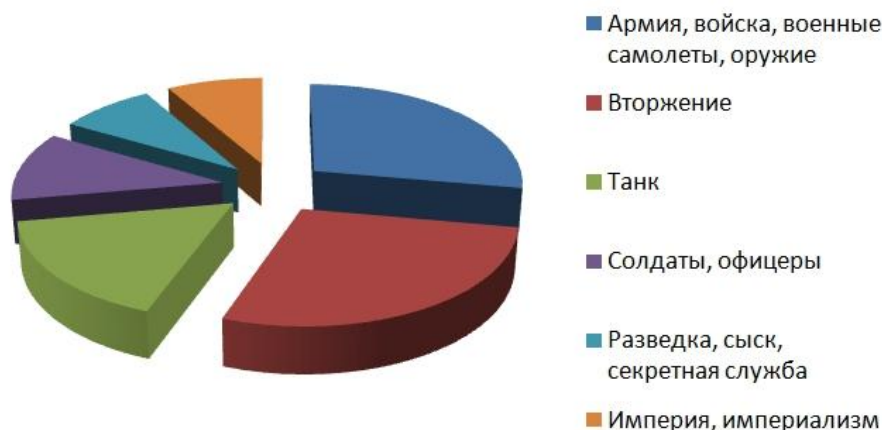

Рис. 2 – Контексты употребления топонимов в произведении М.Кундеры

Таким образом, было выявлено, что в 80-е годы, спустя более 10 лет с момента вторжения, именно это событие осталось наиболее значимым для формирования представления о России. Бывший союзник превратился в нависающую угрозу.

Проведенное исследование показало, что в 30-е годы XX века чешский народ воспринимал Россию как сильного союзника, способного на масштабные достижения во всех областях экономики и перевыполнение всех поставленных планов и заданий. В произведении «В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем» это передается с помощью следующих лексических единиц: работник, республика, развитие, производство и экономика.

Произведение «Невыносимая легкость бытия» отражает изменение в образе России. Советский Союз стал восприниматься крайне негативно. Такие лексические единицы как вторжение, армия, танк, солдаты, разведка, показывают, как радикально изменилось восприятие СССР в Чехословакии. Ни одна лексическая единица не повторяется, что доказывает коренную трансформацию образа России.

В настоящее время ситуация выглядит иначе. Несмотря на оставшийся осадок от событий 1968 года, чешский народ смотрит на Россию иначе и воспринимает ее более позитивно, чем в конце XX века. Благодаря глобализации, налаженным политическим и экономическим контактам, а также развивающейся межкультурной коммуникации, можно говорить о реабилитации образа России и о создании новых дружеских связей между двумя славянскими народами.

Литература

1. Фучик, Ю. В стране, где наше завтра является уже вчерашним днем. Прага: Свобода, 1948. – 404 с.
2. Кундера, М. Невыносимая легкость бытия. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002. – 352 с.

3. Россия и русский человек в восприятии славянских народов. [отв. ред. А. В. Липатов, Ю. А. Созина]. М.: Центр книги Рудомино, 2014. - 608 с.
4. История зарубежной литературы XX века 1917-1945 гг. / В.Н. Богословский, З.Т. Гражданская, А.Ф. Головенченко и др. М.: Просвещение, 1984. - 304 с.
5. Масарик, Т.Г. Мировая революция. Прага: Орбис, 1926-1927. - 2 т.

References

1. Fučík, J. V strane, gde nashe zavtra javljaetsja uzhe vcherashnim dnevem. Praga: Svoboda, 1948. - 404 s.
2. Kundera, M. Nevynosimaja legkost' bytija. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2002. - 352 s.
3. Rossiya i russkij chelovek v vosprijatii slavjanskikh narodov. [otv. red. A. V. Lipatov, Ju. A. Sozina]. M.: Centr knigi Rudomino, 2014. - 608 s.
4. Istoriya zarubezhnoj literatury XX veka 1917-1945 gg. / V.N. Bogoslovskij, Z.T. Grazhdanskaja, A.F. Golovenchenko i dr. M.: Prosveshhenie, 1984. - 304 s.
5. Masaryk, T.G. Mirovaja revoljucija. Praga: Orbis, 1926-1927. - 2 t.

Кажарова И.А.

Кандидат филологических наук,

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация

В статье рассматриваются исходные посылки формирования идеала бессмертия в адыгской поэзии с целью определения этноспецифики актуализации универсальных представлений. Обозначенная проблема исследуется в контексте взаимодействия устнопоэтических традиций и традиций письменной культуры, а также на материале классических образцов адыгской поэзии.

Ключевые слова: идеал, сознание, этнос, этикет, культура.

Kazharova I.A.

PhD in Philology,

Kabardino-Balkar Institute of Humanitarian Studies

POETIC ARTISTRY IN THE CONTEXT OF ETHNIC VALUES

Abstract

The article discusses the assumptions of the formation of the ideal of immortality in Circassian poetry for the purpose of determining the ethnic specificity of the actualization of universal conceptions. The issue is explored in the context of the interaction of the traditions of oral poetry and written traditions of culture, as well as on the material of Circassian classical examples of poetry.

Keywords: the ideal, consciousness, ethnicity, etiquette, culture.

Многие представления, которыми приходится оперировать при анализе художественных произведений, кажутся настолько универсальными, что не вызывают сомнения в том, что они в равной мере присущи всем культурам, и различаются лишь формы их воплощения. Задача данной статьи – конкретизировать особенности интерпретации идеала бессмертия в художественном сознании адыгов. Для этого считаем целесообразным, во-первых, рассмотреть исходные предпосылки формирования данного идеала на начальном этапе, когда происходит взаимодействие устнопоэтических традиций и традиций письменной культуры. (Именно здесь берут истоки тенденции развития интересующего нас идеала, актуализировавшиеся на последующих этапах). Во-вторых, проследить особенности его воплощения на конкретном художественном материале.

Сразу заметим, что обозначенный идеал возникает у адыгов как плод поздней, новописьменной культуры, а потому можно сказать, что он заимствован. Не случайно в древней устнопоэтической культуре адыгов прототип поэта отчетливо не просматривается. В адыгских мифах и эпических сказаниях нет своего Орфея или Амфиона, героя-певца, если только не назвать более или менее приближенный к ним образ Ашамеза с его игрой на волшебной свирели. Если Орфей «славился как певец и музыкант, наделенный магической силой искусства, которой покорялись не только люди, но и боги, и даже природа» [6, с. 262], то Ашамез в адыгской версии нартского эпоса предстает только как обладатель волшебного музыкального инструмента, наделенного амбивалентной функцией: игра на его черном конце вызывает гибель всего живого на земле, на белом – цветение и изобилие. Безусловно, в античном мифе магическое начало выражено ярко, оно переплетается с творческим. Но все же, надо констатировать, что Ашамез у адыгов не выступает как «творец музыки и стихосложения» [1, с. 67], и уж тем более с его именем не связывается «идея соединения слова с музыкальным струнным аккомпанементом» [Там же]. Образ поэта-песнотворца вычленяется в культурном сознании адыгов, судя по всему, на втором этапе «единого исторического процесса развития народного профессионального искусства», когда после своего «обособления институт джегуако (поэта-песнотворца. – И.К.) начинает интенсивно развиваться в сторону зарождения и становления эстетических функций» [5, с. 16]. Но осознание авторства, вернее авторитета как носителя Слова, происходит гораздо позднее. Стоит вспомнить ставший хрестоматийным в северокавказской фольклористике эпизод, зафиксированный С.-А. Урусбиевым. Это исполненный осознания силы своего слова ответ джегуако оскорбившему его мулле: «Я одним словом своим из труса делаю храбреца, защитника свободы своего народа; вора превращаю в честного человека. На мои глаза не смеет показаться ни один мошенник; я противник всего бесестного, нехорошего» [7, с. 60]. Однако при том, что в истории адыгской культуры остались имена многих джегуако и довольно выразительные образцы их мысли, не осталась их рефлексия по поводу собственного «вклада» в Бессмертие, и дело здесь, думается, не только в том, что лирическое самосознание

возникает лишь на зрелой стадии существования института джегуако. Свою бесспорную роль играет адыгский этикет, не позволяющий вычленять собственное «Я».

Можно привести другие примеры осознания поэтами-импровизаторами функции слова. Так, виртуозный адыгский джегуако Лаша Агноко (1851-1918) в словесной перепалке со знатной девушкой дает характеристику слову и параллельно указывает уровень своего владения им: «- Это как я захочу, дорогая! – сказал он,- / Захочу, свинца тяжелее, / Ласточки легче; / Меда слаще, / Желчи горше; / Иглы острее, / Женской груди нежнее; / Как пророк правдиво - / Мое слово зависит от того, кому оно встретится!». В другой импровизации Агноко, сложенной в тяжелую годину неурожая, когда, казалось бы, должна ослабеть мотивация к раздумьям о возвышенном, им утверждается равноценность слова и пищи, за которой – отчетливо понятая неразрывность духовной и материальной сторон бытия. Как пишет З. Налоев, «такая выраженность оценочного отношения к поэтическому слову в устном творчестве встречается впервые» [5, с. 285]. Мы бы еще добавили, что в этих эпизодах оценочного отношения есть осознание непреходящей значимости слова, но нет осознания непреходящей значимости себя как его носителя. В системе ценностей адыгской ментальности прямое указание на собственные достижения, проговаривание высокой самооценки считалось неэтикетным и резко порицалось. О достоинствах, мере и степени заслуг человека могли судить лишь окружающие. Только народное мнение обладало правом вынесения высшей оценки, оно же увековечивало имена своих героев, певцов-сказителей в том числе.

Направленное влияние новой культуры, резкое изменение общественного строя не могут не вносить коррективы в систему ценностей этноса, приоритеты переставляются. Интересно, что сказанное относительно негативного отношения к озвучиванию человеком собственных достижений остается актуальным и для современного общества. Тем не менее, ни одна из заметных попыток поэта, принадлежащего адыгскому этносу, провозгласить о «памятнике собственного бессмертия» не способна вызвать в контексте письменной поэзии не то что порицания, но даже недоумения. И надо сказать, такая попытка осуществляется в довольно поздний период минувшего столетия. В 1980 году выходит очередной поэтический сборник Алима Кешокова «Вагъуэ махуэ» («Счастливая звезда»), в стихотворении, которым озаглавлено издание, звучит твердая убежденность в предначертанности бессмертного удела своему поэтическому «Я»: «Сэрщ зи вагъуэ имыжыну - / Сыхэт махуэм кьыдалъхуар» [4, с. 313]. – «Это моя звезда не упадет - / Рожденного в счастливый час». Поэт прямо заявляет о том, что отмечен свыше и отграничивает себя от любых посягательств на его удел: звезда того, кто рожден в счастливый час, не может упасть по определению. Ощущение высоты, на которую его вознесла слава, – не что иное, как заслуженная награда за духовную стойкость, и это не просто утверждение собственной неуязвимости, но убежденность в неугасимости собственной славы в грядущих временах. Обоснование такой уверенности – в определяющей роли, которую он сыграл в становлении нового мира и новой художественной традиции. Примечательно, что его лидерская роль показана через образ всадника, понятный и дорогой горцу, поэтому не вызывает читательского отторжения: «Сэ Кавказым я кьуэ пасэу / Нэхуш шухэм сахэташ» [Там же]. – «Я одним из ранних сынов Кавказа / (Был) в числе всадников рассвета».

Как составная идеала поэтического бессмертия мотив традиции сопрягается с ожиданием отклика. В этом смысле интересно взглянуть на стихотворение «Уэрэдгъэшэс» (1969). В стремлении к идеалу бессмертия поэт апеллирует к национальному обычаю, судя по всему, крепко позабытому. Ценностно окрашена внутренняя форма слова, вынесенного в заглавие: «Уэрэдгъэшэс» – буквально «Тот, кто помогает песне быть (перемещаться) на коне». Стало быть, всадником здесь становится песня. Обычай из древних времен, а древность в сознании адыгов – сакральная временная категория, освященная теми культурными первофеноменами, которые и предопределяют в дальнейшем индивидуальный характер, дух этноса: «Уэрэд зэхальхьамэ, / Кьуажэм хэзыхьэну / Еджэрт нэхъ губзыгъэм - / Нэхъ хьыджэбз гурыхуэм - / Ар уэрэдгъэшэсу» [Там же]. – «Если слагали песню, / В селении чтобы ее распространить / Называли самую разумную - / Самую памятную девушку - / Отправляющую песню верхом на коне». Он указывает на старинный обычай распространения песни, причем в ее уже забытой ипостаси, некогда священной для адыгского общества, ведь подразумевается именно то, чем она была в старину. И то, что транслятором песни неожиданно показана молодая девушка, усиливает красоту и особость забытого обычая. Надо здесь заметить, что в осуществленном З. Налоевым обзоре функций джегуако мы не найдем дефиниции «уэрэдгъэшэс», уж тем более нет никаких следов женского участия в данном институте адыгской культуры. В подкрепление священного статуса песни внедряется еще одна этнографическая подробность: «Хьэгъуэллыгъуэ дахуэ / Уэрэдыр щагуэшкIэ, / Шэсу кьэмыуым / И тхьэрыуэ псалъэр / Пэжу кьамылъытэт». – «В ходе свадьбы красивой / Песню когда распределяли / Кто свидетелем не становился / Клятву того перед богом / Подлинной не считали». Следующая строфа демонстрирует значимость в измерении адыгского прошлого личности, слагающей песни. Отклик олицетворен здесь в образе девушки – транслятора традиции. Эта традиция выступает как некий первообраз адыгской песни и символ духовных ценностей прежнего общества. Так желание известности в родной культуре выражается с опорой на старинный адыгский обычай. Хоть тема поэтического бессмертия не заявлена здесь непосредственно, отчетливо выражено стремление остаться в памяти потомков через поступки, совершенные во время своего пребывания на земле: «Сэ уэрэдгъэшэсу / Соджэр нэхъ губзыгъэм, / Нэхъ хьыджэбз гурыхуэм, / Си уэрэд зэхэслъхьэр / Схухальхьэну кылэм» [Там же]. – «Я призываю отправляющую песню верхом на коне / Самую разумную, / Самую памятную девушку, / Чтобы сочиненную мною песню / Распространили среди людей». В большинстве приведенных примеров, так или иначе, задействован узнаваемый символ поэзии Кешокова – всадник на стремительном скакуне. Ранее мы уже писали о том, что всадник – это образ личностного бесстрашия [2, с. 119], теперь же добавим, что это бесстрашие еще и в смысле преодоления самого себя, страха смерти, а, следовательно, и самой смерти через глубоко внедренный в историю адыгов культ презрения к ней. Суть философии наездника тонко описал А.-Г. Кешев: «Быть или не быть порядочным наездником, т.е. героем – было для всякого свободного адыга почти равнозначительно вопросу о жизни и смерти. Можно сказать, что адыгское дворянство не знало иных целей и стремлений в жизни, кроме наезднических подвигов, и слава героя была заманчивее для него всех мирских благ» [3, с. 223]. Бесстрашный дух кешоковского героя, помимо прочего, апеллировал к идеалу рыцарско-аристократической доблести. В этом смысле непревзойденность его

художественного мастерства сказалась в способности выразить непреходящее через национальный идеал. Таким образом, мы наблюдаем не прямое заимствование идеала, а его этническое обыгрывание.

Литература

1. Волкова П. Д. Мост через бездну. Кн. 1. - М., 2013. - 224 с.
2. Кажарова И. А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. - Нальчик: Печатный двор, 2014. - 176 с.
3. Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). - Нальчик, 1988. - 272 с.
4. Кешоков А. П. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы (на каб. яз.). - Нальчик, 2004. - 542 с.
5. Налоев З. М. Институт джегуако. - Нальчик: Тетраграф, 2011. - 408 с.
6. Орфей // Мифы народов мира. Т. 2. - Москва, 1988. - 719 с.
7. Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области // Карачаево-балкарский фольклор. - Нальчик: Эльбрус, 1983. - 431 с.

References

1. Volkova P. D. Bridge across the abyss. Vol. 1. - M., 2013. - 224 p.
2. Kazarova I. A. Kabardian poetry of the twentieth century: the actualization of the ideal. Nalchik: Printing house, 2014. - 176 p.
3. Kalambi (Adil Giray Keshev). - Nalchik, 1988. - 272.
4. Keshokov A. P. collected works: In 6 Vol. Vol. 1. The poems are (in Kab. lang.). - Nalchik, 2004. - 542 p.
5. Naloev Z. M. Institute of jaguara. Nalchik: Tetragraph, 2011. - 408 p.
6. Orpheus // Myths of the peoples of the world. Vol. 2. - Moscow, 1988. - 719 p.
7. Urazbaev S. Tales of the Nart heroes among the Tatars, the highlanders Pyatigorsk district of Tver oblast // Karachay-Balkar folklore. Nalchik: Elbrus, 1983. - 431 p.

Карамова А.А.

Доктор филологических наук, доцент, Бирский филиал ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Аннотация

Цель данной статьи – выявить манипулятивный потенциал политической метафоры. В статье рассматриваются примеры реализации манипулятивного потенциала метафоры в двух основных манипулятивных стратегиях политического дискурса – редуцирования (создание темпорального образа, политического имиджа, стереотипа) и имплицирования.

Ключевые слова: политический дискурс, метафора, манипуляция, манипулятивная стратегия.

Karamova A.A.

PhD in Philology, associate professor, Birski filial FGBOU VPO «Bashkirsky Gosudarstvennyy Universitet»

POLITICAL METAPHOR MANIPULATIVE POTENTIAL

Abstract

The aim of this article is to reveal the manipulative potential of political metaphor. Some examples of metaphor manipulative potential realization by means of two main manipulative strategies of political discourse - reduction (temporal image, political image, stereotype creation) and implication - are considered in the article.

Keywords: political discourse, metaphor, manipulation, manipulative strategy.

Манипулятивность – одна из основных особенностей современного политического дискурса (ПД). Под манипулятивностью понимают «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведёт к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [1, с. 59]. Если ставить во главу угла способы осуществления манипуляций, то под ней следует понимать прежде всего манипуляцию речевую, поскольку манипуляция осуществляется, главным образом, в речи, путём такого использования и оформления языковых средств, которое способно оказать скрытое психологическое воздействие.

Сама языковая система не располагает специфическими средствами, изначально «задуманными» как манипулятивные (как, например, оценочные слова, предназначенные для оценки др.). В языке есть средства с определённым суггестивным (внушающим) потенциалом, которые, привлекаясь к реализации манипулятивных стратегий, становятся средствами манипуляции.

Одним из таких средств в ПД, безусловно, являются метафоры. Согласно концептуальной теории, метафора является способом познания, концептуализации, структурирования языковой картины политического мира (ЯКПМ). Активность метафоры в ПД свидетельствует о преимущественно метафорическом видении политической действительности, что вскрывает в метафоре мощный манипулятивный потенциал. Ведь с помощью метафоры субъект политической коммуникации имеет возможность навязывать адресату выгодную ему картину мира, то есть он создаёт такую метафорическую модель ЯКПМ, которая способна содействовать преобразованию в сознании адресата уже сформировавшейся картины [2, с. 127-128].

Манипулятивный потенциал метафоры наиболее ярко проявляется в реализации стратегий редуцирования и имплицирования. Это, на наш взгляд, две основные манипулятивные стратегии ПД, поскольку, во-первых, они наиболее активны в ПД, во-вторых, они наиболее точно соответствуют самой природе манипуляции как скрытого психологического воздействия.

Стратегия редуцирования – речевые действия субъекта коммуникации, направленные на упрощение актуальных проблем. В рамках этой стратегии используется, главным образом, оценочная метафора:

– для создания положительного или отрицательного (такого, какой выгоден манипулятору) темпорального образа (настоящего, прошедшего, будущего): *тяжелый груз прошлого; время разрушительных “реформ”* (Программа ЛДПР) – образ прошлого; *Россия находится на крутом изломе своей истории* (Программа КПРФ) – образ настоящего; *этап очищения России; вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса* (Программа ЛДПР) – образ будущего;

– для создания привлекательного/отталкивающего имиджа: *Хочу сказать, что на протяжении всей своей жизни всегда я чувствовал себя частичкой нашей страны и нашего великого народа* (В.В. Путин. 2011); *Ну какой же это дурак обращает внимание на болтовню шута Жириновского?* (Дуэль. 2006);

– для создания стереотипного, односторонне выгодного видения политических явлений. Например, видением ситуации выборов через призму военной метафоры внушается мысль о том, что политические оппоненты – враги (в том числе, и для народа), которых необходимо уничтожить: *От обороны – к всенародному наступлению!* (Г.А. Зюганов. 2011); *Арсенал политических манипуляций у правящего режима сжимается* (Г.А. Зюганов. 2011); представлением оппозицией ситуации выборов посредством театральной метафоры внушается мысль о фиктивности, нереальности выборов, заранее «отрепетированном» финале, что призвано подорвать авторитет действующей власти: *В декабре мы должны дать настоящий бой фальсификаторам и мошенникам, превращающим демократические выборы в фарс* (С.М. Миронов); *Поэтому он (правящий режим) и дальше будет натягивать разные маски на «партию власти»* (Г.А. Зюганов. 2011); представлением образа России как общего дома через метафору с исходной понятийной сферой «Строительство» внушается мысль о единении политика с народом, общности их интересов и целей: *Я считаю, что мы в своём общем российском доме ни в коем случае не должны допускать каких-то даже незначительных межнациональных, межконфессиональных распрей* (В.В. Жириновский. 2008); *Наша задача теперь – построить на этом фундаменте сильную, богатую, благополучную Россию, Россию XXI века* (В.В. Путин. 2011) и т.д.

Стратегия имплицирования – сокрытие истинных смыслов. Метафора со своей семантической двуплановостью способна смягчать смысл обозначаемого, что позволяет её отнести к одному из наиболее активных эвфемистических средств, используемых в ПД в манипулятивных целях. Например: *С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах – и за гранью гражданской войны, причём именно на этнической почве. Огромным напряжением сил, большими жертвами эти очаги нам удалось погасить* (В.В. Путин. 2011) - вместо *подавить конфликт военным способом*; *Так что объявленная президентом Обамой пауза в диалоге вполне уместна* (П. Быков, Эксперт. 2013. 19 августа) - вместо *отказ от запланированных переговоров*; см. также: *барьеры для инициативы, административные барьеры* вместо *бюрократизм, волокита* (В.В. Путин. 2011); *зачистка, этническая чистка, нейтрализация* вместо *военная операция, уничтожение, убийство*; *расовая чистота* вместо *национальная нетерпимость*; *нулевой рост* вместо *застой* и др.

Таким образом, активное использование метафоры в реализации двух основных манипулятивных стратегий ПД (редуцирования и имплицирования), во-первых, убедительно подтверждает существование её манипулятивного потенциала, во-вторых, возводит метафору до статуса одного из основных манипулятивных средств ПД.

Литература

1. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. - 344 с.
2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. - 256 с.

References

1. Docenko E.L. Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita. – M.: CheRo, Izd-vo MGU, 1997. - 344 s.
2. Chudinov A.P. Politicheskaja lingvistika: ucheb. posobie. – M.: Flinta: Nauka, 2007. - 256 s.

Ковтунова Е.А.

Кандидат филологических наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет

О СПЕЦИАЛЬНЫХ СФЕРАХ-ИСТОЧНИКАХ НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация

В статье на материале данных немецких словарей рассматриваются специальные сферы-источники немецких фразеологических единиц, изучаются вопросы детерминологизации и фразеологизации, а также взаимодействия специальной и повседневной коммуникации.

Ключевые слова: фразеологизация, детерминологизация, немецкая фразеология, терминоведение.

Kovtunova E.A.

PhD in Philology, associate Professor,

St. Petersburg State University

ABOUT SPECIAL AREAS-SOURCES OF THE GERMAN IDIOMS

Abstract

The article discusses on the material of German dictionaries special areas-sources of German phraseological units, examines issues of determinologization and phraseologization and the interaction of special and everyday communication.

Keywords: determinologization, phraseologization, German phraseology, terminology.

Специальную коммуникацию фразеологи единодушно признают одним из «наиболее активных ресурсов пополнения фразеологического фонда разных языков» [2, с. 54]. Немецкий язык не является исключением. Однако детерминологизация и фразеологизация немецких устойчивых сверхсловных единиц специальной коммуникации обычно обсуждается либо в контексте общих проблем немецкого фразеобразования, либо в работах,

посвящённых вопросам взаимодействия специальной и повседневной коммуникации [3; 7, с. 71-73; 8, с. 483]. Кроме недостатка специальных фразеологических исследований актуальность проблематики обусловлена ещё и бурно развивающимся в последнее время лингвистическим направлением, связанным с изучением профессиональной коммуникации и языков для специальных целей. Данная статья посвящена специальным (профессиональным и непрофессиональным) сферам-источникам немецких фразеологизмов, кодифицированных в некоторых немецких словарях [4; 5; 6].

Не все специальные сферы-доноры немецких ФЕ уходят своими корнями в профессиональную коммуникацию. В.М. Лейчик в своей статье отмечает, что «в современном обществе имеют место профессиональные и непрофессиональные LSP» [1, с. 30]. Вслед за Е.И. Головановой данный автор пишет о существовании наряду с профессиями многочисленных видов социальной и индивидуальной деятельности, социальных и индивидуальных сфер, которые «не подпадают под рубрику профессиональных, хотя и могут считаться специальными» [1, с. 29].

Так, не относятся к профессиональной деятельности ремёсла и промыслы, предшествующие профессиям, любительская деятельность (ловля рыбы, физкультура и т.п.). В.М. Мокиенко обосновывает фразеобразовательную активность терминологических словосочетаний в прошлом «общеизвестностью тех трудовых процессов, которые ими обозначались» [2, с. 54-55].

В немецком языке ФЕ, восходящих к допрофессиональным, традиционно-профессиональным или любительским специальным сферам, достаточно много. Так, ФЕ *bei/ (seltener:) an jemandem ist Hopfen und Malz verloren* мигрировала из традиционной для немцев специальной области пивоварения (Bierbrauerei) и имеет в современном немецком языке коллоквиальное значение ‘bei jemandem ist alle Mühe umsonst, jemand ist nicht zu bessern’. Исходная экстралингвистическая ситуация, мотивирующая данную ФЕ, указывает на невозможность восстановить используемое в пивоварении сырьё, если процесс производства пива протекает «не по предписанным правилам»: ‘wenn ein Bier nicht vorschriftsmäßig gebraut ist, sind alle Zusätze von Hopfen und Malz verloren’. В результате детерминологизации и фразеологизации семантика ФЕ оказывается направленной на человека, с которым так же, как когда-то с испорченным хмелем и солодом, ничего уже не поделать, человека не исправить.

ФЕ *aus dem Leim gehen* может восходить к ремесленной или специальной бытовой сфере и имеет в своём составе вершинный компонент *Leim* ‘wasserlöslicher, zähflüssiger Klebstoff, besonders zum Verleimen von Holz und Papier’. В словаре зафиксировано три значения данной ФЕ. Первое из них ‘[von etwas, was aus zusammengefügt Teilen besteht] entzweigen, sich in seine Einzelteile auflösen’ датируется 17 веком [4]. Два других общеязыковых значения ‘[von einer Freundschaft, Bindung] zerbrechen’ и ‘dick werden’ можно считать более поздними.

Вершинный компонент *Leim* встречается и в составе ФЕ из другой специальной сферы, которая является одной из самых продуктивных для немецкой фразеологии. Это ФЕ из области охоты *jmdm. auf den Leim gehen / kriechen* ‘auf jemanden, jemandes Tricks hereinfallen; sich hereinlegen lassen’ и *jmdn. auf den Leim führen / locken, überlisten*. В данном случае *Leim* является усечением от *Leimrute* ‘mit Leim bestrichene Rute zum Vogelfang’, mhd. *līmruote* (прутик, обмазанный клеем, служивший для ловли птиц). Этимологический словарь указывает на то, что в средневерхненемецком слово *līm* использовалось преимущественно в значении ‘Vogelleim’ [4].

Из допрофессиональной сферы охоты пришли в общенемецкий язык также ФЕ *jmdm., einer Sache auf die Spur kommen* ‘herausfinden, was es mit einer Sache auf sich hat; etwas aufdecken’, *jemandem auf die Schliche / hinter jemandes Schliche kommen* ‘jemandes Absichten erkennen, durchschauen, jemandes heimliches Treiben entdecken’, *auf den Busch klopfen* ‘bei jemandem auf etwas anspielen, um etwas Bestimmtes zu erfahren’, *Wind von etwas bekommen / kriegen / haben* ‘von etwas, was eigentlich unbemerkt bleiben, nicht bekannt werden sollte, auf irgendeine Weise doch Kenntnis erhalten’, *jmdm. eine Falle stellen* ‘jemanden mit einer List überraschen, hereinlegen wollen’, *das Hasenpanier ergreifen* ‘eilig weglaufen, fliehen’ и др.

К непрофессиональным можно отнести специальные сферы игр. Игровые терминологии являются источниками таких детерминологизированных ФЕ, как *bei jemandem einen Stein im Brett haben* ‘bei jmdm. (große) Sympathien genießen’, *jemandem den Schwarzen Peter zuschieben / zuspielen* ‘etwas Unangenehmes (von sich) auf einen anderen abwälzen’, *Zug um Zug* ‘zügig, ohne Unterbrechung’ и др.

Среди профессиональных сфер, поставляющих ФЕ в общелитературный немецкий язык, в рассматриваемых словарях репрезентативно представлена область морского дела. Здесь можно привести в качестве примеров такие кодифицированные ФЕ, как *auf dem Trock[e]nen sitzen / sein* ‘nicht mehr weiterkommen, festsitzen und keine Lösung finden; besonders aus finanziellen Gründen in Verlegenheit, handlungsunfähig sein; scherzhaft; vor einem leeren Glas sitzen, nichts mehr zu trinken haben’, *Anker werfen / vor Anker gehen* ‘an einer Stelle, bei jemandem Rast machen, sich niederlassen’, *die Flagge streichen / die weiße Flagge hissen* ‘sich geschlagen geben’, *Flagge zeigen* ‘seine Meinung oder Erwartung mit Nachdruck und deutlich zu erkennen geben’, *unter falscher Flagge segeln* ‘eine bestimmte Identität vortäuschen’, (nicht) *(wider) auf Deck sein* ‘(nicht) recht, (wieder) gesund sein’, *mit etwas Schiffbruch erleiden* ‘keinen Erfolg haben; [mit etwas] scheitern’, *jmdm. den Wind aus den Segeln nehmen* ‘jemandem den Grund für sein Vorgehen, die Voraussetzungen für seine Argumente nehmen’, *mit vollen Segeln* ‘mit aller Kraft, mit ganzem Einsatz’ и др.

Военное дело также явилось источником многих немецких ФЕ. Как и в рассмотренных выше сферах, здесь детерминологизация и фразеологизация специальных сверхсловных словосочетаний и предложений тоже приводит к смене денотативной ситуации (с конкретной военной на (широкую) повседневную). Таким образом, устойчивое сверхсловное сочетание выходит из зоны профессиональной военной коммуникации и проникает в повседневную. Приведём некоторые примеры немецких ФЕ с «военным прошлым»: *eine Attacke gegen jmdn., gegen etwas reiten* ‘sich scharf gegen jemanden, etwas wenden’, *die Fahne hochhalten* ‘unentwegt für etwas eintreten, etwas beharrlich fortsetzen’, *etw. von der Pike auf lernen, studieren* ‘eine Ausbildung von der untersten Stufe beginnen, einen Beruf von Grund auf erlernen’, *ins Kreuzfeuer geraten* ‘öffentlich scharf kritisiert werden’, *im Kreuzfeuer [der Kritik o. Ä.] stehen* ‘heftiger Kritik o. Ä. von mehreren Seiten zugleich ausgesetzt sein’.

В.М. Мокиенко справедливо замечает, что «в современных литературных языках больше фразеологии, основанной на традиционно-профессиональной терминологии, чем на современной – научно-технической». Проявляя большую консервативность, чем лексика, фразеология не так активно обогащается новыми научно-техническими выражениями. Основной же причиной детерминологизации лексики и фразеологии В.М. Мокиенко считает постоянную «взаимозависимость производственно-научной и бытовой сфер жизни человека» [2, с. 55].

Из технической сферы в общенемецкий язык перешли, например, ФЕ с компонентом *Draht* ('Telefonverbindung, telegrafische Verbindung') *auf Draht sein* 'wachsam sein, aufpassen und eine Situation sofort richtig erkennen und nutzen', *jemanden auf Draht bringen* 'jemanden dazu bringen, [rasch] zu handeln', появление которых словари относят к 20 веку [6]. Тот же вершинный компонент *Draht* имеет место в сочетании *heißer Draht* 'direkte telefonische Verbindung [zwischen den Regierungen der Großmächte], besonders bei ernststen Konfliktsituationen'. Данная ФЕ может быть отнесена и к общезыковой, и к политической фразеологии. Исконно техническими являются немецкие ФЕ *die Notbremse ziehen* 'eine gefährliche Entwicklung stoppen', *ein toter Punkt* '[vorübergehender] Stillstand bei Verhandlungen o. Ä.; Zustand stärkster Ermüdung', *dieselbe / die gleiche Wellenlänge haben, auf derselben / der gleichen Wellenlänge liegen / sein* 'die gleiche Art haben, zu fühlen und zu denken, sich gut verstehen' и т.д.

Было бы несправедливо в контексте актуальных специальных сфер-источников фразеологии обойти вниманием сферу спорта. Она также может быть отнесена к профессиональным, если иметь в виду профессиональную деятельность спортсменов, тренеров и других участников спортивной коммуникации. Фразеологизмы, пришедшие из спортивной сферы, во внутренней форме эксплицируют исходную конкретную денотативную ситуацию в профессиональной коммуникации (как правило, это специальные действия спортсменов в том или ином виде спорта), которая в результате семантических изменений при детерминологизации может быть применена к множеству денотатов в повседневной коммуникации. Такая перестройка закрепляется в дефиниции ФЕ при её кодификации в общезыковых словарях. Например, *ein Eigentor schießen* 'sich selbst Schaden zufügen', *in den Ring klettern / steigen* 'sich an einer Auseinandersetzung (öffentlich) beteiligen', *den Ball flach halten / flachhalten* 'sich zurückhalten, kein unnötiges Risiko eingehen', *jemandem, einander / sich [gegenseitig] die Bälle zuspielen / zuwerfen* 'jemanden, einander, sich [im Gespräch durch Fragen, Bemerkungen] geschickt verständigen, unterstützen'.

Отдельную группу в указанных словарях образуют ФЕ из специальной сферы экономики. Приведём примеры ФЕ с вершинными компонентами *Aktie* 'Urkunde, in der das Anteilsrecht am Grundkapital einer Aktiengesellschaft festgelegt und der Anspruch auf einen bestimmten Teil des Gewinnes verbrieft ist' и *Konto* '(von einer Bank o. Ä. für einen Kunden geführte) laufende Gegenüberstellung und Abrechnung von Ein- und Ausgängen bzw. Gut- und Lastschriften': *Jemandes Aktien steigen* 'jemandes Aussichten auf Erfolg werden besser', *wie stehen die Aktien?* 'scherzhaft: wie geht's?', *auf jemandes Konto, auf das Konto einer Sache gehen / kommen* 'jemandem, einer Sache zuzuschreiben sein; für etwas verantwortlich sein, jmds. Verdienst oder Schuld sein', *jemanden, etwas auf dem Konto haben* 'etwas verschuldet, begangen haben (Gewissen)'.

В нашей статье мы представили обзор самых репрезентативных специальных сфер, которые служили или служат источниками пополнения фразеологического фонда немецкого языка, зафиксированного некоторыми немецкими словарями. Проведённый анализ позволяет нам сделать некоторые выводы и наметить возможные направления дальнейших исследований. Во-первых, лексикографические источники подтверждают неоднородность специальных сфер. Фразеологизации подвергаются немецкие устойчивые словесные комплексы из непрофессиональных, традиционно-профессиональных, а также относительно новых профессиональных областей, которые в общем можно назвать специальными. В дальнейшем, вероятно, было бы возможно более детально рассмотреть фразеологическую продуктивность каждой из специальных сфер.

Второй вывод касается антропоцентричности специальных сфер. Характер описанных сфер-доноров определяется их социальной значимостью и известностью для человека. Антропоцентричность проявляется также в семантике детерминологизированных ФЕ, описывающей, как правило, человеческие действия, качества, отношения, эмоции, значимые для человека ситуации. В этом смысле также возможно провести исследование семантических особенностей данной группы ФЕ, в зависимости от специальных сфер-источников.

Наконец, отдельный вывод касается внутренней формы и компонентного состава немецких ФЕ специального происхождения. Часто вершинные компоненты ФЕ из рассмотренных специальных областей относятся к так называемым консубстанциональным словам, лексическим единицам, которые одновременно могут считаться и общеупотребительными, и специальными [1, с. 29]. Будучи принадлежностью и специальной, и повседневной коммуникации, возможно, именно эти лексемы так или иначе являются одним из условий детерминологизации и фразеологизации тех или иных специальных сверхсловных единиц.

Литература

1. Лейчик В.М. Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. - С. 29–32.
2. Проблемы фразеологической семантики / А.К. Бирих, С.С. Волков, Н.М. Кабанова, М.Ю. Котова, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.И. Селиверстова, Л.И. Степанова. Отв. ред. Г.А. Лилич. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 172 с.
3. Собянина В.А. Взаимодействие специальной и обиходной лексики в современном немецком языке: дис. доктора филологических наук. М., 2005. – 424 с.
4. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dwds.de/>
5. Duden online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de/woerterbuch>
6. Der Duden in 12 Bänden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache: Duden 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Band 11. Dudenverlag; Auflage: 1. Vollständ. überarb. (Januar 1999). – 864 S.
7. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – 2., durchges. und erg. Aufl., Tübingen: Niemeyer Verlag, 1997. – 299 S.

8. Gläser R. Fachphraseologie. In: H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, Neal R. Norrick (Hrsg.). Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 28.1. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. - S. 482-505.

References

1. Lejchik V.M. Professional'naja i neprofessional'naja leksika v professional'nyh i neprofessional'nyh LSP // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 24 (239). Filologija. Iskuststvovedenie. Vyp. 57. - S. 29–32.
2. Problemy frazeologičeskoj semantiki / A.K. Biriš, S.S. Volkov, N.M. Kabanova, M.Ju. Kotova, V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.I. Seliverstova, L.I. Stepanova. Otv. red. G.A. Lilich. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1996. – 172 s.
3. Sobjanina V.A. Vzaimodejstvie special'noj i obihodnoj leksiki v sovremennom nemeckom jazyke: dis. doktora filologičeskijh nauk. M., 2005. – 424 s.
4. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.dwds.de/>
5. Duden online [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.duden.de/woerterbuch>
6. Der Duden in 12 Bänden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache: Duden 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Band 11. Dudenverlag; Auflage: 1. Vollständ. überarb. (Januar 1999). – 864 S.
7. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – 2., durchges. und erg. Aufl., Tübingen: Niemeyer Verlag, 1997. – 299 S.
8. Gläser R. Fachphraseologie. In: H. Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, Neal R. Norrick (Hrsg.). Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. 1. Halbband. Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 28.1. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. - S. 482-505.

Кутепова Н.В.

Кандидат филологических наук, доцент,

кафедра иностранных языков и русского как иностранного университета «Дубна»

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ И СИНТЕТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В статье представлены прагматические аспекты функционирования аналитических средств с различной степенью морфологизации, коррелирующие с синтетическими средствами в германских языках.

Ключевые слова: прагматические аспекты, синтетизм, аналитизм, глагольные формы, языки, синтетический, аналитический.

Kutepova N.V.

PhD in Philology, Associate professor,

Department of Foreign Languages & Russian as a Foreign Language, University «Dubna»

PRAGMATIC ASPECTS OF THE CORRELATION BETWEEN SYNTHETIC AND ANALYTICAL VERB FORMS IN GERMAN LANGUAGES

Abstract

The article studies pragmatic aspects of the correlation between synthetic vs. analytical verb-forms and constructions having more or less similar grammatical meaning in German languages. The choice is defined by the speaker's intention to express his point of view, based on the one hand, and those subjectively internal, or close to the speaker, on the other.

Keywords: pragmatic aspects, synthetism, analytism, verb-forms, languages, synthetic, analytic.

В глагольных парадигмах всех германских языков широко представлены аналитические средства передачи грамматических значений с различной степенью морфологизации, коррелирующие с синтетическими формами; «различия между данными языками идут главным образом по линии состава аналитических форм глагола» [Ярцева 1965, 67]. В зависимости от времени возникновения их субстантный состав может либо совпадать (формы перфектного ряда), либо различаться – частично (пассив) или существенно (футурум). Вместе с тем статус аналитических способов выражения временных и залоговых значений в грамматической системе каждого конкретного языка имеет собственную специфику и по-своему уникален. Это не препятствует даже общий синтаксический источник; хорошо известно, что грамматическая семантика и нормы употребления перфекта в соотношении с претеритом в германских языках существенно различаются. Так, в немецком и нидерландском граница между ними определяется функцией речи: претерит используется в повествовании, а перфект в сообщении о прошлом. В английском языке сфера использования формы Present Perfect жестко ограничена контекстами с обстоятельствами незаконченного прошлого или другими вербальными показателями временного контакта с ситуативным моментом, принадлежащим настоящему. В статье о семантике датского перфекта и имперфекта П. Дурст-Андерсен, сопоставляя эти формы с английскими present perfect и past simple, обращает внимание на большую привязанность их грамматической семантики к темпоральным ориентирам в английском языке и к пространственным в скандинавских. Характерной особенностью германских языков является употребление перфекта в претеритальном контексте при реконструкции реальных событий прошлого, основанной на доступных субъекту речи документальных источниках или свидетельствах очевидцев.

Почти все лингвисты, рассматривающие этот феномен, также трактуют функцию перфекта в претеритальном окружении как модальную.

Вместе с тем уже в начале XX века языковеды обращали внимание на то, что перфект может встречаться в тех же контекстах, что и претерит, не только при реконструкции реальных событий прошлого, но значительно шире. Так, О.

Есперсен отмечал возможность употребления обеих форм в германских языках с одними и теми же обстоятельствами прошлого при различном словопорядке.

Специфика высказываний с претеритом и перфектом в идентичных контекстах обусловлена их прагматической семантикой. Различия между ними выступают «в свете субъективного восприятия» [Балли 1961, 328] и определяются установкой говорящего на интерпретацию событий либо как отчуждаемых в объективированное дистантное прошлое, либо, напротив, концептуально близких своей актуальностью для субъекта речи. При такой трактовке понятными становятся и прагматические различия между перфектом и претеритом в неспециализированных контекстах, характерные главным образом для диалогической речи.

Имеются основания полагать, что выбор способа передачи будущего в германских языках также определяется установкой говорящего. Особенно хорошо это видно на материале немецкого языка, поскольку аналитическая конструкция *werden* + инфинитив, функционально коррелятивная презенсу, претериту и перфекту, не имеет модальных коннотаций, обусловленных семантикой первого компонента, и свободно употребляется в позиции сильного противопоставления.

Широко употребительный футуральный презенс, напротив, является средством выражения актуального будущего как внутренней реальности субъекта речи. При употреблении аналитического футурама «событие наблюдается извне», в то время как в случае презенса «процесс рассматривается изнутри» [Thorell 1973, 127]. Близкие смысловые различия выделяет на английском материале Р. Лакофф, отмечая, что высказывание *John will die tomorrow at 9 o'clock* может принадлежать врачу, который бессилён помочь Джону, а *John dies tomorrow at 9 o'clock* – палачу, от которого зависит исполнение приговора. Аналитический футурум в главной части сложноподчиненного предложения *If John eats any more of that fugu fish, he will die* содержит предостережение, не предлагающее вмешательство говорящего (the speaker has nothing to do with it). Напротив, при употреблении футурального презенса в аналогичном контексте *If John eats any more of that fugu fish, he dies* содержится указание на то, что предостережение актуально для говорящего и исходит от него [Lakoff 1970, 846].

Сходные прагматические различия наблюдаются в германских языках между синтетическим и аналитическим способами передачи пассивного залога – формой с возвратным показателем *-s* и перефразистической конструкцией с глаголом становления и причастия 2. Пассив на *-s* используется, когда субъект речи дистанцируется от содержания пропозиции, передающей внешнюю для него реальность; аналитический пассив, напротив, содержит указание на актуальность содержания высказывания для говорящего. Формой пассива на *-s* маркируется дистанция между говорящим и содержащейся в сообщении информацией (a distance between speaker and propositional content), в то время как при употреблении аналитической конструкции передается его собственная точка зрения на описываемую ситуацию (only the speaker's perspective is involved). Аналитический пассив рассматривается при этом как субъективное наклонение, устанавливаемое говорящим (anchored solely in the speaker), а синтетический – как объективное наклонение, обусловленное содержанием пропозиции (propositionally anchored mood).

Наличие изофункциональных аналитических и синтетических средств передачи грамматической семантики глагола в германских языках имеет прагматические основания, обусловленные установкой говорящего на актуализацию одних ситуаций как концептуально близких и отчуждение других как концептуально дистанцированных.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
2. Дурст-Андерсен П. Ментальная грамматика и лингвистические супертипы // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 30-42.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
4. Ярцева В.Н. Проблема аналитического строя и формы анализа // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965. С. 58-69.
5. Lakoff R. Tense and its Relation to Participants // Language. V. 46. №4. 1970. P. 838-849.
6. Thorell O. Svensk Grammatik. Stockholm. 1973.

References

1. Balli Sh. Francuzskaja stilistika. M., 1961.
2. Durst-Andersen P. Mental'naja grammatika i lingvisticheskie supertipy // Voprosy jazykoznanija. 1995. № 6. S. 30-42.
3. Espersen O. Filosofija grammatiki. M., 1958.
4. Jarceva V.N. Problema analiticheskogo stroja i formy analiza // Analiticheskie konstrukcii v jazykah razlichnyh tipov. M.-L., 1965. S. 58-69.
5. Lakoff R. Tense and its Relation to Participants // Language. V. 46. №4. 1970. P. 838-849.
6. Thorell O. Svensk Grammatik. Stockholm. 1973.

Никифорова О.В.

Доцент, кандидат филологических наук,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

ЛЕКСИКА КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВЫХ ИГР НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**Аннотация**

Статья посвящена лингвокультурологическому аспекту изучения обрядовой лексики нижегородских говоров. Данная работа имеет целью исследование номинаций игр, соотносимых с календарной обрядностью, что способствует выявлению регионального своеобразия обрядовой лексики.

Ключевые слова: нижегородские говоры, календарные обряды, номинации игр.

Nikiforova O.V.

Associate professor, PhD in Philology,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch).

VOCABULARY CALENDAR OF RITUAL GAMES OF NIZHNY NOVGOROD REGION**Abstract**

The article is devoted to linguocultural aspect of the study of ritual vocabulary of Nizhny Novgorod dialects. This work aims the study of categories of games, correlated with the calendar ritual that helps to identify the regional identity of ritual vocabulary.

Keywords: Nizhny Novgorod dialects, calendar rites, games category.

Современная антропоцентрическая парадигма в языкознании определяет интерес лингвистов к особенностям концептуализации действительности и репрезентации этого процесса в языке и речи. Вслед за Е.С. Кубряковой, под концептуализацией действительности понимается осмысление человеком информации о мире, ментальное конструирование действительности, которое приводит к формированию определенных представлений о мире в виде фиксированных в сознании человека концептов [1, с. 2–12]. Данная теория связывает процесс познания мира человеком и способ обработки и хранения полученных знаний в виде особой моделируемой системы, именуемой концептуальной картиной мира. Значимая для определенного социума совокупность этих знаний закрепляется в языке в виде конкретных языковых единиц, т.е. одновременно с мыслительной осуществляется языковая концептуализация действительности. Сообщество людей концептуализирует действительность, опираясь на сложившуюся в определенный отрезок времени на определенной территории в рамках конкретного социума совокупность знаний о мире, осмысляет действительность в соответствии со своими интеллектуальными способностями и накопленным поколениями познавательным опытом.

Важным компонентом цивилизации, кроме экономических, политических, социальных сфер жизни, является культура. По словам М.М. Бахтина, первичная форма культуры – праздник. В сознании носителей диалекта до настоящего времени сохраняются представления и воспоминания о языческих, религиозных праздниках, которые функционируют в говорах под названием народный календарь. «Народный календарь, одной из составляющих которого была система хрононимов, прежде всего, регламентировал жизнедеятельность крестьян в течение годового цикла. Хрононимы в официальном гражданском и церковном календаре можно считать ориентирами не только во времени, но и в хозяйственной жизни, сезонных фенологических изменениях, обрядовых циклах». [2, с. 7–8].

Праздники, отражающие этническую, религиозную, гендерную идентичность человека, принадлежат к той сфере народной культуры, которая предполагает этнолингвистический подход в их изучении. Интерес представляют детали народного праздника.

Неотъемлемую часть народных праздников составляют игры, в которых воплощены общечеловеческие эстетические нормы, а также идеи, проявляющие мировоззренческие представления русского человека. Лексика календарных обрядовых игр – древнейший пласт общенародной лексики, разнообразной по происхождению, условиям употребления. Номинации игр, так или иначе соотносящиеся с календарной обрядностью и записанные в нижегородских говорах, аккумулируют культурные смыслы.

В период Святков (7–19 января) и мясоеда (от Святков до Масленицы) в нижегородской деревне проходили посиделки, на которые собиралась холостая молодежь – парни и девушки от 16 лет и старше. Во время посиделок не только пряли, вязали, вышивали, но и играли. Посиделочные игры – особый вид общения деревенской молодежи, при котором в иносказательной форме проявлялись симпатии и антипатии, демонстрировались ловкость, смекалка. Доминирующим в играх святочных посиделок является мотив выбора пары, который диктовался как личным желанием играющих, так и случайным стечением обстоятельств: бросание жребия, угадывание. Распределение игроков попарно позволяло создать наибольшую вероятность того, что каждый найдет себе пару по душе.

Часть наименований посиделочных игр в нижегородских говорах возникла в результате *метафорического* переноса.

Наименование *ворота* обозначает игру, суть которой в следующем: «Сначала выбирают двух ребят повыше и покрепче, которые будут изображать «ворота». Они отходят в сторонку и тайно от всех сговариваются, кто и как будет называться. Чаще всего берут себе названия цветов или деревьев, например, «василек» и «ромашка» или «сосна» и «елка». Названия могут быть любыми. Затем делают ворота: встают лицом к лицу на расстоянии шага друг от друга и берутся за руки. Играющие по одному подходят к «воротам» и встают друг за другом гуськом перед ведущим, каждый кладет свои руки на плечи стоящего перед ним. Потом они решают, за кем будет «рай», а за кем «ад». Первый стоящий в цепочке называется маткой, потому что будет водить всех остальных.

Игра начинается, и ворота пока закрыты. Матка подводит цепочку к воротам, останавливается и говорит:

– Просим Вас, пустите нас через ворота.

Ворота хором спрашивают:

- Что дадите?
- Последнего хотите?
- Ну, идите, – соглашаются ворота.

«Ворота» поднимают руки, не размыкая их, а «открывая» ворота.

Матка проходит ворота первой и ведет за собой всю вереницу. Когда подходит последний, ворота закрываются. Вереница уходит вперед, а пойманного «ворота» тихо спрашивают:

- К клену или березе?

Отвечают тихо, чтобы в цепочке не услышали. После того как выбор сделан, пойманный становится сзади «клена» или «березы». Так цепочка ходит через ворота, с каждым разом становясь все короче и короче. Наконец, матка одна подходит к воротам и выбирает, к кому идти: к «клену» или «березе». Ворота объявляют, кто из них был «краем» и «адам». Между «чертями» и «ангелами» начинается борьба, кто кого перетянет. Для этого «ворота» проводят между собой черту и крепко берутся за руки. Все остальные обитатели «рая» и «ада» выстраиваются в цепочку за своими представителями, обхватив друг друга за талию. «Ворота» командуют: «Давай!». Начинается перетягивание до тех пор, пока одна партия не перетянет всех других за черту».

В данном случае в наименовании игры перенос осуществлен на основе сходства расположения участников данной игры (встают лицом к лицу на расстоянии шага друг от друга и берутся за руки) с воротами.

Игра в *столбушку* описана следующим образом: «В одной комнате парни, в другой девки. В каждой комнате по одному «дружке» (у парней – парень, у девочек – девочка). Выбирают среди парней водящего, он говорит дружке имя девушки. Дружка входит в комнату к девушкам с ремнем. Пройдет по комнате один раз, другой, подходит к той девушке, которую ему назвали, и слегка хлещет ее ремнем до тех пор, пока не выйдет к водящему. Когда все девушки перейдут в другую комнату, считается, что игра закончена». СРНГ в словарной статье слова *столбушка* отмечает значение ‘место в избе (обычно на кухне) для влюбленных пар во время посиделок’ с пометой костром. [3, с. 211]. В аналогичном значении слово *столбушка* функционирует и в нижегородских говорах. В результате метафорического переноса возникает название данной игры, поскольку целью является формирование пары.

Название игры *голубочком ходит* представляет собой метафорический перенос, основанный на сходстве пары играющих молодых людей с воркующими голубями. «Парень выбирает девушку и ходит с ней парой, взявшись за руку, под хоровое пение, потом они целуются».

Образование наименования *сосёди* связано с основным принципом игры: молодые люди садятся парами, выбирают себе соседа или соседку.

В результате метонимического переноса появились следующие названия игр : в *шубу*, *олень*, *заинька*, *крёночки*.

Номинация в *шубу* представляет собой метонимический перенос с предмета, который использовали в игре, на саму игру. В шубу играют только парни, которые садятся на пол в круг, вытянув ноги и покрыв их шубами. В центре круга сидит водящий. У парней под шубами ремень, который они незаметно передают из рук в руки. Водящий должен его найти. Если не найдет, значит, он ошибается.

Игры *заинька*, *олень* называются так, потому что во время данных молодежных святочных увеселений девушки поют песни об олене, о зайке и водят хоровод. В центре стоит один из участников, которого называют *олень* (*заинька*), и выполняет все, о чем поется в песне.

Следующий важный период массового народного гуляния наступал весной во время самого главного церковного праздника – Пасхи, во время которой целую неделю продолжалось праздничное веселье. Освобожденный от трудовых забот народ предавался праздничному застолью, играм и забавам. Отличительной чертой этого праздник являлись игры с вареными яйцами. Таковы широко распространенные игры *катать яйца*, *каток* – катание яиц по желобку лубочной дощечкой, поставленной наклонно, нужно скатить яйцо таким образом, чтобы оно ударило о другое яйцо, лежащее на земле; *битья яйцами* – ударить одно яйцо о другое, тот, чье яйцо треснуло, проигрывает. Игры с яйцами не было простой забавой, поскольку в игру вкладывалось магическое значение, связанное с приходом весны, с солнцем, яйцо несло символику плодородия, богатства и процветания. В Нижегородской области это не просто детская игра, а развлечение молодых замужних женщин.

С пасхальной недели начинались молодежные гуляния, которые продолжались до Петрова дня с перерывом на Петровский пост. Гуляния проводились как в воскресные дни, так и в будни. Молодежь могла собираться на них в любое время суток. В гуляниях принимали участие парни и девушки брачного возраста, жившие в одном селе или в нескольких расположенных рядом деревнях. Весенне-летние гуляния ставили и решали следующую цель – заключение брачного союза. Этому посвящены и развлечения. Игра *ходить паном* заключается в следующем: парень сначала ходит один в кругу, как пан, под песню: подбоченится, всех оглядывает, потом выбирает себе пару, и они вдвоем в кругу ходят. Все им поют песни – *пановые*. Когда песня кончится, парень и девушка должны целоваться. Наименования данной игры появилось в результате метафорического переноса.

Название игры в *кольцо* представляет собой метонимический перенос с предмета, который использовался в игре, на саму игру. «Кладут кольцо в карман сидящей девушке и ходят по кругу. Когда дойдут до нее, говорят: «Кольцо налицо!». Значит, нужно выходить и делать то, что заставят: петь, плясать, стихотворение читать, целоваться с парнем.

Бытуют в нижегородских говорах и другие наименования игр: *слепушка*, *перегонки*, *имёлки*, *прыгалки*, *сноровки*, *жгуты*, *кубарёнье*, в *козю*, в *дерево*, в *фантики*, в *черного барины*, *биточки*, *литовка*, в *козю* и др.

Таким образом, богатый диалектный материал позволяет привлечь для анализа данные, которые дают возможность интерпретировать ту или иную номинацию игр, отражающую приоритетные ценности носителей говоров. Названия игр являются особой формой хранения и отражения национально-культурной информации.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Языковая картина мира как особый репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского Государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. – 2003. – № 4(38). – С. 2-12.

2. Черных А.В. Хрононимы в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 7-12.
3. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 2007. Вып. 41.

References

1. Kubrjakova E.S. Jazykovaja kartina mira kak osobyj reprezentacii obraza mira v soznanii cheloveka // Vestnik Chuvashskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ja. Jakovleva. – 2003. – № 4(38). – S. 2-12.
2. Chernyh A.V. Hrononimy v russkih govorah Permskogo kraja // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. – 2010. – Vyp. 6 (12). – S. 7-12.
3. Slovar' russkih narodnyh govorov / Gl. red. F.P. Sorokoletov. – SPb.: Nauka, 2007. Vyp. 41.

Никулин И.О.

Кандидат филологических наук, Кубанский государственный университет

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация

Цель – определение основных особенностей и тенденций развития советской сатирической периодической печати, предметно-тематического наполнения, деятельности сотрудников редакции. Задачи: определить факторы, формирующие различные типы советских сатирических изданий; определить место советской сатирической периодической печати в общественной, культурной, и политической жизни, а также в системе отечественной журналистики; охарактеризовать крупнейших представителей советской сатирической журналистики. Рассматривается идеологический вклад В.И. Ленина в образование советской сатирической печати как таковой.

Ключевые слова: советская сатирическая печать, гражданская война, революция, сатирический журнал «Красный дьявол», О.Л. д' Ор, В.И. Ленин, международная политика, Д. Бедный.

Nikulin I.O.

PhD in Philology, Kuban State University

FORMATION OF THE SOVIET PERIODIC SATIRICAL PRESS

Abstract

Goal is to identify the main features and trends of development of the Soviet satirical periodicals, subject content, activities of the editorial staff. Objectives: to determine the factors that shape different types of Soviet satirical publications; to determine the place of the Soviet satirical periodicals in the social, cultural, and political life, as well as in the system of Russian journalism; to characterize the leading representatives of the Soviet satirical journalism. V.I. Lenin's ideological contribution to formation of the Soviet satirical press as that is considered.

Keywords: Soviet satirical press, civil war, revolution, satirical magazine «Red devil», O.L. d' Or, V.I. Lenin, international policy, D. Bedny.

Советская сатирическая печать явила свое зарождение в период гражданской войны и революций. И уже во время I русской революции издавалось достаточное число разнонаправленных политико-идеологически сатирических изданий: буржуазно-демократические, пролетарские, буржуазно-либеральные, радикально-демократические и др.

В 1905 г. благодаря А.М. Горькому предпринималась инициатива издания большевистского сатирического журнала. «Жало», издававшийся под руководством А.М. Горького во время Московского вооруженного восстания, точно обозначил новое, социалистическое направление в отечественной сатирической журналистике, и сыграл весомую роль в продвижении пролетарской сатиры.

Радикально-демократическую печать представляли следующие сатирические издания: «Овод», «Вихрь», «Булат», «Зритель», «Дятел».

«Стрелы», «Сигнал», «Пулемет» представляли либеральное направление сатиры.

Крестьянско-народническими сатирическими журналами являлись «Ворон», «Буревестник» и др.

За период 1905-1907 гг. вышло около трехсот сатирических печатных изданий. Но с затишьем революции пришел и резкий спад среди сатирических изданий. Как отмечает Л.А. Спиридонова к 1907 году остались лишь «ветераны русской юмористики: «Стрекоза», «Будильник», «Шут», «Осколки» [1, 90].

Особенно в этот период начала укреплять свою позицию пролетарские сатирические издания. С партийно-пролетарской позиции сатирики высмеивали буржуазию, самодержавные порядки, осмеивали либералов.

«Оценивая царскую действительность с позиций самого революционного и прогрессивного класса, - пишет С.И. Стыкалин, - пролетарские сатирики немало потрудились, раскачивая прогнившие устои царизма, звали массы на решительный штурм обветшавшего самодержавия и идущего ему на смену капитала, способствовали утверждению новых форм жизни» [2, 14].

Обращаясь к сатире времен гражданской войны, которая тоже внесла вклад в становление сатирических советских изданий, то можно выделить два ее преобладающих типа: газетная и листовко-плакатная. Объясняется это в основном определенной оперативностью и злободневностью, требующихся во времена военных событий. Журналистские реалии в первые месяцы гражданской войны подсказывали единственный путь - органическая связь «сатирическое издание - массовая газета и читатели». Центральные газеты, РОСТА, агитационно-пропагандистские отделы, которые занимались выпуском плакатов и листовок, открывали объемное поле для советского сатирического творчества.

В виде образцов подобных изданий А.М. Максимов приводит сатирико-юмористический журнал «И смех и грех», выпускавшийся в 1919 г. штабом третьей армии и красноармейский сатирический журнал «Красный шмель», который издавал политотдел Западного фронта в июне-сентябре 1920 г.

Именно такого пути придерживался коллектив «Красной газеты», который организовал с августа 1918 г. постоянное издание еженедельного сатирического приложения «Красная колокольня», выходившее в Петрограде с 4 августа по 15 сентября 1918 г. Устоявшаяся связь с авторами газеты и с читателем, большой поток информации от читателей – это все дало преобразовать приложение «Красная колокольня» в истинно массовый орган злободневно-пролетарской сатиры.

Организатор и редактор «Красной колокольни» – В.В. Князев.

На страницах «Красной колокольни» говорилось о гражданской войне, сражений с Белой гвардией, иностранной интервенцией. Ряд выступлений посвящены критике недостатков работы советских органов.

И именно это издание сыграло впоследствии весомую роль в нахождении определенных путей зарождения сатирической советской периодики. По этому пути в скором времени двинулись и редакторы сатирических армейских журналов («Красная звезда», «Красный шмель» и др.) и губернских газет («Губметла»).

Обращаясь к складывающимся тенденциям в сатирической печати эпохи гражданской войны, отметим то, что в числе определенных редакций зарождались идеи создания сатирических приложений, которые в дальнейшем сыграли значительную роль в образовании сатирической советской журналистики.

Если говорить о вкладе в становление и определение советской сатирической печати, который дали Первая русская революция и Гражданская война, то их общий вклад не так велик как вклад, который принесла Октябрьская революция. Именно с ней появились те люди, которые впоследствии были лицом советской сатиры.

М.В. Шкондин, упоминая данный период, отмечает, что «с победой социалистической революции в России печать становится одним из важных компонентов советской политической системы. Она одно из средств связи партии с широкими массами трудящихся, государственными органами и общественными организациями, одно из средств партийного руководства социалистическим строительством. Если до победы Октября печать являлась мощным орудием партии в руководстве политической борьбы пролетариата, угнетенных и эксплуатируемых, то в послеоктябрьский период партийное руководство массами наполняется новым содержанием, связанным с созидательной деятельностью трудящихся» [3, 41].

С.И. Стыкалин в труде «Советские сатирические журналы 1917-1919 гг.» утверждает то, что у начала сатирической советской журналистики были издания: «Красный дьявол», «Соловей», «Гильотина».

Первый, издававшийся в Петрограде в 1918-1919 гг. сатирический советский журнал имел подзаголовок «Еженедельный рабочий журнал юмора и сатиры». Редактор «Красного дьявола» был Л.Г. Бродаты.

В политически остроумных карикатурах, нарисованных Л.Г. Бродаты, в сатирических текстах авторы журнала бичевали врагов Советской республики, проявляли иронию по отношению к Учредительному собранию, разоблачали меньшевиков и правых эсеров, затрагивали темы мировой политики, вскрывали империалистическую суть военных обязательств царизма в адрес своих «союзников», отстаивали идею выхода страны из войны с Германией, показывали растущую силу международного рабочего движения.

Известный автор, редактор и издатель О.Л. д' Ор выпускал в Петрограде в апреле - июле 1918 г. еженедельный сатирико-юмористический журнал «Гильотина».

С самого первого номера отличительными чертами журнала были: яркая антибуржуазная направленность, нетерпимость к силам, мешавшим развитию новой страны. Определенно резко сатира журнала выступала против буржуазной интеллигенции, большинство которой после Октябрьской революции перешла на сторону контрреволюции.

Журнал намеревался стать еженедельным. Но денежные трудности воспрепятствовали этому. Еще один недостаток «Гильотины», отмечаемый в справочнике Стыкалина С.И. Кременской И.К. «являлась, в отличие, например, от «Красного дьявола» или «Красной колокольни», слабая связь с массами. Журнал почти целиком делался сатириками-профессионалами, не использовал той страсти к творчеству вообще, к сатирическому в частности, которой были охвачены трудящиеся, впервые почувствовавшие себя хозяевами жизни» [2, 37].

Пятый, последний номер журнала «Гильотина» заполнился в основном материалами самого О.Л. д' Ора.

«Соловей» - первый советский журнал пролетарской сатиры издавался в декабре 1917 г. - феврале 1918 г. в Москве, редакторами которого были: Л. Вражский и В. Орловский, Л. Вражин со второго номера.

В журнале принимали участие: В.В. Князев, Д. Бедный, В.В. Маяковский. Первый номер был издан 24 декабря и открывался двустихием В.В. Маяковского:

«Ешь ананасы, рябчиков жуй,

День твой последний приходит, буржуй».

Карикатура на обложке журнала говорила о буржуазной обреченности, и о победе крестьян, рабочих и солдат. Основной удар был направлен по буржуазии.

Гражданскую войну и революции, оказавших влияние на зарождение сатирической советской журналистики, можно обозначить как фактор исторически сложившихся обстоятельств, в параллель с которым можно провести и фактор идеологии, основным действующим лицом которого можно считать В.И. Ленина, возлагавшего определенные надежды на печать в общем и сатирическую, в частности.

В.И. Ленин указывал на то, что образ, картина действительности, созданная на страницах газет, журналов, должна помочь пролетариату «подробно познакомиться со всеми сторонами политической жизни» [4, 73], со всеми сторонами «деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения» [4, 69], с деятельностью их политических институтов. То есть здесь мы не исключаем воздействующей роли советской сатиры, при непосредственном участии советской власти на массовое сознание. Ведь «сатира является средством воздействия... Механизм осуществляется за счет подачи явления под определенным авторским углом» [5, 408]. В нашем случае «авторский угол» может пониматься

гораздо шире, чем просто авторский, то есть принадлежащий непосредственно автору. Возможность для систематического наблюдения за деятельностью различных классов, групп и слоев, для систематической оценки этой деятельности давала пролетариату рабочая печать.

Важную роль в агитации, по мнению В.И. Ленина должны были играть политические обличения эксплуататорских классов, их партий, государственных институтов, справиться с чем может только сатирические издания.

Данные тезисы В.И. Ленина послужили руководством к практическому применению для советской сатиры.

В своем содержании, в своей целевой направленности, своей активной пролетарской партийности сатирическая советская журналистика стала исключительно отличным явлением в отечественной печати. В советском социуме, которое покончило с эксплуатацией и несправедливостью, общественная функция сатиры подверглась кардинальным изменениям. Перестала обличаться социальная система, а основным направлением сатиры стало утверждение новообразовавшегося строя, противостояние с враждебными этому строю силами, с недостатками жизни и с антиобщественными поступками.

Истоки развития сатирической советской печати – исторические обстоятельства, такие как революции и Гражданская война, люди, ставшие у начал советской журналистики, которые создали прасоветские сатирические издания, и которые, несмотря на трудности, вставшие на их пути продолжали прикладывать усилия к развитию данного направления журналистики благодаря своему накопленному опыту. «Молодая советская сатира, – пишут С.И. Стыкалин и И.К. Кременская, – закалилась и окрепла в непримиримой и ожесточенной борьбе с антисоветской клеветнической «сатирой» буржуазии, отравляющей сознание масс. И когда представляешь себе те объективные трудности, которые стояли на пути советской сатиры в этот период истории, невольно преклоняешься перед гражданским мужеством и самоотверженностью энтузиастов, взявших на себя миссию ее становления» [2, 30].

И самая главная причина – у правящей партии появилась нужда в средстве, благодаря которому она могла бы влиять на массовое сознание и идеологически направлять его в необходимом направлении.

Литература

1. Спиридонова Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. С. 304.
2. Стыкалин С.И. Кременская И.К. Сатира советской эпохи 1917-1963. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 484.
3. Шкондин М.В. Основы организации системы печати в СССР. М.: Издательство МГУ, 1979. С. 38.
4. Ленин В.И. Собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1967. Т. 6. С. 124.
5. Никулин И.О. Категории автора и динамика подходов к сатире. // Медийные стратегии современного мира. 2011. С. 540.

References

1. Spiridonova L. A. the Russian satirical literature of the early twentieth century. M.: Science, 1977. S. 304.
2. Stukalin S. I. Kremensky I. K. Satire of the Soviet era 1917-1963. M.: State publishing house of political literature, 1963. S. 484.
3. Shkondin M. V. Basis for the organization of the print system in the USSR. M.: Publishing house of Moscow state University, 1979. S. 38.
4. Lenin V. I. Collected works. M.: Publishing house of political literature, 1967. T. 6. S. 124.
5. Nikulin I.O. Acting Category of the author and dynamics approaches to satire. // Media strategy of the modern world. 2011. S. 540.

Пахомов Л.В.

Магистр филологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет

ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ВОКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация

Статья посвящена функционированию метафоры в вокально-педагогическом дискурсе. Предпринята попытка выделить вокальную метафору как особый вид метафоры. Кроме того, описаны основные функции вокальной метафоры.

Ключевые слова: метафора, вокальная метафора, функции метафоры, вокально-педагогический дискурс.

Pakhomov L.V.

Master of Philology, Perm State University

FUNCTIONS OF METAPHOR IN THE VOCAL-PEDAGOGICAL DISCOURSE

Abstract

This article is devoted to metaphor functioning in the vocal-pedagogical discourse. An attempt was made to allocate vocal metaphor as a special kind of metaphor. Moreover, has been described the main functions of the vocal metaphors.

Keywords: metaphor, vocal metaphor, functions of metaphor, vocal-pedagogical discourse.

В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Наличие метафоры в разных видах дискурса весьма очевидно, поскольку разные сферы деятельности имеют свои метафоры. Под дискурсом мы понимаем «речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [3]. В языке вокально-педагогического дискурса для участников коммуникации необходимо единое и сходное понимание реальности, так как единство понимания реальности напрямую зависит от достижения главной цели – формирования певца, действующего в соответствии с эталоном правильного пения.

Эталон правильного пения – целостный образ, находящийся в сознании преподавателя вокала, характеризующийся двумя сторонами: технической (слаженная работа певческого аппарата) и художественной (выразительность, соответствие стилю произведения, передача художественного образа и т.д.). Эти стороны являются полностью взаимозависимыми. Преподаватель пытается сформировать эталон правильного пения в сознании учащегося, научить его действовать в соответствии с ним.

Метафору, реализуемую в рамках вокально-педагогического дискурса, мы называем вокальной метафорой и определяем ее как метафору, описывающую физиологические действия певца при постановке голоса.

Материалом для исследования послужили расшифровки 8 записей занятий по сольному пению четырех преподавателей вокала Пермской академии искусства и культуры. Объем исследованного материала составил 517 вокальных метафор.

Метафоризация как универсальный механизм мышления и познания действительности, основанный на аналогии, как стратегия, реализующаяся в дискурсе, предполагает определенный набор функций метафоры. Вокальная метафора обладает характерными для нее функциями. Как отмечает И.М. Кобозева, «единых критериев метафоричности для разных типов дискурса и не должно быть, поскольку в разных типах дискурса метафора выполняет разные функции» [1]. Кроме того, функции метафор дают возможность представить наиболее точно специфику вокально-педагогического дискурса, выявить его особенности.

Выделим и охарактеризуем функции метафоры в вокально-педагогическом дискурсе.

Активационная функция характеризует метафору как средство активизации восприятия адресата. Эта функция позволяет активировать мышечных ощущений певца: *Садись в ширину дыханием! // Вдыхай а-а-а // Почему вытягивает дыхание наверх? // Ты наоборот оседай // Расширяй рёбра! //*

Аргументативная функция метафоры как средства убеждения в правильности выдвигаемых тезисов или постулатов. Перед преподавателем стоит задача не только добиться правильного пения, но и объяснить причинно-следственную связь между певческими ощущениями и работой голосового аппарата. Приведем следующие примеры: *Ты понимаешь / чё ты делаешь? // Поджимаешь грудную клетку // Поэтому и дыхания не хватает / потому что у тебя всё дыхание выходит // А его надо сохранять внутри //; Не надо мне с гланд начинать // Там ничего нет тканей // У нас все ткани в резонаторах / вибрация там впереди //*

Манипулятивная функция метафоры – функция воздействия, влияния на адресата. Поскольку певческий аппарат представляет собой систему, элементы которой жестко взаимосвязаны и взаимообусловлены, студенту-вокалисту бывает непросто выделить и активировать определенную часть вокально-телесного механизма. Метафора в вокально-педагогическом дискурсе позволяет преподавателю добиться от учащегося выполнения именно тех движений, которые требуются для правильного голосообразования. Например: *А ты её глоткой держишь поэтому она прямая как палка // А мне неудобно слушать тебя / как дрель //; Ты приказ дай / расслабить язык // Давай //*

Популяризаторская функция – передача сложной информации в более доступной форме. Например, понятие фокуса вокализации непросто характеризуется метафорой: *внутренняя переносица*, которую можно *нащупать языком*: *Нащупай языком переносицу // Где у тебя переносица внутри? // Из этой точки больше никуда не уходи //*

Компрессивная функция состоит в том, что метафора позволяет кратко охарактеризовать различные явления. Поскольку вокализация рождает комплекс певческих ощущений, их краткая характеристика без обращения к метафоре представляется невозможной. Например, такой комплекс ощущений, как яркие вибрационные ощущения в скуловых и височных частях, которые связаны с резонированием голоса певца в носовой и придаточных полостях, то есть в верхней части лица, характеризует ёмкая и лаконичная метафора *маска*. Другие примеры: *Ты всё время углами рта ты поешь // В жизни ты так не говоришь // Естества мне всё-таки дай здесь // Ты так не говоришь // Почему в пении ты так говоришь? //; Дошла до вершинки (верхней ноты) зацепилась за нее а потом как с горки // Да? // Легонечко // Скатиться с горки //*

Когнитивная или познавательная функция метафоры, позволяющая осмыслить новый объект, опираясь на знания о других типах объектов. Например, представление открытой глотки как распустившегося цветка: *У тебя в глотке как будто цветок раскрылся // А-а-а // Не кушайте цветы глоткой //*

Экспрессивно-эмоционально-оценочная функция метафоры выражает оценочное и эмотивное отношение субъекта к обозначаемому. В рамках вокально-педагогического дискурса происходит оценивание вокализации учащегося в соотношении с эталоном правильного пения. Например, *Около рта никакого зажима // Верхняя часть лица работает // Челюсти нет вообще //; Ты не пресс качаешь сейчас / а дыхание должно проходить свободно //; Не просто раз-два-три / и так словечко в рифму уложить // А всё-таки музыка в том чтобы мысль какую-то вкладывать //*

Данные функции можно свести к трем базовым. Назовем их **воздействующей функцией**, **коммуникативно-информативной функцией** и **оценочной функцией** метафоры.

Таким образом, в вокально-педагогическом дискурсе метафора является эффективным инструментом привлечения внимания, механизмом передачи сложной идеи или информации в доступной, краткой форме, способом оценивания деятельности учащегося с выражением эмоционально-экспрессивного компонента высказывания.

Литература

1. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 134–135.
2. Пахомов Л.В. Вокальная метафора в речи преподавателей сольного пения // Вестник молодых ученых ПГНИУ. – 2014. – Вып. 4. – С. 442–447.
3. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (дата обращения: 20.05.2015).

References

1. Kobozeva I.M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafory // Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya. – 2001. – № 6. – S. 134–135.
2. Pakhomov L.V. Vokal'naja metafora v rechi prepodavatelej sol'nogo penija // Vestnik molodyh uchenyh PGNIU. – 2014. – Vyp.4. – S. 442–447.
3. Jarceva V.N. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / V.N. Jarceva [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/index.html> (data obrashhenija: 20.05.2015).

Петрова Е.Е.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Псковского государственного университета

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЬНЫЕ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (ЭПИТЕТЫ)

Аннотация

Сказочный текст характеризуется своими отличительными признаками композиционной и языковой организации. Эпитеты, сравнения и повторы являются одними из самых частотных традиционных формульных средств, стабилизирующих текст народной сказки.

Ключевые слова: сказка, эпитет, сравнение, повтор

Petrova E.E.

PhD in Philology, associate professor, Pskov State University

TRADITIONAL LEXICO-STYLISTIC FORMULAE IN ENGLISH FOLK TALES (EPITHETS)

Abstract

Folk tales are characterized by certain features in composition and language. Epithets, comparisons, and repetitions are among the most often used as traditional means that organize the text of folk tales.

Keywords: folk tale, epithet, comparison, repetition.

Языковые средства являются ярким приемом прагматического воздействия на человека. Данными средствами могут служить как лексические, так и синтаксические составляющие высказывания.

Разработка аспектов устойчивости народной сказки имеет свою богатую историю, но тем не менее продолжает интересовать исследователей и не утрачивает актуальности и перспективности. Сказке присущи традиционные правила сюжето-сложения и устойчивые композиционные приемы.

Структурно-семантическая и лексико-стилистическая организация обуславливает устойчивость сказки в ее стилистическом воплощении, на уровне словесного текста. Сказка легко узнаваема не только по сюжету, морфологии, постоянным персонажам и т.п., но и по своим отличительным лексико-стилистическим знакам. Эти стилистические знаки, стабилизирующие текст сказки являются традиционными формульными средствами сказочного текста - повествовательными стереотипами.

Одним из характерных художественных средств сказок, объединяющих их с другими фольклорными жанрами, являются эпитеты, которые играют в устной народной традиции важную роль.

При этом часто встречаются постоянные эпитеты - устойчивые сочетание определяемого существительного с определяющим прилагательным или существительным [4, с.44]. Постоянные эпитеты английских народных сказок можно разделить по тематическим группам. Приведем некоторые примеры:

1) Группа эпитетов, характеризующих внешность сказочных героев.

Внешность персонажей английских сказок очень часто передается одной чертой, одним ярким запоминающимся штрихом. Про внешность положительных героев часто говорится лишь, что они красивы и молоды. Эпитеты, передающие красоту героини сказки: *beautiful (beauteous), fine, bonny, fair*. Например:

And there she grew up into the most beautiful maiden that ever was seen ("The Fish and the Ring").

The giant had a bonny daughter, and she and the lad grew fond of each other ("Nix Nought Nothing").

Эпитеты, характеризующие внешность мужских персонажей: *handsome, good-looking, fine-looking, fine, bonny*. Например:

He was handsome enough to make all the women of the world fall in love with him ("Three Feathers").

В английских сказках щеки, губы и волосы - самые важные элементы внешности героини. Обычно щеки девушки подобны вишням, а губы – розам, вишням. Например:

But after a time he looked upon the younger sister, with her cherry cheeks, and golden hair, and his love grew towards her till he cared no longer for the eldest one ("Binnorie").

The girl was as white as milk, and her lips were like cherries ("The Rose-Tree").

Красивая девушка всегда имеет красивые волосы, а мачеха не любит свою падчерицу именно за красоту волос: *The stepmother hated her more for the beauty of her hair ("The Rose-Tree").*

Самым распространенным эпитетом, характеризующим волосы сказочного персонажа, является *golden*. Часто этот эпитет дополняется эпитетами *beautiful* и *long*. Например:

She was as fine and tidy as ever with her beautiful golden hair ("Childe Rowland").

...her hair was long and golden and people used to like looking upon her ("The Two Princesses").

Her hair was like golden silk... ("The Rose-Tree").

Красота волос в английских сказках передается также при помощи эпитетов *shining* и *yellow*:

...the brave light that came from the beautiful shining yellow hair, streaming out over the black cloak and falling to the water at her feet ("The Buried Moon").

...her black hood fell back off her shining yellow hair, and the beautiful light that came from it drove away the darkness ("The Buried Moon").

Атрибутами глаз сказочных персонажей как отрицательных, так и положительных, являются следующие определения: яркие, ясные, блестящие, пронзительные, пронизательные. Эти качества передают эпитеты *sharp* и *bright*. Например:

...a small black thing with very bright eyes, twitching pointed ears, and a long tail ("Tom Tit Tot").

Следующая подгруппа эпитетов, определяет рост и размер персонажей и сказочных предметов. Важной положительной характеристикой внешности героя является высокий рост, который определяется эпитетом *tall*:

He was a good-hearted fellow tall and strong, but he was one of the simplest of men ever born ("Simpleton Peter").

You are a tall, handsome, and well-bred fellow: such a one would have been a son after my own heart... ("Catskin").

При помощи эпитетов *huge*, *great* и *big* подчеркивается чаще всего большой или даже громадный рост отрицательных героев. Например:

In those days, the Mount of St. Michael in Cornwall was the fastness of a huge giant whose name was Cormoran ("Jack the Giant-Killer").

Антонимы этих эпитетов, такие как *little*, *small*, *tiny*, *wee*, наоборот, описывают крошечных волшебных героев, а также часто и все то, что их окружает. Например:

Once upon a time there was a teeny-tiny woman who lived in a teeny-tiny house in a teeny-tiny village ("Teeny-Tiny").

2) Эпитеты, характеризующие возраст героев сказки, в основном сводятся к двум *old* и *young*: *old man*, *old woman*, *old wife*, *young lady*, *young lord*, *young prince*.

There was an old soldier who can been long in the wars... ("Jack Hannaford").

Эпитет *little* используется как в значении молодой (*little boy*, *little girl*, когда помимо основного значения он может также выражать симпатию, нежность, сочувствие к героям сказки: *little girl*, *little girl*, - обращается к девушке волшебница), так и в значении маленький ростом, когда говорится об отрицательных персонажах, таких как эльфы или черти, например:

She upped and opened it, and there was the little old thing with five skeins of flax on his arms ("Tom Tit Tot").

3) Эпитеты, которые определяют социально-экономическое положение персонажей. Наиболее распространены эпитеты *poor* и *rich*. Например:

Now, I must tell you that near his house dwelt a poor widow with an only daughter ("The Ass, the Table and the Stick").

Обеспеченные герои сказок обитают во дворцах, замках, домах, которые характеризуются эпитетами *fine*, *great*, *beautiful*, *bonny*, *splendid*, *noble*, *wonderful*: *a fine castle*; *a very big and bonny castle*; *the finest castle*; *a great palace*; *a great and mighty castle*; *a great house*; *splendid castle*; *wonderful castle*. Например:

The great beautiful castle standing on golden pillars ("Jack and His Golden Snuff-Box").

4) Эпитеты, определяющие положительные качества и свойства персонажей. Английские сказки располагают целым рядом эпитетов, которые дают лицу абстрактную положительную характеристику: *good*, *goodly*, *kind*, *fine*, *bonny*(*bonnie*), *sweet*, *nice*: *good wife*, *good man*, *bonny bride*, *bonny boy*, *sweet girl*, *nice girl*.

Положительность героев характеризуется также эпитетами, образованными от прилагательного *good* (*good-natured*, *good-tempered* или *good-hearted*) или его синонимами (*kind-hearted*, *soft-hearted*). Например:

Jack's mother was a good-tempered woman... ("Jack and the Beanstalk").

...a very good-hearted woman ("The History of Tom Thumb").

Часть английских сказок посвящена простоватым героям, которые характеризуются эпитетами: *silly*, *stupid*, *foolish*, *simple*: *poor silly Jack*, *poor silly country fellow*, *foolish man*, *foolish farmer*, *foolish good wife*, *simple woman*, *foolish woman*, *silly fellow*.

5) Основное ядро отрицательно-оценочных эпитетов составляют антонимы к лексеме *good*, такие как *cruel*, *bad*, *ill-tempered*, *spiteful*, *wicked*, *unkind*. Например:

Sink on, cried the cruel princess, no hand or glove of mine you'll touch ("Binnorie").

...being in want of money, the King at last married a rich lady, who was ugly, ill-tempered and spiteful ("The Well of the Three Heads").

Особый цикл составляют английские сказки о великанах и людоедах, которые определяются при помощи эпитетов, подчеркивающих не только их громадный рост (об этом упоминалось ранее), но и свирепый характер. Эти качества передаются при помощи эпитетов: *monstrous*, *awful*, *awesome*, *terrible*, *cruel*, *horrible*, *great*, *dreadful*, *fierce*: *cruel giant*, *monstrous giant*, *monstrous beast*, *dreadful*, *double-faced giant*.

So the young man went on, and by and by he saw a multitude of very dreadful beasts, with two heads, and on every head four horns ("Jack the Giant-Killer").

6) В английских сказках встречается немало персонажей, носящих имена (прозвища), образованные с помощью эпитетов, которые выразительно указывают на характер героя, например, *Simpleton Peter* или *Lazy Jack* из одноименных сказок.

Часть персонажей носит имена, которые указывают на какую-то характерную деталь портрета, внешности. Например: *the Red Ettin* ("The Red Ettin"), *Yallery Brown* ("Yallery Brown"), *Tom Thumb* ("The Story of Tom Thumb"), *the Black Bull* ("The Black Bull of Norrway").

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1985. Вып.16. С. 3-25.
2. Венгренская М.А. Композиционные повторы в сказке и их перевод // Вопросы языковой структуры. - Киев: Вища школа, 1976. - С.210-214.
3. Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. - М., 1978. №5. - С.18-28.

4. Егорова О.А. Традиционные формулы, как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки).- Дис. ... канд. культурологи. - М., 2002.- 259с.
5. Петрова Е.Е. Способы лингво- прагматической репрезентации фантазийных концептов (на материале английских волшебных сказок)- Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2011.-26 с.
6. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. - М.: Наука, 1974. - 216 с.
7. Jacobs J. English Fairy Tales. - Germany, 1994. - 434 p.
8. Riordan J. Folk-tales of the British Isles.-Moscow: Raduga Publ., 1987. - 368 p.
9. Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs.- L.: David Nutt, 1892. - 275p.
10. More Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs. - New York: Putnam, 1895. - 242p.
11. The Fairy Tales of Joseph Jacobs [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.surlalunefairytales.com/authors/jacobs.html#MOREENGLISH>. свободный.

References

1. Arutjunova N. D. Paducheva E.V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki. Vstupitel'naja stat'ja // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. -M.,1985. Vyp.16. S. 3-25.
2. Vengrenovskaja M.A. Kompozicionnye povtory v skazke i ih perevod // Voprosy jazykovoj struktury. - Kiev: Vishha shkola, 1976. - S.210-214.
3. Gerasimova N.M. Formuly russkoj volshebnnoj skazki // Sovetskaja jetnografija. - M., 1978. №5. - S.18-28.
4. Egorova O.A. Tradicionnye formuly, kak javlenie narodnoj kul'tury (na materiale russkoj i anglijskoj fol'klornoj skazki).- Dis. ... kand. kul'turologi. - M., 2002.- 259s.
5. Petrova E.E. Sposoby lingvo- pragmaticheskoj reprezentacii fantazijnyh konceptov (na materiale anglijskih volshebnyh skazok)- Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2011.-26 s.
6. Roshijanu N. Tradicionnye formuly skazki. - M.: Nauka, 1974. - 216 s.
7. Jacobs J. English Fairy Tales. - Germany, 1994. - 434 p.
8. Riordan J. Folk-tales of the British Isles.-Moscow: Raduga Publ., 1987. - 368 p.
9. Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs.- L.: David Nutt, 1892. - 275p.
10. More Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs. - New York: Putnam, 1895. - 242p.
11. The Fairy Tales of Joseph Jacobs [Elektronnyj resurs].- Rezhim dostupa: <http://www.surlalunefairytales.com/authors/jacobs.html#MOREENGLISH>. svobodnyj.

Петрова Е.Е.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Псковского государственного университета

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМУЛЬНЫЕ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В АНГЛИЙСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ (СРАВНЕНИЯ И ПОВТОРЫ)

Аннотация

Сказочный текст характеризуется своими отличительными признаками композиционной и языковой организации. Эпитеты, сравнения и повторы являются одними из самых частотных традиционных формульных средств, стабилизирующих текст народной сказки.

Ключевые слова: сказка, эпитет, сравнение, повтор.

Petrova E.E.

PhD in Philology, associate professor, Pskov State University

TRADITIONAL LEXICO-STYLISTIC FORMULAE IN ENGLISH FOLK TALES (COMPARISONS AND REPETITIONS)

Abstract

Folk tales are characterized by certain features in composition and language. Epithets, comparisons, and repetitions are among the most often used as traditional means that organize the text of folk tales.

Keywords: folk tale, epithet, comparison, repetition

Традиционность языкового построения и национально- культурная специфика образной системы языка сказки наиболее ярко обнаруживается в сравнениях: на фоне содержащихся в них общих характеристик жизни английского народа, особенно отчетливо проступают национально и культурно обусловленные приметы текста, отражающиеся в образном мышлении данного человеческого коллектива. В английских сказках присутствует большое количество разнообразных сравнений, которые, в основном, являются единичными, то есть встречаются в одной, максимум двух сказках.

Образное сравнение представляет собой средство языка, "основанное на семантическом сходстве и характеризующееся наличием слова, выражающего идею подобия" забытыми [4, с.85]. Формальными выразителями мыслительного акта уподобления в английских сказках чаще всего являются:

1. **LIKE** *His goggle eyes were like flame of fire ("Jack the Giant- Killer").*
2. **[AS] ...AS** *He really was as sharp as a needle ("Jack and the Beanstalk").*

В английских сказках самая большая часть формульных сравнений используется при описании внешности персонажей.

В первую очередь подчеркивается белизна лица девушки, щеки и губы сравниваются с розами и вишнями, глаза - с зеленой травой. Например:

...the girl-baby grew white as milk, with cheeks like roses and lips like cherries... ("The Rose Tree").

... *she was not a span high, and had hair like spun silver, eyes as green as grass, and cheeks red as June roses* ("My Own Self").

Следующая важная характеристика внешности героев обоего пола - красивые волосы, которые традиционно сравниваются с золотом (реже - с серебром):

...*her hair was so abundant that it fell around and covered her figure like an ample robe of glittering gold* ("Lutey and the Merrymaid").

The last one that came was taller than all the others and his hair was bright and shining like gold ("Nikessen's Pool").

В английских сказках формульные сравнения используются для характеристики отрицательных героев, таких как великаны, эльфы, черти и их помощники. Они выполняют экспрессивную дискурсивно- прагматическую функцию, помогают создать атмосферу страха и таинственности, которая неизменно сопутствует появлению этих сверхъестественных существ. Например:

His goggle eyes were like flame of fire ("Jack the Giant-Killer").

Set me a task, said he, with a voice like the roaring of an iron furnace ("The Master and His Pupil").

Then immediately there was a loud noise like thunder... ("Childe Rowland").

And it went on singing till the ogre fell asleep, and commenced to snore like thunder ("Jack and the Beanstalk").

Then, coming to the middle of the bridge, the giant's great weight broke it down, and he tumbled headlong into the water, where he rolled and wallowed like a whale ("Jack the Giant-Killer").

При помощи сравнений передаются различные качества героев, причем большая их часть относится к общеязыковым сравнениям, закрепленным в результате многократного употребления.

Так, смелость героя сравнивается со смелостью льва: *bold as a lion*.

Если положительный герой не только смелый, но и нахальный, что помогает ему в борьбе со злыми великанами, то используется сравнение *as bold as brass*:

Jack hurried up to the house and asked the woman, as bold as brass, if she could give him some breakfast ("Jack and the Beanstalk").

Сравнения дают образную характеристику действий и поступков сказочных героев, причем обычно мужчин.

Особенно много сравнений выполняют репрезентативную функцию. Они характеризуют быстроту, стремительность действий персонажей, которые передаются через сопоставление с быстротой ветра:

Jack tore down the road like the wind, with the ogre after him ("Jack and the Beanstalk").

Следующую группу составляют сравнения, характеризующие состояние героев. Приведем несколько примеров:

Now Jack, having had no supper, was hungry as a hunter... ("Jack and the Beanstalk").

Объектом сравнения, характеризующим окружающую среду при описании природы чаще всего становится вода. Например:

Then they came to a stream of water as clear as crystal, which ran across the river ("Cherry of Zennor").

Единичные сравнения образно передают движение времени:

Her master was so kind and loving that a year passed by like a summer day ("Cherry of Zennor").

Следующим наиболее частотным средством речевой стереотипии в народных сказках является повтор. Повторяемость в тексте - один из критериев формульности. В сказках повторы выступают как средство создания и варьирования формул, а также и сами по себе являются формулами.

В зависимости от статуса повторяемых единиц в английских сказках чаще всего встречаются повторение знаменательных (самостоятельных) частей речи.

Характерная черта языка английских сказок - дистантные лексические повторы, большая часть из которых ограничена семантически: это в первую очередь глаголы движения. Дистантный повтор - это прерванный вид повтора, компоненты которого отстоят друг от друга на некотором расстоянии, причём величина этого расстояния может быть различной. Основная функция таких повторов - репрезентативная, состоит в указании на постепенность развертывания действия, относительную длительность в сказочном времени. Многие формульные конструкции английских сказок построены именно на использовании повтора. Формульный повтор образуется с помощью различных глаголов движения.

В структурном аспекте повторы глаголов движения сложны и обычно завершаются сообщением результата, т.е. заканчиваются определенным глаголом, который указывает на положительный результат действия:

So they fought, and fought, and fought, until at last Childe Rowland beat the King of Elfland to his knees ("Childe Rowland").

And Childe Rowland and the King of Elfland fought, and fought, and fought, while Burd Helen with her hands clasped, watched them in fear and hope ("Childe Rowland").

He ran, and he ran, until he could run no longer, and then he ran up against a little old woman who was gathering sticks ("The Ass, the Table and the Sticks").

В английских сказках часто используется повторение обращений, что способствует акцентированию внимания на лице, к которому обращена речь, и придаёт экспрессивность всей речи.

Повтор подобных обращений может служить средством структурирования и связывания сюжета всей сказки. В качестве примера рассмотрим сказку "Mouse and Mouser". В ней два главных героя (кошка и мышка) и два главных события: мышонок приходит к кошке в гости и кошка съедает его. Развитие сюжета построено на диалоге между мышкой и кошкой. Разговор между хозяйкой и гостьей начинается с вопроса мышки:

What are you doing, my lady, my lady,

What are you doing, my lady?

И ответа:

I am spinning old breeches, good body, good body,

I am spinning old breeches, good body.

Повторы формульного типа в английских сказках образуются, например, при помощи лексического повторения послелогов, которые либо выносятся в начало предложения, либо следуют за глаголами:

And he went along, and along, and along, and still further along, till he came to the horse-herd of the King of Elfland feeding his horses ("Child Rowland").

Then he went on, and on, and on, till he came to the round green hill... ("Childe Rowland").

Таким образом, рассмотрев основные традиционные лексико-стилистические средства создания сказочного текста, можно прийти к выводу, что композиционная и языковая стереотипия и стабильность сказки проявляется на всех уровнях. Внутренний мир сказки создается по определенным и строгим веками складывающимся законам поэтики. И сам этот внутренний мир строго регламентирован и сохраняет архаические представления о мире, нормы поведения и элементы системы социальных отношений.

Традиционность, устойчивость, консервативность стилистических приемов и словесных штампов их варьирование и количественное многообразие способствует созданию яркого, красочного и живого повествования.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. -М.,1985. Вып.16. С. 3-25.
2. Венгреневская М.А. Композиционные повторы в сказке и их перевод // Вопросы языковой структуры. - Киев: Вища школа, 1976. - С.210-214.
3. Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки // Советская этнография. - М., 1978. №5. - С.18-28.
4. Егорова О.А. Традиционные формулы, как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки).- Дис. ... канд. культурологи. - М., 2002.- 259с.
5. Петрова Е.Е. Способы лингво- прагматической репрезентации фантазийных концептов (на материале английских волшебных сказок)- Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2011.-26 с.
6. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. - М.: Наука, 1974. - 216 с.
7. Jacobs J. English Fairy Tales. - Germany, 1994. - 434 p.
8. Riordan J. Folk-tales of the British Isles.-Moscow: Raduga Publ., 1987. - 368 p.
9. Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs.- L.: David Nutt, 1892. - 275p.
10. More Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs. - New York: Putnam, 1895. - 242p.
11. The Fairy Tales of Joseph Jacobs [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://www.surlalunefairytales.com/authors/jacobs.html#MOREENGLISH>. свободный.

References

1. Arutjunova N. D. Paducheva E.V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki. Vstupitel'naja stat'ja // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. -M.,1985. Vyp.16. S. 3-25.
2. Vengrenovskaja M.A. Kompozicionnye povtory v skazke i ih perevod // Voprosy jazykovoj struktury. - Kiev: Vishha shkola, 1976. - S.210-214.
3. Gerasimova N.M. Formuly russkoj volshebnoj skazki // Sovetskaja jetnografija. - M., 1978. №5. - S.18-28.
4. Egorova O.A. Tradicionnye formuly, kak javlenie narodnoj kul'tury (na materiale russkoj i anglijskoj fol'klornoj skazki).- Dis. ... kand. kul'turologi. - M., 2002.- 259s.
5. Petrova E.E. Sposoby lingvo- pragmaticheskoi reprezentacii fantazijnyh konceptov (na materiale anglijskih volshebnyh skazok)- Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Sankt-Peterburg, 2011.-26 s.
6. Roshijanu N. Tradicionnye formuly skazki. - M.: Nauka, 1974. - 216 s.
7. Jacobs J. English Fairy Tales. - Germany, 1994. - 434 p.
8. Riordan J. Folk-tales of the British Isles.-Moscow: Raduga Publ., 1987. - 368 p.
9. Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs.- L.: David Nutt, 1892. - 275p.
10. More Celtic Fairy Tales / Collected by Joseph Jacobs. - New York: Putnam, 1895. - 242p.
11. The Fairy Tales of Joseph Jacobs [Elektronnyj resurs].- Rezhim dostupa: <http://www.surlalunefairytales.com/authors/jacobs.html#MOREENGLISH>. svobodnyj.

Russian Linguistic Bulletin – рецензируемое научное издание, посвященное вопросам лингвистики и преподаванию языка, которое предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам из стран СНГ и дальнего зарубежья.

Подробную информацию о журнале Вы можете найти на сайте:
<http://rulb.org/>

Рокотянская М.М.

Старший преподаватель, Московский Энергетический Институт
ЗАИМСТВОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Данный доклад посвящен проблеме активного заимствования английских слов в связи со стремительным развитием науки, техники, культуры, экономики и производственных отношений. В докладе приводятся ряд примеров из различных областей, их классификация, а также причины возникновения. В конце доклада анализируются положительные и отрицательные стороны данного явления.

Ключевые слова: иноязычный, терминология, сленг, адаптация, инновация.

Rokotianskaya M.M.

Senior lecturer, Moscow Power Engineering Institute
ENGLISH BORROWINGS IN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract

This article is dedicated to a problem of active borrowing of English words in Russian language due to a quick development of science, technology, culture, economy and production relations. A number of examples from different spheres is given in this article. The classification and their origin are also considered. Negative and positive sides of this phenomenon are analyzed in the end of the article.

Keywords: foreign, terminology, slang, adaptation, innovation.

Nowadays due to a rapid development of science and technology English words appear in Russian language in the same rapid way. It's not a new phenomenon as in the course of history Russian people have been carrying on trade and maintaining social and cultural relations with lots of foreign countries. Vocabulary is the most accessible sphere for different kinds of external impacts, the sphere where all changes are reflected that happen in life of a society.

There are several reasons why borrowings appear:

- it is necessary to give a name for a new notion or a thing.
- a new notion should be expressed not by a word combination or a sentence but by one word. In this way word *sniper* appeared in Russian language instead of descriptive word combination *меткий стрелок*
- social-and-psychological factors. Very often people consider that a foreign word sounds more beautiful and it is more fashionable to use adopted word as it shows that you are well informed about all novelties. [2,187]

This process couldn't but influence Russian language as new goods and notions appeared but there hadn't been any name in Russian for them yet. People had to invent new words very quickly and borrowing proved to be the best method. Borrowing is a process of taking a foreign word (in our case English word) and its subsequent penetration into Russian language by means of transliteration. There are many borrowings from different languages such as French, German, Italian but today more and more English words appear as mostly English speaking countries lead in many spheres such as:

- **computer technologies:** *file, monitor, byte, processor* and many others.
- **finance and economy:** *broker, dealer, budget, balance, banknote* and others
- **politics and diplomacy:** *president, prime minister, parliament, liberalism, impeachment* and others
- **sport:** *sprinter, football, basketball, wrestling, tennis* and others

More and more words now occur in the sphere of social networks. Nowadays this sphere develops extremely rapidly as internet communication has mostly displaced all previous types of communication, sometimes even real one. Many words such as *follower, blogger, chat, tweet, repost, like, selfie* have become an integral part of speech especially among young people.

Today in Russian language one may see lots of examples of borrowed words, so called russified words. Such adaptation happens in the following ways: by addition of Russian suffixes, shortening, play of words, declension etc. Such method doesn't make new words more understandable but it helps to "domesticate" them and make them sound more native. With a help of Russian grammar they are easily integrated into the system of Russian language. [1,41]

In most cases the process of adaptation is a long one and gradual. Some elements remain not to be fully adapted. For there may be some differences in pronunciation, they may not be declined. If a borrowed word is adapted by grammatical system of a language (nouns take case and number forms, the signs of grammatical gender appear) then it extends the opportunity of new derivatives formation. This way inanimate nouns with subject and material lexical meanings may form different adjectives with Russian suffixes *-н(ый), -ов(ый)*: *кластер-кластерный, футбол-футбольный, хит-хитовый*; some nouns form relative adjectives with suffix: *-ск(ий)*: *президент — президентский, Уэльс-уэльский*; nouns which denote different branches of science, art, social trends etc may form adjectives with suffixes: *-ическ(ий)*: *туризм — туристический*. [2,53]

It is impossible to control the process of language development to the full extent. The appearance of new foreign words points to the fact that society keeps up with the times, trades and communicates with developed countries rather actively. However excessive borrowing may not always be reasonable, for example when we use some borrowed word instead of existing Russian one and thus form favourable conditions for slang formation. In this way we clutter up our speech with useless words and their abundance make it sound absurd. It is necessary to look after our language and especially after the words we use. The language we use shows the level of our education, culture, our social status. The most important thing is not a quantity but quality of new words, especially when we use them correctly and appropriately.

References

1. Krongauz M.A. Russian language on the brink of nervous breakdown // *Znak, Yazyki slavianskih kultur* [The languages of Slavic cultures], 2007. P 41(in Russian)
2. Krysin L.P. Foreign words in modern life. // *Russian language in the end of the 20th century.* — M., 1996. P. 53-187 (in Russian)

Сидорова О.Б.

Студент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал)

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ
И ПЕРЕЖИВАНИЯ В РАССКАЗЕ Е. ГРИШКОВЦА «ПАЛЕЦ»

Аннотация

В статье рассматривается реализация регулярных способов словообразования глаголов на примере рассказа Е. Гришкова «Палец». Обращается внимание на то, что суффиксация, префиксация и постфиксация носят в рамках художественного текста как узальный (первичный), так и контекстуальный (вторичный) характер.

Ключевые слова: словообразование глаголов, суффиксация, префиксация, постфиксация, глаголы эмоционального состояния и переживания.

Sidorova O.B.

Student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch)

FEATURES DERIVATION OF VERBS OF EMOTIONAL STATE AND FEELINGS IN THE STORY
GRISHKOVETS "FINGER"

Abstract

The article discusses the implementation of regular verbs, word formation methods on the example of the story Grishkovets "finger." Attention is drawn to the fact that suffixing, prefixing and postfixing are within the art text as of usual (primary) and contextual (secondary) character.

Keywords: derivation of verbs, suffixation, prefixation, postfixation, verbs of emotional state and feelings.

Русское словообразование не только ставит перед собой две задачи – охарактеризовать структуру имеющихся слов в языке и найти возможные средства образования новых лексем, но и выявляет закономерности употребления лексических единиц определенной словообразовательной структуры в художественном тексте. Это неслучайно, поскольку частотное употребление слов, принадлежащих к одной части речи и образованных по одной словообразовательной модели, позволяет сделать выводы о характере повествования, об авторской задумке, о темпераменте и степени эмоциональности героя. Можно предположить, что для писателя является второстепенным то, как сделаны слова в его произведении, для него наиболее важное значение имеет вопрос, каким путём слова, образованные с помощью различных способов словообразования, могут подсознательно формировать в голове читателя мысли, эмоции и чувства, которые так важно передать автору.

Создание многоликой эмоциональной атмосферы произведения – это одна из самых трудных задач для прозаика. Многогранный мир чувств и переживаний репрезентирует Е. Гришковец в своем рассказе «Палец». В этом произведении основополагающим элементом является способность главного героя к восприятию окружающего мира, к пониманию его глубочайшей сути посредством живого чувства, а не оцифрованного разума. Основная мысль рассказа заключается в том, что проявление истинных эмоций способно открыть новые горизонты не только за рамками привычной среды обитания, но и внутри самой личности. Парадоксальным является то, что индивидуальные эмоции человека как психологический феномен обретают полномасштабность посредством реализации аффиксальных способов словообразования в художественном тексте.

Рассмотрим глаголы эмоционального состояния и душевного переживания, выбранные из рассказа Е. Гришкова. Одним из частотных способов словообразования глаголов является суффиксальный, с помощью которого образованы десять глаголов: *переживать* (словообразовательный аффикс *-ва-*), *усмехнуться* (словообразовательный аффикс *-ну-*), *подбадривать* (словообразовательный аффикс *-ива-*), *веселить* (словообразовательный аффикс *-и-*), *охать* (словообразовательный аффикс *-а-*), *ахать* (словообразовательный аффикс *-а-*), *успокаивать* (словообразовательный аффикс *-ива-*), *возражать* (словообразовательный аффикс *-а-*), *чувствовать* (словообразовательный аффикс *-ова-*), *глазеть* (словообразовательный аффикс *-е-*).

Среди анализируемых суффиксальных глаголов следует выделить те, которые мотивированы именами и междометиями (*веселить* – образовано от прилагательного *весёлый*; *чувствовать* – образовано от существительного *чувство*; *глазеть* – образовано от существительного *глаз*; *охать*, *ахать* – образованы от междометий *ох* и *ах*[7]). В рассказе Е. Гришкова глаголы, являющиеся производными от имен и междометий, выступают в качестве средств выражения реакции персонажей на окружающий мир и рефлексии героев. Например, сначала в момент соприкосновения с миром первозданной природы главный герой произведения «*чувствовал* удовольствие и от запаха, и от зноя, и от ветра, и от того, что видит и слышит вокруг», он «*глазл* по сторонам, пока все бежали, *оха*ли, *аха*ли, подходили к реке и мочили в ней руки» [2]. Однако контакт с новым для себя миром порождал и отрицательную реакцию Виталия, спустя время он «*чувствовал* только боль», «*чувствовал*, как устал от этой боли» «*чувствовал* озноб, будто его всего окатили студёной водой, и ему хотелось высохнуть и согреться» [2].

Нами отмечены глаголы, являющиеся производными непосредственно от глаголов (*усмехнуться* – образовано от глагола *усмехаться*; *подбадривать* – образовано от глагола *подбадрить*; *успокаивать* – образовано от глагола *успокоить*; *возражать* – образовано от *возразить*[7]). Цель их употребления в тексте – показать динамику проявления эмоций, частотность самих чувств и переживаний. Значение однократности действия имеет суффикс *-ну-*, который является производящим аффиксом в слове *усмехнуться*. Подобная единичность в проявлении эмоций показывает незначительный эмоциональный порыв, который обычно сопровождает незатейливую шутку («Одну за ночь? – спросил первый. – Упорный ты парень! В городе что, совсем есть нечего? – И оба *усмехнулись*» [2]) или иронию («Когда он засыпал, за окном накрапывал дождик. Он вспомнил прогноз шефа и *усмехнулся*» [2]). Антонимичное предыдущему значению многократности действия имеют суффиксы *-ва-*, *-ива-*, которые являются производящими аффиксами в глаголах *переживать*, *успокаиваться*, *подбадривать*. В данном случае эмоции, которые переживаются самим человеком или которые навязаны субъекту другими людьми, имеют уже более сильный

характер проявления, так как переживаются человеком на протяжении промежутка времени: «муж бухгалтера сильно **переживал**, но не знал, какими словами выразить своё сочувствие» [2]. Герои, как правило, боятся таких эмоций, поэтому неоднократно в повелительной форме дают установку собеседнику: «Милые дамы, **не переживайте!**», «**Не переживай**. Мы дальше поедом. Река длинная» [2]. Глагол **успокаивать** также косвенно указывает на временной аспект продолжительности действия (за счет суффикса **-ива-**), однако имеет дополнительное значение воздействия на кого-либо: «**Успокаивали**, что надо потерпеть» [2]. Глагол **возражать** («но он не дёрнулся и **не возражал**» [2]) имеет значение продолжительности, многократности действия, которое сосуществует со значением воздействия на кого-то в рамках самозащиты.

Особый интерес вызывают глаголы **подбадривать**, **веселить**: «Шеф, когда случались остановки, всех **подбадривал**, **веселил**» [2]. С одной стороны, эти глаголы образованы от слов разных частей речи, но в то же время выступают и как средства реакции на окружающий мир (в большей степени), и как показатели продолжительности эмоционального проявления. Скорее всего, подобная синкретичность употребления связана с тем, что глагол **подбадривать** входит в словообразовательное гнездо, вершиной которого является прилагательное **бодрый**. В свою очередь глагол **веселить** образован от прилагательного **весёлый** [7].

Очевидно, что в рамках художественного текста традиционные языковые единицы становятся средством передачи нового смысла, наполняются определенным, дополнительным к узусу, содержанием, обогащаются многообразными оттенками, приобретают способность выражать подтекст [3]. Таким образом, словообразовательная мотивация не только выражает отношение между мотивирующим словом и дериватом, но и в рамках контекста выступает одним из средств создания динамичного образа.

Кроме глаголов, образованных суффиксальным способом, в произведении Е. Гришкова отмечены и префиксальные глаголы, которые в значительной степени формируют динамичный фон сюжета и позволяют вскрыть развитие, антистатичность, непрерывное движение в формировании внутреннего «я» главного героя.

Глаголы эмоционального выражения и переживания, образованные с помощью префиксов и мотивированные глаголами, составляют типы со словообразовательными аффиксами: **по-** (**понравиться**, **полюбоваться**, **почувствовать**, **пожалеть**, **потерпеть**, **повздыхать**, **посоветовать**, **побелеть**, **полежать**); **за-** (**заулыбаться**, **засмеяться**, **захохотать**, **затосковать**, **загудеть**, **закричать**, **застонать**, **завосхищаться**, **заметаться**); **вз-** (**вздрыгнуть**, **взвыть**); **раз-/рас-** (**разулыбаться**); **при-** (**приревновать**); **с-** (**стихнуть**); **о-** (**ожить**). Глаголов, образованных префиксальным способом двадцать четыре, что говорит о регулярности данного способа словообразования.

Данные группы слов, систематизированные по наличию того или иного словообразовательного префикса, в совокупности представляют собой миниатюрную модель развития человека, которая состоит не только из скачков интенсивности действия, но и из начальной и конечной точки следования. Обратимся к словообразовательному значению префиксов.

В тексте много префиксальных глаголов, в словообразовательную структуру которых входит производящий аффикс со словообразовательным значением ‘начало действия’ [1]. Например, префикс **за-** помогает писателю обозначить отправную точку какого-либо душевного переживания, эмоционального порыва, выражения чувства: **заулыбаться – начать улыбаться**, тем самым выражая радость, счастье, одобрение («...он **заулыбался** сам себе»; «руководитель **заулыбался**, с надеждой глядя на него» [2]). Глаголы **засмеяться**, **захохотать** отличаются от них степенью проявления чувств. Однако эмоциональный фон произведения не статичен, и герои в определенный момент начинают испытывать совершенно противоположные эмоции: **затосковать – начать тосковать**, испытывая душевные терзания; **загудеть – начать гудеть**, обнажая возмущение и недовольство; **закричать, застонать – начать кричать, стонать**, переживая нестерпимую боль; **заметаться – начать метаться**, не находя выхода из сложившегося положения. Особое место среди глаголов, образованных по данной словообразовательной модели, занимает глагол **завосхищаться**: «Шикарная штука! – сказал муж бухгалтера, а все женщины **завосхищались** разом» [2]. Префикс **за-** не только выражает начало действия, но и показывает интенсивность, яркость процесса, названного мотивирующим словом (**восхищаться – завосхищаться**).

Именно критерий насыщенности позволяет глаголам эмоциональной сферы стать более гибкими и подвижными в условиях текста, отражать малейшие оттенки чувства и переживания. Словообразовательное значение ‘интенсивно или резко, внезапно начать действие’ [1] имеет префикс **вз-**. В тексте дважды используется глагол с таким префиксом: «Он **вздрыгнул**, устремил свой взгляд туда, но увидел только расходящиеся по заводи маленькие волны»; «Неизвестно, что остановило Виталия от того, чтобы **взвыть** и убежать завывая» [2]. Становится очевидным, что префикс в данном случае выполняет роль усиливающего компонента: в первом случае аффикс в большей степени подчеркивает состояние испуга героя, во втором – акцентирует внимание на всеобъемлющей боли, которую переживает персонаж.

Однако не только начальное проявление эмоций может характеризоваться степенью напряженности. В рассказе Е. Гришкова особое внимание уделяется элементарной полярности того или иного проявления чувства. Глаголы со значением ‘совершение действия с большей интенсивностью’ [1] образованы префиксальным способом, а именно посредством производящего аффикса **раз-** (**разулыбаться**). Этот глагол представлен в тексте произведения в форме действительного деепричастия прошедшего времени: «Дорогие коллеги! – **разулыбавшись**, начал он, поправив рукой свои чёрные, кудрявые и непослушные, без признаков седины волосы» [2]. Сема ‘с большей интенсивностью’ позволяет подчеркнуть чрезмерную экспрессивность, во-первых, значения самого глагола, во-вторых, персонажа, мимику которого описывает этот глагол. В противовес глаголам со значением избыточности, преувеличенности чувства выступают префиксальные глаголы со значением ‘совершение действия с незначительной интенсивностью или не полностью’ [1]. Такой тип представляют слова, образованные с помощью префикса **при-** («Жена его **приревновала**, что ли...» [2]). Здесь всё внимание обращено на недостаток проявления чувства ревности. Причина кроется либо в особой эмоциональной черствости лица, которое испытывает это состояние, либо в посредственном, несерьезном отношении данного лица к объекту ревности. В любом случае, очевидна слабая эмоциональная

составляющая проявления чувств, что на языковом уровне стало возможным посредством употребления префикса **при-** на уровне словообразовательной структуры глагола.

Особое внимание следует обратить на полисемию словообразовательного значения аффиксов. В условиях текста префиксальные глаголы, образованные посредством префикса **по-**, приобретают дополнительную смысловую нагрузку. Некоторые примеры демонстрируют словообразовательное значение 'совершение действия в течение некоторого, чаще непродолжительного времени' [1]: **полюбоваться; пожалеть, потерпеть, повздыхать, посетовать**. Кроме того, в определенном контексте глаголы этого ряда выражают наигранность, искусственность, театральность: «Женщины **повздыхали, пожалели** его, **посетовали**, что никто не отвёз травмированного в город сразу» [2]. Герои в незначительной степени переживают за пострадавшего коллегу, так как спустя непродолжительное время «кто-то пил чай, кто-то разговаривал и смеялся, а кто-то интересовался, как наладить снасть и порыбачить».

Другие префиксальные глаголы со словообразующим аффиксом **по-** содержат дополнительное значение 'доведение действия до нужного рубежа (**понравиться, полегчать**) или до естественного предела (**побелеть, почувствовать**)' [1]. Заметим, что естественный предел заключается как в выражении негативных эмоций («У него от неожиданности и обиды **побелело** в глазах», «Он **почувствовал** свою беззащитность и слабость», «**почувствовал**, что ему жаль» [2]), так и в демонстрации позитивных чувств («Он сразу **почувствовал** некоторое облегчение», «Он вдруг **почувствовал** симпатию» [2]). Подобная двуполярность (нужный предел – естественный предел; негативные эмоции – положительные эмоции) позволяет сделать акцент на гармонии мировосприятия и чувства, на балансе между положительным и отрицательным, общим и индивидуальным. Например, фраза «**лагерь совершенно ожил**» [2], построенная на метонимии, выражает проявление не индивидуального, а коллективного чувства. Заметим, что глагол **ожить** содержит в своей структуре префикс **о-** со словообразовательным значением 'доведение действия до нужного предела' [6]. Таким образом, словообразовательное значение префиксов, которое содержит сему 'предел', является более обтекаемым, неясным, нечетким, так как выражает различные по интенсивности, по значимости и по охвату числа субъектов чувства.

В рассказе употребляются и постфиксальные глаголы (их семнадцать). Непосредственно сам постфикс **-ся** не несет отпечатка интенсивности, не выражает значения начала или конца действия. С этимологической точки зрения этот постфикс восходит к краткой форме винительного падежа возвратного местоимения **себя**, поэтому **-ся** традиционно ассоциируется со словообразовательным значением **возвратности** [5]. Однако в отношении глаголов эмоционального состояния и душевного переживания можно говорить о более конкретном значении **возвратности**. Возвратные глаголы, образованные префиксальным способом, в данном случае являются **общевозвратными** и имеют словообразовательное значение 'действие, совершенное в самом субъекте' [4]. Такие глаголы выражают психическое состояние субъекта и отражают проявление этого состояния в физическом плане (мимика, жесты, действия): **волноваться, беспокоиться, напрягаться, суетиться, расклеиться, утомиться, обижаться, отмахнуться, кривиться, испугаться, удивляться, радоваться, восхищаться, успокоиться, расслабиться, уgomониться и т.д.**

Душевные переживания характерны для внутреннего состояния человека, а эмоции часто являются внешним выражением испытываемого чувства. Например, главный герой рассказа в определенный момент сюжета «старался совсем не шевелить больным пальцем, но небольшие движения всё равно машинально случались, и он **кривился** и стонал от боли». Также не менее показательной является ремарка в отношении другого героя: «Ни-че-го! – ответил шеф и **отмахнулся**. – Рыбы тут у вас нет совсем. Тухлое место...» [2]

Ранее уже было отмечено, что посредством формы повелительного наклонения герои убеждают оппонентов не испытывать негативные переживания, не нагнетать обстановку. В случае глагольной постфиксации, как и в отношении суффиксации, это замечание уместно: «**не волнуйтесь**»; «**не беспокойтесь**»; «**не суетись**»; «**не обижайтесь**» [2]. На основе этой черты можно провести своеобразную параллель между двумя этими способами, акцентируя внимание на их частичном функциональном сходстве.

Таким образом, названные способы словообразования в рассказе Е. Гришкова «Палец» - это не только языковое явление. Употребление глаголов, образованных путём суффиксации, префиксации, постфиксации, связано с особенностями контекста, с подтекстом произведения, замыслом автора. В связи с этим можно говорить о том, что художественный текст многогранен, и даже аффикс, являясь только частью слова, имеющей формальное значение, способен создать в условиях прозаического произведения различные оттенки образа, его динамичный характер.

Литература

1. Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Шведовой Н.Ю. - М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1970. - 768 с.
2. Гришковец Е.В. Сборник «Боль» [Электронный ресурс] URL: http://loveread.ws/read_book.php?id=30164&p=34 (дата обращения 28.06.2015).
3. Новикова О.А. Герменевтический подход к пониманию и созданию юмористических текстов (диссертация на соискание учёной степени кандидата наук) [Электронный ресурс] URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-germenevicheskij-podhod-k-ponimaniyu-i-sozdaniyu-yumoristicheskikh-tekstov#ixzz3gS3QYQyN> (дата обращения 28.06.2015).
4. Русский язык. Энциклопедия русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://russkiyazik.ru/139> (дата обращения 28.06.2015).
5. Проект корпусного описания русской грамматики [Электронный ресурс] URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 28.06.2015).
6. Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. Евгеньевой А.П. 3-е изд. Стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988.
7. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. - М.: Русский язык, 1985.

References

1. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Pod red. Shvedovoj N.Ju. - M.: Institut russkogo jazyka Akademii nauk SSSR, 1970. - 768 s.

2. Grishkovec E.V. Sbornik «Bol'» [Elektronnyj resurs] URL: http://loveread.ws/read_book.php?id=30164&p=34 (data obrashhenija 28.06.2015).
3. Novikova O.A. Germenevticheskij podhod k ponimaniju i sozdaniyu jumoristicheskikh tekstov (dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata nauk) [Elektronnyj resurs] URL: <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-02/dissertaciya-germenevticheskij-podhod-k-ponimaniyu-i-sozdaniyu-yumoristicheskikh-tekstov#ixzz3gS3QYQyN> (data obrashhenija 28.06.2015).
4. Russkij jazyk. Jenciklopedija russkogo jazyka [Elektronnyj resurs] // URL: <http://russkiyyazik.ru/139> (data obrashhenija 28.06.2015).
5. Proekt korpusnogo opisanija russkoj grammatiki [Elektronnyj resurs] URL: <http://rusgram.ru> (data obrashhenija 28.06.2015).
6. Slovar' russkogo jazyka: V4-h t. Pod red. Evgen'evoj A.P. 3-e izd. Stereotip. – M.: Russkij jazyk, 1985 – 1988.7. Tihonov A.N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: V 2-h t. – M.: Rus. jaz., 1985.

Устинова Л.П.

Кандидат филологических наук

Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н.Туполева,
Набережночелнинский филиал

ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ В ФАМИЛЬЯРНОМ РЕГИСТРЕ ОБЩЕНИЯ

Аннотация

Автор данной статьи предпринимает попытку анализа глаголов немецкого языка, функционирующих в рамках фамиллярного регистра общения.

Ключевые слова: фамиллярный регистр общения, глаголы, пейоративная коннотация.

Ustinova L.P.

PhD, Philological Sciences

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev, Branch Naberezhnye Chelny

VERBS OF EMOTIONAL-EVALUATIVE SEMANTICS IN THE FAMILIAR COMMUNICATION REGISTER

Abstract

The author of this article attempts to analyze verbs of the German language, functioning in the familiar register of communication.

Keywords: familiar register of communication, verbs, pejorative connotation.

В многочисленной группе глаголов информационной семантики немецкого языка выделяется довольно значительная группа глаголов, которые не только передают речевое действие, но и характеризуют актантов речевой ситуации, к которым У.В.О. Куайн относит Агенса, Адресата и Содержание [3, с.361]. Данная статья представляет собой попытку рассмотреть функционально-семантические особенности глаголов эмоционально-оценочной семантики немецкого языка в фамиллярном регистре общения. В анализ включены глаголы со значением информирования, запроса информации и ответа.

Приступая непосредственно к анализу глаголов, необходимо обозначить основные границы фамиллярного регистра общения. Согласно определению, предложенному Л.С.Бархударовым [2, с.113] регистр входит в прагматическое значение наряду с такими составляющими, как стилистическая характеристика, эмоциональная окрашенность и коммуникативная нагрузка. Специфичность фамиллярного регистра состоит в том, что общения проходит в неофициальной обстановке, при несубординативных отношениях между коммуникантами и близкой психологической дистанции, что в значительной степени влияет на речевое поведение коммуникантов и определяет границы лексического отбора.

Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что большинство глаголов информационной семантики относятся к речеповеденческим, двутематичность которых проявляется в наличии в их семантике двух компонентов, а именно: речь и поведенческий акт [1, с. 646]. Проводя границу между понятиями «глаголы речи» и «глаголы речевого действия», Е.В.Падучева отмечает, что главное отличие последних состоит в их акциональности, а решающая роль в их различии принадлежит участнику Способ [4, с.355].

Анализ примеров показывает, что в ситуациях фамиллярного регистра широко используются глаголы, характеризующие внешнюю звуковую сторону речи. Специфичность данных глаголов состоит, по мнению Г.А. Храмовой, в том, что они несут субъективную окрашенность, в то время как значение говорения является для них метафорическим [5, с. 23]. Заметим также, что помимо акустической стороны речи, данные глаголы отражают в своей семантике субъективное отношение Агенса к Адресату и имеют преимущественно пейоративную коннотацию. В целом различие внутри данной микросистемы проходит между глаголами, обозначающими:

- 1) различную степень громкости: *gröllen, flüstern, schreien, schmettern, zischeln, brüllen, murren, trompeten, zischeln*;
- 2) различную степень отчетливости: *nuscheln, brabbeln, brummen*;
- 3) особенности произношения: *gurgeln, schnarren, kreischen, stottern, nuscheln, zischen, schnauben*.

Специфичность данных глаголов заключается в том, что они используются в переносном значении, составной частью которого является эмоционально-оценочный компонент, включающий характеристику Агенса.

Приведем примеры: «Du hast Alaarm *gebrüllt*, richtig laut!» «Wie an der Grenze...» [I.Schulze: 159]; «Vier!», *rief* Lenz mit geschlossenen Augen. «Vierfünf», sagte Köster. «Fünf», *schrie* Jupp von der Pumpe aus herüber. «Fünffünf»,

schmetterte ich [E.-M.Remarque, S.94]; «Ja...natürlich», *stotterte* ich irritiert. «Schlaf gut» [S.Kornbichler, S.97]; «Victoria von den Spice Girls?», *schnaubt* der dicke Felix. «Wo?» [B.Lebert, S.47].

Границы толерантности фамиллярного регистра общения делают уместным употребление глаголов, образованных путем подражания животным *bellen, brüllen, krähen, fauchen, brummen, knurren* и звукам природы *donnern, rauschen, murren, murmeln*, которые имеют пейоративную коннотацию и передают особенности речи говорящего. Обратимся к примерам: Ich bin schon in einer Nebenwelt, *murmelte* ich, der Raum meiner Manuskripte kann nicht mehr nützen...[W.Hilbig, S. 198]; «Verrückt geworden», *fauchte* ich. «Du Idiot», flüsterte er, «deinetwegen darf ich in die Scheißsträucher». «Schicksal», *murmelte* ich...[Ch. Heine, S.175].

Анализ примеров показывает, что помимо вышеперечисленных глаголов в фамиллярном регистре функционирует достаточно значительная группа глаголов, образованных путем сравнения с определенными видами человеческой деятельности: *bohren, nachbohren, auspacken, dolmetschen, kontern, trompeten, gurgeln, auskundschaften, ausforschen, prüfen, examinieren, ausschlagen, abwehren*. Приведем примеры: «Danke für die Übersetzung, doch ich brauche kein Wörterbuch», *konterte* ich spitz [S.Kornbichler, S.182]; «Mir unverständlich, daß er dich nach Hamburg zurückfahren ließ», *bohrte* er weiter [B.Noack, S.29]; «Ha-hi-hu-hi?» *lallte* ersterer, als er sein Freund plötzlich neben sich sah. «Was Sie hier wollen», *dolmetschte* mein Onkel [B.Noack, S.17].

Другую значительную группу, функционирующую в ситуациях фамиллярного регистра, составляют глаголы, актуализирующие физическое и психоэмоциональное состояние говорящего: *keuchen, schluchzen, durchheulen, schnicken, schnucken, schnupfen, schnückerl, aufkreischen, aufschreien, gicksen, verschmähen*. Важно отметить, что данные глаголы не относятся к глаголам речи или речеповеденческим глаголам и при дескриптивном использовании могут характеризовать как речь Агенса, так и отношение Адресата к высказыванию, придавая стилистическую окраску высказыванию, например: «Na, Großer Karpfenmann», *keuchte* sie, «wie fühlt man sich?» [I.Schulze, S.158].

Следует отметить также, что у некоторых глаголов производное, метафорическое значение постепенно переходит в основное, например, глагол *meckern*, первоначально использовавшийся в значении «блеять», в современном немецком языке реализует значение «критиканствовать», например: Er *meckert* ständig über das Essen [Langenscheidts, 1997]; «Altersenwert, was?» *meckerte* der Jungling...[E.-M.Remarque: 126].

На основании данного обзора можно заключить, что в ситуациях фамиллярного регистра функционирует значительная группа глаголов эмоционально-оценочной семантики.

В микросистеме глаголов, актуализирующих внешнюю звуковую сторону речи, включая различную степень громкости, отчетливости и особенности произношения, выделяются глаголы, образованные путем подражания животным, путем сравнения с определенными видами человеческой деятельности и глаголы, отражающие физическое и психоэмоциональное состояние коммуникантов, имеющие преимущественно пейоративную коннотацию.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.:Языки русской культуры,1999. – 896 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240с.
3. Куайн У.В.О. Слово и объект // Логический анализ естественного языка. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М.: Прогресс, 1986. 392с.
4. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики // Язык о языке. (Studia philologica). М.: Языки славянской культуры, 2004. С.355 – 372.
5. Храмова Г.А. Verba dicendi в немецкой разговорной речи. М.:МГПИ, 1982. 74 с.

References

1. Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka. M.:Jazyki russskoj kul'tury,1999. – 896 s.
2. Barhudarov L.S. Jazyk i perevod. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 240s.
3. Kuajn U.V.O. Slovo i ob#ekt // Logicheskij analiz estestvennogo jazyka. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVIII. M.: Progress, 1986. 392s.
4. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki // Jazyk o jazyke. (Studia philologica). M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. S.355 – 372.
5. Hramova G.A. Verba dicendi v nemeckoj razgovornoj rechi. M.:MGPI, 1982. 74 s.

Халина Н.В.

Доктор филологических наук, Алтайский государственный университет

ДЕНОТАЦИЯ В ТЕОРИИ ЗНАЧЕНИЯ ШУКШИНА

Аннотация

В статье рассматривается проблема денотации для теории значений русского языка, формируемой в текстах В.М. Шукшина. Денотация истолковывается как связь между вербальными артефактами, в которых установлены соответствия между знаковой системой и соответствующими языковыми содержаниями, и виртуальной реальностью, которая для России до событий начала XX в. была отождествима с реальной действительностью – отношением сущего к своему другому, конкретно воплощенному в человеке.

Ключевые слова: философия языка, социология языка, функциональная лингвистика

Khalina N.V.

Doctor of Philological Sciences, Altai State University

DENOTATION IN THE SHUKSHIN'S THEORY OF MEANING

Abstract

In the article is examined the problem of denotation for the meaning theory of the Russian language, which is formed in the texts of V. M. Shukshin. Denotation interpreted as a link between the verbal artifacts, which have a correspondence between the sign system and the relevant language content, and virtual reality, which for Russia before the events of the early twentieth century was autodelfia with reality – the relation of things to their another, specifically embodied in man.

Keywords: philosophy of language, sociology of language, functional linguistics.

Теорию значения Шукшина следует рассматривать в качестве теории семантики глаголического языка. Глаголический язык – язык, возникший в результате функционирования кириллической азбуки в качестве системного обеспечения функционирования лингвистического разума представителя восточнохристианской культуры. Советский язык для вытеснения христианского символического кода из индивидуального сознания расширяет существующую интерпретацию предиката истины, тем самым увеличивает не только его объем, но и его антиобъем, десемантизируя глаголический язык. Истинностное значение, приписываемое не отдельной графеме языка, а предложению, отождествляется со значением идеологическим, конструирование которого предпринимается в повествовательном процессе.

Язык Шукшина, если исходить из дефиниций С. Крипке, определяется как язык, содержащий свой собственный предикат выполнимости. «Если L содержит для каждого объекта из D и отношение обозначения определено (это означает, что если D не перечислимо, то и L содержит неперечислимое количество констант), – пишет С. Крипке, характеризуя язык с предикатом выполнимости, – понятие выполнимости может (в большинстве контекстов) эффективно заменяться понятием истины; например, вместо того, чтобы говорить, что $A(x)$ выполняется объектом a , мы можем говорить, что $A(x)$ становится истинным, когда переменная заменяется именем a . Тогда подходит первоначальная конструкция. В противном случае, если L не содержит имени для каждого объекта, мы можем расширить L до L , добавлением бинарного предиката выполнимости $Sat(s, x)$, где s пробегает конечные последовательности элементов из D , а x пробегает формулы. Мы определяем иерархию языков, параллельную первоначальной конструкции, использующей истину, достигая в конце концов неподвижной точки – достигая язык, который содержит свой собственный предикат выполнимости. Если L является неперечислимым, а D – нет, конструкция, использующая только истинность, заканчивается на вычислимых ординалах*, а конструкция, использующая выполнимость, на невычислимых ординалах» [6, с. 170].

Понятие выполнимости в языке Шукшина заменяет понятие истины, регулирующее правила использования церковнославянского языка. Причем понятие выполнимости наделяет семантикой социально-проективную и формообразующую деятельность человека сетевой структуры, на разных этапах своего становления обретающей вид Киевской Руси, Московской Руси, Российской Империи и Союза Советских Социалистических Республик (а в социалистическом *storytelling*, в творчестве Г.Д. Гребенщикова, и вид Алтайской Руси).

Семантика, как считает У.В.О. Куайн, включает две области: теорию значения и теорию референции [7]. К главным понятиям теории значения У.В.О. Куайн относит синонимию, значимость (обладание значением), аналитичность (истинность посредством значения), следование (аналитичность условных высказываний). К главным понятиям теории референции соответственно причисляются именование, истина, денотация (или истинный для), объем, значение переменных.

Актуальными для семантики глаголического языка, или теории значения Шукшина, являются понятия синонимии, значимости, аналитичности, денотации, значения переменных (причем, именно то, что предрасположено к изменчивости, наделено значением), объема.

Теория значения Шукшина – это и способность употреблять адекватно ее содержанию – понятию истины – глаголическую систему в ее адаптированной к требованиям времени форме, и описание общей совокупности экзистенциальных связей между церковнославянским языком и остальной частью социокультурной системы «социалистическая Россия» (существование языкового употребления в данном месте в данный момент времени).

Теория значения, по убеждению М. Даммита, требуется для того, чтобы сделать работу языка открытой для взора человека; знать язык – значит быть способным его применять [4]. Способность применять язык предполагает понимание языка, что требует от теории значения следующего: «теория значения должна при объяснении того, что нужно знать значение каждого выражения в языке одновременно объяснять, что значит иметь понятия, выражимые

* В англ. языке означает 'состоящий из рядов', грам. порядковое числительное. Омонимичная лексема (ordinal II) имеет значения: 1. молитвенник; 2. церковный служебник (содержащий правила посвящения в духовный сан).

посредством этого языка»; «теория значения должна также связать понятия со словами этого языка, показать какими словами какие понятия выразимы» [4, с. 97].

Понимание языка, для графической фиксации которого была создана глаголическая система, происходит в 60-70-е гг. XX в., по завершении тысячелетнего цикла обращения ее внутренней формы – предиката истины. Процедуре понимания предшествует процедура овладения способностью применять язык – советский язык. Язык обретает семантику, адекватную степени готовности его носителя (потребителя) пробегать некоторые последовательности актуальной бесконечности*.

У.В.О. Куайн определяет понятие денотации, одно из главных понятий семантики, через синонимическую конструкцию «истинный для» [Куайн, 2003]. Денотация, выражая отношение предложения к внешнему положению вещей, соединяет слова с конкретными образами, которые и должны «представлять» положение вещей [5]. Отсюда денотация – это связь между завершенными вербальными артефактами, в которых установлены соответствия между знаковой системой и соответствующими языковыми содержаниями, и виртуальной реальностью, которая для России до событий начала XX в. была отождествима с реальной действительностью – отношением сущего к своему другому, конкретно воплощенному в человеке.

Конкретные образы, которые представляют «положение вещей» для советского человека 60-70-х гг. XX в.: *весна, жизнь, человек, танец, мировое человечество, царство Божье, душа, Бог, город, телеграмма, робить, сало, водка, телевизор, алименты*. Каждому образу – символу, обеспечивающего коммуникацию советского человека с собственным лингвистическим разумом, а через него и с бытием, в основе которого, согласно концепции славянофилов, лежит волящий разум, или образ духа [3], В.М. Шукшин ставит в соответствие определенный семантический объем (понятийное содержание). В этом, видимо, получает отражение понимание языка как хранилища соборных истин, связывающих человека с непосредственным бытием, с текущим моментом актуализации абсолютной бесконечности. Функцию логограммы в языке В.М. Шукшина выполняет поэтическая форма, представляющая, согласно концепции Г.Г. Шпета, третий род истины [10], выделяемый наравне с трансцендентальной (материальной) и логической. Истина поэтическая рассматривается как соответствие синтагмы предмету, хотя бы реально не существующему, но тем не менее логически оформленному.

Признание существования поэтической истины влечет за собой признание существования аналога логических форм, особых синтагматических внутренних форм, форм конструктивных, предполагающих логические формы. «Они суть отношения к логической форме дифференциала, устанавливаемого поэтом через приращение онтического значения синтагмы к логической форме» [10, с. 408]. Логические формы языка *весна, жизнь, человек, танец, мировое человечество, царство Божье, душа, Бог, город* приобретают в рассказах В.М. Шукшина онтическое значение, которое является и формой предметного содержания, соотнося знак с повседневной коммуникативной практикой, и сущего, определяя типы связи знака с конструктивными формами глаголического языка.

Поэтические формы, согласно концепции Г.Г. Шпета, оформляют поэтическую предикацию, которая есть сопоставление [10, 1980], основанное на процедуре *per-capio*. М. Хайдеггер, характеризующий сущность картезианского сознания, обращает внимание на то, что в важнейших местах трактата Декарт вместо *cogitare* (мыслить) пользуется словом *percipere* (*per-capio*) – овладеть, в данном случае в смысле «расположить перед собой» (*re-presentere*) [2, 1994]. В слове *perceptio*, по утверждению М. Анри, содержится двойное значение в смысле *percipere* и *perceptum*: ‘поставить перед собой’ и ‘то, что поставлено перед собой’, в широком смысле – ‘то-что-стало-видимым’. Поэтические формы В.М. Шукшина располагают перед пользователем советского языка внутренние формы русского языка, открывая ему вход в общую обычную логику носителя русского языка, способного и должного совершать умственную работу по созерцанию мира. Формы *Весна, жизнь, человек, душа, танец, человечество, Бог, царство Божье* – то-что-стало-видимым, в отличие от того, что воспринимается на слух как идеологические константы: *мир* (жизнь), *май* (весна), *труд* (человек).

Г.Г. Шпет определяет поэтические формы как формы символические, «потому что, как указано, поэтические формы составляют аналоги логическим, а поэтический смысл символа – аналогон логического смысла. В логическом смысле имеет место отношение предмета и вещей (идеального и номинативно-реального), в символе – отношения идеальных (внутренних) логических форм и реальных языковых форм конкретного языка (синтагм). Символ и сам есть *sui generis* смысл – оттого-то он есть и тождество «бытия» и «мысли» – со-мысль и син-болон. Аналогон предикатной логической предикатной функции в символе – *quasi* – предикативность, ибо так как предмет поэтической функции онтологически нейтрален, отрешен, фиктивен, символ не включает реализации познавательной и тем более прагматической» [10, с. 413].

Если поэтические формы В.М. Шукшина рассматривать как формы символические, то их смысл в установлении отношения идеальных форм природной логики русского народа и реальных языковых форм советского языка. Подобная операция должна способствовать, с одной стороны, возвращению носителя русского языка в бытие слова, языка, согласно К.С. Аксакову, особый мир со своими законами, где сознание, разум уравниваются с бытием природы, с другой стороны, определению нового типа логики существования в мире абстрактной теории, в виртуальности.

И.Б. Маньковская и В.Д. Мотлевский отмечают, что термин «виртуальность» возник в классической механике XVII в. для обозначения некоторого математического эксперимента, совершаемого преднамеренно, но стесненной объективной реальностью – наложенными ограничениями и внешними связями [8]. Специфика современной

* Проблема актуальной бесконечности была поднята прежде всего в христианской теологии, где Богу приписывали как свойство бесконечности, так и свойство актуальности. На понятии бесконечности, т.е. на идее отвлечения от незавершенности и незавершимости процесса образования бесконечного множества, от невозможности задать такое множество полным списком его элементов основана теория множеств Г. Кантора.

* Онтического или жизненно-практического. Г.Г. Шпет выделяет собственно онтические формы, наряду с логическими, которые рассматриваются как чистые формы сущего и возможного вещного содержания, формы предметного подразумеваемого содержания.

виртуальности, по разумению авторов, может быть сведена к следующим параметрам: а) замена мысленной интерпретации реальным воздействием; б) проницаемость эстетического объекта, утратившего границы; в) эффект обратной связи; г) новый тип эстетического сознания.

Логика «поведения», адекватная специфике виртуальности, может быть означена как «открытый текст». Логограмма глаголического языка в рассказах 60-70-х гг. В.М. Шукшина обретает форму «телеграммы», регламентирующей форму бытия человека, умственную жизнь общества и принципы реализации природной логики народа в соответствии с особым режимом функционирования «открытый текст»:

«– В письмах можете писать что угодно, а **телеграмма** – это вид связи. Это **открытый текст**» («Чудик»).

Морф *лого-* реконструируется в морф *теле-*, λόγος (слово) в τῆλε (вдаль, далеко), внутреннее видение истины в расширенное зрение, «двойственность ближнего видения сменяется абсолютным единством зрительного поля» [9, с. 189]. Исчезает иерархическая структура, видимое пространство становится однородным, предметы теряют строгость очертаний, все становится фоном – все подчинено «оптической демократии» [9]. При переходе из области ближнего видения в область дальнего предмет дематериализуется, теряет свою телесность, плотность, цельность, выпуклость объема. Это касается и слова, с помощью которого человек строит разумную жизнь. В перечень конструктивных форм эмпирического существования представителя русского народа, принявшего советский образ жизни и принимавшего участие в созидании ценностей социалистического общества, включены *робить, сало, водка, телевизор, алименты*.

С помощью слова, как считает К.С. Аксаков, человек строит разумную жизнь, поскольку в слове все разумно [1]. Русский язык наиболее приближен к языку первоначальному, его разумное начало связано и идеей соборности как единства во множестве, где истина есть результат работы соборного разума, воплощающего мысленную работу каждого из его членов. Славянофилы утверждали, что русскому языку присуща гармония слова и мысли, его отличает совершенство грамматических форм, адекватно передающих движение человеческого духа и созерцания внешнего мира [3].

Замещение мысленной работы только трудом физическим (*рóbить*) на благо общества обуславливает замещение образов соборной истины *жизнь, душа, Бог, человек* образами преобразенной социалистической идеей повседневной реальности *сало (вместо жизнь), водка (вместо душа), телевизор (вместо Бог), алименты* (лат. alimentum содержание, пища, иждивение) (вместо человек).

Литература

1. Аксаков К.С. О русских глаголах // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 2. Ч.1. – М., 1875б. Цит. по: Безлепкин Н.И. Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 272 с.
2. Анри М. Значение понятия бессознательного для познания человека // Бессознательное: сборник статей. – Новочеркасск: Агентство «САГУНА», 1994. – Т. 1. – С.11-27.
3. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 272 с.
4. Даммит М. Проблемы теории значения // Логика, онтология, язык. – Томск: Изд-во Томского университета, 2006. – С.93-135.
5. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Издательский центр «Академия», 1995. – 300 с.
6. Крипке С. Очерки теории истины // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Томского университета, 2002. – С. 151-183.
7. Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. – Томск: Изд-во Томского университета, 2003. – 166 с.
8. Маньковская И.Б., Мотлевский В.Д. Виртуальная реальность // Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 73-76.
9. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.
10. Шпет Г.Г. Сочинения. – М.: «Правда», 1989. – 608 с.

References

1. Aksakov K.S. O russkikh glagolah // Aksakov K.S. Poln. sobr. soch. T. 2. Ch.1. – M., 1875b. Cit. po: Bezlepkín N.I. Filosofija jazyka v Rossii. K istorii russkoj lingvofilosofii. – Spb.: Iskustvo-SPB, 2002. – 272 s.
2. Anri M. Znachenie ponjatija bessoznatel'nogo dlja poznanija cheloveka // Bessoznatel'noe: sbornik statej. – Novocherkassk: Agentstvo «SAGUNA», 1994. – T. 1. – S.11-27.
3. Bezlepkín N.I. Filosofija jazyka v Rossii: K istorii russkoj lingvofilosofii. – Spb.: Iskustvo-SPB, 2002. – 272 s.
4. Dammit M. Problemy teorii znachenija // Logika, ontologija, jazyk. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2006. – S.93-135.
5. Delez Zh. Logika smysla. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 1995. – 300 s.
6. Kripke S. Oчерki teorii istiny // Jazyk, istina, sushhestvovanie. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2002. – S. 151-183.
7. Kuajn U.V.O. S tochki zrenija logiki: 9 logiko-filosofskih oчерkov. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2003. – 166 s.
8. Man'kovskaja I.B., Motlevskij V.D. Virtual'naja real'nost' // Kul'turologija. XX vek. Slovar'. SPb.: Universitetskaja kniga, 1997. – S. 73-76.
9. Ortega-i-Gasset H. Jestetika. Filosofija kul'tury. – M.: Iskustvo, 1991. – 588 s.
10. Shpet G.G. Sochinenija. – M.: «Pravda», 1989. – 608 s.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE SCIENCES

Анучин О.И.

Аспирант, Поволжский государственный университет сервиса

ОСОБЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация

В статье рассматривается место мусульманской благотворительности в системе общественного призрения Российской империи; выявляются ее особенности.

Ключевые слова: приказы общественного призрения, благотворительность мусульман, система помощи нуждающимся, законы шариата.

Anuchin O.I.

Postgraduate Student, Volga region state university of service

FEATURES OF MUSLIM CHARITY IN THE RUSSIAN EMPIRE

Abstract

In article the place of Muslim charity in system of public contempt of the Russian Empire is considered; its features come to light.

Keywords: orders of public contempt, charity of Muslims, system of the help needing, laws of Sharia.

Милосердие имеет древнейшие корни, а его проявление – благотворительность присутствует во всех культурах народов России. Это является одним из главных показателей высокого духовного и нравственного состояния общества.

До конца XVII в. вопросы, связанные с призрением престарелых, больных и неспособных к труду, находилось в ведении церкви. Священники распоряжались официальной десятиной и пожертвованиями верующих. В то время, в основном, при монастырях создавались богадельни и воспитательные дома. К началу XVIII в. благотворительность начинает выходить из-под церковного контроля. В период правления Екатерины II этот процесс приобретает организованный характер. При ней в России учреждается Приказ общественного призрения, создаются воспитательные дома и богадельни, которые содержатся на государственные, частные и общественные средства.

Для управления делами общественного призрения в губерниях в 1775 г. создаются особые приказы общественного призрения под председательством гражданских губернаторов. В ведении этих приказов находились устройство и содержание больниц, домов для умалишенных, богаделен, сиротских, воспитательных и инвалидных домов, народных школ, смиренных и рабочих домов.

С основанием Приказов общественного призрения в России начинается новый период благотворительности, которая из рук церкви переходит под покровительство государства. А в период правления Екатерины II к системе государственного призрения привлекаются общественные силы, допускается частная инициатива в благотворительности.

Первое учреждение общественной благотворительности мусульман (Казанский попечительный о бедных комитет) был открыт в Казани в 1816 г. Он находился в ведомстве императорского человеколюбивого общества. За время его существования была создана целая система помощи нуждающимся. Она включала разнообразные формы: принятие престарелых, одиноких и неимущих лиц в богадельню, содержание собственного народного училища, сдача дешевых и бесплатных квартир бедным семьям, выплата единовременных пособий в случае стихийных бедствий, оказание помощи в поисках работы, адвокатской помощи, открытие бесплатных столовых и чайных, как на средства комитета, так и на пожертвования от частных лиц.

В первой половине XIX в. мусульманская благотворительность в первую очередь зависела от частной инициативы. Милосердие благотворителей были различными: пожертвование капиталов, безвозмездная передача имущества, домовладений, передача в дар библиотек, вещей и др. Так, на средства купцов братьев Ибрагима и Исхака Юнусовых 6 декабря 1844 г. был учрежден мусульманский детский приют для сирот и неимущих малолетних детей [4, с. 6], который содержался семьей более восьмидесяти лет [2, с. 278]. Благотворительная деятельность Юнусовых является примером включения новых для мусульман форм благотворительности в сферу богоугодных дел. Мусульманский приют не имел капитала в банке, на проценты с которого он мог бы существовать, т.к. это нарушало бы предписания ислама. Поэтому для обеспечения деятельности приюта Юнусовы подарили ему 14 родовых лавок, доходы от их аренды были достаточными (примерно 1200 руб. в год) для функционирования приюта [2, с. 278]. Так, Юнусовыми был найден способ, позволивший перешагнуть через сложившиеся в мусульманской среде традиции и использовать весь спектр необходимой в то время помощи нуждающимся.

Уникальность этой благотворительной акции заключалась не только в финансировании. При приюте была организована работа школы (мектеб). В ее программу занятий, наряду с традиционными в то время для начальной мусульманской духовной школы предметами, входили русский язык и русская литература. При приюте работала бесплатная больница на 10 коек [2, с. 279]. В приюте постоянно проживали 30 мальчиков. Особенностью являлось то, что дети содержались не до 12 лет, как в остальных приютах, а сначала до 14, а в конце XIX в. и до 16-17 лет. Воспитанники этого благотворительного учреждения, направлялись на работу в лавки купцов приказчиками, становились преподавателями в мектебах, устраивались в ремесленные заведения [3].

Мусульманское общественное благотворительное движение наиболее ярко проявилось во второй половине XIX века. В 70-е гг. в ее деятельности появляются новые формы работы: на капитал попечительского общества открываются дешевые столовые и чайные, сдаются квартиры, организуется помощь в поисках работы, ремесленники-бедняки с помощью комитета попечительского общества сбывают свои изделия и др.

В голодные годы стали открываться временные бесплатные столовые и чайные как на государственные средства, так и на частные пожертвования. Например, в 1891 г. татарские купцы М. И. Галеева, И. Г. Утямышева, В. К. Апанаева и А. Я. Сайдашева организовали и профинансировали столовую на 300 чел., бесплатная столовая для мусульман некоторое время работала в доме С.Д. Усманова и др. Для татарских детей на средства С. Д. Усманова, С. В. Терегулова, И. В. Терегулова, Ш. Шамсутдинова, М. А. Сайдашева, В. М. Якушева, И. Ибрагимова, Х. Х. Сабитова и С. В. Бигаева была открыта специальная бесплатная столовая [2, с. 269].

Несмотря на разнообразие форм, благотворительная работа в регионе велась без учета национальных особенностей. Только в 1898 г. в Казани было открыто первое благотворительное общество по оказанию материальной и духовной помощи именно бедным мусульманам. Не случайно его попечителями стали этнические татары генерал-майор М.Ш. Шамиль, купцы первой гильдии А.Г. Хусаинов, С.С. Губайдуллин, И.И. Айтуганов. На средства общества содержались богадельня, детский приют для мальчиков и при нем школа, родовспомогательное лечебное заведение, амбулатория [3].

Мусульманская благотворительность в России, в отличие от стран живущих по законам шариата, имела некоторые особенности. Так, государственный налог в пользу бедных (закят), взимаемый в исламских государствах, в Российской империи не применялся. Его место заняла милостыня (садака) – единовременные денежные пожертвования или отчисления части доходов. Садака, согласно Корану, использовалась для помощи нищим, беднякам, для выкупа мусульман, попавших в рабство, путешествующим, испытывающим нужду в чужой стране, а также ведущим «священную войну», и распределялась как самими дарителями, так и через мусульманские религиозные заведения. Она рассматривалась не как акт благотворительности, а как обязанность каждого исповедующего ислам: благотворительность начиналась тогда, когда верующие жертвовали на нужды ближних сверх установленной шариатом суммы доходов за год [1].

К другой особенности мусульманской благотворительности можно причислить вакуф – пожертвования на религиозные или благотворительные цели имуществом. Вакуф являлся важнейшим институтом мусульманского права. В России XIX столетия он был тесно связан с благотворительностью. Передача имущества могла проходить как при жизни, так и по завещанию (васийа) [1].

Во второй половине XIX в. к названным формам благотворительности присоединились пожертвования капитала татарского купечества на открытие и обеспечение жизнедеятельности широкого круга таких милосердных учреждений, как сиротские дома и богадельни, бесплатные мусульманские столовые и чайные, в большом количестве открываемых в голодные годы; содержание временных приютов для семей, потерявших кров во время пожаров; вклад средств в Дома трудолюбия, дававшие временные заработки нуждающимся; создание и поддержка различных благотворительных фондов, в том числе и на обучение мусульманской молодежи в светских учебных заведениях.

Следует заметить, что мусульмане в XIX в. меньше тратили средств на учреждение детских приютов и богаделен, по сравнению с христианами. Эта особенность была связана этническими и конфессиональными традициями решать такие вопросы на уровне умы.

Устроителем первой сельской мусульманской богадельни стал А. Я. Сайдашев. Вопрос об ее устройстве возник в 1886 г. Однако такая форма благотворительности была настолько непривычна для мусульман, что понадобилось шесть лет, пока удалось добиться выделения земли под застройку и завершения строительства богадельни на 15 чел. [2, с. 281]

Таким образом, мусульманская благотворительность главным образом осуществлялась благодаря постоянной личной заботе. На материальную помощь бедным, в основном, тратилась прибыль, получаемая от торгово-промышленной деятельности. Нормы мусульманского права часто шли в разрез с российским законодательством, поэтому приходилось приспосабливать их под существующие правовые условия. Но и в социокультурной среде православного государства милосердие мусульман находило свои формы проявления.

Литература

1. Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань. : Институт истории АН РТ, 2013. – 384 с.
2. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.) / Л. М. Свердлова. – Казань. : Татар, кн. изд-во, 2011. – 319 с.
3. Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань. : изд-во Академии наук «Фэн» Академии наук РТ, 2004. – 260 с.
4. У милосердия древние корни. (Благотворительность и милосердие в Казани XVIII – нач. XX вв.) Сборник документов и материалов. – Казань. : Издательство «Гасыр». Приложение к журналу «Гасырлар Эхо веков», 2002. – 208 с.

References

1. Gabdrifikova L.R. Everyday life of city Tatars in the conditions of bourgeois transformations of the second half of XIX – the beginnings of the XX century. – Kazan. : Institute of history AN RT, 2013. – 384 p.
2. Kazan merchants: social and economic portrait (end of the XVIII – beginning of the XX century) / L. M. Sverdlova. – Kazan. : Tatars, book publishing house, 2011. – 319 p.
3. Salikhov R. R. Participation of the Tatar business of Russia in political processes of the second half of XIX – the beginning of the XX century – Kazan. : publishing house of Academy of Sciences "Fan" of Academy of Sciences of RT, 2004. – 260 p.
4. At mercy ancient roots. (Charity and mercy in Kazan XVIII – the beginning of the XX centuries). Collection of documents and materials. – Kazan. : Gasyr publishing house. Annex to the Gasyrlar Ekho Centuries magazine, 2002. – 208 p.

Колесниченко Ю.В.

Кандидат политических наук, Дальневосточный федеральный университет

**РАЗРАБОТКА ЗОН ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КОМПЛЕКСА ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ
ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ В ХОДЕ СТРОИТЕЛЬСТВА
ОБЪЕКТОВ САММИТА АТЭС-2012 В Г. ВЛАДИВОСТОКЕ**

Аннотация

В статье рассмотрена практика применения одной из мер по сохранению культурного наследия - разработки и утверждения проекта зон охраны объектов культурного наследия для предотвращения дальнейшего их повреждения и разрушения в ходе различного вида работ.

Ключевые слова: объект культурного наследия, проект зон охраны, памятник.

Kolesnichenko U.V.

Candidate of Political Sciences, Far-Eastern Federal University

**DEVELOPMENT OF PROTECTION ZONES OF THE VLADIVOSTOK FORTRESS DURING
CONSTRUCTION APEC SUMMIT 2012 OBJECTS IN VLADIVOSTOK**

Abstract

The article considers the practice of development and approval protection zones of cultural heritage in order to prevent further damage and destruction in the various types of work.

Keywords: object of cultural heritage, the project of protection zones, monument.

Масштабное строительство объектов саммита АТЭС-2012, развернутое во Владивостоке в период 2008-2012 гг., отразило наиболее актуальные проблемы сохранения культурного наследия в регионе. В ходе строительства возникла угроза повреждения и разрушения ряда объектов Комплекса фортификационных сооружений Владивостокской крепости. Так, в ходе строительства эстакады моста на оконечности о. Русский были частично повреждены рокадная дорога, связывающая объекты крепости «Батарея береговая Новосильцевская» и «Батарея Н», объекты крепости «Палаточный лагерь Восточно-Сибирского стрелкового полка, подъездная дорога и каналы отвода воды», «Земляная ограда Южного рубежа обороны крепости, созданная перед русско-японской войной 1904-1905 гг.», а объект «Здание-3 Временного крепостного госпиталя» был полностью уничтожен при строительстве морского терминала в п.Поспелово [1].

В ходе строительства автомобильной дороги «поселок Новый - полуостров Де-Фриз - Седанка - Патрокл» велись работы на исторически сложившейся территории объектов крепости «Форт №2», «Форт №3», «Пороховой погреб №4». Объекту «Батарея береговая 55-й высоты» причинены существенные повреждения: на территории правого земельного двора батареи проложена дорога, разрушен земляной бруствер, отбит угол правофлангового оружейного двора батареи, полностью уничтожен дальномерный павильон (командный пункт батареи), в северной части месторасположения батареи выкопана глубокая траншея [1].

Одной из главных проблем сохранения культурного наследия являлось то, что памятники, попавшие в зону строительства, к началу строительных работ не имели охранных зон, утвержденных в установленном законом порядке [2]. Вопрос о разработке охранных зон (по закону эта обязанность ложится на плечи заказчиков и застройщиков) был поднят уже непосредственно в ходе строительства объектов саммита АТЭС, в условиях, близких к цейтноту [3]. Важной мерой по сохранению объектов Владивостокской крепости и их исторически сложившихся территорий стала разработка охранных зон памятников [4]. В ходе строительства были разработаны три проекта охранных зон объектов крепости, из них утверждены постановлением губернатора Приморского края два проекта.

1. Групповая зона охраны памятников в зоне строительства мостового перехода через пролив Босфор Восточный.

2. Зоны охраны памятника «Пороховой погреб №12 Комплекса фортификационных сооружений Владивостокской крепости».

3. Зоны охраны памятников «Форт № 2», «Форт № 3», «Пороховой погреб № 4», «Опорный пункт «Литер Д», «Станция канатной дороги» Комплекса фортификационных сооружений Владивостокской крепости».

Первым проектом зон охраны в начале строительства объектов саммита АТЭС стал разработанный в 2008 г. проект групповых зон охраны памятников истории и культуры в зоне строительства мостового перехода через пролив Босфор Восточный на о. Русский. Первоначальный проект предусматривал строительство на территории нескольких объектов Владивостокской крепости, т.к. они не были указаны в кадастровых планах и не учитывались при разработке проекта. Это объекты «Батарея береговая Новосильцевская», «Батарея Н», а также ряд выявленных, но не поставленных на государственный учет объектов - «Палаточный лагерь 35 Восточно-Сибирского стрелкового полка, подъездная дорога и каналы отвода воды», «Здание-3 Временного крепостного госпиталя», «Земляная ограда Южного рубежа обороны крепости, созданная перед русско-японской войной 1904-1905 гг.», «Батарея береговая Назимовская», «Батарея береговая Петропавловская пушечная», «Пороховой погреб П1», «Батарея береговая Петропавловская мортирная». Таким образом, при строительстве моста по первоначальному проекту эти памятники были бы полностью уничтожены. Рабочей группой при Приморском управлении Росохранкультуры принято решение об изменении первоначального проекта, мостовой переход сдвинут западнее ориентировочно на 80 метров [1]. В результате указанные объекты Владивостокской крепости были сохранены. Проект зон охраны памятников в зоне строительства мостового перехода на о. Русский был разработан только к концу 2009 г., прошел согласование в центральном аппарате Росохранкультуры, однако не был утвержден губернатором Приморского края. Тем не менее, зоны охраны и соответствующие им режимы использования территорий практически учитывались в ходе строительства.

В 2010 г. началось проектирование и строительство другого крупного объекта саммита АТЭС - автомобильной трассы «Посёлок Новый - ДеФриз - Седанка - Патрокл». В зоне строительства оказались памятники «Форт № 2», «Форт № 3», «Пороховой погреб № 4», «Опорный пункт «Литер Д», «Станция канатной дороги». Согласно проекта, строящийся участок федеральной трассы частично проходил по рокадным дорогам, связывающим объекты Владивостокской крепости. С целью сохранения указанных объектов культурного наследия, и подъездных (рокадных) дорог к ним, был разработан и утвержден проект зон охраны указанных объектов [5].

Таким образом, разработка указанных проектов зон охраны объектов Владивостокской крепости позволила регламентировать ведение строительных и иных работ на ряде объектов Владивостокской крепости, примыкающих к строительным площадкам, тем самым сохранив указанные объекты крепости от повреждения и разрушения.

Литература

1. Текущий архив Приморского управления Росохранкультуры. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7. Л. 11-78.
2. Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ от 26 апреля 2008 г. № 315 // Российская газета. - 2007. - 7 мая. Федеральный выпуск №4653.
3. Военные форты на острове Русский во Владивостоке восстановят к саммиту АТЭС [Электронный ресурс] URL: <http://www.ptr-vlad.ru/news/society/15420-voennye-forty-na-ostrove-russkijj-vo-vladivosto-ke.html> (дата обращения 15.03.15).
4. Архитектурные памятники приморской столицы объединены в охранные зоны [Электронный ресурс] URL: <http://primamobile.ru/show/?id=25742> (дата обращения 25.03.15).
5. Постановление губернатора Приморского края от 30 декабря 2011 года №350-па «Об утверждении границ охранный зоны объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации «Форт № 2», «Форт № 3», «Пороховой погреб № 4», «Опорный пункт «Литер Д», «Станция канатной дороги», входящих в состав объекта культурного наследия федерального значения «Комплекс фортификационных сооружений Владивостокской крепости» // Приморская газета. - 2012. - 25 февраля.

References

1. Tekuschiy arhiv Primorskogo upravleniya Rosohrankultury. F. 6. O. 10. D. 7. S. 11-78.
2. Pologenie o zonah ohrany objektov kulturnogo naslediya (pamjatnikov istorii i kultury) narodov RF ot 26 aprelja 2008 goda № 315 // Rossijskaya gazeta. - 2007. - 7 maja. Federalnyj vypusk №4653.
3. Voennye fortj na ostrove Russkom vo Vladivostoke vosstanovjat k sammitu ATEs [Jelektronnyj resurs] URL: <http://www.ptr-vlad.ru/news/society/15420-voennye-fortj-na-ostrove-russkijj-vo-vladivosto-ke.html> (data obrashhenija 15.03.15).
4. Arhitekturnyje pamjatniki primorskoj stolitsy objedineny v ohrannyje zony [Jelektronnyj resurs] URL: <http://primamobile.ru/show/?id=25742> (data obrashhenija 25.03.15).
5. Postanovlenije gubernatora Primorskogo kraja «Ob utvergdenii granitsy ohrannoj zony objekta kulturnogo nasledija (pamjatnika istorii i kultury) narodov RF «Fort № 2», «Fort № 3», «Porohovoj pogreb № 4», «Opornyj punkt «Liter D», «Stantsija kanatnoj dorogi ot 30 dekabrja 2011 goda №350-pa // Primorskaya gazeta. - 2012. - 25 fevralja.

Нурова О.Г.

Аспирант, Поволжский государственный университет сервиса

ОБЫЧАИ И ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ОТНОШЕНИЯХ К ИНВАЛИДАМ У НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (XIX В.)

Аннотация

Описываются обычаи в отношении к инвалидам у народов Среднего Поволжья; анализируются патриархальные стереотипы, влияющие на социокультурную интеграцию людей с ограниченными возможностями; исследуется влияние семьи на формирование модели инвалидности, с целью формирования идей консолидации общественных отношений в современной России.

Ключевые слова: люди с ограниченными возможностями, семья, дети-инвалиды, обычаи, стереотипы.

Nurova O.G.

Postgraduate student, Volga Region State University of Service

CUSTOMS AND PATRIARCHAL STEREOTYPES OF PEOPLE WITH DISABILITIES AMONG THE PEOPLES MIDDLE VOLGA (XIX C.)

Abstract

Describes the practices in relation to persons with disabilities among the peoples of the Middle Volga region; analyzes the patriarchal stereotypes affecting the social and cultural integration of people with disabilities; we investigated the influence of family formation model of disability, in order to form ideas of consolidation of social relations in modern Russia.

Keywords: people with disabilities, the family, children with disabilities, customs, stereotypes.

Отношение к людям с физическими недостатками у народов Среднего Поволжья было различным в зависимости от формы и степени инвалидности. В XIX веке у многих народов существовали поверия, что физическая неполноценность человека была связана с его духовным состоянием. Большинство народов региона имели свои традиции во взаимоотношениях с инвалидами.

Следует заметить, что только к умалишенным все народы региона относились одинаково. Чаще всего в народе их называли «полуидиотами», смеялись над ними. Сами крестьяне подвергали их всевозможным издевательствам, они служили развлечением для всей деревни, особенно в праздники. Когда горе касалось здоровой полноценной семьи, старались справиться сами. Таких людей семья старалась не показывать, держали их дома на цепях, во время

приступов связывали их веревками [2, с. 279]. Так как в XIX веке на селе была развита традиционная медицина, то к больницы прибегали в крайних случаях, когда уже перепробуют все народные средства. К сумасшедшим домам относились очень осторожно, их боялись еще больше чем больниц, в силу различных суеверий.

Сумасшествие в народе объяснялось наведением порчей людей с дурным глазом, вселением нечистых сил, действием колдунов, ведьм. Татары считали, что в человека вселялся бес, и чтобы его излечить, необходимо изгнать беса. С этой целью неожиданно для больного человека осуществлялся выстрел из ружья, от которого бес должен напугаться и выскочить из больного [4, с. 46]. Чуваши верили, что нервные расстройства также могли быть от сглаза.

В этнографических записках можно найти сведения о том, что практически в каждом селе имелись случаи умопомешательства. Зафиксирован даже случай, когда умалишённая крестьянка в припадке зарезала свою малолетнюю дочь [2, с. 278]. Вследствие чего была направлена в дом умалишенных. Количество потерявших рассудок увеличивалось с каждым годом, особенно, как пишет князь В.Н. Тенишев, за счет молодых фабричных рабочих и замужних женщин. Из-за боязни рождения глупых детей слабоумным запрещалось вступать в брак.

В XIX веке считалось, что человек мог стать инвалидом в результате похищения, нанесения ему вреда злыми духами или умершими сородичами. Мордва также как коми и марийцы верили, что заболевания можно получить от предков, как наказание за непочтение. В данном случае для примирения с усопшими, для осуществления лечения приглашалась самая опытная ворожея [4, с. 47]. Удмурты видели причинами своих болезней неисполнение обещаний ими или даже их предками, порчу злого человека, колдуна Вединь, встречу в недобрый час с каким-нибудь бесом, полевым человеком Кырмурт и т.д. Татары к причинам заболевания относили привораживание, заговаривание, околдовывание. В то время верили, что в каждой деревне есть люди с «дурным глазом». И если они смотрели на беременную женщину с завистью, это могло стать причиной рождения ребенка с физическими или умственными недостатками [4, с. 45].

Однако к слабоумным от рождения в народе относились с сожалением. О таких людях практически ничего не было слышно. Семья долгое время пыталась сохранить это в тайне. Верующие крестьяне часто привозили таких больных в церковь в надежде на выздоровление.

У мордвы очень широко были распространены поверья о ведунах, колдунах, которые могут подложить вместо здорового малыша умственно неразвитого уродца. Так же, подменой объясняли рождение неполноценных, с явными физическими недостатками детей. Отсюда появились такие обычаи как: запрет показывать новорожденного посторонним, восхищаться им, оставлять его без присмотра как на улице, так и дома. Причем основными признаки подмены морда считала постоянный плач малыша, отказ брать грудь матери, капризность, несоответствие его пропорций: большая голова, тонкая шея, длинные руки [1, с. 65].

Данные стереотипы нашли отражение в сказках, преданиях, различных народных обычаях региона. Так, стриженные волосы детей никогда не выбрасывали, их хранили за потолочной балкой. Иначе их могли подобрать птицы для строительства своего гнезда, а это могло стать причиной слабоумия ребенка. А если их унесут мыши, то это может вызвать у ребенка глухоту. У татар причиной глухоты человека считалась пыль от тузага (земляное яблоко), которое попало в ухо [4, с. 49].

В качестве оградительных мер, чтобы ребенок оставался физически и умственно полноценным, повсеместно, нередко, использовали достаточно экзотические способы. Например, чтобы через окна, двери домой не проникла злая сила, подоконник и порог посыпали куриным пометом, золой или мусором, который был собран на берегу после половодья, и которые остались там в течении шести недель. На ночь также оставляли огонь. Защитным оберегом считалась рябина. Также свойствами оберега наделялись такие растения как полынь, крапива, репейник, чертополох.

Лечение детских заболеваний в разной степени также сопровождалось суеверными действиями. Это можно объяснить тем, что высокая смертность младенцев, рождение детей с аномалиями побуждало искать причины этих явлений и меры борьбы с ними. Меры противодействия, как правило, сочетались с различными запретами. Например, беременным строго настрого запрещалось смотреть на уродов, чтобы не родить такого ребенка, а рождение детей с аномалиями - это наказание за нарушение запретов, причиненный вред духам со стороны беременной женщины и ее супруга. Исходя из этого традиционного понимания, первые шесть недель со дня рождения ребенка и до появления первых зубов новорожденный, по мнению многих народов региона, подвергался опасности стать инвалидом [1, с. 64].

Народная медицина пыталась бороться с инвалидностью доступными ей методами. Мордва чтобы исцелить ребенка от немоты и глухоты, во время Пасхи или Рождество выносили его под большой колокол. В другое время просто имитировали колокольный звон стуча металлическими предметами. Ребенка, который долго не разговаривал пугали громкими криками и шумом [1, с. 73].

В народной медицине часто применялась так называемая вредоносная магия. Бытовало мнение, что различные заболевания, в том числе глухота, немота и слабоумие, можно передать какому-нибудь предмету, животному или даже человеку. С этой целью над вещами больного произносились заговоры, делались магические манипуляции, а затем их подбрасывали на перекресток дорог, в огород, в чужой двор. Считалось, что тот, кто поднимет эту вещь или хотя бы на нее наступит на того и перейдет болезнью. Зачастую детские недуги старались передать курам и кошке. С этой целью больных детей купали над решетом, под которое сажали животных. Иногда данная процедура проделывалась под куриным насестом.

Здоровью детей во все времена в Среднем Поволжье уделялось большое внимание, отсюда и разнообразие в обычаях и поверьях у народов региона. Детей-инвалидов жалели, пытались их оградить от внешнего воздействия и излечить всеми доступными средствами. Любящая мать была готова потратить все средства на знахарок, лишь бы только они смогли помочь ее ребенку.

В традиционной культуре народов региона было негативное отношение к холостяцкой жизни, что определяло характер поведения, ведущий практически к всеобщему вступлению в брак. Случаи безбрачия были очень редки. Хотя при подборе супруга существенное значение придавалось физическому и умственному здоровью юноши и девушки,

но все же старались женить молодых людей и с некоторыми физическими недостатками. Особенно это удавалось зажиточным семьям. В народе по этому поводу говорили: «Богатый и кнут поженит» [1, с. 10].

Брак с физически неполноценными заключался только в том случае, если недостаток не мог препятствовать исполнению супружеских обязанностей. В противоположном случае это могло послужить основанием для юридического расторжения брачных отношений. Но индикатором физической и умственной полноценности в то время традиционно считалась внешняя привлекательность [3, с. 46]. Муж и жена должны были соответствовать друг другу. Поэтому круг поиска спутников жизни для людей с ограниченными возможностями существенно сокращался. Зачастую им приходилось искать себе подобных, иначе родственники могли не принять такой брак.

При выборе супруги самое большое внимание уделялось ее семье. Главным фактором было отсутствие в семье людей с ограниченными возможностями [3, с. 51]. Приобретение инвалидности могло явиться причиной расторжения семейно-брачных отношений.

В результате расторжения брака всегда вставал вопрос с кем должны остаться дети. Решали эту проблему совместно оба родителя. В случае, когда супруги не могли прийти к обоюдному согласию относительно своих детей, то решение принималось стариками. Для обоснования своего решения они руководствовались как материальной обеспеченностью, так и «чистотой» нравов того или иного родителя. Решение стариков было окончательным. Но приобретение инвалидности, которая ассоциировалась с неспособностью полного обеспечения детей, могло стать причиной изменения первоначального решения и ребенка могли отдать другому родителю.

Замужние женщины часто становились калеками в результате самосуда своих мужей. При этом он не особо осуждался судом стариков, так как считалось, что муж зря жену не покалечит. Такие патриархальные устои способствовали распространению отношения к замужеству, как полного подчинения жены мужу.

Инвалидность в регионе наступала еще и в силу сложившегося традиционного уклада жизни. Например, у мордвы свирепствовали глазные болезни, особенно среди женщин и детей [5, с. 700]. К сорока годам многие становились слепыми. Главным пороком этого народа, по мнению современников, были неопрятность в жилищах, пище и одежде. Мылись они не каждый день. Зимой жили в своей избе вместе со свиньями, овцами, курами и собаками. И это при том, в избах жили нередко человек по 30. Окна промерзали насквозь, в результате чего в зимнее время не доставало света. Чтобы согреться топились по-черному [5, с. 704].

Слепоту пытались излечить с помощью различных трав. За лечением чаще всего обращались к знахаркам. Снадобья, которых, нередко, становились также причиной инвалидности. Так, например, одна знахарка, пытаясь вылечить простое воспаление глаз, сделала смесь из трав и завязала ее на больной глаз крестьянке. В результате чего получился обратный эффект, и женщина потеряла зрение на один глаз [5, с. 705].

Инвалидность в мордовских семьях не расценивалась как фактор дискриминации. Если глава семьи (кудазор) становился инвалидом, то он только по своей воле мог лишиться занимаемого статуса, передав свою власть другому [3, с. 140]. Когда умирал кудазора, его место занимала вдова, то есть старшая женщина, все женатые сыновья и их семьи подчинялись ей, даже не смотря на ограниченные возможности (чаще всего слепоту). У других же народов утрата дееспособности, в результате инвалидности являлась основанием для передачи своих полномочий другому члену семьи.

Таким образом, отношения к инвалидам у народов Среднего Поволжья, обуславливались патриархальными стереотипами, в результате которых были сформированы традиционные обычаи и поверья. От модели отношения в семье к человеку с ограниченными возможностями зависела его дальнейшая социализация. Семья была не только источником милосердия для инвалидов, но и связующим звеном в процессе интеграции людей с ограниченными возможностями в жизнь общины.

Литература

1. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы / Под ред. д-ра ист. наук, проф. В.И. Козлова; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2001. – 260 с.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева // авторы-составители Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. – Санкт-Петербург.: изд. Европ. Дома. – 1993. – 470 с.
3. Мокшина Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы [Текст]. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2005. – 256 с.
4. Никонова Л.И., Кандрина И.А. Как лечились народы Поволжья и Приуралья. – Саранск, 2005. – 281 с.
5. Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. - Спб.: тип. имп. Акад. Наук, 1910. – 848 с.

References

1. Beljaeva N.F. Tradicionnoe vospitanie detej u mordvy / Pod red. d-ra ist. nauk, prof. V.I. Kozlova; Mordov. gos. ped. in-t. – Saransk, 2001. – 260 s.
2. Byt velikorusskikh krest'jan-zemlepushcev: opisanie materialov jetnograficheskogo bjuro knjazja V.N. Tenisheva // avtory-sostaviteli B.M. Firsov, I.G. Kiseleva. – Sankt-Peterburg.: izd. Evrop. Doma. – 1993. – 470 s.
3. Mokshina Ju.N. Brak i sem'ja v obychnom prave mordvy [Tekst]. – Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005. – 256 s.
4. Nikonova L.I., Kandrina I.A. Kak lechilis' narody Povolzh'ja i Priural'ja. – Saransk, 2005. – 281 s.
5. Shahmatov A.A. Mordovskij jetnograficheskij sbornik. - Spb.: tip. imp. Akad. Nauk, 1910. – 848 s.

Ондар И.О.¹, Карелина Е.К.²¹Аспирант, Тувинский государственный университет, ²доктор искусствоведения, профессор, Тувинский государственный университет.**БУДДИЗМ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ ТУВЫ (НА ПРИМЕРЕ МИСТЕРИИ ЦАМ)****Аннотация**

В статье рассматриваются некоторые особенности культовой практики буддизма в Туве. Специальное внимание уделено мистерии Цам, впервые приводятся описания локальных вариантов, зафиксированных в различных районах республики. Вытесненная из ритуальной сферы буддизма и духовной жизни тувинцев в 1930-е годы, мистерия Цам отражается в различных формах современной культурной жизни Республики Тыва, оставаясь неотъемлемой частью тувинской национальной культуры и национального искусства.

Ключевые слова: буддизм, мистерия Цам, Тува, локальные особенности, национальная культура, искусство.

Ondar I.O.¹, Karelina E.K.²¹Postgraduate student, Tuvan State University, ²PhD in Arts, Professor, Tuvan State University**BUDDHISM IN CULTURE AND ART OF TUVA (BASED ON THE EXAMPLE OF TSAM MYSTERY)****Abstract**

The article covers some peculiarities of cult practice of Buddhism in Tuva. Specific attention is paid to Tsam mystery-play, for the first time some local variations fixed in different areas of the Republic are described. Tsam mystery-play, extruded from ritual sphere of Buddhism and spiritual life of Tuvans in the 1930s, is reflected in various forms of modern cultural life of Republic of Tuva, remaining integral part of Tuvan national culture and art.

Keywords: buddhism, Tsam mystery-play, Tuva, local peculiarities, national culture, art.

Буддизм в Туве представлен в форме ламаизма и относится к направлению Гелугпа. Тувинские ламы традиционно проходили обучение в Монголии, и все тувинские монастыри (хурээ) ранее подчинялись главе монгольской церкви. Философ-религиовед О.М. Хомушку рассматривает историю развития буддизма в Туве в контексте традиционных религиозных верований народов Саяно-Алтая, специально выделяя присущие им религиозно-синкретические комплексы [1]. Историк М.В. Монгуш обосновывает периодизацию проникновения буддизма в Туву, выделяя три волны: 1) IX в. – от уйгуров (была незначительной и практически не оставила следов); 2) XIII–XIV вв. – более крупная (затронула верхушку власти, но осталась чуждой для простого народа, который сохранял шаманистские представления); 3) 70-е гг. XVIII в. – самая значительная волна (когда Тува попала в подчинение к Китаю) [2]. Именно тогда, в 1772–1773 гг., в Туве появляются первые стационарные буддийские монастыри (хурээ) – Эрзинский и Самагалтайский.

Активно ламаизм в Туве начинает развиваться только тогда, когда стали приезжать монгольские и тибетские ламы по приглашению амбын-нойона Ламажапа и других правителей кожуунов относительно строительства монастырей, для проведения больших и малых богослужений, проведения религиозных праздников. К началу XX века в Туве буддийские традиции уже были достаточно развиты, о чём свидетельствуют: количество функционирующих монастырей – 22, большая численность ламского сословия (около 4000, что составляло примерно 10% всего коренного населения Тувы), а также архивные источники, содержащие разнообразную информацию и богатую переписку по различным религиозным вопросам. В первые годы существования Тувинской народной республики (ТНР) монастыри продолжали строиться: с 1922 по 1926 гг. их число возросло до 31. Большое значение буддизма в жизни тувинского общества подчёркивается также проведением Всетувинского съезда (собора) лам в 1928 году. Заметим, что это было в условиях руководящей роли ТНРП в Туве и в разгар атеистической пропаганды в Советской России, мало того – после проведения буддийского съезда количество монастырей, лам и учеников лам начало расти. Репрессии против служителей «желтой веры» начались в 1930-х гг. после того, как Президиум Малого Хурала в 1929 г. (согласно курсу январского Пленума ЦК ТНРП того же года) принял постановление, фактически означавшее конец доселе мирного диалога буддийской религии и официальной власти Тувы.

Большим стимулом для возрождения буддизма стал приезд в Туву в 1992 г. Его Святейшества Далай-ламы XIV: в республике начали строиться буддийские субурганы и храмы, возобновились практика священнослужителей «жёлтой веры» и обучение тувинских послушников в бурятских и зарубежных храмах, представляющих различные религиозно-философские школы и направления.

Буддийская культура внесла много новых элементов в традиционный уклад тувинского населения – храмовую архитектуру, живопись, книгопечатание, библиотеки, иной тип музыки. Помимо собственно ритуальных, монастыри и ламы выполняли дополнительные функции, связанные с образованием и медициной. Долгое время хурээ являлись главными очагами образования и распространения письменной культуры.

Материальная культура буддизма представлена в обширной **буддийской коллекции Национального музея РТ им. 60 богатырей (Алдан Маадыр)**, состоящей из 3-х частей: 1) произведений буддийского изобразительного искусства; 2) рукописей и ксилографов; 3) предметов одеяния, быта лам и ритуальных принадлежностей (куда входят также музыкальные инструменты). По 1-й части коллекции, музейные фонды насчитывают более 500 изображений, из которых живопись составляет 60%, а скульптура – 40%. Предметы изготовлены в Туве, Монголии, Китае и Тибете. 2-я часть коллекции (письменные памятники) была в 1982 г. проанализирована и частично каталогизирована сотрудником Государственного музея истории религии и атеизма А. Терентьевым. Им выяснено, что в фондах ТНМ хранится около 1300 томов рукописей и ксилографов на тибетском и старомонгольском языках [3]. Учёный сделал вывод, что коллекция Тувинского музея имеет крупное научное значение, уступая лишь коллекциям Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, Улан-Удэнского филиала СО АН СССР и Ленинградского университета [4]. 3-я часть коллекции (музыкальные инструменты) частично отражена в наших исследованиях [5].

Из путешественников, посещавших Туву на рубеже XIX–XX веков, пожалуй, наиболее подробное описание музыкальной части Цама оставил исследователь-тюрколог Н.Ф. Катанов (бывший в Чадане в 1889 г.): «У ламы в руках был ещё колоколец, которым он давал сигнал к барабанному бою, сопровождаемому звуками флейт, труб и литавров. Трубы (2) имели длину по три аршина. Нёс их молодой хуварак, положив через плечи веревку, к концам которых были привязаны обе трубы. Два широкогрудых хуварака шли сзади и по данному ламой сигналу нещадно дули в них. Вся музыка заглушалась звуками больших металлических тарелок, ударяемых друг от друга и больших фаянсовых труб, сделанных наподобие морской раковины» [6]. Из этого описания следует, что во время процессии использовались большинство храмовых инструментов. Общее впечатление приезжих от звучания музыки Цам – чаще всего, негативное (ужасный шум, какофония). Зато местные жители (люди старшего поколения) вспоминали звучание храмового оркестра во время проведения Цам, разносящееся от храма вокруг на большое расстояние, как производящее на них в детстве колоссальное впечатление (что неудивительно, в сравнении с привычными сольным музицированием и камерным звучанием фольклорных инструментов).

Ламаизм переосмыслил и умело включил в свою практику праздничные даты традиционного тувинского календаря, обрядовую и культовую практику, не меняя смысла обрядности годового цикла, тем самым не нарушая своего главного принципа – вписываться в сложившиеся культурные традиции разных стран и народов и по возможности срастаться с ними. Среди календарных праздников, в которых наиболее зримо присутствует ламаистский компонент, нужно выделить Цам и Майдыр.

Слово «Цам» (монгольское произношение тибетского слова «чам», в тувинском варианте произносится как «сам») в переводе означает «танец» или «танец богов». Следует внести ясность в терминологию: чем является Цам – танцем, мистерией или праздником?

Цам – ритуальный танец, являющийся составной частью мистерии. В мистерию также входят музыка и чтение мантр, и всё это исполняется в неразрывном единстве, что есть тайный религиозный обряд – мистерия, к участию в которой допускались только посвящённые. К тому же существует несколько видов Цама: разговорный; Цам-пантомима; Цам, посвящённый разным персонажам и событиям буддийской истории и мифологии.

Многие исследователи смешивают понятия, говоря о Цаме – «театрализованное представление», «зрелище», «мистерия», «религиозный праздник». Здесь нет грубой ошибки, так как и в энциклопедическом словаре слово «Цам» трактуется как праздник в ламаизме [7]. Скорее всего, мистерия Цам, исполняемая в сочетании с богослужением, посвящённым Майдыру (тувинцы его ещё называли «Эргил»), воспринималась тувинцами как праздник и в действительности была праздником по своему масштабу и значению в религиозной жизни народа [8]. Разница была лишь в том, что в некоторых хурээ Цам и вынос Майдыра проходили в разные дни (непогода могла и увеличить разрыв между этими событиями), а в других хурээ вынос Майдыра сопровождался предварительным выходом и танцем масок, и их сопровождением при обносе бурхана вокруг хурээ, что проходило в один день.

Цам был призван утешить всех преследователей веры Будды, продемонстрировав торжество истинного учения над всеми лжеучениями. К функциям Цама также можно отнести: очищение сознания и души; распространение блага для местности, где проводится Цам; подношение всем Буддам, Бодхисаттвам и другим просветленным существам. Главная задача Цама – очистить землю от скверны, негатива, недоверия перед приходом в этот мир нового V Будды Майтрейи, новой веры, лучшей жизни.

Выход и танец докшитов – это не только демонстрация устрашения, но и уничтожение энергетического негатива, очищение земли (пространства) перед выходом (выносом) Майтрейи. По сути и логике, Майдыра должны «сопровождать» боги и духи местности, что они и делают. И это происходит один раз в году в строго установленное время, что, конечно же, не случайно. Существует версия, что именно в это время (первая декада августа) небо «открывается» (граница между небом и землей становится практически незаметной), поэтому боги, души предков и духи могут проникать в наш мир. Именно поэтому в это время легче всего визуализировать желаемый образ.

Гневные маски цама – могущественные, очень сильные на уровне энергии, поэтому они демонстрируют собой не умиротворение (как в Калачакре), а движение, действие. Внешнее гневное проявление выражается в том, что ламы, во-первых, надевают на себя красочные, устрашающие маски, а во-вторых, используют особые движения. Особенно зловещий вид имеют маски гневных и грозных божеств из ряда **докшитов – хранителей веры**, которые и являются главными персонажами этого цама. Этот вид цама ещё называют докшитским. Один их внешний вид должен был отпугивать врагов буддизма и вселять ужас в сердца зрителей. Окраска «лиц» у них зловещая (красная, синяя, зеленая), выражение – хищное, свирепое, кровожадное. У некоторых есть третий глаз во лбу – символ психической энергии, духовности, при помощи настройки которого на волновые элементы различного характера можно воздействовать на многие явления природы, включая физические и химические процессы. По мнению тувинцев, три глаза дают возможность видеть Прошлое, Настоящее и Будущее. Сверху маски украшены тиарой из черепов от одного до пяти (пять – у высших божеств, три – у божеств рангом ниже, и один – у местных защитников). Пять черепов в диадеме на каждой из его голов – символ преодоления пяти грехов, означающих человеческие пороки – зависть, жадность, гнев, гордыню, корысть (в другом варианте – невежество, жадность, гордость, гнев и любопытство). Чем большее количество черепов на его тиаре, тем могущественнее гневное божество. Однако этот гнев благой, потому что устрашает не только людей, враждебно настроенных к Учению, но и злых духов – всех, препятствующих человечеству идти по пути Просветления.

Другой атрибут всех гневных божеств – ожерелье из отрубленных человеческих голов – означает победу мудрости над эгоизмом (иногда они заменены крупными деревянными чётками). Иногда нагрудные украшения заменяются так называемым «зеркалом» – металлическим медальоном с изображенным в центре семенным слогом данного божества. Разным тантрическим божествам соответствуют разные виды оружия и ритуальные объекты: треугольные флаги, чаши, мечи, жезлы, петли и т.д. Правда, в имеющихся описаниях тувинского цама нигде не встречается упоминание о таких объектах. Речь идёт только о луках, стрелах, ружьях и палке с набалдашником.

Ещё одной функцией цама является уничтожение привязанностей к материальному миру – один из главных постулатов буддизма при достижении нирваны. Отвращение ко всему материальному, в том числе к своему телу, внешности также является основой культа докшитов. Не случайно, уничтожая «сор» (который во многих случаях представляет из себя человеческое тело – тело умершего человека, иногда это пирамида, увенчанная черепом), тем самым уничтожают ту самую привязанность к материальному (физическому) миру, трансформируя его элементы в высшее состояние. Цель обряда – добиться осознания, что тело и есть главный источник привязанности к жизни, что является, по учению Будды, главной причиной страданий и преградой на пути к Просветлению. Пара живых скелетов – Чичипати (они же воспринимаются хранителями кладбищ) – неперменные персонажи цама, полностью «пожертвовавшие» своё тело демонам во время проведения обряда *чод*, также подтверждают эту идею.

В тувинском варианте цама мы наблюдаем, что Чичипати охраняют сор, отгоняя ворона, при этом они стоят на одной ноге в позе «дерева» (в системе занятий йогой). Они находятся возле «сора», который и есть жертва, приносимая демонам, символизируя освобождение человека от всяческих привязанностей. Не случайно в Тоджинском варианте цама огромное значение придавалось правильному сожжению «сора». Лама, исполнявший этот ритуал, должен был бросить «сор» в огонь так, чтобы у того не отпала голова, в противном случае ламу вполне могли лишиться жизни. Суть тоджинского цама состояла в сожжении «сора» (приношении жертвы) и уничтожении аза (злого духа), в которого «стреляли» из ружей и сжигали в котле с кипящим маслом, где между выносом и сожжением исполнялись танцы персонажей цама. Праздник Майдыра хурээ устраивало на следующий день.

По классификации В.Ц. Найдаковой, все персонажи цама можно разделить на несколько групп. В первую группу входят маски докшитов со свитой, вторую составляют маски птице- и звероголовых божеств, третью группу составляют персонажи, представляющие разных людей [9].

Рассмотрим внешний облик персонажей в целом. В иконографии буддизма, канонах *тханка* существуют определённые правила: будды наделены стройным и легким телосложением, высоким ростом; бодхисаттвы сложены так же, как и будды, но они ниже ростом. Для гневных воинственных божеств характерны следующие внешние признаки: богатырское телосложение, коренастая фигура с тяжелым торсом, большим животом, короткими и толстыми конечностями, короткой и толстой шеей, большой головой, квадратным или круглым лицом, круглыми глазами навывкате, мясистым носом и широко разинутым ртом с хищно удлинёнными острыми клыками, рогами с языками пламени. При этом следует помнить, что чудовищность облика гневных божеств воспринимается буддистами не как средство устрашения людей, а как уничтожение злых духов, мешающих людям идти по пути духовности. Здесь, на примере *тханка*, ярко предстаёт система соответствий человеческого мышления, где противопоставлены спокойная духовность и гневная ярость как показатель высокого и низкого.

В случае с Цамом не совсем так – здесь действуют «свои», сценические законы и правила. На роли в цаме монахов назначали не в соответствии с их танцевальными способностями, как того требует логика танца, а исходя из практических соображений фактуры человека. Например, высокого худого монаха могли выбрать на роль Чойджала, а невысокого резвого монаха могли поставить на роль Оленя. И сегодня в профессиональном танцевальном искусстве действует этот же принцип – актёра назначают на роль не столько в соответствии с его амплуа, но, в первую очередь, сообразуясь с его внешностью, от которой в подавляющем большинстве оно и зависит. Так как танец – искусство, в первую очередь, визуальное, внешность актёра ассоциируется с образом, создаваемым им на сцене, и только потом учитываются способности актёра, но никогда наоборот. В Цаме Чойджал однозначно должен быть высоким (ближе к небу), что является мерилем духовности, но не толстым – признак приземлённости.

Основополагающим в ритуале Цама являлась не красота мелодии или её гармоничность, а смысл, вкладываемый в музыку. Танец характеризовался тем же: важными были не столько красота и грация танца, сколько его содержательность и точность исполнения. Ответственность и сложность задач, решаемых в процессе ритуального действия, делала недопустимыми какие-либо неточности или сбои. Поэтому исполнение танцев божеств (в нашем случае докшитов) было возложено на лам высокого ранга, которые не имели права ошибиться в этом священном тексте. Других персонажей также исполняли ламы и хуураки разного уровня посвящения. Часть персонажей исполнялась мирянами, возможно, за определённую плату, и в разных хурээ это было по-разному. Также присутствовали детские персонажи, по-разному представленные в различных хурээ: сыновья и дочери Чойджала, бабочки, дети, разыгрывающие пантомимную сценку. В большинстве своём они были послушники, а значит, также получили первую степень посвящения. А вот девочки, исполняющие бабочек и дочерей Чойджала в Нарынском хурээ, скорее всего, были приглашёнными.

Каждый танец разучивался в соответствии с традицией данного монастыря, которая неизменно передавалась из года в год от учителя к ученику изустно. Личная демонстрация, объяснение и индивидуальные исправления являлись единственным способом передачи традиции танцев в монастырях от одного поколения к другому. Обучение монахов и главная роль во время исполнения танцев была возложена на опытного мастера по танцам (он же являлся начальником, руководителем всего действия, как балетмейстер в любом театре, если речь идёт о постановке танцевального действия). В Туве он назывался шампан (в Бурятии – чомбон). Чтобы принять участие в церемонии, ламы проходят затворничество (в Туве репетиции перед цамом начинались недели за две). Они медитируют, читают особые мантры, созерцают то божество, которое затем будут представлять в танце, впитывают его энергию, чтобы затем, облачившись в маску и костюм, стать этим божеством на время церемонии.

Добавим о локальных особенностях Цама в Туве. **Нарынский вариант Цама**, рассмотренный в работе В.П. Дьяконовой [10], уникален тем, что состоял из двух частей: 1) *хөг* (шутка, радость), который являлся как бы вступлением к цаму; 2) собственно цам. *Хөг* интересен тем, что в нём происходят события большого количества персонажей, постепенно вовлекаемых в действие. *Хөг* отличался большим разнообразием персонажей: здесь принимают участие дети – и мальчики, и девочки, что само по себе удивительно, так как обычно женщины в цаме участие не принимают. Есть персонажи, например бабочки, дочери Чжамсарана и два голых человека (*хөглуг* – весёлый персонаж), которых мы не встречали больше нигде и назначение которых для нас остаётся загадкой.

Драматургия была тщательно разработана и захватывала зрителя, вовлекая его в действие. Таким образом, здесь мы фактически имеем дело с церковным театром, вобравшим в себя огромный пласт народных традиций, обычаев и обрядов, и по своей сути являвшийся народным. По крайней мере, он вполне занимал его нишу.

Цам следовал за *хог* без разрыва, и здесь также присутствовали персонажи, характерные именно для Нарынского хурээ – бурханы Чооцэ и Цанык. Цвет одежды этих бурханов ясно давал понять, кем является данный бурхан. Среди масок животных был верблюд, но это не удивительно, так как в этой местности было развито верблюдоводство, а вот маска слона, как, впрочем, и другие одиннадцать животных, «символизировала добычу бурханов Чооцэ и Цаныка, которую они будто бы получили, путешествуя по свету». Таким образом, вместе с локальным своеобразием, здесь также присутствуют элементы индийской культуры, что характерно для буддизма в целом, однако не характерно для северного буддизма. Далее каждый лама, изображавший бурхана Чооцэ и Цанык, обращался со словами благопожелания, сопровождая танцевальными движениями. Всё, что происходило далее, было своеобразным общественным молением.

Цам, проводимый в **Эрзинском хурээ** [11], также имел свои особенности, состоящие в порядке проведения, сюжете, отчего зависел и набор персонажей цамы, и танцы, исполняемые ими. Эрзинский цам по своей структуре приближается к описанному В.Ц. Найдаковой бурятскому варианту цамы, где имела строго установленная структура обряда, состоящая из 8 танцев.

В **Самагалтае**, по воспоминаниям Очура Бальчира [12], исполнялось 5 танцев, которые осмысляются как пять образов (действий) Майдыра; затем выходили, пританцовывая, 21 маска женских божеств, которых исполняли ламы; за ними следовал танец Шойжала, Магала, Намзырың, Шойжаң – итого 32 человека. Некоторые персонажи имели приближённых – группу лиц, сопровождавших то или иное божество. Так, например, Магала имел 75 приближённых, у другого персонажа их были сотни. Миряне это знали, но эти сопровождающие никогда не выходили из монастыря – это своего рода условность, которая не требовала явного физического подтверждения.

В путевых заметках путешественников и в научной литературе о Туве практически отсутствует описание других буддийских праздников. А вот с цамом картина обратная. Объяснение этому явлению мы находим в том, что Цам в прошлом действительно был самым необычным, ярким впечатлением в жизни людей, как по форме, так и по содержанию. Если учесть, что у тувинцев не сложились собственные формы традиционного театра, с присущими ему компонентами, то Цам восполнял этот пробел с лихвой. И хотя Цам – ламаистский религиозный праздник (и чтобы ориентироваться во всех процессах, задействованных в Цаме, нужна база философских знаний и определенный опыт в освоении тибетских тантрических практик), тувинский цам был адаптирован к местным условиям, включал в себя элементы традиционных верований, народных обычаев и обрядов, персонажей, элементы народного костюма, привычные атрибуты и др., что делало его доступным народному сознанию. Так легче достигалась цель распространения и укрепления религиозной веры среди массы простых аратов.

В 1930-х гг. мистерия Цам была постепенно вытеснена не только из ритуальной сферы буддизма, но и из духовной жизни тувинцев. Некоторое время элементы мистерии уже в светской форме появлялись на театральной сцене в театрализованных постановках, в виде отдельных концертных номеров («Богини», «Статуэтка»), либо становились определённым фоном или канвой действия. Так, творческое сотрудничество Государственного ансамбля песни и танца «Саяны» с петербургским композитором П.А. Геккером привело к созданию музыки к ряду сюжетных хореографических композиций, среди которых было «Сказание о влюбленных» с рабочим названием «Цам» (1984). Поскольку музыка мистерии Цам была в то время недоступной для знакомства, то композитор вместе с режиссёром-постановщиком В.С. Нанактаевым пошли по пути свободной художественной реконструкции: номер открывался вступлением, в котором хоменисты в стиле *каргыраа* пели слова известной буддийской мантры «Ом мани падме хум», а потом (уже с музыкой П. Геккера) сменяли друг друга сюжетные эпизоды – парад масок, танец Белого Старика, лирическая сцена влюблённых, которых разлучали персонажи-маски, танец и бой масок – Злого и Доброго духов, освобождение влюблённых, финальное шествие всех героев. Помимо интересной хореографии (балетмейстер Г. Алексидзе), успеху номера способствовала и музыка, для выразительности которой применялись тарелки (заменившие буддийские *шаң*), саксофоны (как бы воссоздающие звучание *бүрээ*), там-тамы, а также специальные эффекты (например, акустически усиленное звучание встряхиваемого мешка с натуральными костями животных).

В сезон 1990–1991 гг. балетной труппой Тувинского музыкально-драматического театра был показан ещё одноактный балет: на музыку П. Геккера «Жертвоприношение божеству», либретто В. Донгака, А. Даржаа, в постановке В. Донгака.

В 1996 году по просьбе руководителя ансамбля народной музыки ВСГАКИ «Сибирский сувенир» В. Китова молодой тувинский балетмейстер, выпускник ВСГАКИ и ГИТИСа Орлан Монгуш осуществил постановку хореографической зарисовки «Сила любви». Музыкальную часть написал композитор Владимир Тока. Он назвал её музыкой к одноактному балету-мистерии «Цам». Музыка и костюмы действительно были сделаны в традициях буддийской мистерии. Канвой же сюжета стала история любви юноши и девушки, основанная на тувинских народных сказках. Поэтому постановку нельзя было назвать Цамом в чистом виде, и в окончательном варианте постановка получила название «Сила любви». Первый показ состоялся во время турне ансамбля «Сибирский сувенир» по Франции. Потом он демонстрировался в театре при ВСГАКИ и на фестивале «Байкальские встречи». К сожалению, тувинский зритель этот балет так и не увидел. Хотя в 1984 году что-то похожее можно было увидеть в новой программе Государственного ансамбля песни и танца «Саяны», подготовленной в Ленинграде к 40-летию вхождения Тувы в состав СССР, где Орлан Монгуш исполнял главную партию юноши в хореографической картине «Сказание о влюблённых» («Цам»). Здесь явно просматривается прямая параллель, что вполне объяснимо. В то время буддийский ритуал на балетной сцене никому и в голову не приходило поставить, а вписать в него жизненную историю – это вполне приемлемо для постановки любого вида искусства.

В современной музыкальной жизни Духовой оркестр Правительства Республики Тыва под руководством Тимура Дулуша успешно реализует такую оригинальную форму выступлений, как сочетание «концерта на плацу» с

театрализованным представлением масок мистерии Цам, в котором наряду с обычными оркестровыми используются некоторые храмовые инструменты (в частности, *бүрээ, шаң*). Шествие масок Цам стало традицией открытия фестиваля живой музыки и веры «Устуу-Хурээ», вдохновленного идеей восстановления развалин буддийского храма в г. Чадаане (начиная с 1998 г., одного из ярких культурных явлений современной Тувы). В 2008 г. шествием масок Цам Тувинский духовой оркестр удивил жителей соседней Хакасии, выступив на параде в честь Дня города в Абакане, далее были плац-концерты цам-оркестра в Орле (2010), Новосибирске (2013), Екатеринбурге и Астане (2014), также цам-проект был показан тувинскими музыкантами на сценах Москвы (2010) и городов Балтии (Рига, Каунас, 2011).

К тому, чтобы полноценно отправлять мистерию Цам, современные хурээ в Туве пока не готовы, эта часть обрядовой практики еще нуждается в восстановлении. При этом, Цам – уникальный сплав целого ряда видов искусств (танца, музыки, драматического действия, изобразительного искусства) с региональными и национальными особенностями. Монгольский ученый Батнасангийн пишет: «Как ни далека была буддийская мистерия цам с её мистическим смыслом от реальностей жизни, всё же зрелищная сторона обогащала эстетическое мышление и зрительский опыт монголов» [13]. То же самое можно сказать и о тувинцах. Присутствие масок Цам в различных формах современной культурной жизни Тувы говорит о том, что Цам стал неотъемлемой частью тувинской национальной культуры.

Литература

1. Хомушку, О.М. Религия в культуре народов Саяно-Алтая: монография. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 228 с.
2. Монгуш, М.В. История буддизма в Туве (вторая половина VI – конец XX в.). – Новосибирск: Наука, 2001. – 200 с.
3. Центральный государственный архив Республики Тыва, Ф.115, оп.1, ед.хр. 24, 120, 121, 142, 192, 283а, 291, 318.
4. В последующий период данная часть буддийской коллекции музея стала объектом изучения тувинского учёного-востоковеда Р.П. Сумбаа.
5. Карелина, Е.К. История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исследование; [науч. ред. док. иск. В.Н. Юнусова]; Московская гос. консерватория им. П.И. Чайковского. – М.: Композитор, 2009. – С.125–127.
6. Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX-начало XX века) / подготовка текстов, предисловие и комментарий А.К. Кужугет. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2002. – С. 125.
7. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Рос. энциклопедия; СПб; Норинт, 1999. – С. 1327.
8. Эту мысль подтверждает В.П. Дьяконова: «В Туве Цам, как правило, устраивался не как самостоятельный, а в соединении с ещё одним важным ламаистским богослужением, посвящённым Майдыру», которые в одних монастырях шли друг за другом в течение двух дней, хотя сам праздник мог продолжаться несколько дней, и включал в себя не только эти два сакральных действия, но и мирские развлечения простого народа. Дьяконова, В.П. Цам у тувинцев: Сб. МАЭ. – Л., 1971. – С.113.
9. Найдакова, В.Ц. Буддийская мистерия «Цам» в Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. – С. 8.
10. Дьяконова, В.П. Цам у тувинцев: Сб. МАЭ. – Л., 1971. – С.118.
11. Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований (РФ ТИГИ), д. 166, л. 1, 2.
12. Там же. л. 3.
13. Батнасангийн, С. Мистерияльно-эпические истоки монгольского театра // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 69. – С. 24.

References

1. Homushku, O.M. Religija v kul'ture narodov Sajano-Altaja: monografija. – M.: Izd-vo RAGS, 2005. – 228 s.
2. Mongush, M.V. Istorija buddizma v Tuve (vtoraja polovina VI – konec XX v.). – Novosibirsk: Nauka, 2001. – 200 s.
3. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tyva, F.115, op.1, ed.hr. 24, 120, 121, 142, 192, 283a, 291, 318.
4. V posledujushhij period dannaja chast' buddijskoj kollekcii muzeja stala ob#ektom izuchenija tuvinskogo uchjonogo-vostokoveda R.P. Sumbaa.
5. Karelina, E.K. Istorija tuvinskoj muzyki ot padenija dinastii Cin i do nashih dnei: issledovanie; [nauch. red. dok. isk. V.N. Yunusova]; Moskovskaja gos. konservatorija im. P.I. Chajkovskogo. – M.: Kompozitor, 2009. – S.125–127.
6. Tradicionnaja kul'tura tuvincev glazami inostrancev (konec XIX-nachalo XX veka) / podgotovka tekстов, predislovie i kommentarij A.K. Kuzhuget. – Kyzyl: Tuv. kn. izd-vo, 2002. – С. 125.
7. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' / gl. red. A.M. Prohorov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Bol'shaja Ros. jenciklopedija; SPb; Norint, 1999. – S. 1327.
8. Jetu mysl' podtverzhaet V.P. D'jakonova: «V Tuve Cam, kak pravilo, ustraivalsja ne kak samostojatel'nyj, a v soedinenii s eshhoj odnim vazhnyim lamaistskim bogoslužheniem, posvjashhjonnyj Majdyru», kotorye v odnih monastyryah shli drug za drugom v techenie dvuh dnei, hotja sam prazdnik mog prodolzhat'sja neskol'ko dnei, i vključal v sebja ne tol'ko jeti dva sakral'nyh dejstva, no i mirskie razvlechenija prostogo naroda. D'jakonova, V.P. Cam u tuvincev: Sb. MAJe. – L., 1971. – S.113.
9. Najdakova, V.C. Buddijskaja misterija «Cam» v Burjatii. – Ulan-Udje, 1997. – S. 8.
10. D'jakonova, V.P. Cam u tuvincev: Sb. MAJe. – L., 1971. – S.118.
11. Rukopisnyj fond Tuvinskogo instituta gumanitarnyh issledovanij (RF TIGI), d. 166, l. 1, 2.
12. Tam zhe. l. 3.
13. Batnasangijn, S. Misterial'no-jepicheskie istoki mongol'skogo teatra // Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. – 2008. – № 69. – S. 24.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ / POLITICS

Берестовенко А.Л.

Аспирант факультета национальной безопасности

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Аннотация

К числу проблем, вызывающих тревогу всего мирового сообщества, относится транснациональная преступность, представляющая собой новый уровень организованной преступности, пересекающей государственные границы и игнорирующей национальные и международные законы и нормы. Противодействие государствам проявлениям транснациональной организованной преступности идет по разным направлениям, в числе которых и борьба с незаконным оборотом наркотических средств, террористическими акциями и конфликтно-силовыми проявлениями. Международным уголовным правом выработаны механизмы и направления борьбы с рядом транснациональных преступлений. В настоящее время Российская Федерация является участником многих международных конвенций в области противодействия транснациональной преступности.

Ключевые слова: Международное право, транснациональная преступность, наёмничество, финансирование терроризма, акты насилия, законодательное противодействие, политика сотрудничества в противодействии.

Berestovenko A.L.

Postgraduate student of faculty of national security of the Russian academy of national economy and public service at the

Russian President, Russia, Moscow

POLITICAL AND LEGAL REGULATION OF COUNTERACTION TO THE INTERNATIONAL CRIMES

Abstract

The transnational crime representing the new level of the organized crime crossing frontiers and ignoring national and international laws and norms belongs to number of the problems causing alarm of all world community. Counteraction of the states to manifestations of a transnational organized crime goes in the different directions, among which and fight against illicit trafficking in drugs, acts of terrorism and conflict and power manifestations. The international criminal law developed mechanisms and the directions of fight against a number of transnational crimes. Now the Russian Federation is the participant of many international conventions in the field of counteraction of transnational crime.

Keywords: International law, transnational crime, mercenary activities, the financing of terrorism, acts of violence, the legislative counteraction, the policy of cooperation in counteraction.

In the document of Economic and Social council of the UN prepared for the IX Congress according to the prevention of crime and to the treatment of offenders it was noted that "organized crime creates direct threat of national, international and state stability. She carries out frontal approach to the political and legislative authorities, threatening existence of the statehood. It breaks normal functioning of social and economic institutes and compromises them that lead to loss of trust to democratic processes. It undermines development of society and nullifies the achieved success. She puts the population of the whole states in position of the victim, operates human vulnerability, taking thus the income. It covers and even enslaves many sectors of society ..., it the challenge which is thrown down by criminals to bases of the government and the sovereignty is an inevitable consequence".

The international legal regulation of fight of the states against crimes of the international character against stability of the international relations covers such crimes, as: taking of hostages; the capture, stealing of aircrafts and other acts made onboard air-transport means and at the international airports, and also the illegal acts directed against the safety of sea navigation and stationary platforms located on a continental shelf; recruitment, use, financing and training of mercenaries, and their participation in military operations; illegal radio and telecasting; propaganda for war.

The problem of migration of thousands of well-armed and trained fighters who didn't want to adapt for conditions of peaceful life became one of serious problems for the world community and become for big money mercenaries, thus, the migratory problem, and the related processes of its not controllability, becomes one more aspect of a question of reproduction, both a mercenary activities, and terrorism.

The head of Security Council of the Russian Federation N. P. Patrushev, being still the Director of FSS (ФСБ) of the Russian Federation in 2007 at a field meeting of national anti-terrorist committee in Arkhangelsk drew a conclusion that illegal migration "got signs of the organized and carefully kept dark international criminal activity" [1].

Criminal prosecution of mercenaries is carried out in three forms: under laws of the state of nationality; under laws of the state in the territory of which made criminal action, or creation of special warships at commission of crimes in the territory of several states.

Now the Russian Federation is the participant of many international conventions in the field of counteraction of transnational crime.

№ 26-FL [2] are ratified by the federal law of April 26, 2004 the Convention of the UN against a transnational organized crime of November 15, 2000 with the Protocols supplementing it: The protocol against smuggling of migrants by land, I exhaust also to air, the Protocol on the prevention and suppression of human trafficking, especially with women and children, both punishment for it and the Protocol against illicit manufacturing and a turn of firearms, its components and components, and also ammunition to it [3].

Art. 359 of criminal code of the Russian Federation "mercenary" recognizes criminal recruitment, training, financing or other material security of mercenaries, their use in armed conflict or military operations, and also participation of the mercenary in armed conflict. However, the note to Art. 379 the defining concept "mercenary", doesn't consider one of the signs

established to Art. 47 of the Additional protocol № 1-1977 of to the Geneva conventions of 1949 and excluding responsibility of the person in a case when it is staff of armed forces of the country which is in the conflict (point "e"), for example, the French foreign legion.

Further, on sense of the item "e" of Art. 47 of the Protocol follows that material remuneration has to exceed significantly remuneration "promised or paid to the combatants of the same rank and functions who are staff of armed forces of this country". It is represented that it would be necessary to bring standards of the criminal code of Russian Federation into accord with Art. 47 of the Protocol № 1 to the Geneva conventions of 1949.

The determination of the state to resist to these or those manifestations of the organized crime having transnational character is shown and in those mechanisms which are provided in the national legislation for counteraction of financing of this criminal activity [4].

The international convention of January 10, 2000. "About fight against financing of terrorism" (I came into force for the Russian Federation on December 27, 2002) provides the directions of counteraction to financing of terrorism and preparation for commission of transnational crimes within the state territory which, in a generalized view, consist in the following:

1) prohibition in territories of the states of illegal activity of persons or the organizations which deliberately encourage, incite, will organize or commit the specified crimes;

2) introduction of an obligation of the financial institutions and other organizations participating in commission of financial operations to take effective measures for identification of their clients - constant or casual, clients in favor of which open accounts, and also to pay special attention to unusual or suspicious operations and to report about the operations which are allegedly connected with criminal activity.

Member states of the Council of Europe adopted the European Convention on suppression of terrorism of January 27, 1977 which came into force for Russia on February 5, 2001 [5].

Expressed the intention to take effective measures for ensuring inevitability of criminal prosecution and punishment of the persons who conducted terrorist attacks in the specified Convention of the party.

It should be noted also Shanghai convention "About Fight against Terrorism, Separatism and Extremism" of June 15, 2001 which came into force for Russia on March 29, 2003 [6].

The State Parties of this Convention emphasized that the terrorism, separatism and extremism under no circumstances aren't subject "to a justification for reasons of exclusively political, philosophical, ideological, racial, ethnic, religious or other similar character" [7].

It is necessary to consider also war crimes. Especially it is actual in connection with events in the territory of Ukraine.

That occurred in relation to civilians, otherwise, than war crime to call difficult when women, old men, children ... perished; when fields were mined, dwellings collapsed, the animal husbandry was destroyed

Presence in Ukraine of foreign military experts and mercenaries of private military of corporations doesn't leave doubts, and correctness of retaliatory actions against civilians is maintained by financial and material, information support of the western countries.

This group of crimes is qualified by the Hague conventions of 1907 which established the forbidden means and methods of conducting combat operations in armed conflicts (The Hague right), the Geneva conventions of 1949 regulating the international protection of the victims of war (The Geneva right), Additional protocols № 1 and 2 of 1977 to the Geneva conventions of 1949 and some other sources of the right of armed conflicts, the Guide of San Remo to the international law applicable to armed conflicts at the sea, 1994, the Convention on prohibition of military or any other hostile use of levers on environment of 1976.

The convention on prohibition or restriction of application of concrete types of conventional weapons which can be considered putting excessive damages or having not selective action, etc.

Norms of international law classify three types of war crimes: violations, serious violations of the Geneva conventions, exclusively serious war crimes. Jurisdiction of war crimes is established both standards of conventional agreements, and standards of the domestic legislation of nationality of the offender or the hostile state.

Art. 9 of the Charter of the International tribunal for Yugoslavia establishes institute of parallel jurisdiction, giving a priority of jurisdiction of the international judicial authorities.

The legislation of Russia traditionally refers war crimes of the international character to military crimes against an order of execution of military service in a fighting situation and in the war zone.

Art. 331 of the criminal code of Russian Federation establishes that criminal liability for the crimes against military service committed in a wartime or in a fighting situation is defined by the legislation of Russia of a wartime.

The link to Laws of wartime allows carrying to the list of war crimes, except military, the acts provided by Art. 146, 147 of the Convention on protection of the civilian population during war (1949); Art. 18, 65, 85, 87 of the Additional protocol № 1-1977 of to Conventions of 1949.

The existing criminal code of Russian Federation of Art. 356 establishes criminal liability "for application of the forbidden means and methods of war" (prisoners of war or civilian population abuse, deportation of the civilian population, plunder of national property in the occupied territory, application in armed conflict of the means and methods forbidden by the international treaty of the Russian Federation).

When approaching to this subject at once there is a question, whether it is lawful to speak about the international fight against crime when crimes are committed in the territory of a certain state and fall under jurisdiction of this state.

Really, fight against crime in any state isn't international in literal sense of this word. Jurisdiction of this state, competence of its law enforcement agencies works.

In the same way the crimes committed out of its territory, for example in the high sea on the sea vessels floating under the flag of this state fall under jurisdiction of the state.

Development of cooperation of the states took place in this area a long way. In the beginning the simplest forms, for example achievement of the arrangement on delivery of the person who committed a crime or of any other actions connected

with this or that crime were used. Then there was a need to communicate, and the volume of this information constantly extended.

In process of development of scientific and technical progress and information space cooperation in this sphere also changes and plays more and more essential role in the relations between the states.

References

1. The convention against a transnational organized crime. It is accepted by the Resolution 55/25 of the United Nations General Assembly of November 15, 2000. It is ratified by the Russian Federation on April 14, 2004.
2. Russian Federation Code. 2004. № 40. Art. 3882.
3. The federal law of August 7, 2000 N 121-FL.
4. The federal law of January 10, 2003 N 3-FL.
5. BMD. 2003. № 5.
6. Vasilyeva L.N. Transnational crimes as threat of national security of Russia (conventional mechanisms of counteraction). Magazine of Russian law, 2005, № 10.
7. Komleva N. A. Ukraine in big geopolitical game//the electronic magazine "MGOU Bulletin" - the Ukrainian crisis 2013-2014: reasons and consequences (round table). 2014, № 1// <http://www.evestnik-mgou.ru>

Глущенко В.В.

Доктор технических наук, Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

ГЕОПОЛИТИКОЛОГИЯ КАК НАУЧНАЯ ОСНОВА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Аннотация

В статье развиваются положения геополитикологии (geopolitikologija – geopoliticology) – науки о методических основах геополитики, прогнозировании при управлении геополитическими процессами, оцениваются прогностические возможности геополитикологии, обсуждается специфика и методические аспекты глобального антикризисного управления, делается прогноз после кризисного мирового порядка.

Ключевые слова: геополитикология, кризис, глобализация, прогноз, мировой порядок.

Glushchenko V. V.

PhD in Engineering, Moscow State University of means of communication (MIIT)

GEOPOLITIKOLOGIYA AS SCIENTIFIC BASIS OF GEOPOLITICAL FORECASTING

Abstract

In article provisions of a geopolitikologiya (geopolitikologija – geopoliticology) – develop - sciences about methodical fundamentals of geopolitics, forecasting at management of geopolitical processes, are estimated predictive opportunities of a geopolitikologiya, specifics and methodical aspects of global crisis management are discussed, the forecast after a crisis world order becomes.

Keywords: geopolitikologiya, crisis, globalization, forecast, world order.

Актуальность настоящей статьи определяется тем, что в 2015 году глобальный кризис в его геополитическом проявлении приблизился к границам России. Одновременно с этим серьезно усложнилась обстановка в сфере международных политических и экономических отношений России с другими странами. В этой сложной ситуации использование только экспертных оценок, которые относятся к обыденному знанию, может давать не только не эффективные, но и ошибочные решения. В такой сложной ситуации возрастает значение создания целостной научной теории в этой сложной сфере. Именно на основе такой теории – науки возможно опережающее отражение геополитических явлений, прогнозирование и научное обоснование возможных геополитических антикризисных мер.

Целью настоящей статьи является развитие геополитикологии (geopolitikologija – geopoliticology) как науки о геополитических процессах, в частности методических аспектов прогнозирования при разработке геополитических управленческих решений.

Для достижения поставленной цели решаются такие задачи:

- исследуются специфические черты наблюдаемого в 2015 году глобального геополитического кризиса;
- формируются основы геополитологии как науки о геополитических процессах геополитическом управлении;
- исследуется методическая специфика глобального антикризисного прогнозирования в управления в условиях послекризисного мирового порядка.

Объект статьи – геополитикологии (geopolitikologija – geopoliticology).

Предмет статьи- методические основы прогнозирования при разработке решений геополитического управления.

Кризис 2008 года –это первый кризис в условиях глобального постиндустриального мира. Этот кризис глобального постиндустриального мира имеет особенности, связанные со спецификой состояния глобального мира в начале 21 века.

Постиндустриальную глобализацию рассматривают как процесс усиления взаимосвязей в современном мире путем развития мирового рынка, средств коммуникаций, продвижения новых информационных технологий в рамках транснациональных корпораций (ТНК) и др. Считают, что причины глобализации сложны и не до конца понятны [1, с. 4].

Анализ возможных причин современной глобализации дает основания считать, что причиной глобализации является рост ресурсоемкости инновационных проектов. Результаты анализа позволяют сформулировать инновационную гипотезу глобализации. Эта гипотеза основана на том, что современные инновации являются крайне ресурсоемкими. В свою очередь ресурсоемкие инновации могут давать положительный финансовый результат только в условиях глобального рынка. Емкости национального рынка недостаточно для того, чтобы окупить и получить

положительный финансовый результат от инноваций [2, с. 61]. При этом в процессе глобализации возрастает «финансовая хрупкость» глобальной экономики [3]. Методической особенностью кризиса 2008 года заключается в том, что корпорации стали непосредственно, прямо и открыто (а не латентно, косвенно) играть роль субъектов управления геополитическими рисками глобальной и национальных экономик [4].

Это первый глобальный кризис, в котором корпорации конкурируют в глобальном управлении с государствами. При этом государства в результате политики открытости в условиях глобального мира в начале 21 века имеют черты общественных публичных корпораций [5].

Наблюдения (мониторинг) за практикой глобального антикризисного управления показывают, что практика глобального антикризисного управления не всегда соответствует теоретическим положениям. Более того появляется все больше практических примеров, когда можно говорить о парадоксальности антикризисного управления. Далее в настоящей статье парадоксальным антикризисным управлением условимся называть такое управление, которое в краткосрочной, а тем более долгосрочной перспективе приводят к результатам прямо противоположным декларируемым целям.

Одним из примеров парадоксального антикризисного управления можно считать известное предложение частично вернуться к золотому стандарту. После того, как в 2008 году кризис разразился глобальный финансовый кризис для повышения стабильности глобальной банковской системы глобальными монетарными властями было предложено частично вернуться к золотому стандарту (золотому содержанию национальных валют) в сфере международных валютно-кредитных отношений. Практическая реализация такой «частичной» теории вернуться к золотому стандарту может порождать риск национальных и глобальных финансовых и валютных потрясений? Поэтому была предложена для выхода из глобального финансового кризиса современная, адекватная реалиям постиндустриального глобального мира теория денег [6; 7, с. 14-15].

Следующей методологической особенностью глобального антикризисного управления в 2015 году можно назвать низкий уровень участия международных организаций в процессе такого управления.

Методологической особенностью глобального антикризисного управления в 2015 году может быть названо то, что субъекты глобального антикризисного управления (глобальные игроки) предпочитают сосредоточиться на проведении собственной политики, а не на достижении возможности консенсусного решения проблем такого управления.

Очередной методической особенностью глобального антикризисного управления можно назвать то, что конфронтационный характер этого управления создает шанс для стран, которые сумеют минимизировать свое участие в этой конфронтации.

Важной методологической особенностью современного глобального антикризисного управления можно назвать то, что у всех глобальных игроков отсутствуют свободные ресурсы. Все ведущие глобальные игроки, участвующие в конфронтационном антикризисном глобальном управлении имеют внутренние финансовые проблемы в виде большого государственного долга, дефицита бюджета и др.

Другая методическая особенность глобального антикризисного управления заключается в том, что часто полностью игнорируется объективная сторона вопроса (необходимости антикризисных изменений).

Проблемы кризиса возникли как результат изменения соотношения в экономиках ведущих стран. В момент принятия и начала работы Бреттон-Вудской валютной системы (1944-1950гг.) доля производства США составляла около 50% объема мирового производства. В 2013 году по данным Всемирного банка, объем ВВП мировой экономики в этом году составил \$ 71 666 350 млн. (по сравнению с \$ 69 971 508 млн. годом ранее). Безусловным мировым лидером по объему экономики остаются Соединенные Штаты Америки — \$ 15 094 000 млн. Таким образом, в 2013 году экономика США составляет около 20% мирового ВВП. При этом непосредственно промышленное производство в США составляет около 22% от ВВП. Такое положение в значительной степени результат того, что в течение продолжительного периода времени корпорации США в целях минимизации затрат на рабочую силу выводили производство с территории другой страны в другие страны.

Ситуация усугубляется тем, что вследствие активного использования корпорациями США для «оптимизации» налогов оффшорного бизнеса, как уже отмечалось, государственный долг превысил \$17 трлн.

Кроме того на возможность экономического лидерства США отрицательно влияет полная оторванность от реальной экономики и спекулятивная направленность финансового капитала США, размер, которого по оценкам экспертов примерно в 10 раз превышает капитализацию реального сектора экономики.

Эти проблемы фактически препятствуют дальнейшему сохранению единоличной лидирующей роли США.

Поэтому дальнейшая трансформация однополярной модели мира в многополярную модель практически неизбежна. Это процесс объективный. Этот процесс трансформации модели мира - мирового порядка - является реализацией фундаментального риска глобальных изменений, который не подвластен ни одному человеку, ни группе людей.

Однако в зависимости от объективной и субъективной специфики глобального антикризисного управления процесс этой трансформации может протекать с различной степенью интенсивностью и различным уровнем геополитического риска и издержек на такую трансформацию.

В процессе антикризисного управления не всегда учитываются разработки ученых. В частности, еще в 2003 году отмечали как возможные следующие варианты развития событий на постсоветском пространстве. Первый вариант заключается в том, что пространство составляющее центр Евразии, Россию будет разделено на геополитически несамостоятельные элементы. Второй вариант сценария заключался в том, что средняя часть этого геополитического пространства (Россия и часть государств СНГ) даст отпор Западу и станет единым активным игроком на геополитическом поле. В этом случае возможен союз России с Индией на юге или с Китаем на востоке (Китаем) [8, с.139; 2, с. 19]. При этом кризис на Украине для многих стал неожиданным. Итак, исследование, выполненное в настоящей статье показывает, что причин рисков в глобальном антикризисном управлении может быть достаточно

много: недостаточное научное обоснование антикризисных мер; значительное или неопределенное число, в том числе латентных субъектов принятия глобальных антикризисных решений; истощение источников (в том числе интеллектуальных) докризисного ресурса и потенциала развития; недостаточная развитость парадигмы посткризисного развития и управления; психологическое давление и стресс, который испытывают лица, принимающие решения в глобальном антикризисном управлении; стохастический (случайный) характер интенсивности антикризисных управляющих воздействий имеющих разнонаправленный характер и другие.

Приведенные выше факты и мнения свидетельствуют, что:

- глобальный системный кризис перешел в геополитическую стадию, которая характеризуется стремлением более сильных государств переложить издержки этого кризиса и антикризисного управления на более слабые государства путем внешнего давления;

- глобальные геополитические решения, принимаемые на основе здравого смысла, экспертных мнений или частных научных теорий, например, теории денег, как было показано в работе [33- 12, с. 62-63] могут приводить к серьезным ошибкам и порождать «парадоксальное управление», т.е. управление, приводящее к результатам прямо противоположным желаемым;

- для адекватного решения сложных геополитических проблем необходима развитая научная теория, т.к. только такая развитая научная теория обладает прогностической функцией, что позволяет обеспечить эффективность управления.;

Геополитикология направлена на изучение международных отношений, государственной, правовой, общественной действительности, которые являются взаимосвязанными и знания о которых необходимы для всех общественных наук. Геополитикология как теория глобального управления связана с теорией государства и права, другими науками об обществе, общественных явлениях, явлениях культуры. Поэтому должна иметь место связь геополитикологии с теорией государства и права, с философией, экономической теорией, политологией, социологией и другими науками.

Предлагается назвать геополитикологией (*geopolitikologija – geopoliticology*) науку о глобальном управлении, включая глобальное антикризисное управление. Необходимость формирования такой науки объясняется:

- во-первых, современный мир под воздействие процессов глобализации превратился в единую социально-экономическую систему, которая характеризуется специализацией и разделением труда, унификацией социальных стандартов жизни, унификацией прав и свобод человека;

- во-вторых, рост численности населения и объемов финансово-хозяйственной деятельности привели к усложнению международных геополитических отношений, усложнению процессов функционирования государств, международной и национальных системы права, общественных институтов (гражданского общества);

- в-третьих, потребностью проводить достоверный анализ геополитической ситуации и прогнозировать ее развитие с целью выработки эффективных управленческих решений международными и национальными субъектами геополитического управления, включая анализ и предупреждение кризисов.

Геополитикология – наука о мировом порядке, системе международных геополитических отношений, организации и функционировании глобальной системы геополитического управления, субъектах и объектах геополитического управления, международном праве (как инструменте глобального управления), участии глобального гражданского общества в геополитическом управлении.

Необходимость формирования геополитикологии как науки, интегрирующей знания о геополитических процессах и геополитическом управлении, включая антикризисное геополитическое управление, определяется большим масштабом геополитической системы (гипер большая система), сложностью контроля и диагностики ситуации в геополитическом управлении, необходимостью расширения и социализации знаний о глобальном управлении в условиях расширения влияния на эти процессы гражданского общества. В предметном плане геополитикология может включать такие структурные элементы: международное (позитивное) право; функционирование международных органов глобального и регионального геополитического управления; международные и государственные финансы; глобальную и национальные кредитно-денежные системы, валютная система; международные товарно-денежные отношения, налоговая система государства; управление государственным имуществом; обеспечение безопасности, глобальная и национальная инновационная деятельность, управление в глобальных коммерческих и общественных корпорациях, др.

Развивая геополитикологию нужно учитывать, что современная национальная экономика отражает расклад сил на международной и внутривосточной арене, а поэтому получает геополитическую составляющую и название – геоэкономика (геополитическая экономика). При этом нужно учитывать и то, что эксперты выделяют три составляющие современной экономики и социальной сферы: государство; бизнес; гражданское общество.

Для формирования геополитикологии как развиваемой новой научной дисциплины сформулируем ее объект, предмет, функции и роли таким образом. Объект геополитикологии как науки – это исследуемая сфера деятельности: устройство мировой социально-экономической системы в ее связи с географическим особенностями регионов, международной право и отношения, мировые рынки, международные денежно-кредитные и товарно-денежные отношения, органы и инструменты управления. Таким объектом геополитикологии является мировой порядок и основанная на нем система глобального управления. Мировой порядок можно определить как наблюдаемое устройство мировой социально-экономической системы в ее связи и соотношении с географическим особенностями регионов, международной право и отношения, мировые рынки, международные денежно-кредитные и товарно-денежные отношения, органы и инструменты глобального управления.

Предметом геополитикологии может быть часть изучаемого объекта или инструменты исследования и управления объектом. Предметом геополитикологии могут быть устройство мирового порядка, определенные закономерности организации и функционирования мирового порядка, субъектов глобального геополитического

управления, роль национального государственного управления и государственной системы права в обеспечении геополитической субъектности и конкурентоспособности государства.

Геополитикология как наука о мировом порядке и глобальном управлении должна развиваться как целостная система теоретического и прикладного знания об объектах, субъектах, инструментах глобального управления, их влиянии на весь комплекс процессов жизнедеятельности и на такие характеристики жизнедеятельности как геополитическая специализация, эффективность, затраты, риски, время реализации процессов во всех сферах государства и др.

Научный метод геополитикологии как науки о мировом порядке и глобальном управлении – это система принципов и приемов, с помощью которых достигается объективное познание объективной действительности сложной системы, называемой мировой порядок, процессов глобального управления, включая управляющее влияние системы права. Методологический анализ процесса научного познания в геополитикологии позволил обособить два типа приемов исследования: приемы присущие человеческому познанию в целом (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование и обобщение); методы и приемы характерные только для научного познания.

Методом геополитикологии условимся называть систему принципов и приемов, с помощью которых достигается снятие неопределенности, объективное познание мирового порядка, сущности процессов и результатов глобального управления, субъектов, объектов, инструментов системы глобального управления в глобализованном мире, а так же геополитических, политических, социально-экономических, технологических последствий государственного управления, в том числе для самого государства, права, гражданского общества, их внешней (международной) и внутренней среды.

Сущность геополитикологии как науки о мировом порядке и геополитическом (глобальном) управлении отражают функции и роли этой науки. Функции геополитикологии проявляются в тех действиях, т.е. в том, что эта наука выполняет в геополитической, политической, социально-экономической, технологической, экологической подсистемах государства.

Социально-экономическая роль и значимость геополитикологии определяется результатами реализации тех функций, которые эта наука выполняет в отношении удовлетворения потребностей глобального гражданского общества, мировой экономики и национальных государств.

При исследовании функций геополитикологии нужно учитывать, что эти функции должны находиться в темной связи с функциями государства и права, а так же функциями глобальных и национальных общественных и предпринимательских корпораций.

Этим должно быть обеспечено соответствие функций и ролей всех субъектов и объектов глобального (геополитического) управления.

Можно выделить такие функции геополитикологии как науки о мировом порядке и глобальном управлении: философского обеспечения; методологическая, познавательная, инструментальная, прогностическая, нормативная, идейно-воспитательная, предупредительная, социализации.

Для геополитикологии функция философского и идеологического обеспечения функционирования систем мирового порядка и глобального управления, обеспечения жизнедеятельности населения состоит в разработке, системном объединении и своевременной адаптации в условиях глобализации философии, идеологии, политики построения мирового порядка и системы глобального управления, функционирования субъектов и объектов государства, его системы права, гражданского общества, как основы развития методологии глобального и государственного геополитического управления (в том числе антикризисного управления).

Философия мирового порядка и системы глобального управления - это система наиболее общих, основополагающих взглядов на сущность, принципы функционирования и развития, практическое предназначение мирового порядка и государства его системы права, как части мирового порядка.

Философией мирового порядка и системы глобального управления можно назвать в принципах международных отношений и права, находить свое воплощение в процессе формулирования миссии, видения, парадигмы мирового порядка.

Парадигма глобального (геополитического) управления – это системное (гармоничное) объединение философии, идеологии, политики, методологии выработки глобальных управляющих решений, оценки возможности использования и повышения эффективности использования конкретных инструментов геополитического управления, обеспечивающая повышение эффективности глобального управления, снижающая вероятность геополитических конфликтов между государствами

Идеология мирового порядка и системы глобального управления, соответственно, представляет собой систему взглядов на возникновение и эволюцию ключевых идей (теорий), развития мирового порядка, государства и права (их внешней и внутренней среды), природу власти глобальной и в государстве, распределения власти в рамках мирового порядка, в гражданском обществе и государстве и другое.

Политика мирового порядка и системы глобального управления - это разрабатываемая на основе его философии и идеологии система правовых норм, практических политических, социальных, экономических, технических мер и воздействий на процессы происходящие в мировой системе (миропорядке), глобальном управлении, во внутренней и внешней среде государства, глобальной и национальной элите процессы.

Глобальная (гео) политика – это совокупная воля глобальной и национальных элит в форме системы геополитических и национальных мероприятий, направленных на совершенствование и повышение эффективности процессов глобального и национального управления, развитие экономик, развитие гражданского общества.

Методологическая функция геополитикологии заключается в разработке теоретических основ и методологии исследования внешней и внутренней среды мировой системы и системы глобального управления, государства, глобального бизнеса, международной системы права, гражданского общества явлений и процессов, формулировании

законов и категорий геополитикологии как науки о мировом порядке и глобальном управлении, в том числе антикризисном геополитическом управлении.

Познавательная функция геополитикологии охватывает процессы накопления, описания, изучения фактов действительности, связанных с внешней и внутренней средой глобального управления праве как инструменте управления, анализе социально-экономических ситуаций в мире, государстве, экономике, гражданском обществе конкретных явлений и процессов в гражданском обществе, выявление важнейших проблем и противоречий устойчивого развития мира, государства и права.

Инструментальная (регулятивная) функция геополитикологии имеет практический характер, состоит в выработке практических рекомендаций для органов международного (глобального), корпоративного предпринимательского, государственного управления, его организационных структур, проведении прогнозов и предварительной оценки развития ситуаций и последствий глобального, корпоративного, государственного антикризисного управления.

Прогностическая функция геополитикологии может состоять в развитии методов и оценок состояния мировой системы государств и/или его системы права, гражданского общества, элементов их внешней и внутренней среды в будущем, моделировании социально-экономических процессов и отношений с участием государства, бизнеса, гражданского общества в рамках существующей системы права.

Нормативная (законотворческая) функция геополитикологии направлена на совершенствование систем международного и национального права, закрепляет в форме законов и других нормативных актов обязательную для исполнения волю международной элиты, элиты государства, указывает (органам управления, бизнесу и обществу), что разрешено и следует делать для достижения глобальных и национальных целей и каким образом это делать.

Идейно-воспитательная, мировоззренческая функция геополитикологии находит выражение в выработке, обосновании определенных международных правовых, гражданских идеалов и ценностей, обеспечивающих эффективность глобального политического режима, политического режима государства (идеология плюс режим формирования элит), глобального и государственного антикризисного управления, сохранение глобальных гражданских прав и свобод, развитие культуры корректных международных отношений в государстве, гражданском обществе, на глобальном уровне управления.

Предупредительная функция геополитикологии состоит в исследовании рисков устойчивого развития мировой и национальных социально-экономических систем управления, бизнеса, гражданского общества, разработке методов и форм участия государства, бизнеса, гражданского общества в антикризисном управлении, минимизации ущерба для государства, бизнеса, гражданского общества от кризисов и других источников риска.

Функция социализации в геополитикологии заключается в подготовке знаний о мировом порядке, функционировании органов глобального управления, государстве и праве к их усвоению и практическому использованию функционерами международных организаций, дипломатическими работниками, оборонными ведомствами, депутатами различных уровней, представителями бизнеса, бизнес-сообществом и гражданским обществом в целом.

Настоящим предлагается ввести понятие «роли геополитикологии» и сформулировать их следующим образом. «Роли геополитикологии - это полезные (или вредные) результаты, последствия применения научных методов науки о государстве и праве на практике».

Роли геополитикологии могут рассматриваться:

во-первых, на различных иерархических уровнях (глобальном уровне, государства, хозяйствующих субъектов, общественная организация, человек, гражданское общество);

во-вторых, как для мирового порядка, самих государства и/или системы права, так и для гражданского общества (или элементов его внешней и внутренней среды), так и для процессов социально-экономического управления в глобальном и национальном бизнесе, обществе и государстве.

Для государства роль геополитикологии заключается в снижении геополитического риска и обеспечении политических условий устойчивого социально-экономического развития государства и системы права, формировании научной основы для формулирования внешнеполитической, оборонной доктрин государства, обосновании программ стратегического экономического и социального развития, снижения вероятности попадания под санкции или втягивания в международные геополитические конфликты.

Для глобальных и национальных корпоративных субъектов социально-экономической деятельности роль науки о государстве и праве заключается в снижении геополитического и политического риска деятельности и обеспечении благоприятных условий устойчивого социально-экономического развития деятельности этого бизнеса, субъекта, признания этого субъекта национально и социально ответственным.

Роль геополитикологии как науки о мировом порядке и глобальной системе управления, для элементов внешней и внутренней среды государства, системы права, гражданского общества заключается в снижении неопределенности знания свойств внешней международной среды жизнедеятельности, снижении вероятности втягивания государства и общества в международные (геополитические) конфликты, методического обеспечения работы органов власти и возможностей гражданского общества, повышении степени научного обоснования глобального и государственного антикризисного управления, учете мнений гражданского общества, снижении геополитических и политических рисков для социальных и экономических субъектов, снижении расхода ресурсов на достижение поставленных геополитических, политических и социально-экономических целей.

Отмечают, что типология мировых порядков остается практически неизученной в современной теории международных отношений. Поэтому вопрос структуры мирового порядка считают крайне актуальным [9].

Ретроспективный анализ позволяет выделить исторически такие мировые порядки и принципы их формирования.

1. Общинно - удельный (княжеский) мировой порядок существовал в процессе создания национальных государств. Частые войны между отдельными княжествами привели к необходимости защиты от внешней угрозы и формированию на этой основе империй.

2. Имперский мировой порядок (со средних веков до начала 20-го века) характеризуется существованием некоторого количества крупных многонациональных империй, способных защитить от внешнего врага своих подданных, создать единые условия финансово-хозяйственной деятельности, создать эффективную систему налогообложения и правосудия. В рамках имперского мирового порядка входившие в империю территории и национальные образования не имели суверенитета. Вопросы внешней и внутренней политики, войны и мира решались исключительно единолично императорами. По существу внутри империй существовала линейная организационная структура. В рамках таких структур основными являются вертикальные связи. Решения принимались исключительно в имперском центре. С развитием товарных рынков, усложнением разделения и специализации труда, возрастает число проблем, которые должны были решаться в имперском центре. Это приводит к известному в менеджменте «эффекту бутылочного горла», когда лицо принимающее решения – император не успевает принимать нужные решения. Эффективность государственной системы управления падает. Кроме того, в условиях усложнения финансово-хозяйственной деятельности растет необходимость расширения прав и свобод, соблюдения прав человека.

Этот комплекс взаимосвязанных проблем в управлении приводит к необходимости изменения мирового порядка в сторону децентрализации управления и расширения прав и свобод человека.

3. Начиная с 1914 года, Первой мировой войны происходит разрушение имперского мирового порядка и формирование блоковой мировой порядка. Блоковый мировой порядок сформировался после Второй мировой войны. Как известно, существовали два основных геополитических блока НАТО и Варшавский договор. Каждый из этих блоков возглавляла страна имевшая свою идеологию и мощную экономическую систему. Входившие в эти блоки страны формально имели полный суверенитет над своей территорией, но их суверенитет в сфере международных отношений был ограничен блоковой дисциплиной. В свою очередь, геополитические решения принимались формально коллективно после консультаций, с союзниками доминирующей в блоке страной. Все остальные страны блока в рамках блоковой дисциплины должны были выполнять принятые решения.

Предположительно, по этим причинам изменения «веса» ведущих стран в мировом ВВП блоковый (а тем более имперский) мировой порядок после кризиса 2008 года не могут быть реализованы.

А наличие атомного оружия более чем у 20-ти стран делает дальнейшее строительство и последующее содержание за счет своих финансов военных блоков практически не нужным для стран, обладающих таким оружием. При этом возрастает опасность локальных и глобального ядерных конфликтов. Поэтому должна возрасти роль механизмов предупреждения и разрешения геополитических конфликтов.

4. Логическое прогнозирование облика четвертого (посткризисного) мирового порядка. Общее направление развития мирового порядка тоже было указано З.Бжезинским, который отметил, что если ранее геополитическое положение определялось экстенсивными факторами (размер территории, численность населения и т.п.), то в 21 веке геополитическое положение государства определяется и создается в сфере науки и технологий. Поэтому, вероятно, что четвертый мировой порядок будет демократическим (демократический мировой порядок). Это будет демократический мировой порядок на основе национального суверенитета государств, добровольного объединения в союзы на основе политических и экономических интересов, с использованием активных консультаций, коллегиального принятия решений участниками союзов.

Так как возрастает опасность локальных и глобального ядерного конфликта, то должна возрасти роль международных механизмов предупреждения и разрешения геополитических конфликтов.

Возможна новая сегментация стран мира по региональному, религиозному или другим признакам. В качестве геополитических сегментов могут рассматриваться не только геополитические пространства, но и технологические ниши в международном разделении труда, связанные с разработкой и производством определенных групп товаров и услуг.

В каждом из сложившихся геополитических сегментов (объединении тяготеющих друг к другу государств) отношения между суверенными странами могут строиться не на основе доминирования, а на основе привлекательности примера государственного устройства, так и на геополитическом лидерстве государства. Геополитическое лидерство государства заключается в его способности выдвинуть вдохновляющую программу совместного развития нескольких стран и их корпораций, сформировать видение, а потом и программу такого совместного развития. В таком геополитическом лидерстве большое значение может иметь научное, технологическое лидерство, высокий уровень образования.

На основе изменений лидерских позиций государств возможна оптимизация как размеров самих государств, так и союзов государств. Возможный алгоритм такой оптимизации может быть получен на основе совместных данных геополитологии, государствологии, экономической теории и науки о деньгах позволяет определить пределы формирования союзов государств (или составных государств). Можно утверждать, что включение новых территорий в составное государство (союз) оправдано до тех пор пока эффект масштаба (снижение себестоимости продукции, а следовательно, и увеличение прибыли, при увеличении объемов производства) производства для экономики метрополии (ядра межгосударственного образования) от включения новой территории превышает фактическое субсидирование этой территории за счет обращения на присоединяемой территории денежной единицы государств с более высоким уровнем производительности труда. При включении новых государств в союз экономика наиболее экономически развитой страны (например, Германии) с одной стороны получает преимущества от расширения Европейского Союза за счет увеличения рынка сбыта. Однако, деньги как мера стоимости – это эквивалент труда ассоциированных производителей. При этом в результате присоединения к более развитым странам, прожиточный минимум на менее развитой территории, исчисленный в более дорогой валюте на присоединенной территории возрастает. Поэтому, одновременно ведущая страна союза (Германия) вынуждена платить в рамках государственных финансов за масштабы расширения рынка, фактически осуществляя субсидирование менее развитых стран (Греции, Испании, Италии и др.) [10, с.6].

В условиях современной глобализации геополитическая конкуренция тесно связана с конкуренцией национальных экономик, мировым разделением труда. Эта конкуренция существует не столько между странами, сколько между транснациональными воспроизводственными системами, которые существуют в рамках объединения стран этой категории. Эти системы объединяют национальные системы образования, развития науки, накопления капитала и транснациональные производственные и финансовые системы в масштабах мирового рынка (ТНК, глобальные финансовые монополии, наднациональные органы регулирования)

Страны, не входящие в мировую элиту, образуют периферию, лишенную внутренней целостности, а потому не способную конкурировать, будут вынуждены платить интеллектуальную ренту. Эта рента аккумулируется в импортируемых другими странами товарах и услугах, она включает природную ренту и затраты труда, содержащиеся в экспортируемых сырьевых и низкотехнологических товарах [11, с.70; 10, с.15].

В статье исследованы особенности геополитического кризиса и антикризисного управления в 2015 году, развиваются методические положения науки о геополитике- геополитологии, исследованы особенности кризиса, факторы прогнозирования и основные черты облика посткризисного мирового порядка.

Литература

1. Современная теория глобализации: экономические очерки/ Колл. авторов под ред. Б.А. Денисова. – М., ГУУ, 2002, с.3-6.
2. Глущенко В.В. Риски инновационной и инвестиционной деятельности в условиях глобализации.- г. Железнодорожный, Московская область: ООО НПЦ Крылья, 2006. – 230 с.
3. Глущенко В.В. Финансовые риски в условиях глобализации - М.: Финансы и кредит, № 19 (221), 2006, с. 19-25
4. Глущенко В.В. Корпорации как субъекты управления геополитическим риском инвестиционной деятельности в условиях глобализации М.: ГУУ, Вестник ГУУ, №1(14), 2006, с. 201-212
5. Глущенко В.В. Государство как геополитическая публичная корпорация в условиях постиндустриального глобального мира - М.: Национальные интересы: приоритеты и безопасность № 7(16), 2007, с.
6. Глущенко В.В. Технологическая теория денег: деньги, денежная система, финансы, кредит, банки – М.: ИП Глущенко Валерий Владимирович, 2009. – 64 с.
7. Глущенко В.В. Наука о деньгах: технологическая теория денег. - г. Москва: ИП Глущенко Валерий Владимирович, 2012. – 88 с., ISBN 978-5-904542-12-2
8. З. Бжезинский Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2003. – 250 с.
9. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Структуры мирового порядка: историческая типология: Космополис. – 2008. – №1(20).
10. Глущенко В.В. Государствология и правология (наука о государстве и праве - общая теория государства и права): кризисология государства, государственное антикризисное управление. - М.: ИП Глущенко Валерий Владимирович, 116 с.
11. Сапожникова Н.Т. Процесс глобализации и международные монополии / Современная теория глобализации: экономические очерки. – М.: ГУУ, 2002, с.63-75.

References

1. Sovremennaya teoriya globalizatsii: ehkonomicheskie ocherki/ Koll. avtorov pod red. B.A. Denisova. – M., GUU, 2002, s.3-6.
2. Glushchenko V.V. Riski innovatsionnoj i investitsionnoj deyatel'nosti v usloviyah globalizatsii.- g. ZHeleznodorozhnyj, Moskovskaya oblast': OOO NPC Kryl'ya, 2006. – 230 s.
3. Glushchenko V.V. Finansovye riski v usloviyah globalizatsii - M.: Finansy i kredit, № 19 (221), 2006, s. 19-25
4. Glushchenko V.V. Korporatsii kak sub"ekty upravleniya geopoliticheskim riskom investitsionnoj deyatel'nosti v usloviyah globalizatsii M.: GUU, Vestnik GUU, №1(14), 2006, s. 201-212
5. Glushchenko V.V. Gosudarstvo kak geopoliticheskaya publichnaya korporatsiya v usloviyah postindustrial'nogo global'nogo mira - M.: Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' № 7(16), 2007, s.
6. Glushchenko V.V. Tekhnologicheskaya teoriya deneg: den'gi, denezhnaya sistema, finansy, kredit, banki – M.: IP Glushchenko Valerij Vladimirovich, 2009. – 64 s.
7. Glushchenko V.V. Nauka o den'gah: tekhnologicheskaya teoriya deneg. - g. Moskva: IP Glushchenko Valerij Vladimirovich, 2012. – 88 s., ISBN 978-5-904542-12-2
8. Z. Bzhezinskij Velikaya shahmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. – 250 s.
9. Sergeev V.M., Kazancev A.A. Struktury mirovogo poryadka: istoricheskaya tipologiya: Kosmopolis. – 2008. – №1(20).
10. Glushchenko V.V. Gosudarstvologiya i pravologiya (nauka o gosudarstve i prave - obshchaya teoriya gosudarstva i prava): krizisologiya gosudarstva, gosudarstvennoe antikrizisnoe upravlenie. - M.: IP Glushchenko Valerij Vladimirovich, 116 s.
11. Sapozhnikova N.T. Process globalizatsii i mezhdunarodnye monopolii / Sovremennaya teoriya globalizatsii: ehkonomicheskie ocherki. – M.: GUU, 2002, s.63-75.

Матвеева Е.В.¹, Несова Е.В.²¹Доктор политических наук, ²аспирант, Кемеровский государственный университет**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ***Аннотация*

В статье исследуется природоохранная деятельность органов власти, общественных организаций и бизнеса в вопросах решения региональных экологических проблем (на примере Кемеровской области). Экологическая политика Кемеровской области анализируется с учетом особенностей промышленного производства региона.

Ключевые слова: деятельность природоохранная, охрана окружающей среды, экологическая политика, региональные органы власти, общественные организации, бизнес, Кемеровская область.

Matveeva E.V.¹, Nesova E.V.²¹PhD in Political Science, ²postgraduate student, Kemerovo state University**REGIONAL ENVIRONMENTAL POLICY:
THE EXPERIENCE OF THE KEMEROVO REGION***Abstract*

This article examines the environmental activities of government authorities, public organizations and business in solving regional environmental problems (on the example of Kemerovo region). Environmental policy of the Kemerovo region is analyzed with consideration of the peculiarities of industrial production of the region.

Keywords: the activities of environmental protection, environmental protection, environmental policy, regional authorities, public organizations, business, Kemerovo region.

Одним из основополагающих элементов регионального развития в XXI в. выступает эффективная экологическая политика. Однако далеко не всегда усилия региональных органов власти, общественности, бизнеса несут в своей основе исключительно положительную динамику. Нередко результативность экологических проектов и программ зависит от специфики промышленного производства региона, которая, в свою очередь, затормаживает стабилизацию состояния экологических показателей в регионе. К таким регионам относится Кемеровская область, основой экономики которой является угледобыча и отрасли производства (энергетика, химическая промышленность, черная и цветная металлургия), связанные в большей или меньшей степени с углем.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области в 2013 году индекс промышленного производства составил 100,3 % по отношению к 2012 году. По объему промышленного производства Кемеровская область занимает одно из ведущих мест в Российской Федерации, причем доля отраслей, производящих сырье и промежуточные продукты, составляет в Кузбассе 56 %, тогда как в западных регионах России этот показатель не превышает 14 % [1].

Важнейшей целью региональной экологической политики является создание условий для формирования благоприятной среды жизнедеятельности людей и модернизации процессов природопользования. Кроме того, экополитика направлена на проведение экологической экспертизы проектов (нового строительства, реконструкции, расширения объектов хозяйственной деятельности), районных планировок и через соответствующие органы – контроль за соблюдением правил и норм рационального природопользования. Основной задачей регионального государственного экологического надзора выступает наблюдение за состоянием окружающей среды, проверка выполнения планов и мероприятий по охране природы и соблюдение требований природоохранного законодательства.

В Кемеровской области деятельность государственных органов власти и общественных организаций наряду с Федеральным законом РФ от 10.01.2002 г. ФЗ–7 «Об охране окружающей среды» регламентируется Концепцией экологической политики Кемеровской области (2002) [4]. На сегодняшний день, Кемеровская область остается единственным регионом России реализующая комплексную, долгосрочную стратегию в данном направлении. В документе были определены основные направления экологической политики с учетом особенностей промышленного производства региона: принципы и приоритеты восстановления и сохранения биологического разнообразия в условиях высокой антропогенной нагрузки на экосистемы региона, влияние экологической обстановки на здоровье населения, факторы снижения техногенного воздействия на окружающую среду, проблемы и пути их решения в вопросах рационального природопользования. Появление Концепции экологической политики Кемеровской области стало, на наш взгляд, ответом общественных организаций, бизнеса и органов власти на возросшие экологические угрозы в регионе. Опыт реализации региональной модели экологической политики в Кузбассе оказался весьма полезным и интересным для других регионов России. На сегодняшний день проведены различные межрегиональные и международные конференции (например межрегиональная конференция «Опыт разработки региональной экологической политики и гражданское общество», прошедшая 2-3 октября 2002 г. в г. Междуреченск), осуществляется издательская деятельность («Рекомендации по разработке концепции региональной экологической политики на примере реализации проекта «Разработка Концепции экологической политики Кемеровской области. Взаимодействие власти, бизнеса и общественности», «Опыт проведения общественных слушаний по приоритетам экологической политики Кузбасса», «Опыт проведения регионального конкурса малых грантов «Поддержка общественных инициатив в сфере экологии» и др.), что позволяет осуществлять знакомство с проектами направлениями работы, результатами и проблемами Кузбасса при одновременном ознакомлении с результатами работы в области природоохранной деятельности в других регионах России [2].

Примером сотрудничества и взаимодействия региональных органов исполнительной власти (Департамент природных ресурсов и экологии, Департамент лесного комплекса, Департамент по охране объектов животного мира Кемеровской области) стала совместная разработка и реализация долгосрочной целевой программы «Экология и природные ресурсы Кузбасса» на 2014–2017 годы.

В рамках региональной целевой программы «Экология и природные ресурсы Кемеровской области» из областного бюджета осуществляется поддержка общественных экологических движений (включая проведение ежегодной акции «Дни защиты от экологической опасности»). Так, в 2014 году при поддержке Департамента природных ресурсов и экологии были проведены общероссийские Дни защиты от экологической опасности – одно из важнейших природоохранных событий Кузбасса. Для повышения экологической ответственности в 2014 году проводился областной конкурс «Экологически ответственная компания» для предприятий, достигших наибольших результатов в обеспечении экологической безопасности.

В Кузбассе создана и успешно функционирует система непрерывного экологического образования и воспитания детей в дошкольных образовательных учреждениях, общеобразовательных школах, учреждениях дополнительного образования детей. Экологическим образованием и просвещением населения области занимаются и общественные организации Кузбасса. В программах «Юный эколог», «Наш дом – природа», «Игровая экология», «Экология для дошкольников» и др. ежегодно участвуют более 3 тысяч детей в 122 школах области, пополняя свои знания на факультативных занятиях и экологических акциях [5, с. 45]. Все более популярными становятся семейные экологические акции, направленные на экологическое воспитание молодого поколения (например стали областной конкурс 2014 г. «Семья. Экология. Культура»). Считаю, что данное направление работы среди детей и молодежи необходимо продолжать, расширяя количество участников и региональных охват учреждений, принимающих участие в данном направлении работы.

В числе наиболее острых экологических проблем региона следует отметить: выбросы парниковых газов в атмосферу, сбросы в водоемы загрязненных сточных вод с угольных промышленных предприятий, нарушение земель в результате хозяйственной деятельности промышленных предприятий [3]. Однако за последние несколько лет наметилась позитивная динамика в улучшении экологической ситуации.

Администрация Кемеровской области совместно с компанией «СУЭК Кузбасс» в г. Ленинске-Кузнецком реализуется проект по утилизации шахтного метана в угольной промышленности, а в Новокузнецком и Прокопьевском районах осуществляется освоение угольного метана (проект Администрации Кемеровской области и «Газпрома»).

Положительные примеры существенного сокращения выбросов в атмосферу парниковых газов наблюдаются в работе отдельных предприятий Кузбасса. Так, на Яйском нефтеперерабатывающем заводе предусмотрен замкнутый цикл водопользования и технологии. Сливно-наливные эстакады оснащены уловителями, чтобы исключить любые утечки. Такая технология соответствует самым жестким российским и международным экологическим нормам и стандартам.

В рамках рекультивационных мероприятий следует назвать создание памятников природы и заказников на территории области. В 2012 г. в одном из центров угледобычи в Беловском районе был создан Караканский заказник. В настоящее время в процессах сохранения благоприятных условий для флоры и фауны в Караканском заказнике принимают участие ученые из Кузбасса, Новосибирска, Томска. В 2013 г. в Новокузнецком районе создан первый памятник природы регионального значения «Кузедеевский».

Итогом многолетней работы являются статистические данные представленные на сайте общероссийской общественной организации «Зеленый патруль», согласно которым в 2008 г. Кемеровская область занимала 70 позицию среди 83 регионов, т. е. входила в группу регионов с самой неблагоприятной экологической ситуацией. В 2010 г. Кузбасс занимал 36 позицию, а в 2014 - начале 2015 г. – 42 позицию среди 85 регионов [6].

Подводя итог, следует отметить, что опыт Кузбасса в решении экологических проблем не является универсальным и единственно верным в обеспечении благоприятной экологической обстановки в регионах России, но при этом вполне может быть взят за основу в таких регионах, где получила развитие угольная промышленность (Челябинская область, Иркутская область, Красноярский край, республика Якутия). Однако, как было отмечено ранее, имеющиеся результаты по реализации Концепции экологической политики Кемеровской области представляют интерес не только для промышленных регионов, но и там, где остро стоят вопросы, связанные с загрязнением воздуха, водных и земельных ресурсов, следствием которого является ухудшение здоровья населения и рост смертности.

Литература

1. Департамент природных ресурсов и экологии Кемеровской области [Электронный ресурс] URL: http://kuzbasseco.ru/?page_id=4 (дата обращения 3.05.2015).
2. Разработка Концепции экологической политики Кемеровской области. Взаимодействие власти, бизнеса и общественности: итоги проекта // ЭКО-бюллетень ИнЭКА. – 2003. – № 1.
3. Матвеева Е. В. Экологическая политика в регионе: основные проблемы и способы их решения // Наука и современность. – 2010. – № 1-2. – С. 11-16.
4. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 г. ФЗ-7 (ред. от 21.07.2014) // Российская газета. – 2002. – 12 января. – С. 6.
5. О состоянии и тенденциях развития гражданского общества в Кемеровской области: доклад // Общественная палата Кемеровской области. Кемерово, 2008. – 104 с.
6. Экологический рейтинг субъектов РФ [Электронный ресурс] URL: <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=261> (дата обращения 7.05.2015).

References

1. The Department of natural resources and ecology of the Kemerovo region [Elektronnyj resurs] URL: http://kuzbasseco.ru/?page_id=4 (data obrashhenija 3.05.2015).
2. Concept development of environmental policy of the Kemerovo region. The interaction of government, business and the public: the results of the project // ECO-Bulletin of INEC. – 2003. – No. 1.
3. Matveeva E. V. Environmental policy in the region: problems and ways of their solution // Science and modernity. – 2010. – No. 1-2. – P. 11-16.

4. About the environment: the Federal law of 10.01.2002 FZ-7 (edition of 21.07.2014) // Rossiyskaya Gazeta. – 2002. – 12 January. – P. 6.

5. On the state and trends of development of civil society in the Kemerovo region: report // the Public chamber of the Kemerovo region. Kemerovo, 2008. –104 p.

6. Environmental rating of subjects of the Russian Federation [Elektronnyj resurs] URL: <http://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskij-reyting-subektov-rf?tid=261> (data obrashhenija 7.05.2015).

Михайлова С.В.

Кандидат биологических наук,

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им.Н.И.Лобачевского

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ У МОЛОДЕЖИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Аннотация

В статье показано, что формирование здорового образа жизни молодежи, как интеллектуального потенциала России, является приоритетной задачей социального развития. На государственном уровне для формирования здорового образа жизни проводится разработка законов и нормативов, финансирование сфер здравоохранения, образования, культуры, досуга, окружающей среды. Государство принимает активное участие в создании условий, способствующих формированию здорового образа жизни каждого члена общества в т.ч. и студенческой молодежи. В работе дана характеристика показателей здоровья современных студентов.

Ключевые слова: государство, здоровый образ жизни, законодательство, охрана здоровья, студенты.

Mikhailova S.V.

PhD in Biology, Arzamas branch, N.I.Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ROLE OF THE STATE IN SHAPING YOUNG PEOPLE HEALTHY LIFESTYLE

Abstract

The article shows that the formation of a healthy way of life of young people, as the intellectual potential of Russia, is a priority of social development. At the state level for the formation of a healthy lifestyle is conducted to develop laws and regulations, financing of health, education, culture, leisure, the environment. The government has been actively involved in the creation of conditions conducive to a healthy way of life of every member of society, including and students. In this paper the characteristic of health indicators of modern students.

Keywords: state, a healthy lifestyle, legislation, health, students.

В процессе формирования потребности в здоровом образе жизни (ЗОЖ) возникает весьма сложная проблема – преломление психологического стереотипа в сознании людей, как взрослых, так и молодого поколения, воспитываемого ими. Советским гражданам в течение многих десятилетий навязывалось мнение о том, что их здоровье - это забота государства. Моделью поведения индивида по сохранению и укреплению здоровья в СССР была ориентация на лечение возникающих болезней, а не на их профилактику. Все граждане страны имели возможность на бесплатное медицинское обслуживание, оно было доступным и на него возлагалась ответственность за здоровье каждого члена общества, что в свою очередь, привело к снижению собственной инициативы заботиться о личном здоровьесбережении [1,2].

Как социальное явление формирование ЗОЖ объединяет два направления. Первое – это отношение к собственному здоровью и образу жизни самого индивида. Второе направление включает формирование ЗОЖ на государственном уровне и подразумевает соответствующую законотворческую деятельность, финансирование сфер здравоохранения, образования, культуры, досуга, окружающей среды [3,4]. Успех этих внедрений и действий значительно зависит от наличия и широкой пропаганды идеологии здорового образа жизни, направленной на сохранение здоровья и разумного к нему отношения [5,6].

Большее значение в формировании ЗОЖ молодого поколения отводится высшей школе, представляющий собой социальный институт, где происходит становление компетентного специалиста и полноценной социально активной личности, обладающей физическим и нравственным здоровьем и высокими эстетическими идеалами. Изучение студентами дисциплин о здоровье способствует формированию стереотипа «здоровый образ жизни» [2,7,8].

Во многом формирование стереотипа образа жизни зависит от семейного воспитания, т.к. первые навыки сохранения и укрепления здоровья дети получают в семье на примере родителей. Важно чтобы дети в семье обучались досуговой деятельности здоровьесберегающей направленности, обеспечивающей гармоничное развитие человека. В результате социологических исследований было определено ежегодное (с 2005 по 2014 гг.) увеличение численности поступающих в вуз студентов из неполных семей (у юношей - от 14,7 до 31,3%; у девушек – от 17,7 до 26,8%). Городских студентов из неполных семей на 13,4% больше, в отличие от студентов, проживающих в сельской местности. Среди последних распространенность табакокурения почти в три раза выше (24,4% и 7,7% (соответственно) [9,10].

В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 1999 г. N 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» государственная социальная поддержка оказывается в целях повышения уровня жизни малоимущих семей, а также малоимущих одиноко проживающих граждан; адресного использования бюджетных средств; усиления адресности социальной поддержки нуждающихся граждан, в т.ч. и студентов; создания необходимых условий для обеспечения всеобщей доступности и общественно приемлемого качества социальных услуг; снижения уровня социального неравенства; повышения доходов населения [4,11].

Степень заинтересованности людей по укреплению собственного здоровья оказывает высокое влияние на успех реализации мероприятий, направленных на формирование ЗОЖ. В последнее время государство и общественность

настойчиво стремиться переориентировать и оградить молодежь от вредных привычек, формируя с этой целью законодательную базу, например Федеральный закон РФ № 15-ФЗ от 23.02.2013 г. «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [1,4,11].

Проведенные исследования показали, что за период с 2005-2014 гг. распространенность табакокурения среди студентов уменьшилась: у юношей - на 12,2%, у девушек - на 6,2% [12]. Число курящих в настоящее время студентов составило 16,2% (23,3% - юношей, 8,7% - девушек).

Важной составляющей формирования ЗОЖ у молодежи является распространение моды на физически активный образ жизни, повышение интереса к систематическим занятиям физкультурой. Эти цели также определены в Федеральном законе РФ № 329-ФЗ от 04.07.2007 г. «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [11].

В целях сохранения и укрепления здоровья студентов требуется разработка и внедрение программы, направленной не только на формирование среди студентов мотивации к ЗОЖ, но и создание необходимых условий для оптимальной и благополучной жизнедеятельности, рекламировать престижный имидж спортивного стиля жизни, показать ценность собственного здоровья и здоровья окружающих [13]. Для повышения конкурентоспособности вуза и создания надлежащих условий для занятий спортом и укрепления здоровья студентов необходимо существенное развитие спортивной инфраструктуры [14,15].

С целью получения информации, необходимой для принятия обоснованных управленческих решений по укреплению здоровья детей, подростков и молодежи проводятся антропометрические скрининги в рамках общероссийской системы мониторинга состояния физического здоровья населения. Эти мероприятия способствуют своевременному выявлению отклонений и нарушений развития подрастающего поколения [11,16].

Структура процесса формирования здорового образа жизни впервые на законодательном уровне была обозначена в «Концепции развития здравоохранения до 2020 года» (2009). В ней отмечено, что наиболее важным является создание системы повышения мотивации всех членов общества (и граждан, и руководителей учреждений образования, и работодателей и др.) на ведение здорового образа жизни [1,4,11,17].

Для сохранения здоровья, повышение уровня знаний, информированности и практических навыков по ведению ЗОЖ у населения организованы и функционируют на базе региональных и муниципальных учреждений здравоохранения Центры здоровья. [18]. Профилактические медицинские осмотры студентов АФ ННГУ на базе Центра Здоровья позволяют своевременно диагностировать отклонения в состоянии здоровья. По результатам обследований 360 студентов, проведенных в 2014/15 гг., выявили, что 62,9% студентам необходимо повысить внимание к своему здоровью, им рекомендуется проведение оздоровительных и профилактических мероприятий. 20,3% студентов требуются серьезные мероприятия в отношении своего здоровья, т.е. проведение углубленной диагностики и лечение возможных заболеваний. И только 16,8% студентов имеют хорошее здоровье, не требующее дополнительных вмешательств [4,7,9].

В заключении можно отметить, что российским государством признается социальная значимость здоровья всех его граждан, в т.ч. и студентов. С целью формирования ЗОЖ разрабатывается широкая законодательная база, проводятся различные мероприятия, направленные на сохранение и укрепление здоровья каждого члена общества, на поддержание его долголетней активной жизни, а в случае утраты здоровья - предоставление ему медицинской помощи.

Литература

1. Бредихина Н.В. Ориентации населения на здоровый образ жизни: региональный аспект: автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Челябинск, 2006.
2. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И.В.Журавлева; Институт социологии РАН. М., 2012. 252 с.
3. Журавлева И.В. Почему не улучшается здоровье граждан // Вестник института социологии, 2012. № 6. С.163-176.
4. Михайлова С.В., Садретдинова И., Федосеева Я. Здоровье студентов – социальная ценность государства // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4
5. Новак Е.С.Здоровье студенческой молодежи как социальная проблема // Вестник ВолГУ. 2001. Серия 7. Вып. 1. С.125-132.
6. Агаджанян Н.А., Дегтярев В.П., Русанова Е.И. Здоровье студентов. М.: Российский университет дружбы народов, 1997. 199 с.
7. Михайлова С.В., Норкина Е.И., Глаголева К.С., Титова М.Н., Курдаева Э.А. Социально-биологические аспекты здоровья современных студентов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 430.
8. Жарова А.В. Формирование здоровья студентов вузов: монография / А.В. Жарова; под ред. Г.Н. Гончаровой, Н.А. Горбач. Красноярск; СибГТУ, 2006. 108 с.
9. Михайлова С.В., Денисов Р.А. Характеристика студентов из неполных семей // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 6-3 (38). С.9.
10. Калюжный Е.А., Кузмичев Ю.Г., Михайлова С.В. Особенности студентов из неполных семей // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. 2014. № 9 (13). С.13.
11. URL: <http://base.garant.ru>
12. Исследование распространенности табакокурения среди студенческой молодежи / С.В.Михайлова, Е.Норкина, Ю.Тремаскина, К.Глаголева // Исследования в области естественных наук. 2014. № 5 (29). С.5.
13. Медик В.А.,Осипов А.М. Университетское студенчество: образ жизни и здоровье. М.: Логос, 2003. – 200 с.
14. План мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2013-2020 гг. – Н.Новгород: ННГУ, 2013. – 105 с.

15. Ушакова Я.В. Здоровье студентов и факторы его формирования // Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского. 2007. № 4. С.197-202.
16. Методы изучения и оценки физического развития детей и подростков / Е.С.Богомолова, Ю.Г.Кузмичев, Н.А.Матвеева [и др.]; под ред. д.м.н.проф. Е.С.Богомоловой. Н.Новгород: Изд-во НижГМА, 2015. 92 с.
17. Шапошникова А.И. Перспективы финансирования системы здравоохранения в рамках концепции развития до 2020 года // Пространство экономики . 2009. №2-3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-finansirovaniya-sistemy-zdravoohraneniya-v-ramkah-kontseptsii-razvitiya-do-2020-goda> (дата обращения: 25.07.2015).
18. Приказ МЗ и соц.развития РФ от 19 августа 2009 г. N 597н «Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака».

References

1. Bredihina N.V. Orientacii naselenija na zdorovyj obraz zhizni: regional'nyj aspekt: avtoreferat dis. ... kandidata sociologicheskikh nauk : 22.00.06 / Cheljabinsk, 2006.
2. Zdorov'e studentov: sociologicheskij analiz / Otv. red. I.V.Zhuravleva; Institut sociologii RAN. M., 2012. 252 s.
3. Zhuravleva I.V. Pochemu ne uluchshaetsja zdorov'e grazhdan // Vestnik instituta sociologii, 2012. № 6. S.163-176.
4. Mihajlova S.V., Sadretdinova I., Fedoseeva Ja. Zdorov'e studentov – social'naja cennost' gosudarstva // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2015. № 4
5. Novak E.S.Zdorov'e studencheskoj molodezhi kak social'naja problema // Vestnik VolGU. 2001. Serija 7. Vyp. 1. S.125-132.
6. Agadzhanjan N.A., Degtarev V.P., Rusanova E.I. Zdorov'e studentov. M.: Rossijskij universitet družby narodov, 1997. 199 s.
7. Mihajlova S.V., Norkina E.I., Glagoleva K.S., Titova M.N., Kurdaeva Je.A. Social'no-biologicheskie aspekty zdorov'ja sovremennykh studentov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1. S. 430.
8. Zharova A.V. Formirovanie zdorov'ja studentov vuzov: monografija / A.V. Zharova; pod red. G.N. Goncharovoj, N.A. Gorbach. Krasnojarsk, SibGTU, 2006. 108 s.
9. Mihajlova S.V., Denisov R.A. Harakteristika studentov iz nepolnyh semej // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2014. № 6-3 (38). S.9.
10. Kaljuzhnyj E.A., Kuzmichev Ju.G., Mihajlova S.V. Osobennosti studentov iz nepolnyh semej // Jelektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal Kul'tura i obrazovanie. 2014. № 9 (13). S.13.
11. URL: <http://base.garant.ru>
12. Issledovanie rasprostranennosti tabakokurenija sredi studencheskoj molodezhi / S.V.Mihajlova, E.Norkina, Ju.Tremaskina, K.Glagoleva // Issledovaniya v oblasti estestvennykh nauk. 2014. № 5 (29). S.5.
13. Medik V.A., Osipov A.M. Universitetskoe studenchestvo: obraz zhizni i zdorov'e. M.: Logos, 2003. – 200 s.
14. Plan meroprijatij po realizacii programmy povyshenija konkurentosposobnosti FGBOU VPO «Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im.N.I.Lobachevskogo» sredi vedushhih mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh centrov na 2013-2020 gg. – N.Novgorod: NNGU, 2013. – 105 s.
15. Ushakova Ja.V. Zdorov'e studentov i faktory ego formirovaniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im.N.I.Lobachevskogo. 2007. № 4. S.197-202.
16. Metody izuchenija i ocenki fizicheskogo razvitiya detej i podrostkov / E.S.Bogomolova, Ju.G.Kuzmichev, N.A.Matveeva [i dr.]; pod red. d.m.n.prof. E.S.Bogomolovoj. N.Novgorod: Izd-vo NizhGMA, 2015. 92 s.
17. Shaposhnikova A.I. Perspektivy finansirovaniya sistemy zdavoohraneniya v ramkah koncepcii razvitiya do 2020 goda // Prostranstvo jekonomiki . 2009. №2-3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-finansirovaniya-sistemy-zdravoohraneniya-v-ramkah-kontseptsii-razvitiya-do-2020-goda> (data obrashhenija: 25.07.2015).
18. Prikaz MZ i soc.razvitiya RF ot 19 avgusta 2009 g. N 597n «Ob organizacii dejatel'nosti centrov zdorov'ja po formirovaniju zdorovogo obraza zhizni u grazhdan Rossijskoj Federacii, vključaja sokrashhenie potreblenija alkogolja i tabaka».

Страница

Опубликовать статью / Научный журнал

О компании:

Почта: editors@research-journal.org

МНИОЖ предоставляет возможность опубликовать свои научные достижения аспирантам, преподавателям вузов, студентам, лицам, имеющим ученую степень, общественным деятелям, деятелям культуры и образования, политикам, экономистам России, стран СНГ и дальнего зарубежья.

Получить актуальную информацию, задать вопросы и узнать свежие новости о Международном научно-исследовательском журнале Вы сможете на официальной странице ВКонтакте

<http://vk.com/public43173774>

Филина Н.В.

Студент, Санкт-Петербургский Государственный Университет

ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ**Аннотация**

В статье рассматривается происхождение и развитие политики мультикультурализма в целом и в Германии в частности в контексте крупномасштабной иммиграции, обусловленной мировой экономической ситуацией; обращается внимание на расхождения во взглядах на феномен мультикультурализма. В статье анализируется опыт Германии и отмечается возрастающая в политике европейских стран тенденция к поиску новых путей эффективного диалога между иммигрантами и коренным населением принимающей страны.

Ключевые слова: мультикультурализм, иммиграция, интеграция, ассимиляция, этнокультурная специфика.

Filina N.V.

Student, St. Petersburg State University

THE WHYS AND WHEREFORES OF THE POLICY OF MULTICULTURALISM IN GERMANY**Abstract**

The article considers the origin and development of the policy of multiculturalism in general and in Germany in particular in the context of a large-scaled immigration caused by the world economic climate, draws attention to the discrepancies in the views on the notion, analyses the German experience and mentions the increasing tendency in the policy of the European countries to find new ways of effective dialogue between the immigrants and the citizens of the host country.

Keywords: multiculturalism, immigration, integration, assimilation, ethnocultural specificity.

Multiculturalism is not a novelty. In fact it is known to have existed with varying degrees of activity through the history of the mankind. Nowadays multiculturalism is a tricky issue inseparable from that of large-scaled immigration from developing countries to the highly developed ones.

Discrepancies in views on multiculturalism emphasize its different aspects – political, ideological, social. Multiculturalism is either identified with the ethnic, lingual, religious and life varieties of the society or considered as an administrative-political practice and system of measures for supporting cultural variety; or a kind of doctrine, ideology; or integration and accommodation of one's cultural values to those of the host society; or the belief and practice of giving equal importance to each of the different cultures in a society [1]. But on the whole, multiculturalism promotes integration which does not imply any assimilation. The active usage of the term “multiculturalism” began in the 60s of the XXth c. in connection to the ethno-political and ethnocultural situation in Quebec, a province of Canada. The francophone Quebec's strive for separation led to the Canadian government's decision to keep to the policy of multiculturalism. As it stands in Article 27 of the Canadian Charter of Rights and Freedoms (1982): This Charter shall be interpreted in a manner consistent with the preservation and enhancement of the multicultural heritage of Canadians [2]. Australia and the USA also rely on the model of multiculturalism.

Speaking of the origins of multiculturalism in Western Europe and, in particular, in Germany, we must point out that throughout their long history West-European states had more or less homogeneous ethnic structure and did not face the necessity of mutual integration of various ethnic groups. The phenomenon of multiculturalism was connected on the whole with the worldwide process of globalization, which has strengthened both interrelation and interdependence of states since the second half of the XXth c.

According to the UN estimates of 2013, Germany ranks third (after the USA and Russia) among the countries with a large immigrant population, with the total number of about 9,8 mln. immigrants living on its territory [3]. Since the considerable number of immigrants are Muslims with their own ethnic identity, German multiculturalism faces problems. Now it seems to have been unobtrusive, rather disintegrating or isolating the immigrants, but not integrating.

The influx of immigrants to Germany reached its peak in the 60-70s of the XXth c. It was labour immigration for it gave the country a good supply of cheap, unskilled labour, the so-called “Gastarbeiters”. The immigration process was initiated by the government of the FRG when it signed the agreements with the governments of such countries as Italy, Spain, Greece, Republic of Yugoslavia and Turkey. After the energy crisis of 1973, which lowered the economic efficiency of Germany, the government of the FRG stopped hiring foreign unskilled workers [4, p. 228]. At that moment the number of immigrants of the Turkish origin in Germany reached 910 500 people [5]. According to the German politician and publicist Thilo Sarrazin, most “Gastarbeiters” returned to their home countries after some years of work in Germany. However, this was not typical of immigrants from Turkey. The largest part of Turkish immigrants decided to stay in Germany, and, moreover, about 900 thousand immigrants from Turkey obtained the right to reunite with their families and invite them to permanent residence in Germany [4, p.230]. Most of them have used this opportunity.

Today the group of immigrants in Germany consists not only of labour immigrants and their families, but also of refugees and asylum-seekers, most of them coming from the rebellious regions of the Middle East and Africa.

German multiculturalism as a policy of integration was adopted at the end of the 90s of the XXth c. From the very beginning, this policy did not put immigrants in the strict frameworks – they were neither obliged nor expected to completely assimilate – and, as a result, they did not strive and did not volunteer to make an inseparable part of the German society, to acquire a good knowledge of the German language, German history and traditions. In other words, the immigrants initially were not stimulated to play an active part in the life of the German society. This situation could not help resulting in disintegration instead of integration of immigrants.

In 2010, Chancellor Angela Merkel recognized the utter failure of German multiculturalism by saying that “the measures taken in order to implement multiculturalism in German society were not sufficient enough” [6]. At present, most of the European states which earlier kept to the policy of multiculturalism are refusing from this method of interrelations with immigrants and are in search of alternative ways of adjusting a dialogue between the immigrants and the power, the immigrants and the native citizens.

Литература

1. Малахов В. Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики // Российский Совет по международным делам, от 13.12.2012 URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1155#top (дата обращения: 20.07.2015).
2. Canada. Justice Laws Website. Constitution Act, 1982. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-15.html> (access date: 21.07.2015).
3. Пресс-релиз ООН по данным глобальной миграции от 11.09.2013. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (дата обращения: 24.07.2015).
4. Саррацин Т. Германия: самоликвидация. М.: Рид Групп, 2013. 400 с.
5. Ayça Kılıçlı Turkish migrants in Germany, Prospects of integration // Observatory of European Foreign Policy. – 2013. – № 16.
6. Sinico S., Kuebler M. Chancellor Merkel says German multiculturalism has 'utterly failed' // Deutsche Welle, 17.10.2010 URL: <http://www.dw.de/chancellor-merkel-says-german-multiculturalism-has-utterly-failed/a-6118859> (access date: 20.07.2015).

References*

1. Malahov V. Mul'tikul'turalizm v Zapadnoj Evrope: po tu storonu ritoriki // Rossijskij Sovet po mezhdunarodnym delam, ot 13.12.2012. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1155#top (data obrashhenija: 20.07.2015).
2. Canada. Justice Laws Website. Constitution Act, 1982. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/const/page-15.html> (access date: 21.07.2015).
3. Press-reliz OON po dannym global'noj migracii ot 11.09.2013. URL: http://www.un.org/ru/ga/68/meetings/migration/pdf/internationalmigrantsworldwide_totals2013.pdf (data obrashhenija: 24.07.2015).
4. Sarracin T. Germanija: samolikvidacija. M.: Rid Grupp, 2013. 400 s.
5. Ayça Kılıçlı Turkish migrants in Germany, Prospects of integration // Observatory of European Foreign Policy. – 2013. – № 16.
6. Sinico S., Kuebler M. Chancellor Merkel says German multiculturalism has 'utterly failed' // Deutsche Welle, 17.10.2010 URL: <http://www.dw.de/chancellor-merkel-says-german-multiculturalism-has-utterly-failed/a-6118859> (access date: 20.07.2015).

Хасанов Р.Ш.

Аспирант,

Пятигорский Государственный Лингвистический Университет

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ

Аннотация

В статье анализируются концепты и идеологические установки, лежащие в основе внешней политики современной Турции. Раскрывается содержание характерных для турецкого политического дискурса понятий, как «самовосприятие» (*ben-idraki*) и «центральное государство» (*merkez devleti*), которые отображают сущность трансформации внешнеполитической концепции Анкары, характеризующейся многовекторностью, проактивностью и ценностной ориентированностью.

Ключевые слова: современная внешняя политика Турции, «самовосприятие», «центральное государство», многовекторность.

Khasanov R.S.

Postgraduate student, Pyatigorsk State Linguistic University

PARADIGMATIC FOUNDATIONS OF MODERN TURKISH FOREIGN POLICY

Abstract

The author analyzes conceptual ideas underlying the foreign policy of modern Turkey. The author disclose the content of such specific to the Turkish political discourse concepts as "self-perception" (*ben-idraki*) and "center state" (*merkez devleti*), which represent the essence of the transformation of Ankara's foreign policy and its becoming multi-dimensional, proactive and value oriented.

Keywords: modern Turkey's foreign policy, "self-perception", "center state", multi-dimensional foreign policy.

Последние несколько лет в российской международно-политической науке наблюдается рост интереса исследователей к турецкой проблематике, причиной чему служит беспрецедентная со времен Мустафы Кемаля-Ататюрка активность Турецкой республики на международной арене, связанная с приходом к власти в 2002 году Партии справедливости и развития во главе с Р.Эрдоганом, а также назначением в 2009 году на пост министра иностранных дел А. Давутоглу, который сумел концептуально оформить новое внешнеполитическое мышление правящей политической элиты, при этом существенно обогатив ее своим собственным видением.

Цель данной статьи – проанализировать основные парадигмальные истоки новой внешнеполитической концепции Анкары.

Несмотря на полувековую политику «деосманизации», вестернизации и полное следование в фарватере Запада, в турецком обществе никогда не исчезали идеи об особой миссионерской роли Турции и турецкого народа, модернизированная Турецкая Республика всегда ощущала неразрывную связь с наследием Османской империи. В условиях биполярной системы международных отношений, Турция не могла проводить независимую внешнюю

политику на основе национальных интересов и следовала прозападному курсу в обмен на безопасность собственной территории.

Однако демонтаж биполярной системы международных отношений, следствием чего стало появление независимых тюркоязычных стран, а также попытками США переформатировать Ближний Восток, с которым Турцию связывают историческое прошлое, культурное и религиозное наследие, актуализировал процесс пробуждения османского самосознания Турции.

Первым, кто публично высказал необходимость трансформации «само-восприятия» («ben-idraki») Турции был экс-министр иностранных дел, нынешний премьер-министр Турции А. Давутоглу. Данный термин А. Давутоглу впервые употребил в 1993 году в своей книге «Альтернативные парадигмы» для критики кемалистского подхода во внешней политике. Несмотря на то, что данный термин редко употребляется во внешнеполитическом дискурсе, по мнению турецких политологов А. Бабаджи и М. Йешилташа, эта концепция нового «само-восприятия» является фундаментальной идеей и лежит в основе всех концептуальных трансформаций [1]. Как пишет сам А. Давутоглу, «само-восприятие» основано не на институциональной или формализованной внешней среде, а на личном мировоззрении, придающей бытию многозначительную смысловую нагрузку» [2].

Новая внешнеполитическая концепция А. Давутоглу сумела соединить в себе такие идеологические установки как евро-атлантическое партнерство, братство тюркоязычных народов, единение мусульман мира, нерушимая связь с османским прошлым и в то же время абсолютный прагматизм, стремление к экономическому благополучию.

Подобная многоликость идеологических установок и определила многовекторность новой внешней политики Турции.

В основе новой внешнеполитической концепции Турции лежит идея о «центральном государстве» («merkez devleti»), впервые высказанная А. Давутоглу в своем фундаментальном труде «Стратегическая глубина», ставшей теоретико-методологической базой новой турецкой внешней политики. Данный термин А. Давутоглу употребляет в двух аспектах. Первый аспект связан с критикой общепринятой формулы позиционирования Турции как «моста» между Западом и Востоком. По мнению А. Давутоглу, «термин моста не описывает Турцию в качестве самостоятельного игрока, а означает то, что Турция, позиционируя себя как западная страна, пытается апеллировать западными ценностями в отношениях с Востоком, а как восточная страна несет в себе отрицательные черты восточного мира в отношениях с Западом» [3]. Второй аспект связан с трансформацией системы международных отношений, а точнее отсутствием таковой после распада биполярной. В таких условиях, по мнению А. Давутоглу, Турция не может являться неким «звеном в цепочке трансмиссии», а должна выступать в качестве самостоятельного игрока, способного строить подобную систему через многовекторность внешней политики [4]. Таким образом, концепция «центрального государства» это не географический термин, а новый геополитический подход в условиях глобальных изменений, который содержит в себе исторический, культурный и религиозный базис [5].

Другой фундаментальной идеей, часто встречающейся в турецком политическом дискурсе, является труднопереводимая на русский язык концепция «ориентированной на собственное видение политики» (viziyon odaklılık). Суть данной идеи заключается в активном участии Турции в международных кризисах, в особенности, в процессе их разрешения, в противовес старой концепции «ожидания-наблюдения» («wait and see»). Данный концепт включает в себя два компонента. Первый заключается в том, что Турция должна принимать участие в разрешении того или иного регионального конфликта, затрагивающего интересы Турции, с самого возникновения данного конфликта. Второй компонент подразумевает то, что Турция должна активизироваться в тех регионах, где практически нет конфликтов и кризисов, и в отношении которых Турция раньше не развивала свою политику [6]. Среди таких регионов называлась Африка, Латинская Америка и Восточная Азия. Практическим результатом такой политики стала безоговорочная поддержка Турции в качестве члена Совета Безопасности ООН на 2009-2010 гг. всеми африканскими странами.

В турецком политическом дискурсе также активно фигурирует т.н. ритмичная дипломатия (rhythmic diplomacy), которая не получила концептуального выражения в теории международных отношений, тем не менее ею активно апеллируют турецкие исследователи и официальные представители МИДа Турции. В понимании турецких экспертов ритмичная дипломатия – это тактическая внешнеполитическая деятельность, предусматривающая одновременное и гармоничное использование дипломатических инструментов в разных сферах. Ритмичная дипломатия предусматривает активное участие Турции во всех международных межправительственных организациях, членом которых она является, в обсуждении всех глобальных проблем и т.д. [7] По мнению А. Бабаджи и М. Йешилташа, это позволило Турции встроить «дипломатическое статичное видение в динамически меняющуюся среду, а также шаг за шагом принимать правильные решения, даже в условиях давления, осуществляя правильные расчеты без потери концентрации» [8]. Другим важным аспектом данной дипломатии является одновременное применение маневренности и стройности (согласованности). «Если есть маневренность, но нет гармонии, это ведет к хаосу. Резкие скачки могут привести к ненужным рискам. Но если у вас есть стройность, но нет маневренности, тогда вы не продвинетесь ни на шаг», – отметил в одном из своих интервью А. Давутоглу [9].

Необходимо отметить, что многовекторная внешняя политика, установка «Ноль проблем с соседями», «мягкая сила» и другие идейные концепты являются успешными проводниками экономической экспансии Турции. Осознавая сложность конкурирования собственных товаров в западных странах, Турция обратила свой взор на Ближний Восток, Африку, Кавказ и Центральную Азию. Заметный экономический подъем последних 10 лет стал возможен только благодаря успехам многовекторной «миротворческой» внешней политики, обеспечившей турецким бизнес-элитам огромные возможности для освоения рынков развивающихся стран.

Идея превращения Турции в мировую державу для турецкого истеблишмента является одной из главных внешнеполитических задач. Определенные успехи на международной арене «окрылили» турецкое руководство, которое, даже в условиях недостаточности ресурсов, активно вовлекается во все международные процессы и события, пытаясь продвигать турецкие интересы. Несмотря на сложную внутривластную обстановку, сложившуюся после

июньских выборов, маловероятны существенные корректировки текущей внешнеполитической стратегии Турции. Активное вовлечение Турции в мировые процессы и укрепление ее роли на региональном и глобальном уровне является запросом большинства граждан Турции, с чем придется считаться любой партии или коалиции, которая может прийти к власти в результате сложных внутривнутриполитических коллизий.

Литература

1. M. Yeşiltaş, A. Balcı. AK Parti Dönemi Türk Dış Politikası Sözlüğü: Kavramsal Bir Harita / B i l g i. – 2011. – № 23. – S.7.
2. A. Davutoğlu. Medeniyetlerin Ben-İdraki/ Divan: İlmi Araştırmalar Dergisi. – 1997. – № 1. – S.10.
3. A. Davutoğlu. Türkiye Merkez Ülke Olmalı / [Электронный ресурс] // Radikal. – 2004. – Режим доступа: www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581
4. A. Davutoğlu. Türkiye Merkez Ülke Olmalı / [Электронный ресурс] // Radikal. – 2004. – Режим доступа: www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581
5. M. Yeşiltaş, A. Balcı. AK Parti Dönemi Türk Dış Politikası Sözlüğü: Kavramsal Bir Harita / B i l g i. – 2011. – № 23. – S.9.
6. Ahmet Davutoğlu, “Kriz Odaklı Değil Vizyon Odaklı Dış Politika”, (Interview with M. Mücahit Küçükıymaz) / *Anlayış*. – 2005. – №5. – S.12.
7. Ahmet Davutoğlu, “Türkiye’yi Markalaştıran ‘Ritmik Diplomasi’”, (Interview with Baki Günay) / *Siyaset*. – 2005. – №7. – S.12.,
8. M. Yeşiltaş, A. Balcı. AK Parti Dönemi Türk Dış Politikası Sözlüğü: Kavramsal Bir Harita / B i l g i. – 2011. – № 23. – S.11.
9. Ahmet Davutoğlu, “Türkiye’yi Markalaştıran ‘Ritmik Diplomasi’” (Interview with Baki Günay) / *Siyaset*. – 2005. – №7. – S.13.

Штанько М.А.

Кандидат философских наук, Томский политехнический университет

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНД КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМИДЖА

Аннотация

В статье проанализирована возможность конструирования имиджа государства в рамках брейдингового подхода С. Анхольта. Охарактеризована специфика национального бренда как основы государственного имиджа. Выделены особенности данного процесса конструирования имиджа. Материал может быть использован для дальнейших научных исследований в области политической имиджологии и социального конструирования.

Ключевые слова: национальный бренд, имидж, конструирование, государство.

Shtanko M.A.

PhD in Philosophy, Tomsk Polytechnic University

NATIONAL BRAND AS THE BASIS OF STATE IMAGE

Abstract

The article analyzes the possibility of constructing the image of the state in the framework of the approach breydingovogo S. Anholt. Characterized by the specificity of the national brand as the foundation of the state's image. The features of the process of constructing the image. The material can be used for further research in the field of political and social construction imageology.

Keywords: national brand, image, design, state.

Проблема конструирования государственного имиджа не является новой для политической науки [1]. На протяжении всей мировой истории правители были заинтересованы в том, чтобы их страна воспринималась определенным образом (как правило, в качестве сильного и мощного союзника) и являлась центром мира.

По мере развития политического знания, выделяется несколько подходов, в рамках которых анализируется процесс конструирования имиджа страны. Наиболее интересным из них, на наш взгляд, является брендинговый подход, который придает категории «бренд» значение социального/культурного элемента, а не товара/услуги, а самое понимание «имидж государства» приравнивается к пониманию «бренд государства». Таким образом, бренд страны становится ее основным капиталом, который, по мнению С.Анхольта, выступает как стратегический подход к развитию государственного преимущества и видения того, куда страна может двигаться [2].

Все большее значение в этих условиях начинает играть национальный бренд государства, который объединяет нацию общим чувством осмысленности и национальной гордостью, стимулирует движение к общим идеалам и целям, а также способствует распространению информации о государстве, которая, в первую очередь, должна улучшить общественное мнение о данной стране и, как следствие, способствовать ее развитию.

Концепция национального бренда предполагает в своей основе идентичность, которая направлена на осознание человеком своей принадлежности к определенной нации. Это позволит негражданам данного государства идентифицировать себя в качестве граждан и будет стимулировать их на поддержание «своего» государства и его развитие.

Источником такой идентичности является социокультурный комплекс, формирующий в общественном сознании систему представлений об определенном народе и, следовательно, - государстве. Таким образом, для формирования эффективного национального бренда, необходимо, во-первых, определить содержание социокультурного комплекса, который будет вызывать ассоциации с конструируемым брендом. Во-вторых, необходимо определить идентичность

бренда и визуализировать его в практико-применимом формате. И, наконец, в-третьих – нужно коммуницировать и проецировать идентичность соответствующим путем [3].

Процесс трансляции национального бренда, безусловно, носит массовый характер и осуществляется через каналы, которые позволяют охватить как можно большую социальную аудиторию. Считается, что наиболее эффективными каналами такого рода являются: внешняя политика, инвестиционная политика, туризм, кинематограф и литература. Именно через них формируются ответы на два основных вопроса: «Что такое это государство?» и «Что думают об этом государстве в мире?». Следует заметить, что представление об особенностях экономики, политики и культуры в целом позволяет получить ответ на эти вопросы и способствует конструированию устойчивого государственного имиджа.

В основе национального государственного бренда могут лежать ключевые идеи разной направленности: талантливый народ, который придает особую ценность административно-территориальной единице; ложная информация, которая долгое время распространяется враждебно настроенными государствами; исключительные перспективы государственного развития, которые могут быть достигнуты только представителями определенной нации и др. Вне зависимости от того, какая идея будет выбрана, следует помнить о том, что важно целенаправленно и систематически продвигать ее в мировое сообщество. Этот процесс требует максимальной слаженности и систематичности. Всего лишь одно событие, выпадающее из общей концепции бренда, приведет к разрушению целостного образа страны. Именно поэтому, процессу трансляции государственного бренда всегда предшествует кропотливая аналитическая работа, которая позволяет понять, какие представления о данном государстве существуют в мире в настоящее время, определить основных носителей данных представлений и выяснить причины формирования данных представлений.

В целом, национальный бренд определяется восприятием страны по 6 факторам: туристическая привлекательность, человеческий капитал, качество экспортируемых товаров, справедливость правительства, привлекательность культуры и спорта, инвестиционная привлекательность и привлекательность страны как места проживания. Данные факторы образуют Шестиугольник Национальных брендов, который иллюстрирует основные области влияния на национальный бренд, а также объясняет процесс конструирования бренда [3].

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что особенность национального бренда заключается в том, что он позволяет приобщить к формированию эффективного имиджа страны людей через идентификацию их с гражданами данного государства. Осознание себя в качестве полноценного участника страны будет способствовать не только формированию нужного государственного имиджа, но и развитию сотрудничества во всех сферах общественной жизни.

Литература

1. Штанько М.А. Генезис проблемы конструирования политической реальности в философской традиции. // Известия Томского политехнического университета. - 2008. - №6. - Т. 313. - С. 113 – 120.
2. Анхольт С. Создание бренда страны. // Бренд-менеджмент. - №1. - 2007. - С. 57-64.
3. Anholt S. Branding Places and Nations. / Clifton, R., Simmons, J. & Ahmad S. (eds), Brands and Branding, Princeton, NJ: Bloomberg Press, London, 213-226.

References

1. Shtan'ko M.A. Genesis of the problem of constructing political reality in philosophical tradition. // Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta. - 2008. - №6. - T. 313. - S. 113 – 120.
2. Anhol't S. Sozdanie brenda strany. // Brend-menedzhment. - №1. - 2007. - S. 57-64.
3. Anholt S. Branding Places and Nations. / Clifton, R., Simmons, J. & Ahmad S. (eds), Brands and Branding, Princeton, NJ: Bloomberg Press, London, 213-226.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / SOCIOLOGY**Башмаков И.С.**Кандидат политических наук, Кубанский государственный университет
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ**Аннотация**

В статье дается оценка традиционной культуре адыгских (черкесских) обществ до середины XIX века с точки зрения ее влияния на окружающую среду, а также выясняется значение духовных, хозяйственных и бытовых традиций коренного населения Северо-Западного Кавказа для современного устойчивого развития региона.

Ключевые слова: экологические традиции, традиционная культура адыгов, устойчивое развитие региона.

Bashmakov I. S.¹

PhD in Political Science, Kuban State University

ECOLOGICAL IMPORTANCE OF CIRCASSIAN TRADITIONAL CULTURE**Abstract**

The article estimates the traditional culture of circassian society until the middle of the XIX century in terms of its ecological influence, as well as reveals the importance of spiritual, economic and household traditions of indigenous Northwest Caucasus population for the contemporary sustainable development of the region.

Keywords: ecological traditions, Circassian traditional culture, sustainable development of the region.

Иntenсивное хозяйственное и промышленное освоение территории Северо-Западного Кавказа с конца XIX и в течение всего XX века негативным образом сказалось на состоянии экологии этого региона. Были разрушены и изменены многие естественные экологические системы и ландшафты, бездумно и нерационально расходовались богатые природные ресурсы, в разы увеличилось загрязнение окружающей среды, истреблялась флора и фауна региона. Кроме того, изменились привычки, взгляды, потребности, образ жизни и состав местного населения, были забыты многие местные традиции, среди которых немаловажное место всегда занимала традиция благожелательного отношения к окружающей среде.

Интерес представляет характер взаимоотношений коренного населения Северо-Западного Кавказа, то есть адыгских (черкесских) обществ, до середины XIX века с окружающей средой. Исследования религиозных верований, норм права, хозяйственной деятельности, особенностей быта и систем питания западно-кавказских горцев позволяет сделать вывод о том, что традиционные формы жизнеобеспечения в целом способствовали сохранению окружающей природы, ее рациональному использованию и почитанию. Народы Северо-Западного Кавказа умело адаптировались к экологической среде, стремились к гармонии в отношении с природой, умело использовали ее блага для собственных нужд.

В мифологических представлениях адыгов, которые сохранялись даже в период распространения ислама, природа занимала важнейшее место. Коренные жители Северо-Западного Кавказа считали, что весь окружающий мир и природа одухотворены, у деревьев имеются души, а леса и рощи являются живыми существами. Древние адыги помещали дерево в центр своей картины мира. Представления о священном дереве можно встретить в адыгском эпосе «Нарты» [1, 2]. Кроме того, у народов Северо-Западного Кавказа имелась богиня – покровительница деревьев, а также божество леса и охоты [3]. Особую роль в мифологии горских народов Кавказа занимал культ священных лесов и рощ, а также отдельных деревьев, например старых дубов. Леса и рощи, окружавшие поселения адыгов, вплоть до второй половины XIX века выполняли функцию общественных святилищ и мест поклонений, в них проходили важные собрания и праздники. Они охранялись, нанесение вреда лесу было серьезным преступлением, кара могла настичь человека и его потомство. Так, считалось, что отрубленный сук лишает преступника жизни. Срубленное дерево влекло за собой уничтожение всего рода, а истребленная роща – гибель всего племени, которому она принадлежала [4].

Кроме лесов и деревьев, священными считались некоторые животные, земля, озера, реки и горы, другие природные объекты. Среди сакральных животных адыгов можно назвать кабана, оленя, собаку или волка, воспринимавшихся в качестве прародителей и покровителей племени. Паук также выступал в качестве тотемного насекомого адыгов, его исключительно почитали и строго запрещали убивать, на убийство паука налагалось табу [5]. В целом отношение к природе у народов Кавказа было благоговейное. Как отмечают Махотлова М.А., Шауцукова Л.Х., «самое главное качество в системе «человек-природа» в традиционной культуре адыгов можно сформулировать как «сохраняющее сознание», являющееся важнейшим компонентом отношения к миру вообще. Природа в ее контексте – полноправный участник диалога. Главное при этом – уровень не «субъект-объект», а «субъект-субъект», то есть уровень признания «самости» природы...» [6]. Как и духовная жизнь этим принципам строго подчинялась хозяйственная деятельность адыгов и других народов Северо-Западного Кавказа.

Основными занятиями черкесов были земледелие, скотоводство и садоводство. Также занимались они пчеловодством, рыболовством, охотой и различными ремеслами. Народы Северо-Западного Кавказа были искусными земледельцами. Они возделывали различные виды сельскохозяйственных культур и получали хорошие урожаи. При этом использовали орошаемое земледелие, а в горных районах террасирование склонов, соблюдая правила природопользования. Например, причерноморские убыхи, шапсуги и джигеты оберегали от вырубок леса, непосредственно прилегавшие к береговой линии и защищавшие их сады и поля от воздействия губительных туманов и холодных морских ветров, особенно в период цветения фруктовых деревьев [4]. Адыги заботились о том, чтобы сохранить вокруг обрабатываемых полей деревья для их защиты и удержания влаги, оставляли посреди полей самые красивые деревья [6]. В местах выхода источников насаждали целые чащи деревьев для защиты от высыхания в летнее время [7]. Развитое земледелие у горцев Северо-Западного Кавказа сочеталось с сохранением и даже

искусственным насаждением лесов. Они никогда не очищали для посевов большие площади леса. Благодаря соблюдению этих принципов, развитие подсечного земледелия в течение нескольких веков не привело к уничтожению леса. Значительная часть территории занята шапсугами, натухайцами и абадзехами была покрыта лесом вплоть до середины XIX века [7].

Очень большое значение для черкесов имело садоводство. В лесах путем прививания культурных сортов на диких фруктовых деревьях устраивались своеобразные лесо-сады. Формировались сады и виноградники по течению рек и в приморской полосе. Согласно вере убыхов, только тот, кто посадил не меньше 50 деревьев, мог рассчитывать попасть в рай [4]. Если в семье рождался ребенок, то в его честь сажали дерево в саду [8]. Правила природопользования у адыгов соблюдались и на охоте, запрещалось убивать больше животных, чем это было нужно для пропитания. Используя ресурсы окружающей их природной среды, западнокавказские горцы тем не менее сохраняли естественные ландшафты, флору и фауну, брали не больше, чем им было нужно для собственного выживания.

Быт адыгов также являлся весьма экологичным. Так, в качестве топлива использовались только сушняк, поваленные деревья, высохшие кустарники. В строительстве горцы применяли незначительное количество дерева, больше использовались такие природные материалы как глина, солома, камыш. Дома у адыгов были небольшими, турлучного типа постройками. Для производства предметов домашнего обихода также в основном использовались естественные материалы. Кроме того, скромными были пищевые привычки горцев. Адыги, как и другие кавказские народы, были умеренными и нетребовательными в еде, из мяса употребляли баранину, которая в основном входила в рацион знати. Черкесы руководствовались принципом минимального насыщения, предусматривавшим стоическое терпение и выдержку в преодолении чувства голода. Они считали чревоугодие греховным. Излишнее гурманство осуждалось, а эстетическим идеалом как у мужчин, так и у женщин являлась стройная, подтянутая фигура [9]. Можно предположить, что подобный рацион в совокупности с постоянной физической нагрузкой, чистой природной средой и отсутствием вредных химикатов в быту и пище способствовали сохранению здоровья и долголетию адыгов, которое распространено в некоторых сельских и горных районах Кавказа и в настоящее время.

Присоединение территории Северо-Западного Кавказа к Российской империи, последующая индустриализация и модернизация изменили характер отношений человека и природы. Ухудшилось не только состояние окружающей среды, но и здоровье человека, была потеряна естественная и священная связь с природой. Очевидно, что сохранение и возрождение традиций бережного отношения к природе, прослеживающихся в материальной и духовной культуре народов Кавказа, имеет большое значение для улучшения состояния экологии этого уникального этнокультурного и природного региона. Распространение сведений об особенностях быта, хозяйства и миропонимания народов Кавказа через систему образования, научно-популярные издания и СМИ будет способствовать повышению экологической культуры местного населения, увеличению интереса к родной природе и традициям предков. Дальнейшее изучение этнической экологии Кавказского региона может обогатить наши знания в области рационального природопользования, экологии человека и сельского хозяйства. Экологические традиции коренного населения могут стать основой для идеологии устойчивого развития региона и местных сообществ, послужить фундаментом для создания экологических поселений, разработки интересных и перспективных социально-экологических проектов.

Литература

1. Кудяева З.Ж. Символика Центра в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – №2. – С. 1.
2. Кук А.С. Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2013. – №2(121). – С. 4.
3. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 215, 357.
4. Ворошилов В.И. История убыхов. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2008. С. 129.
5. Бетрова М.А. К вопросу о ранних формах религиозных верований адыгов (черкесов) // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – Вып. 12. – С. 39.
6. Махотлова М.А., Шауцукова Л.Х. Рукотворный ландшафт в адыгской культурной системе // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2010. – № 2. – С. 92.
7. Гарданов В.К. Земледелие у адыгов в XVIII – первой половине XIX века. – С. 76. [Электронный ресурс] URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1965/Gardanov_1965_4.pdf (дата обращения 15.07.2015).
8. Иванова В.Р. Этнокультурный опыт адыгов как компонент экологического воспитания младших школьников. – С. 4. [Электронный ресурс] URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2014/04/3333.pdf> (дата обращения 16.07.2015).
9. Миртов М.А. Этнокультурные особенности потребления традиционного социума адыгов // Новые технологии. – 2012. – №1. – С. 3.

References

1. Kudaeva Z.Zh. Simvolika Centra v mifopojeticheskijh vozzrenijah adygov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. – 2012. – №2. – S. 1.
2. Kuek A.S. Svjashhennoe derevo v mifopojeticheskijh vozzrenijah adygov // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie. – 2013. – №2(121). – S. 4.
3. Mifologicheskij slovar' / Gl. red. E.M. Meletinskij. M.: Sov. jenciklopedija, 1991. S. 215, 357.
4. Voroshilov V.I. Istorija ubykhov. Majkop: OAO «Poligraf-Jug», 2008. S. 129.
5. Betrozova M.A. K voprosu o rannijh formah religioznyh verovanij adygov (cherkesov) // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. – 2010. – Vyp. 12. – S. 39.
6. Mahotlova M.A., Shaucukova L.H. Rukotvornyj landshaft v adygskoj kul'turnoj sisteme // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. – 2010. – № 2. – S. 92.
7. Gardanov V.K. Zemledelie u adygov v XVIII – pervoj polovine XIX veka. – S. 76. [Jelektronnyj resurs] URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1960s/1965/Gardanov_1965_4.pdf (data obrashhenija 15.07.2015).

8. Ivanova V.R. Jetnokul'turnyj opyt adygov kak komponent jekologicheskogo vospitaniya mladshih shkol'nikov. – S. 4. [Elektronnyj resurs] URL: <http://econf.rae.ru/pdf/2014/04/3333.pdf> (data obrashheniya 16.07.2015).

9. Mirtov M.A. Jetnokul'turnye osobennosti potrebleniya tradicionnogo sociuma adygov // Novye tehnologii. – 2012. – №1. – S. 3.

Блохин И.Н.

Доктор политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

**СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КАК ПРОЕКЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО
ДЕЙСТВИЯ И СОЦИАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА**

Аннотация

В статье анализируется категория социальной роли в контексте концепций коммуникативного действия и социального стереотипа. Выделяются особенности ролевого поведения в условиях опосредованной социальной коммуникации. Представлены выводы о коммуникативной совместимости и несовместимости.

Ключевые слова: социальная роль, коммуникативное действие, стереотип.

Blokhin I.N.

PhD in Political Science, Saint Petersburg State University

SOCIAL ROLE AS PROJECTION OF COMMUNICATIVE ACTION AND SOCIAL STEREOTYPES

Abstract

The article examines the category of social roles in the context of the concepts of communicative action and social stereotypes. Specifics of role behavior in mediated social communication. Presents conclusions about communicative compatibility and incompatibility.

Keywords: social role, communicative action, stereotype.

Социальная роль – это ожидаемое поведение, обусловленное статусом человека. Статусное положение человека можно описать через его социальные характеристики, согласно которым он и выстраивает свое ролевое поведение и, которые, в свою очередь, обуславливают его идентичность. Процессом, в котором выявляются ролевые ожидания, является социальное взаимодействие личности с другими лицами или социальными объектами. Однако следует отметить, что речь идет о социальных ожиданиях, которые предполагают наличие субъекта таких ожиданий, для личности часто равноправного, если не более значимого. В условиях опосредованной коммуникации подобный субъект ожиданий не определен, а степень свободы действующей личности многократно возрастает.

В условиях социальных коммуникаций социальное действие приобретает качество действия коммуникативного, ориентированного на достижение взаимопонимания и соотнесения ролевых ожиданий. С точки зрения Юргена Хабермаса, в структуре коммуникативного действия выделяются: ориентация на взаимопонимание или ориентация на успех; взаимопонимание как механизм координации действий; ситуация действия и ситуация речи; фон жизненного мира, образующий контекст и обеспечивающий ресурсы взаимопонимания; процесс взаимопонимания между миром и жизненным миром; ссылки на мир и притязания на значимость; мировые перспективы, соответствующие установкам «констативных, регулятивных и репрезентативных речевых действий, для того чтобы в аспекте некоего универсального притязания на значимость сосредоточиться либо на вопросах истинности, либо на вопросах справедливости, либо на вопросах вкуса или самовыражения личности» [5, с. 198-205]. Для объяснения проблемы коммуникации как взаимопонимания Хабермас обращается к концепту «жизненного мира» Эдмунда Гуссерля: «...люди одного и того же мира живут в весьма размытой культурной общности или же вообще не входят в одну и ту же культурную общность и, сообразно с этим, конституируют различные окружающие миры культуры как конкретные жизненные миры, в которых живут, действуя и претерпевая воздействия, относительно или абсолютно обособленные общности. Каждый человек понимает прежде всего свой конкретный окружающий мир...» [3, с. 170].

Разделение сфер мира и жизненного мира выражается в дифференциации понятий «Действительность» и «Реальность». Окружающий человека мир представлен двумя сферами – действительности и реальности. Действительность образуется как совокупность фактов, сведения о которых являются информацией. Социальные действия также входят в группу фактов и наполняют собой сферу действительности. Сфера реальности представляет собой образ действительности, существующий в сознании отдельного человека или в общественном сознании, которое образуется как результат совокупности коммуникативных действий. Реальность есть продукт ощущений от действительности. Реальное образуется путем фильтрации действительного через призму ценностей, мировоззрения, менталитета.

Центральным объектом понимания в процессах коммуникации выступает человек, который проявляется как в непосредственном, так и опосредованном коммуникативном социальном действиях. Человек в таком действии выступает как текст, «прочитывается» как текст. Тожество текста и человека обусловлено их общей знаковой природой: бытие человека «закрывается» символами – статусом, произведенным социальным действием, письмом и речью, внешней атрибутикой и пластикой. Свойство опосредованности придает коммуникации более широкий спектр возможностей, не только технологических (например, редактирования фотоизображений или акустических характеристик голоса), но и социальных, в том числе, в форме исполнения не связанных со статусом ролей.

Установка на взаимопонимание в коммуникативном действии предполагает дифференциацию акторов коммуникации по степени их совместимости/несовместимости. Коммуникативная совместимость на индивидуальном уровне формируется на основе оценивания («прочтения») человека как субъекта культуры – носителя ценностей, выраженных в его социальных статусах, совершенных действиях, произведенных им текстах. В каждой культуре существует собственная иерархия и процедура идентификации других сообществ. Схематично эта иерархия

представлена «Своими», «Другими» и «Чужими», а процедура идентификации состоит в согласовании ценностей и факторов коммуникативной совместимости.

С увеличением и усложнением средств коммуникации происходит соответствующее усложнение структуры и увеличение доли медиапространства в социальном пространстве. Следовательно, непосредственное коммуникативное социальное действие замещается опосредованным. Данную тенденцию хорошо иллюстрирует история распространения дистанционного образования, которое прошло три технологические стадии в своем развитии. Первая «печатная» стадия (с середины XIX в.) связана с выпуском недорогих учебников и доставкой учебных материалов при помощи железнодорожных сетей и государственных почтовых служб. Вторая стадия связана с распространением радио в 1920-е гг., когда появились радиокурсы, которые дополнялись печатными материалами или аудиторными занятиями. В 1950-х гг. развитие получили телевизионные курсы. На активном использовании коммуникационных и информационных технологий базируется «третье поколение» дистанционного образования. С появлением этих технологий возникли новые возможности для двухсторонней связи как в синхронном (видео- или аудиографические конференции), так и в асинхронном режиме (электронная почта, Интернет, телеконференции) [4].

Поскольку роль является ожидаемым поведением, то ее признаки (в данном случае, прежде всего, неформальные) связаны с социальными стереотипами носителя ожиданий – с упрощенными характеристиками социальных групп, характеризующимися высокой степенью согласованности индивидуальных представлений. Интегральная совокупность таких характеристик формирует социальный образ («социальный портрет»). Образы и стереотипы – объективные феномены общественного и индивидуального сознания. Управляемое создание образов, включая регулирование стереотипов, формирует имидж как мнение об объекте, «возникшее в психике социального субъекта, на основе оценки образа, сформированного в его (субъекта) психике в результате восприятия значимых характеристик данного объекта» [2, с. 33].

Особенности социальных стереотипов состоят, во-первых, в том, что они зависят не столько от реальных особенностей той или иной группы, сколько от чувств, которые испытывает носитель стереотипа. Во-вторых, стереотип проецируется, распространяется на всю общность, тогда как свойства, лежащие в основе стереотипных суждений, присущи только отдельным ее представителям. Деятельность СМИ наиболее способствует стереотипизации по причине массового характера распространяемой информации и ориентации журналистов на собственные представления о состоянии общественного сознания и содержании социальных установок аудитории.

Например, увеличение объема негативной информации об экстремистских объединениях создает у их участников в общественном сознании (прежде всего в молодежной среде) ореол мучеников, борцов за национальное возрождение и/или социальную справедливость. Неудовлетворенность собственным социальным статусом в молодежной среде вызвана социальными требованиями конформизма и личностного развития в устойчивых системах социальных координат. Протест против устойчивости (стабильности, традиции и т. д.) носит радикальный характер, а кажущаяся простота решений проблем (путем отмены «прежнего» состояния) является признаком социального инфантилизма. Легитимность (понимаемая как санкция власти) критики экстремизма в СМИ, таким образом, только стимулирует процесс радикализации. Следовательно, при массовом распространении информации первостепенное значение имеют не оценки, в ней содержащиеся, а ее интенсивность и объем, укрепляющие уже существующие стереотипы.

С другой стороны, предложения со стороны, например таких организаций как «Исламское государство», являются, в том числе, и ответом на запрос социальной справедливости. Директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО Вениамин Попов отмечает: «Масса людей молодых, которые не могут найти себе работу или место в жизни (например, из Туниса, Марокко, Египта), устремляются туда, потому что там, с их точки зрения, царит социальная справедливость. То есть вора рубят руки, нехороших людей обезглавливают и так далее. Жестокость, но это эффективно» [1]. Таким образом, контрпредложение следует оформлять как действительную альтернативу, обладающую большей привлекательностью. Однако для этого необходимы как политическая воля власти, так и ее способность осуществлять преобразования с достижением действительных, а не имитационных, результатов.

Возможность исполнения не связанных со статусом ролей приводит к неопределенности субъекта ролевых ожиданий и к возрастанию степени коммуникационной свободы личности в медиапространстве. Коммуникационная свобода согласуется с социальной ответственностью, что также демонстрирует проникающую способность медиапространства по отношению к структурам пространства социального. Ответственность может носить как юридический (Pussy Riot), так и социально-санкционный характер (Charlie Hebdo). Создание информационными средствами псевдособытий становится одним из признаков символической политики, которая представляет собой особый вид коммуникаций, направленных не на рациональное осмысление событий, а на формирование у аудитории устойчивых понятий за счет инсценирования информационных эффектов.

Литература

1. Вениамин Попов: «Исламское государство действительно пытается обосноваться на Земле. Там царит социальная справедливость» // АртПолитИнфо. 2014. 12 ноября. [Электронный ресурс] URL: <http://artpolitinfo.ru/veniamin-popov-islamskoe-gosudarstvo-deystvitelno-pytaetsya-obosnovatsya-na-zemle-tam-tsarit-sotsialnaya-spravedlivost/> (дата обращения 23.07.2015).
2. Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. – 155 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2010. – 229 с.
4. Краткая история развития дистанционного образования // Портал Web-3.Ru. [Электронный ресурс] URL: <http://dtraining.web-3.ru/introduction/history/> (дата обращения 23.07.2015).
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д. В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

References

1. Veniamin Popov: «Islamskoe gosudarstvo dejstvitelno pytaetsja obosnovatsja na Zemle. Tam carit socialnaja spravedlivost» // ArtPolitInfo. 2014. 12 nojabrja. [Elektronnyj resurs] URL: <http://artpolitinfo.ru/veniamin-popov-islamskoe-gosudarstvo-deystvitelno-pytaetsja-obosnovatsja-na-zemle-tam-tsarit-sotsialnaya-spravedlivost/> (data obrashhenija 23.07.2015).
2. Gavra D. P., Taranova Ju. V. Imidzh territorialnyh subektov v sovremennom informacionnom prostranstve. – SPb.: S.-Peterb. gos. un-t, Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikacij, 2013. – 155 s.
3. Gusserl Je. Kartezianskie meditacii / per. s nem. V. I. Molchanova. – M.: Akademicheskij Proekt, 2010. – 229 s.
4. Kratkaja istorija razvitija distancionnogo obrazovaniya // Portal Web-3.Ru. [Elektronnyj resurs] URL: <http://dtraining.web-3.ru/introduction/history/> (data obrashhenija 23.07.2015).
5. Habermas Ju. Moralnoe soznanie i kommunikativnoe dejstvie / per. s nem. pod red. D. V. Skljadneva. – SPb.: Nauka, 2001. – 380 s.

Буйдзе М.А.

Магистрант

Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

В данной статье анализируются подходы к определению социально-экономической категории «социальный капитал». Особое внимание уделяется роли и функциям социальных сетей как основного элемента построения социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, сети, управление, эффективность

Buidze M.A.

Undergraduate, St. Petersburg State University of Economics

SOCIAL NETWORKING AS A KEY ELEMENT OF SOCIAL CAPITAL OF THE ORGANIZATION

Abstract

This article analyzes the approaches to the definition of socio-economic category "social capital." Particular attention is paid to the role and functions of social networks as a key element of building social capital.

Keywords: social capital, networks, management, efficiency

Социальный капитал стал объектом изучения социологии, экономики, культурологии, психологии и других дисциплин сравнительно недавно. В основе концепции лежит идея о принадлежности индивида к определенной группе. Так, коллектив, члены которого достаточно плотно связаны и доверяют друг другу, может действовать более эффективно и добиваться быстрого решения поставленных целей.

По мнению многих исследователей, накопление социального капитала влияет на темпы роста других видов капитала организации, таких как материальный и человеческий, и это влияет напрямую на повышение эффективности деятельности организации и ее конкурентоспособные преимущества во внешней среде. Именно поэтому социальный капитал вызывает интерес исследователей, занимающихся вопросами эффективного управления человеческими ресурсами.

Методологической базой статьи послужили научные исследования основоположников идеи о социальном капитале таких, как Пьер Бурдьё, Глен Лори, Дж.Коулмэн, Г.Беккер, Р.Патнэм, Ф.Фукуяма и М. Шифф, а также статьи российских и зарубежных исследователей за последние несколько лет.

Важность включения индивида в группу отмечали в своих работах еще А. Токвиль, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, М. Вебер и другие именитые социологи. Однако, впервые категория «социальный капитал» была введена Пьером Бурдьё в 1983 году в его статье «Формы капитала» для обозначения взаимовыгодных отношений между людьми. После Бурдьё развитием идеи значимости социального капитала активно занимался экономист Глен Лори. В своих работах он уделял особое внимание механизмам наследования социального капитала. Развитие его идеи продолжил Дж.Коулмэн в своей работе «О роли социального капитала в создании человеческого капитала», в которой выделил индивидуальный и общественный виды социального капитала. Далее значительный вклад в развитие идеи социального капитала как общественного блага внес Р. Патнэм в своей работе ««Боулинг в одиночку». Патнэм одним из первых выделил доверие как один из основных факторов социального капитала. Далее, Фукуяма в работе «Культура имеет значение» продолжил изучения влияния доверия на социальный капитал общества в целом и организаций в частности, отметив огромное влияние корпоративной культуры.

В России социальный капитал стали изучать немного позднее, чем за рубежом. Первая статья о социальном капитале была опубликована в журнале «Общественные науки и современность» № 2 за 2003 год. В 2004 г. А немного позже в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ состоялась первая конференция на тему «Социальный капитал как научная категория». Среди российских ученых, активно разрабатывающих тему социального капитала, можно выделить В. Радаева и П. Шихирева, на чьи труды в настоящее время ссылаются многие молодые исследователи.

Проведенный мною анализ подходов к определению социального капитала показывает, что почти все исследователи считают основным элементов построения социального капитала социальные сети. Это наглядно продемонстрировано в таблице ниже:

Таблица 1 – Подходы к определению социального капитала через сетевую составляющую.

Автор	Определение социального капитала
Р. Патнэм	– это связи между индивидуумами – социальные сети и нормы взаимности, которые из них (сетей) проистекают ¹
С. Бюссе	«Я использую определение социального капитала как социальных сетей. Для измерения социального капитала нужно учитывать силу связей, а также качественное разнообразие включенных в эти сетевые взаимодействия индивидов» ²
В. Радаев	Со структурной стороны социальный капитал выступает как совокупность сетевых контактов, а с институциональной стороны он воплощает в себе накопленное доверие и измеряется, соответственно, числом накопленных обязательств ³
Л. Полищук	– это способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям, которая опирается на доверие, разделяемые в обществе нормы и ценности, а также на социальные сети различного рода ⁴
Дж. Коулмен	– это ресурсы социальных отношений, их сети, которые облегчают действия индивидов благодаря формированию взаимного доверия, определению взаимных обязательств и ожиданий, формулированию и установлению социальных норм, образованию ассоциаций. ⁵
Н. Лин	– это ресурсы, находящиеся в социальных сетях, объем которых определяется ценными ресурсами (богатство, власть, авторитет), принадлежащими акторам, с которыми фокальный актор имеет прямые или опосредованные связи. ⁶
Берт	– посреднические возможности в сети. ⁷
У.Бейкер	– это ресурсы, которые акторы получают из специфических социальных структур (сетей) и используют, исходя из своих интересов ⁸
А.Портес	– это способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или в более широкой социальной структуре ⁹
Х.Д.Флеп	Определяет социальный капитал как функцию размера сети, силы отношений между актором, объем капитала которого определяется (так называемым фокальным, или центральным актором), и другими членами сети, а также ресурсов, которыми обладают члены сети ¹⁰
М. Вуллок	– информация, доверие, и нормы взаимности, принадлежащие социальной сети ¹¹

Социальные сети – это социальные контакты, а не только регламентированные трудовые отношения работников и коллективов¹². Под социальными сетями понимают все виды взаимодействий между людьми, которые могут возникнуть в процессе совместной деятельности, в том числе нетрудовой. Социальные сети – это целая организованная структура отношений, которая способна обеспечить совместную деятельность работников и коллективов.

То есть все неформальные связи между сотрудниками, построенные на доверии, в процессе которых они оказывают друг другу помощь, составляют потенциал социальных сетей организации.

Другими словами это возможности системы социальных отношений, позволяющие получать доступ к разнообразным благам для достижения поставленных личных и коллективных целей.

Основными причинами входа в социальные сети могут быть¹³:

- потребность в принадлежности к группе

¹ Р. Патнэм Характеристики социальной организации, включающие сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации в интересах общественной цели *Bowling Alone: America's Declining Social Capital / Journal of Democracy*. -1995. - January. - P. 65-78

² С. Бюссе Социальный капитал, в отличие от других его форм, не является исключительной характеристикой индивида, он скорее описывает отношения между людьми, в которые включен данный индивид Социальный капитал и неформальная экономика в России // *Мир России*. -2001. - № 2. - С. 97

³ В. Радаев Накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм URL: <http://www.day.kiev.ua/170573/>

⁴ Полищук Л., Меньшев Р. Экономическое значение социального капитала. "Вопросы экономики" № 12-2011

⁵ Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121-139.

⁶ Гуськова Н. Д., Клюева А. П., Современные теории социального капитала / // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2012. – № 2 (22). – С. 152–160.

⁷ Р. Берт Дружеские, рабочие и более общие контакты, через которые вы получаете возможность использовать ваш финансовый и человеческий капитал Burt P. *Structural Holes: The social structure of competition*. - Cambridge, MA. -1992. - P. 9

⁸ Гуськова Н. Д., Клюева А. П., Современные теории социального капитала / // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2012. – № 2 (22). – С. 152–160.

⁹ Portes A., Sensenbrenner J. *Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action* // *American Journal of Sociology*. – 1993. – Vol. 98. – №6 (May). – P. 1320–1350.

¹⁰ Гуськова Н. Д., Клюева А. П., Современные теории социального капитала / // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2012. – № 2 (22). – С. 152–160.

¹¹ Гуськова Н. Д., Клюева А. П., Современные теории социального капитала / // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2012. – № 2 (22). – С. 152–160.

¹² Сысоев С.А. Устойчивость функционирования социально-экономической системы общества и социальный капитал / С.А. Сысоев // *Устойчивое развитие экономики: сборник трудов VII международной научно-практической конференции 18 октября 2013 г.* – Минск: ПолесГУ – С. 156–157

¹³ Полищук Е.А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // *Вестн. С.-Петербурга. ун-та. Сер. 5. Экономика*. 2005. Вып. 1. С. 10-16.

- взаимопомощь в вопросах личного и профессионального характера
- потребность в защите своих интересов;
- потребность в дополнительной информации;
- личная заинтересованность и симпатии к членам группы;
- потребность во власти

Исследователи выделяют большое количество функций социальных сетей. Рассмотрим самые основные из них.

Содержательная функция проявляется в хранении принятых в данной социальной сети моделей поведения и базой для их воспроизводства.

Защитная функция проявляется в защите личных интересов и ценностей социальной сети при возникновении угрозы извне. Например, если новый руководитель пытается разрушить существующие в организации связи или уменьшить влияние неформального лидера.

Мотивирующая функция проявляется в поддержке сотрудника другими членами сети и ощущении себя частью единого механизма, движущегося к общей цели.

Коммуникативная функция. За счет коммуникаций усиливается вовлеченность каждого сотрудника в деятельность организации, люди могут обмениваться необходимыми знаниями и опытом, быстрее увеличивать свои профессиональные и личные контакты.

Это позволяет решать проблемы не только внешних коммуникаций, но и внутренних, а значит удовлетворять потребность каждого работника в получении необходимой информации и поддержки.

Отсутствие коммуникативной сети в организации отрицательно сказывается на лояльности сотрудников, что приводит к увеличению количества конфликтов в группе.

Адаптирующая функция заключается в том, что вхождение в социальную сеть позволяет сотруднику быстрее принять и усвоить нормы и ценности организации и почувствовать себя частью целого механизма. В противном случае сотрудник будет чувствовать себя чужим и не видеть своего будущего в данной организации.

Регулирующая функция заключается в регулировании поведения членов сети, то есть при включении в сеть сотрудник получает информацию о том, как стоит себя вести в процессе работы, в свободное время и как принято в данной организации общаться с начальством и своими коллегами.

Воспитательная функция заключается в передаче новому поколению информации об опыте прошлых лет, о культуре в организации, традициях и ценностях. Это может одним из важнейших условий прогресса организации.

Стабилизирующая функция проявляется в способности социальных сетей приводить коллектив или организацию в целом к нормальному, естественному состоянию в экстремальных условиях.

Функция коллективной и организационной идентификации проявляется в самоидентификации сотрудников себя как части организации и принадлежности к одной из существующих в организации сетей, что позволяет сотрудникам почувствовать себя частью большой социальной группы со своими традициями, ценностями и общими целями.

Однако стоит отметить, что не все виды социальных взаимодействий между членами одной организации обязательно превращаются в ее социальный капитал. Такой способностью обладают только отношения, которые экономически и социально полезны для работника, коллектива и организации в целом.

Рассмотренная теория подтверждает, что социальные сети - важнейшее составляющее социального капитала. Хорошо развитые социальные сети помогают сотрудникам быстрее влиться в коллектив, ознакомиться с ценностями и традициями организации, получать необходимую для работы информацию, обмениваться опытом и идеями с другими сотрудниками организации, позволяет сотруднику почувствовать себя частью большой команды, стремящейся к одним целям.

Литература

1. Р. Патнэм Характеристики социальной организации, включающие сети, нормы и социальное доверие, которые способствуют координации и кооперации в интересах общественной цели *Bowling Alone: America's Declining Social Capital / Journal of Democracy*. -1995. - January. - P. 65-78
2. С. Бюссе Социальный капитал, в отличие от других его форм, не является исключительной характеристикой индивида, он скорее описывает отношения между людьми, в которые включен данный индивид *Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России*. -2001. - № 2. - С. 97
3. В. Радаев Накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм URL: <http://www.day.kiev.ua/170573/>
4. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала. "Вопросы экономики" № 12-2011
5. Коулман Д. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121-139.
6. Р. Берт Дружеские, рабочие и более общие контакты, через которые вы получаете возможность использовать ваш финансовый и человеческий капитал *Burt P. Structural Holes: The social structure of competition*. - Cambridge, MA. - 1992. - P. 9
7. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action // *American Journal of Sociology*. — 1993. — Vol. 98. — №6 (May). — P. 1320–1350.
8. Гуськова Н. Д., Ключева А. П., Современные теории социального капитала // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2012. – № 2 (22). – С. 152–160
9. Сысоев С.А. Устойчивость функционирования социально-экономической системы общества и социальный капитал / С.А. Сысоев // *Устойчивое развитие экономики: сборник трудов VII международной научно-практической конференции 18 октября 2013 г.* – Минск: ПолесГУ – С. 156–157
10. Полищук Е.А. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5. Экономика*. 2005. Вып. 1. С. 10-16.

References

1. R. Patnjem Karakteristiki social'noj organizacii, vkluchajushhie seti, normy i social'noe doverie, kotorye sposobstvujut koordinacii i kooperacii v interesah obshhestvennoj celi Bowling Alone: America's Declining Social Capital / Journal of Democracy. -1995. - January. - P. 65-78
2. S. Bjusse Social'nyj kapital, v otlichie ot drugih ego form, ne javljaetsja iskluchitel'noj harakteristikoj individa, on skoree opisivaet otnoshenija mezhdu ljud'mi, v kotorye vkljuchen dannyj individ Social'nyj kapital i neformal'naja jekonomika v Rossii // Mir Rossii. -2001. - № 2. - S. 97
3. V. Radaev Nakaplivaemyj hozhajstvennyj resurs, kotoryj vkljuchen v processy vosproizvodstva i vozrastanija stoimosti putem vzaimnoj konvertacii svoih raznoobraznyh form URL: <http://www.day.kiev.ua/170573/>
4. Polishhuk L., Menjashev R. Jekonomicheskoe znachenie social'nogo kapitala. "Voprosy jekonomiki" № 12-2011
5. Koulman D. Kapital social'nyj i chelovecheskij // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 3. S. 121-139.
6. R. Bert Druzhieskie, rabochie i bolee obshhie kontakty, cherez kotorye vy poluchaete vozmozhnost' ispol'zovat' vash finansovyj i chelovecheskij kapital Burt P. Structural Holes: The social structure of competition. - Cambrige, MA. -1992. - P. 9
7. Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and Immigration: Notes on the Social Determinants of Economic Action // American Journal of Sociology. — 1993. — Vol. 98. —№6 (May). — R. 1320–1350.
8. Gus'kova N. D., Kljueva A. P., Sovremennye teorii social'nogo kapitala / // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki. – 2012. – № 2 (22). – S. 152–160
9. Sysoev S.A. Ustojchivost' funkcionirovanija social'no-jekonomicheskoy sistemy obshhestva i social'nyj kapital / C.A. Sysoev // Ustojchivoe razvitie jekonomiki: sbornik trudov VII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii 18 oktjabrja 2013 g. – Minsk: PolesGU – S. 156–157
10. Polishhuk E.A. Social'nyj kapital i ego rol' v jekonomicheskom razvitii // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 5. Jekonomika. 2005. Vyp. 1. S. 10-16.

Рогова А.В.

Аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ КРАУДСОРСИНГА В ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ**Аннотация**

В статье рассматриваются вопросы совершенствования деятельности органов власти за счет внедрения современного механизма обратной связи – краудсорсинга. На основе анализа теоретического и практического материала систематизируются проблемы краудсорсинга и предлагаются пути их решения. Обсуждаемые меры по совершенствованию технологии краудсорсинга и привлечению общественно активной аудитории интернет-сообщества к взаимодействию с властью.

Ключевые слова: краудсорсинг, потенциал, обратная связь, коммуникация.

Rogova A.V.

Postgraduate, Belgorod State National Research University

PROBLEMS OF THE CROWDSOURCING TECHNOLOGY ADOPTION TO THE GOVERNMENT CONTROL SYSTEM**Abstract**

This article covers the issues of public authorities' activities improving due to introducing of a modern backup mechanism – crowdsourcing. The theoretical and factual materials analysis allows to systematize the crowdsourcing problems and offers ways of their decision. Measures aimed at the crowdsourcing technology improvement and attraction of the social-minded web community auditory to interaction with authorities are being discussed.

Keywords: crowdsourcing, potential, backup, communication.

The politico-social situation existing now in Russia is predicated upon full incompatibility of the old management culture and new political orientation to be declared. Paternalism and to a great extent autocratic governance models are still existing; authorities cannot react properly to the most important democratic demands of the times and incapability of "civil society" to respond to anthropic challenges itself, without government's help [4].

Researchers notice a new vector in the society transformation taking place nowadays – its "virtualization" [3]. They mean by it the main activities types transition into the Internet virtual space. As a result of the existing changes society is turning to be a total market that has a form of huge nets fighting space, the centres of which are transnational corporations and international corporatocracy evincing their interests [2, 21].

Crowdsourcing can be considered as a way of this problem's decision. However, in order to make crowdsourcing practices be applied successfully, it is necessary to intentionally form regional community crowdsourcing potential [1, 288].

In the course of studying government employees' opinions concerning the problem of the crowdsourcing technology adoption to the government control system there was conducted a social research and were obtained the following results.

100 government service representatives, among them 38 men and 52 women, took part in the inquiry.

Among the main reasons contributing to the crowdsourcing technology adoption to the government control system the most part of those asked noticed it as an effective method of innovative technologies introducing to central and local government (33%), necessity of population civic culture formation (32%), necessity to provide citizens participation in public management and sectional interests protection (30%) and importance of attraction of people to central and local government (25%).

Every fifth participant (20%) supposes that crowdsourcing refers to providing access to the labor results of almost unlimited auditory. 17% think that crowdsourcing is an inexpensive instrument of social and economic development of a

region. 9 % say that crowdsourcing is a quick way of creation of the global product in a region. The same part of those asked tells about the crowdsourcing technology simplicity as its plus side.

Among reasons for lack of favourable conditions for crowdsourcing adoption the respondents call deficiency of traditions of population participation in the state activity (54%), deficiency of trust between public servants and society (36%), civil society unformedness (32%), lack of motivation for the population's part (29%) and also lack of necessary legal groundwork (25%).

The basis of crowdsourcing projects is talented person who is ready to spend his time for the discussion of global questions of the region, and who want to receive moral satisfaction from the activity more than to earn money.

There are many advantages of the crowdsourcing:

1. Scalability. An access to the results of work practically doesn't limit an audience and allows creating a global product in the region.

2. Talents. One of the main advantages of a crowdsourcing is an involvement of talented people worldwide as a result of new idea and positive result.

3. Competence. The crowdsourcing guarantees that everyone is engaged in the business, so tasks are carried out by high-qualified experts [3].

4. Simplicity of introduction. Realization of crowdsourcing issues is very simple in use, usually by means of a site or social networks.

5. Insignificant expenses. It is a cheap instrument of development because all necessary work is done by no-charge or low-paid professionals – fans.

The regional crowdsourcing is a technology of the consumer's involvement of regional imperious services (the population, business, etc.) in a process of social interaction with governing bodies and adoption of the regional decision, relating to the various directions of their activity on the basis of the public offer which is not meaning an execution of an employment agreement [4].

The pros and benefits of crowdsourcing are the low cost, efficiency, large pool of professionals as part of project team, large quantity of ideas for project, high quantity and diversity of talented professionals and collaboration is online without travel cost and travel time required [3].

In the modern world maintenance of sustainable development of the economic and social systems is a guarantee of the state existing. The crowdsourcing technologies appliance in the process of the government controlling is becoming the base of high rates of such a development. Perhaps, first in a range of big cities, even today the existing information base allows to realize such projects as promptly as possible during several years. However, their launch demands political will at the country and local levels.

References

1. Howe. J. Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd IS Driving the Future of Business. – M.: Alpina Publisher, 2012. – 288 p.
2. Gref. G. The effectiveness of the Russian government and problems of modernization (Rus.: The effectiveness of the Russian government and problems of modernization// Vedomosti. – M., 2012. – 13 April. – http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1631600/effektivnost_vlasti.
3. A news-sheet from the Yandex company about the Internet development in the Russian regions. – http://company.yandex.ru/researches/reports/internet_regions_2012.xml.
4. Doing Business 2012: Doing Business in a More Transparent World. – <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2012>.

Международный научно-исследовательский журнал теперь размещается на платформе **Cyberleninka**, которая в свою очередь отправляет метаданные в крупнейшие репозитории научной информации, такие как Google Scholar, OCLC WorldCat, Coцционет, Bielefeld Academic Search Engine (BASE), Registry of Open Access Repositories (ROAR), Open Access Infrastructure for Research in Europe (OpenAIRE), что в десятки раз увеличивает возможность цитируемости, не только в России, но и за рубежом.

CYBERLENINKA

Родермель Т.А.

Кандидат философских наук,

Сургутский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Аннотация

В данной статье рассматриваются процессы внедрения новшеств в работу специалистов социальных учреждений. Проанализирован опыт инновационного пространства Ханты - Мансийского автономного округа в области социальной работы. Сделаны выводы о том, что инновационные технологии позволяют качественно решать социальные проблемы современного российского общества. Актуальным в статье является опыт работы профессионалов и возможность использования новых форм и методов в работе с разными категориями граждан.

Ключевые слова: новшества, самореализация личности, профилактика социальных болезней, система менеджмента качества, малозатратные, стационарно- замещающие технологии социального обслуживания, мобильная служба.

Rodermel' T.A.

PhD in Philosophy,

Surgut State University

FEATURES INNOVATION IN SOCIAL SERVICES

Abstract

This article discusses the processes of innovation in the work of specialists of social institutions. Experiences of innovative space of Khanty-Mansi Autonomous Okrug in social work. Concluded that innovative technologies enable qualitatively to solve the social problems of contemporary Russian society. Topical article is the experience of professionals and the ability to use new forms and methods of work with different categories of citizens.

Keywords: innovations, self-realization of personality, the prevention of social diseases, quality management system, low-cost, permanently-replacement technology for social service, mobile service.

Нельзя не согласиться с тем, что страна стремящаяся встать на путь развития выбирает инновационные преобразования. Также мы не отрицаем, что каждая подходит к этому вопросу по-разному. Некоторые страны, которые уже совершили значительный рывок в инновационном развитии, но есть и примеры стран, которые выбрали путь планомерного, постепенного инновационного роста.

Как правило, этому способствовала эффективная государственная политика, подразумевающая совершенствование законодательной базы в сфере инноваций, целевое финансирование инновационных проектов по приоритетным направлениям национальной экономики, а также формирование и развитие центров разработки и коммерциализации новшеств [1].

Одной из сфер на данный момент, которая является приоритетной – это процесс инновационного развития социальной работы. В России, она имеет свои особенности, которые касаются расширения сети учреждений социального обслуживания, увеличения разнообразия форм и методов работы с клиентами. В современных условиях необходимо непрерывно работать над повышением качества жизни людей и развивать сферу социального обслуживания, используя различные методы. Кроме привычных, устоявшихся видов деятельности, направленных на повышение эффективности работы с клиентами, возникает потребность в разработке и внедрении инновационных методов.

Социальная работа в современных условиях является мощным сдерживающим средством социальных катаклизмов и конфликтов в обществе, рациональность, которая зависит от способности государства выделять ресурсы для социальной сферы [4]. Работа с социумом рассматривается также с позиции социальной помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Таким образом, инновации помогают взглянуть на обычные явления под другим углом и создать что-то более практичное и ценное. Мы обратимся к понятию инновации как внедрённого новшества, используя которое, можно получить более качественный результат в работе. Рассмотрев инновацию в таком аспекте, мы пришли к заключению о том, что профессионалы во всех областях проявляют активность именно такого рода, чтобы получить качественные результаты.

Эффективным и актуальным для внедрения инновационных технологий в социальной сфере являются следующие факторы:

- нехватка ресурсов для развития социальной сферы, приводящая к необходимости поиска новых, более дешёвых способов решения социальных проблем;
- обострение большинства социальных проблем, требующее выработки новых подходов к их решению;
- резко возросшая открытость российского общества, которая привела к использованию многих зарубежных социальных технологий, являющихся для России инновационными;
- тенденция ужесточения требований к качеству услуг предприятий и организаций социальной сферы;
- стремление к созданию открытого информационного общества на базе использования новых информационных технологий.

Воздействие этих факторов на социальную сферу приводит к необходимости внедрения новых концепций, методик и технологий оказания услуг в отраслях социальной сферы[4].

Важным видится выделение основных целей инновационного управления системой социального обслуживания. К их числу следует отнести повышение самостоятельности клиентов, развитие их способностей контролировать свою жизнь и более эффективно разрешать возникающие проблемы [2].

Основной формой работы с гражданами разных категорий является профилактика социальных болезней. В социальной работе – это значит выявление и устранение причин, порождающих многочисленные социальные проблемы и трудности. В связи с этим необходима своевременная профилактика различного рода отклонений – нравственного, физического, психического, социального и т. п. [5]

Главная роль в социальной работе, несомненно, отводится содействию саморазвития личности, реализации её творческого потенциала, способностей, задатков, активизации усилий по решению собственных проблем.

Однако же, общество и государство должны, делать акцент не только на семью как социальный институт при оказании влияния на формирование личности, но и укреплять её потенциал. Так же влиять на процессы оздоровления и нормализации отношений в семье и по месту жительства, создании атмосферы доброты, гуманизма, милосердия.

Нами сделан акцент на необходимости интеграции средств и возможностей государственных учреждений, общественных формирований, способствующих непрерывному развитию и самореализации личности на разных возрастных этапах и в принципиально отличных друг от друга сферах её микросреды.

Одной из территорий гарантирующей совершенствование подходов при предоставлении мер социальной поддержки, развитию новых форм и видов услуг, предоставляемых населению учреждениями является Ханты-Мансийский автономный округ – Югры, в частности Департамент социального развития Югры.

Особенно следует отметить обеспеченность стабильного назначения и выплаты всех социальных пособий в соответствии с законодательством Российской Федерации и автономного округа. Социальная поддержка дополняется социальными услугами, предоставляемыми учреждениями социального обслуживания [3].

В рамках одной работы невозможно проанализировать богатейший опыт внедрения инновационных технологий в деятельность социальных учреждений в Югре, однако хотелось бы выделить особо важные инновационные технологии в системе социального обслуживания. [3]

Во всех учреждениях социального обслуживания Ханты-Мансийского автономного округа – Югры действует система менеджмента качества, которая отвечает требованиям международного стандарта ИСО 9001:2008. Создание системы менеджмента качества направлено на удовлетворение запросов и потребностей клиентов, повышение эффективности и качества услуг на всех стадиях их предоставления, обеспечение имиджа учреждения. Система менеджмента качества стала реальным инструментом повышения эффективности деятельности учреждений.

Кроме того, в Югре используются инновационные, малозатратные, стационарно - замещающие технологии социального обслуживания:

- организованы 92 приёмных семьи для пожилых граждан («дорожной картой» предусмотрено увеличение количества приёмных семей для пожилых граждан с 80 до 110 по 5 семей ежегодно; ежегодная выдача 50 сертификатов на оплату услуг по уходу за одинокими тяжелобольными гражданами (в 2012 г. выданы 23 сертификата, в 2013 г. выданы 38 сертификатов);

- обеспечено персональное социальное сопровождение 37 граждан пожилого возраста и инвалидов.

С целью оптимизации социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов в Югре широкое применение получил бригадный метод социально-медицинского обслуживания на дому (действуют 66 социальных бригад во всех учреждениях социального обслуживания автономного округа).

Безусловно, инновационными являются такие формы, как межведомственная мобильная служба «Экстренная детская помощь». Внедрение этой технологии направлено на профилактику социального сиротства и жестокого обращения в отношении детей на основе межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В состав мобильных служб входят специалисты учреждений системы социальной защиты, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки и попечительства, учреждений здравоохранения, органов внутренних дел [1].

Появилась Служба социальных помощников, которая реализуется в отделениях надомного обслуживания, действующих на базе 8 комплексных центров социального обслуживания населения, расположенных в труднодоступных районах сельской местности (Берёзовский, Белоярский, Нефтеюганский, Нижневартовский, Кондинский, Октябрьский, Сургутский, Ханты-Мансийский). Технология направлена на профилактику семейного неблагополучия, снижение числа лишений родителей родительских прав в связи с неисполнением обязанностей по содержанию несовершеннолетних.

Немаловажным является создание и развитие деятельности кризисных отделений для женщин, оказавшихся в экстремальной ситуации (гг. Мегион, Нефтеюганск, Нижневартовск, Сургут). Мощность отделений составляет 33 койко-места. В 2012 г. реабилитированы 134 женщины, 123 ребёнка (в 2011 г. в кризисных отделениях прошли реабилитацию 82 женщины, 102 ребёнка).

Анализ инновационной деятельности свидетельствует о возможности и необходимости воплощения на практике инновационных научных исследований и технологий, поскольку они позволяют качественно решать социальные проблемы современного российского общества. Однако при введении любой самой инновационной технологии надо помнить, для чего они нужны. Данные инновационные технологии должны быть направлены на благо человека и во имя человека.

Основная идея, которую мы предлагаем: надо не только давать, но и побуждать людей к действию, к реализации личностного потенциала, к превращению из объекта социальной работы в субъекта.

В организационном плане большое место должны занимать прогностическое проектирование, моделирование, их экспериментальная апробация, введение инноваций позволяющих в конструктивном плане исследовать и решать проблемы, порождаемые процессом модернизации. А в дальнейшем введения инновационных процессов в структуру организации, которые и решали бы проблемы постепенно.

Литература

1. Аверченков В.И. Инновационный менеджмент / В.И. Аверченков, Е.Е. Ваинмаер. – М.: Флинта, 2011г. – 293 с.
2. Колесов, В. И., Еременко, Н. Н. Социально-экономические проблемы в управлении социальной работой в России В. И. Колесов, Н. Н. Еременко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2008. – № 3. – С. 222–223. – Т. 14. (Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика).
3. Соловьёва В.Н. Государственная политика в сфере социальной защиты населения / В.Н. Соловьёва. М.: Лаборатория книги, 2010г. – 86 с.
4. Холостова, Е. И. Социальная политика и социальная работа / Е. И. Холостова. – М. : ИТК Дашков и К, 2011. – С.1–5.
5. Холостова Е.И. Социальная работа / Е.И. Холостова, Г.И. Климантова М.: Дашко и Ко – 2014г. – 752 с.

References

1. Averchenkov V.i. innovational management/V.i. Averchenkov, E.e. Vainmaer. -M.: Flint, 2011. -293 s.
2. Kolesov, i., Eremenko, n. socio-economic problems in the management of social work in Russia v. i. Kolesov, n. Yeremenko//Herald of the Kostroma State University. N. A. Nekrasov. -2008. – № 3. -P. 222-223. -Vol. 14. (Series: Pedagogics. Psychology social work. Youth studies. Sociokinetika).
3. V.n. Soloviev State policy in the sphere of social protection of population/V.n. Soloviev. M.: Laboratory books, 2010. - 86 s.
4. Holostova, e. i. social policy and social work/e. Holostova. -M.: CTI dashkov and co, 2011. -S. 1-5.
5. Holostova E.i. social work/H. Holostova, G. m.: Klimantova Dashko and co-2014. -752 with.

Слижевский Н.С.

Студент, Витебский Государственный Ордена дружбы народов Медицинский Университет

ПРИНЦИП «НЕ НАВРЕДИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация

Цель статьи – призыв к взаимодействию между врачом и пациентом для повышения качества работы в сфере здравоохранения. Задача – описание принципов обеспечения блага в зависимости от ситуации. Практическое применение: любое взаимодействие между людьми в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: благо, взаимодействие, субъективность.

Slizhevskiy N.S.

Student, Vitebsk State Order of peoples friendship Medical University

THE PRINCIPLE OF “DO NO HARM” IN THE MODERN WORLD

Abstract

The intent of the article is the appeal to the interaction between doctor and patient to increase work quality in the sphere of the health service. The goal is the definition of the principles of boon providing depending on the situation. Practical use: any interaction between people in the sphere of the health service.

Keywords: boon, interaction, subjectivity.

Принцип Гиппократ «не навреди» являлся основополагающим в становлении моральных принципов врача того времени, но они держались больше на совести, чем на прямой обязанности. Уровень развития знаний о человеке был недостаточен для проведения судебных медицинских экспертиз, поэтому необходим был моральный кодекс для людей, в чьих руках находилась жизнь человека.

В современном мире врачебные обязанности закреплены юридически в законе, благодаря чему можно оставить опасения угрызений совести, ведь все права и обязанности прописаны, а клятва сократилась до минимума. Однако такое управление деятельностью врача сильно ограничивает его мастерство. Сама идея врачебной помощи подразумевает, что врач, имея дело с жизнью доверившегося ему, всегда имеет необходимость импровизировать. В некоторых случаях то, что является злом для одного пациента, может помочь другому, из чего следует, что врач – человек высоких моральных качеств, достаточно чуткий и умеющий делать выбор в зависимости от обстоятельств. Студента-медика в первую очередь учат думать, а не подгонять случаи и людей под рамки заученных схем и стандартных ситуаций. Поэтому врача нельзя заменить простым алгоритмом.

С другой стороны всегда есть фактор некомпетентности врача, поэтому пациенту предоставляется право на согласие оказания медицинских услуг, а в деятельности врача имеет место возможность ошибки без его вины. В настоящее время врач уже не принимается как всемогущий и знающий все аспекты жизнедеятельности организма человека мудрец, что связано с расширением круга знаний медицины в целом и её соприкосновения с неизвестным. Также один человек уже не может быть носителем всех этих знаний.

Стремление предоставить людям максимальное количество блага – наверное, главный и благороднейший мотив для овладения профессией врача, но как нужно относиться к понятиям о вреде и пользе, чтобы принести наибольшее количество блага?

В первую очередь абстрактные понятия о вреде и пользе согласуются именно с субъективностью их трактовки. В современном мире развитые страны часто имеют высокий уровень этического развития, и при предоставлении медицинских услуг необходимо считаться не только с улучшением здоровья физического, но и не повредить, а кроме того часто и вылечить здоровье психическое. Например, ряд пластических операций, операции по смене пола. Сложно представить себе, что есть такой человек, который мог бы сам по себе отвечать всем моральным предпочтениям пациентов и предоставлять им полный психологический комфорт, так как сама по себе работа с людьми требует

выхода из своей зоны комфорта для удовлетворения потребностей других. К примеру, акушер, который не принимает для себя возможность убийства неродившегося ребёнка, но, в соответствии со своими обязанностями, иногда должен с этим сталкиваться. Или, в другом случае, эвтаназия. Таким образом, врач сам должен ожидать, что, имея дело с жизнью и здоровьем людей, вопросы о благе для человека принимают более серьёзный характер. С другой же стороны, и пациент, обращаясь за помощью к врачу, должен всегда понимать, что обращается к такому же человеку, как и он сам, что психическое здоровье врача также нужно беречь, хоть пациент и не является врачом сам. В свою очередь от морального состояния врача может зависеть и качество медицинских услуг, что создаёт порочный круг. Только в случае взаимодействия и заинтересованности возможны долгая и продуктивная работа врача и качественное лечение пациентов. Нельзя относиться к пациенту только как к носителю определённой болезни, всей сутью которого является предоставление возможности её диагностировать и, таким образом, дать работу врачу. Человек же, пришедший к врачу, нуждается именно в помощи. Также нельзя и к врачу относиться как к универсальному сборнику медицинских знаний и не более того.

С развитием знаний о человеке развивается также и медицина, всё больше отклонений от нормы могут быть исправлены с помощью этих знаний. Однако это рождает вопрос: насколько нужно заботиться о себе, чтобы сохранить своё здоровье, ведь всегда можно обратиться к врачу, который всё исправит. Это извращает истинное понятие призвания врача, которое заключается именно в предоставлении помощи всем нуждающимся в ней настолько, насколько это необходимо для каждого. И, с другой стороны, главным направлением развития медицины, конечно же, должно быть именно профилактическое, ведь не создавая вреда проще всего добиться максимума блага. Последнее также создаёт свою проблему: вряд ли есть такой человек, который был бы знаком со всеми правилами профилактики болезней для своего образа жизни, более того, который их все соблюдал бы. Всё это делает необходимым постоянное общение, доверие, просвещение населения в плане профилактики, стремление взаимодействовать для достижения главного – блага. Таким образом, помимо хорошего знания клинических дисциплин важным является также повышение внимания к изучению гигиены и социально-гуманитарных наук.

Существуют различные модели поведения, однако каждая из моделей хороша в определённой ситуации. Ведущим же принципом всегда, конечно же, будет благоприятное отношение между врачом и пациентом и полное взаимное доверие – цель одна, а стремиться необходимо к идеальной форме отношений, когда врач – человек, желающий дать помощь, а пациент всеми силами ему способствует в этом.

Таким образом, нет возможности говорить об абсолютном благе, но стремиться к нему можно, соблюдая наиболее правильную тактику поведения с конкретным пациентом, а также призывая самих пациентов понимающе относиться к возможностям врача. Сам же врач обязан постоянно совершенствоваться, причём не только в плане медицинских и социологических знаний, но и воспитывать в себе следующие качества: настойчивость, мужество, терпеливость, коммуникабельность.

Литература

1. А.Н. Бартко, Е.П. Михаловска-Карлова. Биомедицинская этика: теории, принципы, проблемы. Ч. 2. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики. – М.: ММСИ, 1999 – С. 13-99.

References

1. A.N. Bartko, E.P. Mihalovska-Karlova. Biomedicinskaja jetika: teorii, principy, problemy. Ch. 2. Principy i osnovnye problemy biomedicinskoj jetiki. – M.: MMSI, 1999 – S. 13-99.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PSYCHOLOGY**Давлетова А.И.¹, Серая А.А.²**

Кандидат психологических наук, доцент; психолог

Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани

ИЗОТЕРАПИЯ КАК МЕТОД РАБОТЫ СО СТРАХАМИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ*Аннотация**В статье исследуется возможность применения изотерапии как метода психологической коррекции в работе со страхами младших школьников в условиях средней школы и временного детского коллектива***Ключевые слова:** детские страхи, изотерапия, латентные переменные.**Davletova A.I.¹, Seraya A.A.²**

PhD in Psychology, Associate Professor; psychologist

Kuban state University

ISOTHERAPY AS A METHOD OF DEALING WITH FEARS OF YOUNGER STUDENTS*Abstract**In the paper the possibility of application of isotherapy as a method of psychological correction in working with fears of younger students in secondary school, and a temporary children's collective.***Keywords:** children's fears, isotherapy, latent variables.

В условиях детских образовательных учреждений современности актуальны процессы своевременного обнаружения и последующего исправления детских страхов комфортными для ребенка методами психолого-педагогического сопровождения.

Наше исследование было подчинено задаче определения и коррекции страхов у младших школьников. В качестве методического инструментария были использованы: методика выявления детских страхов А.И. Захарова [3], модифицированная методика М.А. Панфиловой «Страхи в домиках» [7]; программа групповой психологической работы со страхами педагогов-психологов Ломоносовской школы г. Москвы Л. Новиковой и Ю. Царьковой [6], материалы М.Б. Дорохова «Коррекция детских расстройств с помощью игровой интерактивной изотерапии» [2], материалы М.В. Киселевой «Арт-терапия в работе с детьми» [4].

Наше исследование состояло из двух последовательных, одинаковых по своей структуре, этапов. Одно из них проводилось в условиях временного детского коллектива на отдыхе (на базе детского оздоровительного лагеря «Солнечная» Краснодарского края Анапского района), другое – в условиях процесса обучения в школе (на базе СОШ № 18 г. Славянска-на-Кубани). Возраст детей в обоих случаях составлял 8 лет. В ДОЛ «Солнечная» выборка составила 21 человек. Из них: 10 человек – мальчики, 11 человек – девочки. В СОШ № 18 выборка составила 17 человек, из них: 7 человек – мальчики, 10 человек – девочки.

Наше исследование предполагало: оценку пригодности тестовой методики для диагностики [1], непосредственно саму диагностику страхов, их последующую коррекцию, анализ и интерпретацию результатов.

После диагностики был проведен цикл занятий по коррекции страхов в обоих детских учреждениях. Оценка качества теста проводилась методом измерения латентных переменных на основе модели Раша. При описании качества теста и его результатов [1], мы опирались на материалы работ А.А. Маслака [4, с. 10-57] и С.А. Позднякова [7, с. 19-26].

Процедура выявления страхов проводилась на основе методики М.А. Панфиловой «Страхи в домиках». Автором было произведено объединение двух методик: модифицированной беседы А.И. Захарова и теста «Красный дом, черный дом». Методика выявляет злободневные страхи детей младшего школьного возраста посредством опроса. Опрос позволяет выявить актуальные страхи, которые составляют объединенные группы: «медицинские» (боль, уколы, врачи, болезни); страхи, связанные с причинением физического ущерба (неожиданные звуки, транспорт, огонь, пожар, стихия, война); страхи смерти (своей, родителей); страхи животных и сказочных персонажей; ночные страхи (кошмарных снов, темноты); социально опосредованные страхи (людей, детей, наказания, опоздания, одиночества; «пространственные» страхи (высоты, воды, замкнутого пространства). Данная методика позволяет определить более острые детские страхи. Посредством этого инструмента возможно выявление и уточнение имеющихся видов страхов (страх темноты, одиночества, смерти и т.д.). Прежде чем приступить к оказанию грамотной психологической помощи для изменения отношения ребенка к предмету страха, предварительно нужно его определить.

По результатам диагностики было выяснено, что из тридцати одного пункта страхов, указанных в диагностической методике, у детей, прошедших обследование, выявлено от 6 до 9, у детей – учащихся школы № 18 этот показатель равен 15. Наличие большого количества страхов становится опасным для психики растущего организма. Страхи могут быть источником и причиной немотивированной агрессии, девиантного поведения, расстройства сна и других невротических проявлений. Поэтому с этими детьми показана работа психолога в плане психологического сопровождения с целью предупреждения деструктивных эмоциональных состояний личности. В норме у восьмилетних детей уровень выраженности страхов не должен превышать 9-10 у девочек и 6-7 у мальчиков.

Первичное обследование детей, прибывающих в ДОЛ «Солнечная», показало, что у них присутствует 4 вида наиболее актуальных страхов (страх смерти, медицинские страхи, причинение физического ущерба, социально опосредованные страхи). Медицинские страхи: боли, уколов, крови, врачей и болезней. Страхи, связанные с причинением физического ущерба: неожиданные звуки, нападения, транспорта, огня, пожара, стихии, войны. Социально опосредованные страхи: людей, родителей, наказания с их стороны, опоздания, одиночества. Страхи не соответствовать социальным требованиям ближайшего окружения, будь то школа, сверстники или семья. Дети боятся

сделать не то, что от них ожидают взрослые. Это свидетельствует о наличии кризиса «социального рождения», характерного для этого возраста.

В СОШ №18 на первичном обследовании обнаружено 5 видов наиболее выраженных страхов: страх причинения физического ущерба, страх смерти, сказочных персонажей, медицинские и ночные страхи. Исходя из результатов исследования было сделано заключение о необходимости психологической коррекции состояния детей. Для этого была составлена программа тренинговых занятий, в основу которых легли арт-терапевтические методики. При составлении программы был использован опыт московских психологов Ломоносовской школы г. Москвы Л. Новиковой и Ю. Царьковой. Данная программа направлена на избавление детей от страхов и снижение тревожности. Эта цель достигается путем повышения эмоционального фона, разрядки напряженности, формирования чувства доверительного отношения к членам детского коллектива, в том числе к педагогу; обучения самоконтроля и самодисциплины; приобретения умений справляться с собственными страхами. В разработке программы арт-терапевтических занятий нашли применение и рекомендации М.Б. Дорохова из книги «Коррекция детских расстройств с помощью игровой интерактивной изотерапии» [2], а также М.В. Киселевой «Арттерапия в работе с детьми» [4].

Занятия строились по определенной схеме: вводная часть в форме знакомства (приветствие производится в свободной форме, в том числе касанием к членам группы различными частями тела - ладонями, ступнями, коленками, головами и т.п.), рассказ педагога (о том, чем предстоит заниматься на данном занятии), творческая часть (педагог задает тему, а дети изображают ее в виде рисунков), завершение занятия (обсуждение продуктов творчества, проговаривание эмоций), и закрепление результатов.

По А.И. Захарову, каждый детский возраст имеет в своем «арсенале» соответствующие ему страхи. При проведении нашего эксперимента было обнаружено совпадение актуальных страхов у детей обоих обследуемых коллективов. К числу таких страхов у детей младшего школьного возраста относятся страхи причинения физического ущерба, смерти, сказочных персонажей, медицинские и ночные. Для снижения уровня страхов с детьми в средней общеобразовательной школе реализовывалась программа арт-терапии в форме изотерапии в количестве шести занятий. В результате завершения программы проведена вторичная диагностика, результаты которой обработаны методом математической статистики RUMM2020. Анализ этих данных говорит о снижении страхов у детей - у 90% детей из коллектива детского оздоровительного лагеря уровень страхов снизился (табл.1).

Таблица 1 – Результаты первого и второго диагностического обследования в ДОЛ «Солнечная»

		Количество детей (%)	
		I	II
№	Категория страха		
1	Одиночества	48	38,8
2	Нападения	62,4	62,4
3	Болезни	86,4	72
4	Смерти	100	100
5	смерти родителей	100	100
6	незнакомых людей	91,2	86,4
7	Родителей	28,8	24
8	наказания родителей	62,4	57,6
9	сказочных персонажей	24	4,8
10	опоздать в школу	24	24
11	Засыпать	9,6	4,8
12	страшных снов	48	33,6
13	Темноты	19,2	19,2
14	Животных	48	14,4
15	Транспорта	19,2	16,4
16	Стихий	86,4	86,4
17	Высоты	24	24
18	Глубины	38,4	38,4
19	замкнутого пространства	38,4	38,4
20	Воды	9,6	9,6
21	Огня	57,6	43,2
22	Пожара	81,6	76,8
23	Войны	96	96
24	больших улиц	14,4	14,4
25	Врачей	38,4	33,6
26	Крови	28,8	9,6
27	Уколов	43,2	28,8
28	Боли	62,4	57,6
29	резких звуков	43,2	43,2
30	Ошибиться	81,6	76,8
31	что-то не успеть	76,8	72

Если проанализировать снижение по видам страхов, можно отметить, что в основном это такие страхи, как : медицинские (страх заболеть, врачей, крови, уколов, боли), сказочных персонажей и животных, ночные страхи (засыпать, страшных снов), физического ущерба (транспорта, огня, пожара), социально опосредованные страхи (одиночества, незнакомых людей, родителей, наказания родителей, ошибиться, что-то не успеть).

Для сравнения было проведено аналогичное исследование в городской общеобразовательной школе №18 г. Славянска-на-Кубани. Обследуемыми были первоклассники одного из классов школы. У школьников в группу наиболее выраженных страхов вошли: причинения физического ущерба, страх смерти, сказочных персонажей, медицинские и ночные страхи. Суммарные ответы ребенка объединяются в несколько групп по видам страхов. К группе страхов причинения физического ущерба относятся страхи: нападения (47,2%), неожиданных и резких звуков (47,2%), транспорта (29,5%), огня (41,3%), пожара (88,5%), стихии (70,8%), войны (47,2%). К группе медицинских страхов относятся страхи: крови (23,6%), уколов (29,5%), врачей (23,6%), и заболеть (64,9%). Самыми неактуальными оказались группы страхов: социально опосредованные и пространственные.

Диагностика показала, что абсолютное большинство детей по показателю среднего количества страхов соответствует возрастной норме. Вместе с тем, три школьника нуждаются в психологическом сопровождении. У них достаточно высокий уровень выраженности страхов. В результате реализации программы по изотерапии и проведения вторичного диагностического обследования, значения которого были обработаны в диалоговой системе RUMM2020 [1], можно говорить о снижении уровня выраженности страхов у детей. После проведения программы психокоррекции, основанной на методе изотерапии, 65% детей показали снижение уровня выраженности страхов (табл. 2).

Таблица 2 – Результаты первого и второго диагностического обследования в СОШ № 18

		Количество детей (%)	
Тестирование		I	II
№	Название страха		
1	Одиночества	17	17
2	Нападения	47,2	47,2
3	Заболеть	64,9	46,3
4	Смерти	70,8	70,8
5	смерти родителей	82,6	82,6
6	незнакомых людей	47,2	47,2
7	Родителей	0	0
8	наказания родителей	41,3	41,3
9	сказочных персонажей	76,7	59
10	опоздать в школу	41,3	35,4
11	Засыпать	29,5	29,5
12	страшных снов	64,9	64,9
13	Темноты	29,5	29,5
14	Животных	53,1	41,4
15	Транспорта	29,5	35,4
16	Стихии	70,8	70,8
17	Высоты	53,1	53,1
18	Глубины	41,3	41,3
19	замкнутого пространства	17,7	17,7
20	Воды	17,7	17,7
21	Огня	41,3	23,6
22	Пожара	88,5	64,9
23	Войны	47,2	47,2
24	больших улиц	29,5	29,5
25	Врачей	23,6	11,8
26	Крови	23,6	23,6
27	Уколов	29,5	17,7
28	Боли	23,6	23,6
29	резких звуков	47,2	47,2
30	Ошибиться	35,4	35,4
31	что-то не успеть	41,3	41,3

Можно констатировать тенденцию изменения психоэмоционального состояния детей в сторону его стабилизации в результате проведенных коррекционных мероприятий с использованием занятий по изотерапии. Прорисовывание детьми собственных страхов вместе с проговариванием своих чувств позволяет принять непознанное в себе, развивает рефлексивность, повышает чувство самоуважения и уверенности. Возможность осознать страх делает его управляемым для ребенка. Позволяет освободиться от него, если не полностью, то хотя бы частично. Ребенок перестает быть от него зависимым. Можно отметить, что изотерапия дала возможность уменьшить страхи следующих видов: медицинские, страхи животных и сказочных персонажей и причинения физического ущерба. В результате вторичного обследования было обнаружено, что в целом уровень выраженности

страхов снизился на 6% у детей в детском оздоровительном лагере, а у детей в средней школе на 3,3%. Психокоррекционная работа прошла более успешно в условиях временного детского коллектива, находящегося на отдыхе.

Выводы:

1. Доказана эффективность диагностической методики М.А. Панфиловой «Страхи в домиках».
2. Показатели выраженности страхов у обследуемых младших школьников находятся в пределах возрастной нормы.
3. Наиболее выраженные страхи детей младшего школьного возраста соответствуют классификации страхов А.И. Захарова.
4. Изотерапия как метод работы со страхами младших школьников эффективна и может быть применима в работе школьного психолога и психолога детских оздоровительных учреждений.

Литература

1. Давлетова А.И., Серая А.А. Оценка эффективности изотерапии как метода психологической коррекции//Историческая и социально-образовательная мысль: научный журнал. – 2010. – N 1, с. 86-94
2. Дорохов М.Б. Коррекция детских психоневротических расстройств с помощью игровой интерактивной изотерапии // Вопросы психологии : научный журнал. – 2007. – с. 110-117 .
3. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия (детские страхи). М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
4. Киселева М.В. Арт-терапия в работе с детьми. : СПб.: Речь, 2007, 160 с.
5. Маслак А.А. Измерение латентных переменных в социально-экономических системах: // теория и практика. Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2007
6. Новикова Л., Царькова Ю. Психологические технологии. Я изменил в себе смелость. [Электронный ресурс] // Первое сентября. Школьный психолог: электрон. Газета. 2006. N 21. . URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200602113> (дата обращения 01.04.2012)
7. Панфилова М.А. Клинический психолог в работе с детьми различных патологий (с задержкой психического развития и с хроническими соматическими заболеваниями). [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. N 6. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (дата обращения: 13.04.2012)
8. Поздняков, С.А. Исследование точности измерения латентных переменных в образовании // Монография. - Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ, 2007. - С. 19-43.

References

1. Davletova A. I., Seraya A. A. Evaluation of the effectiveness of isotherapy as a method of psychological correction//Historical and socio-educational thought: the scientific journal. – 2010. – N 1, с. 86-94.
2. Dorokhov, M. B. Correcting children's psychoneurotic disorders through interactive gaming isotropie // Questions of psychology : the scientific journal. – 2007. – p. 110-117 .
3. Zakharov, A. I. the Origin of children's neuroses and psychotherapy (children's fears). Moscow: EKSMO-Press, 2000.
4. Kiseleva, M. V. Art therapy in work with children. : SPb.: Speech, 2007, 160 p.
5. Maslak, A. A. Measurement of latent variables in socio-economic systems: theory and practice. Slavyansk-on-Kuban: Ed. center state pedagogical University, 2007.
6. Novikova L., Vorob'eva M. J. Psychological technology. I changed the courage. [Electronic resource] //First of September. School psychologist: electron. Newspaper. 2006. N 21. . URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200602113> (accessed 01.04.2012).
7. Panfilov, M. A. Clinical psychologist to work with children of various pathologies (mental retardation and chronic somatic diseases). [Electronic resource] // Medical psychology in Russia: the electron. scientific. Phys. 2011. N 6. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (accessed on 13.04.2012).
8. Pozdnyakov, S. A. a study of the accuracy of measurement of latent variables in education // Monograph. - Slavyansk-na-Kubani: Ed. center state pedagogical University, 2007. - P. 19-43.

Забелина Е.В.¹, Сизова Я.Н.²

¹Доцент, кандидат психологических наук, ²магистрант, Челябинский государственный университет
**ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ С УРОВНЕМ ПРИВЕРЖЕННОСТИ
 СОТРУДНИКОВ ВУЗА**

Аннотация

В статье рассматриваются результаты исследования взаимосвязи существующего и предпочитаемого типов организационной культуры с уровнем приверженности сотрудников вуза. Результаты демонстрируют, что приверженность сотрудников вуза повышается с повышением значений клановой и адхократической культуры и понижается с повышением значений бюрократической организационной культуры.

Ключевые слова: организационная культура, приверженность, сотрудник высшего учебного заведения.

Zabelina E.V.¹, Sizova Ya.N.²¹PhD in Psychology, ²undergraduate, Chelyabinsk State University

**INTERRELATION OF THE ORGANIZATIONAL CULTURE TYPE WITH THE LEVEL OF THE
 UNIVERSITY STAFF COMMITMENT**

Abstract

In the article the research results of interrelation of the organizational culture types with the level of commitment of the University staff are considered. Results show that the University staff commitment increases with the increase of values of clan and adhocracy and goes down with the increase of value of hierarchy.

Keywords: organizational culture, commitment, university staff.

В условиях современного российского образования организационная культура вуза становится значимым элементом конкурентоспособности на рынке образовательных услуг. Организационная культура является одним из наиболее действенных инструментов адаптации, развития и мотивации персонала, не требующим дополнительных финансовых вложений. Актуальность изучения проблемы организационной культуры вуза обусловлена ее влиянием на нормы поведения и ценности людей, включенных в образовательное пространство учебного заведения, правила выстраивания коммуникаций и взаимоотношений, что в конечном итоге сказывается на показателях эффективности учебного заведения – инновационности, качестве преподавания, уровне подготовки студентов [2, 3, 4].

Организационная культура вуза, являясь объединяющей основой для всех категорий персонала и студентов, определяет глубину связей между членами различных структурных подразделений, их способность выстраивать коммуникации, способствует формированию ощущения принадлежности к единому сообществу, культивирует чувство приверженности. Организационная приверженность в свою очередь выражается в готовности сотрудника прилагать большие усилия в интересах организации, в принятии основных ее целей и ценностей [7].

Сотрудники организации могут отличаться по степени выраженности организационной приверженности, и мы предположили, что данный факт связан с типом культуры организации, как существующим, так и желаемым (предпочитаемым). Проблема взаимосвязи организационной культуры вуза и приверженности сотрудников уже затрагивалась в современной психологии, однако количество работ по данной тематике невелико и носит в основном теоретический характер (например, А.С.Свиридова, А.В.Соловейчик). В соответствии с выдвинутым предположением целью исследования стало выявление взаимосвязи между типом организационной культуры (существующим и предпочитаемым) и уровнем организационной приверженности сотрудников.

Организационная культура российских вузов как самостоятельный феномен изучается в работах Л.Н. Захаровой, Е.В. Забелиной, Н.П. Макаркина, О.А. Созыкиной, О.Б. Томилина, Н.Л. Яблонскене и др. Различные аспекты организационной приверженности рассматривались в работах П. Мучински, Дж. Мейера, Н. Алхена, Дж. Салянчика, С.А. Липатова и др. Вопросы приверженности персонала организации изучались в рамках исследований М.И. Магура, Е.Л. Трофимовой, В.И. Доминяк, О.А. Петровой, Т.А. Злоказовой и других. В перечисленных работах феномены организационной культуры и приверженности рассматриваются обособлено, без выраженной взаимосвязи.

Анализируя различные типологии организационной культуры [1, 10], мы остановились на модели конкурирующих ценностей К. Камерона и Р. Куинна [5], которые выделяют четыре типа культуры: клановый, адхократический, бюрократический (иерархический) и рыночный.

Выраженность клановой культуры предполагает преданность и верность традициям, сплоченность коллектива и благоприятный моральный климат, командную работу, обязательность сотрудников. Организации кланового типа проникнуты разделяемыми всеми ценностями и целями, соучастием, индивидуальностью и ощущением организации как «мы». Ограничением данной культуры является отсутствие фокуса на показателях эффективности организации, «застывание» в межличностных конфликтах, интригах, панибратстве [5].

Связующей сущностью организации при адхократической культуре является преданность экспериментированию и новаторству. Адхократическая культура предполагает поощрение личной инициативы и свободы, ускорение адаптивности, обеспечение гибкости и творческого подхода к делу в ситуациях, для которых типична неопределенность, двусмысленность или перегрузка информацией [5]. Организация ориентирована на будущие потребности рынка, однако слабо структурирована, не формализована, управляется в «ручном режиме».

Организация с выраженным бюрократическим типом организационной культуры – это формализованное и структурированное место работы. Тем, что делают люди, управляют процедуры. Для такой организации важно поддержание плавного хода деятельности путем инструкций и регламентов. Организацию объединяют формальные правила и официальная политика. Долгосрочные заботы организации состоят в обеспечении стабильности и показателей плавного хода рентабельного выполнения операций [5].

Рыночный тип организационной культуры определяет тип организации, ориентированной на внешнее окружение,

а не на свои внутренние дела. В основном ее внимание фокусируется на операциях с внешними клиентам, на повышении конкурентных свойств. Такая организация ориентирована на результаты, главной заботой является выполнение поставленной задачи. В рыночной культуре слабо учитываются личностные отношения и предпочтения сотрудников в принятии решений [5].

Исследование взаимосвязи типа организационной культуры и приверженности сотрудников проводилось на базе ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет». Выборку испытуемых составили 336 человек, среди них 131 сотрудник (ректорат, начальники отделов, деканы, заведующие кафедрами, преподаватели), 169 студентов (будущие бакалавры и специалисты), 36 аспирантов (выполняющих функции преподавания). Студенты были включены в выборку целенаправленно, так как, по данным Б. Кларка, это особая группа людей, которая, являясь субъектом взаимодействия со всеми остальными структурами университета, может играть важную роль в формировании устойчивых взглядов и налаживании отношений между людьми [6].

В ходе исследования участникам предлагались для заполнения две методики: вопросник К. Камерона и Р. Куинна для исследования организационной культуры [5]; «Опросник организационной приверженности» Л. Портера для изучения организационной приверженности [11].

На первом этапе исследования были зафиксированы существующий и предпочитаемый типы организационной культуры вуза (рис. 1).

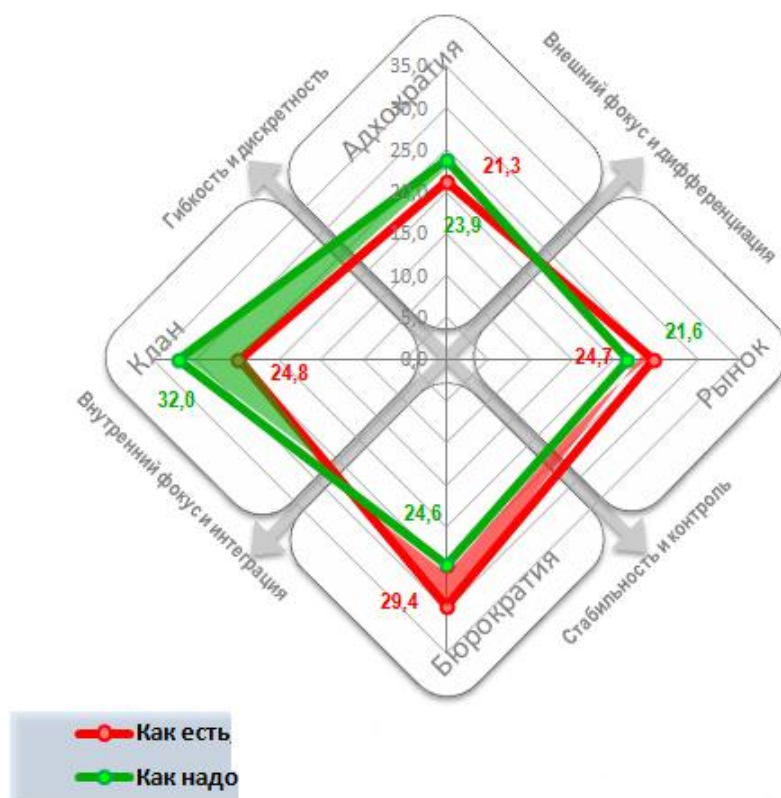

Рис. 1 – Профиль организационной культуры вуза

На данный момент в вузе, по оценкам сотрудников, преобладает бюрократический тип организационной культуры (29,4). Остальные типы культуры выражены в меньшей степени: клановый (24,8), рыночный (24,7), адхократический (21,3). Это подтверждается наличием в организации определенных черт, присущих бюрократической культуре – жесткой иерархической структуре, предельной формализации отношений, господстве регламентов, правил и процедур.

Анализируя составленный профиль, можно сделать вывод, что изменения организационной культуры не должны кардинально изменить существующий уклад, об этом свидетельствуют минимальные отклонения между показателями культуры «как есть» и «как надо». Основное направление изменения в культуре вуза, по мнению сотрудников, должно быть связано с усилением клановой составляющей в культуре – теплые открытые взаимоотношения в коллективе, сплоченность, работа в команде. Также присутствует желание снизить формализм и структурированность организации, отойти от жесткого формализованного контроля и стать более гибкими в принятии решений.

С целью проверки утверждения о том, что сравниваемые показатели оценки культуры «как есть» и «как надо» значительно отличаются друг от друга, было проведено сравнение двух зависимых выборок с помощью критерия Т-Стьюдента (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты проверки утверждения об отличии существующей и предпочитаемой организационной культуры

	Клан	Адхократия	Рынок	Бюрократия
t	-16,170	-9,137	9,988	13,047
p	0,000	0,000	0,000	0,000

Обнаруженные различия являются высоко значимыми и свидетельствуют о том, что представления об организационной культуре, имеющейся на данный момент, достоверно отличаются от представлений об идеальной культуре у сотрудников вуза.

Следующим этапом исследования стало выявление взаимосвязи организационной культуры и приверженности с помощью коэффициента корреляции r -Пирсона. Результаты корреляционного анализа существующего типа организационной культуры и приверженности сотрудников представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты корреляционного анализа существующего типа организационной культуры и приверженности сотрудников

Тип организационной культуры	Приверженность	
	R	p
Клановая культура	0,293	0,000
Адхократическая культура	0,190	0,012
Рыночная культура	-0,109	0,152
Бюрократическая культура	-0,276	0,000

В результате применения корреляционного анализа были обнаружены положительные связи между показателем приверженности и существующей клановой ($R=0,293$, $p=0,000$) и адхократической ($R=0,190$, $p=0,012$) организационной культурой. Данный факт можно интерпретировать следующим образом: уровень организационной приверженности сотрудников вуза повышается при усилении признаков клановой и адхократической культуры. Другими словами, чем выше сплоченность коллектива, благоприятный моральный климат, чем более выражена атмосфера экспериментирования, новаторства, творчества и свободы в вузе, тем выше организационная приверженность.

Еще одним результатом корреляционного анализа стало обнаружение отрицательной взаимосвязи между показателями организационной приверженности и бюрократического типа культуры ($R= - 0,276$, $p=0,000$). Таким образом, чем выше уровень выраженности бюрократического типа оргкультуры в вузе, тем ниже уровень приверженности его сотрудников. Чем отчетливее сотрудники осознают доминирование бюрократического типа культуры в организации, наличие ограничений, продиктованных особенностями бюрократической культуры (наличие формальных правил и процедур, централизация власти, авторитарные взаимоотношения и др.), тем ярче выражается неудовлетворенность трудом, снижается эмоциональный фон, члены организации испытывают дискомфорт.

Результаты корреляционного анализа предпочитаемого типа организационной культуры и приверженности обнаружили статистически значимую положительную связь между переменными: предпочитаемая адхократическая культура и организационная приверженность ($R=0,168$, $p=0,028$). Полученный результат свидетельствует о том, что если показатели по шкале «адхократия-бюрократия» будут смещены в сторону адхократической культуры, то показатели приверженности будут выше. Сотрудники, не принимающие ограничений бюрократической культуры, предпочли бы в будущем динамичность, гибкость, творческий подход, что формирует позитивное отношение к вузу, принятие и следование ценностям, нормам заведения.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что существование в организации различных типов культуры по-разному взаимосвязано с уровнем приверженности ее членов. Так, высокий уровень приверженности к вузу формируется в клановой и адхократической культуре, а доминирование бюрократического типа культуры связано со снижением уровня приверженности сотрудников.

Полученные результаты позволяют предполагать, что формирование в вузе атмосферы открытости коммуникаций, теплых доверительных отношений с руководством, развитие атмосферы инновационности, творчества и свободы будет способствовать усилению приверженности сотрудников. Напротив, излишняя «забюрократизированность», закрытость и регламентация организации негативно сказывается на уровне приверженности ее членов.

Литература

1. Андреева И. В. Организационная культура: учеб. пособие / И.В. Андреева, О.Б. Бетина. – СПб, 2010 – 293 с.
2. Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике // Высшее образование в России. – 2007. - № 11. - С. 62-83.
3. Бойкова О. И. Корпоративная культура в вузе как стратегический ресурс инновационного развития // Вестник российской академии естественных наук. – 2011. – № 4. – С. 109-111.
4. Забелина Е.В. Организационная сага как технология формирования корпоративной культуры вуза // Дружининские чтения: сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции, 21-23 мая 2015 г., г. Сочи, Сочинский государственный университет.
5. Камерон К. Диагностика и изменение организационной культуры / К. Камерон, Р. Куин; пер. с англ.; под ред. И. В. Андреевой. - СПб.: Питер, 2001. - 320 с.
6. Кларк Б. Р. Система высшего образования. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 240 с.
7. Магура М. И. Приверженность работников своей организации: Автореф. дис. канд. психол. наук. - М., 2003.
8. Свиридова А.С. Организационная культура вуза как средство формирования профессиональной приверженности будущих менеджеров // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2008. – № 2 (2). – С. 55-61.
9. Соловечик А.В. Лояльность персонала и факторы, характеризующие организацию // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. - № 125. – С. 93-98.
10. Тихомирова О. Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики, 2008. - 154 с.
11. Харский, К. Благонадежность и лояльность персонала. - СПб.: Питер, 2003. - 496 с.

References

1. Andreeva I. V. Organizatsionnaya kul'tura: ucheb. posobie / I.V. Andreeva, O.B. Betina. – SPb, 2010 – 293 s.
2. Belyaev A. Korporativnaya kul'tura universiteta: ot teorii k praktike // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2007. - № 11. - S. 62-83.
3. Boykova O. I. Korporativnaya kul'tura v vuze kak strategicheskij resurs innovatsionnogo razvitiya // Vestnik rossiyskoy akademii estestvennykh nauk. – 2011. – № 4. – S. 109-111.
4. Zabelina E.V. Organizatsionnaya saga kak tekhnologiya formirovaniya korporativnoj kul'tury vuza // Druzhininskie chteniya: sbornik materialov XIV Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 21-23 maya 2015 g., g. Sochi, Sochinskij gosudarstvennyj universitet.
5. Kameron K. Diagnostika i izmenenie organizatsionnoj kul'tury / K. Kameron, R. Kuin; per. s angl.; pod red. I. V. Andreevoy. - SPb.: Piter, 2001. - 320 s.
6. Klark B. R. Sistema vysshego obrazovaniya. – M.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly ehkonomiki, 2011. – 240 s.
7. Magura M. I. Priverzhennost' rabotnikov svoey organizatsii: Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. - M., 2003.
8. Sviridova A.S. Organizatsionnaya kul'tura vuza kak sredstvo formirovaniya professional'noy priverzhennosti budushchikh menedzherov // Intellect. Innovatsii. Investitsii. – 2008. – № 2 (2). – S. 55-61.
9. Solovechik A.V. Loyal'nost' personala i faktory, kharakterizuyushchie organizatsiyu // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2010. - № 125. – S. 93-98.
10. Tikhomirova O. G. Organizatsionnaya kul'tura: formirovanie, razvitie i otsenka. - SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta informatsionnykh tekhnologiy, mekhaniki i optiki, 2008. - 154 s.
11. Harskij, K. Blagonadezhnost' i loyal'nost' personala. - SPb.: Piter, 2003. – 496 s.

Козлова Н.С.¹, Комарова Е.Н.²Кандидат психологических наук, старший преподаватель, Ивановский государственный университет
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДУ**Аннотация**

В статье рассматривается взаимосвязь эмоциональной сферы личности, в частности эмоционального интеллекта, со спецификой деятельности, общения и активности в целом пользователей Интернета. Выявленные закономерности основаны на результатах эмпирического исследования, осуществленного с помощью методов тестирования, анкетирования и корреляционного анализа (в качестве основного метода аналитической статистики). Полученные результаты позволяют уточнить психологический портрет как лица, конструктивно использующего возможности сети, так и пользователя, характеризующегося непродуктивным «застреванием» в интернет-пространстве. Это, соответственно, позволяет конкретизировать и вопрос об интернет-аддикции.

Ключевые слова: Интернет, виртуальное пространство, эмоциональный интеллект.

Kozlova N.C.¹, Komarova E.N.²

PhD in Psychology, senior lecturer at Ivanovo state University

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND ENGAGEMENT OF THE INDIVIDUAL IN THE ONLINE ENVIRONMENT**Abstract**

The article examines the relationship of the emotional sphere of the personality, in particular emotional intelligence, with specific activities, communication and activity in General Internet users. Identified patterns based on results of empirical research carried out by the methods of testing, questionnaires and correlation analysis as the primary method of analytical statistics). The obtained results allow to clarify the psychological portrait of how individuals constructively exploit the capabilities of the network and the user, characterized by unproductive "stuck" in the Internet space. It is, accordingly, allows to concretize the issue of Internet addiction.

Keywords: Internet, virtual space, emotional intelligence.

В психологии, при изучении различных феноменов и явлений, существует подход, согласно которому выделяется три компонента – поведенческий, когнитивный и эмоциональный. На наш взгляд именно последний зачастую не учитывается в достаточной мере при изучении вовлеченности личности в интернет-среду. При этом, если вслед за метрами данной науки, Л. С. Выготским и С.Л. Рубинштейном [1,4], исходить из того, что именно переживания являются началом формирования сознания, то вопрос о соотношении эмоции и активности пользователей сети требует разрешения.

Ранее мы уже рассматривали влияние эмоциональной направленности личности на ее вовлеченность в интернет-пространство, а также взаимосвязь эмоциональных особенностей подростков и специфики вовлеченности в социальные сети [2,3]. В данной же работе мы намерены проанализировать взаимосвязь эмоционального интеллекта пользователей Интернета со спецификой их активности в виртуальном мире.

Первый исследуемый нами аспект эмоционального интеллекта – эмоциональная осведомленность. Мы выявили, что лица, характеризующиеся высокими показателями данного свойства, чаще всего используют Интернет для знакомства с новыми людьми ($r=0,31$, при $p\leq 0,05$) и для размещения продуктов своей творческой деятельности ($r=0,30$, при $p\leq 0,05$). Таким образом, мы видим здесь направленность на расширение круга общения и продуктивную самопрезентацию. Чрезмерной вовлеченности или не конструктивной активности лица с высокой эмоциональной осведомленности не демонстрируют.

Пользователи с хорошими навыками управления собственными эмоциями в виртуальном пространстве имеют множественные цели. При этом заметим, что и направленность этих целей носит весьма разносторонний характер.

Таким пользователи именно в сети занимаются поиском нужной информацией ($r=0,42$, при $p \leq 0,01$), узнают новости о событиях в мире ($r=0,39$, при $p \leq 0,01$), интересуются развлекательной информацией ($r=0,29$, при $p \leq 0,05$), общаются с теми, с кем редко видятся в реальной жизни ($r=0,44$, при $p \leq 0,01$), а также знакомятся с новыми людьми ($r=0,37$, при $p \leq 0,01$), решают профессиональные задачи, ведут деловую переписку ($r=0,38$, при $p \leq 0,01$), ищут единомышленников, вступая в группы по интересам ($r=0,31$, при $p \leq 0,05$), а также сами создают различные сообщества ($r=0,29$, при $p \leq 0,05$). Кроме этого, они участвуют в тематических обсуждениях, форумах ($r=0,40$, при $p \leq 0,01$), в различных опросах ($r=0,45$, при $p \leq 0,01$), ищут специалистов для решения конкретных задач ($r=0,47$, при $p \leq 0,01$), производят денежные операции ($r=0,41$, при $p \leq 0,01$), покупки ($r=0,31$, при $p \leq 0,05$), при этом знакомятся с мнением других пользователей о вещах, которые собираются приобрести ($r=0,36$, при $p \leq 0,01$), размещают продукты своей творческой деятельности ($r=0,36$, при $p \leq 0,01$), поиску информации о развлечениях ($r=0,34$, при $p \leq 0,05$), участием в официальных и не официальных образовательных программах ($r=0,43$, при $p \leq 0,01$; $r=0,50$, при $p \leq 0,01$), общественной и политической деятельности ($r=0,49$, при $p \leq 0,01$; $r=0,39$, при $p \leq 0,01$).

И здесь мы можем говорить не просто о чрезмерной вовлеченности, но и о переносе практических сфера жизнедеятельности из реального в виртуальный мир. Вероятно, Интернет как раз позволяет в максимальной степени контролировать свои эмоции. Именно поэтому он и становится доминирующим пространством для таких лиц.

Эту мысль подтверждает и то, что респонденты с высоким уровнем управления своими эмоциями, видят во влиянии Интернета на их жизнь исключительно положительные стороны, отрицая наличие негативных последствий. Так, они утверждают, что благодаря сети увеличилась их социальная активность ($r=0,29$, при $p \leq 0,05$), они могут поддерживать контакты с теми, кто находится далеко ($r=0,33$, при $p \leq 0,05$), что интернет-пространство способствовало занятию спортом ($r=0,37$, при $p \leq 0,01$) и развитию собственного дела или бизнеса ($r=0,33$, при $p \leq 0,05$). В тоже время они не думают, что виртуальный мир способствует тому, что они много времени тратят впустую ($r=-0,29$, при $p \leq 0,05$), отвлекает от решения проблем ($r=-0,35$, при $p \leq 0,05$) и что сократилось количество «живого» общения ($r=-0,32$, при $p \leq 0,05$).

Все это позволяет нам говорить о том, что именно лица, у которых наблюдается повышенный уровень контроля над эмоциями, однозначно нуждаются в помощи психологов-специалистов для профилактики или преодоления интернет-аддикции.

В отношении следующего показателя – самомотивации, также были выявлены определенные закономерности. Направленность активности пользователей с высоким уровнем данного свойства носит развлекательный характер: они ищут информацию, касающуюся различных развлечений ($r=0,28$, при $p \leq 0,05$). А вот ориентация на коммуникативный аспект использования сети у них не выявлено, такие респонденты указывают, что интернет не способен удовлетворить потребность в социальных связях ($r=-0,32$, при $p \leq 0,05$). Таким образом, в этом случае, мы видим узкую и четко очерченную цель использования интернет-пространства.

В отличие от них, лица с высокой эмпатией, не ориентированы ни на какой вид виртуальной активности. Вероятно, именно для таких лиц необходимо непосредственное взаимодействие с людьми к какой бы области эта коммуникация не относилась. Только таким образом они могут проявлять свои эмпатийные способности, что в сети осуществить невозможно.

В заключении, хотелось бы рассмотреть взаимосвязь умения распознавать эмоции других людей и специфики вовлеченности в интернет-среду. Данные способности коррелируют со склонностью личности размещать в виртуальном пространстве продукты своей творческой деятельности ($r=0,28$, при $p \leq 0,05$). С их точки зрения, Интернет способствует реализации потребности в доминантности ($r=0,30$, при $p \leq 0,05$). Говоря о влиянии сети на их собственную жизнедеятельность, они отмечают, что стали больше читать ($r=0,31$, при $p \leq 0,05$), хотя и возникает общее чувство деградации ($r=0,30$, при $p \leq 0,05$). Следовательно, при тенденции к виртуальной самопрезентации сохраняется критическая оценка влияния сети на собственную жизнь.

Подводя итог данной работе, заметим, что различные составляющие эмоционального интеллекта оказывают дифференцированное влияние на специфику вовлеченности в интернет-пространство. Единственный аспект, не взаимосвязанный с какой либо активностью в сети – эмпатия. Высокие навыки распознавания эмоций других людей, как и эмоциональная осведомленность запускают стремление к виртуальной самопрезентации. Последняя также сопровождается и желанием расширения коммуникации. Лица, характеризующиеся высокой самомотивацией, ориентированы исключительно на развлекательные функции Интернета. Во всех этих случаях, мы можем говорить о конкретной и конструктивной направленности использования интернет-среды. Однако, мы также выявили, что существует группа риска по формированию интернет-аддикции и полному уходу из реального мира в виртуальный, который определяется чрезмерным стремлением управлять собственными эмоциями. Такие пользователи явно нуждаются в психологической помощи, что подтверждает как актуальность, так и практическую значимость данного исследования.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология развития человека. М. : Смысл ; Эксмо. 2003. - 1136 с.
2. Козлова Н. С. Влияние эмоциональной направленности личности на ее вовлеченность в интернет-пространство [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 5 (сентябрь — октябрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Kozlova_Emotional-Orientation-Internet/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 5.07.2015)]
3. Козлова Н. С., Чёрная Е. Е. Взаимосвязь эмоциональных особенностей подростков и специфики вовлеченности в социальные сети [Текст] // Психологические науки: теория и практика: материалы III междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. — С. 39-42.
4. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер. 2002. - 720 с.

References

1. Vygotskij L. S. Psihologija razvitija cheloveka. M. : Smysl ; Jeksmo. 2003. - 1136 s.
2. Kozlova N. S. Vlijanie jemocional'noj napravlenosti lichnosti na ee вовлеченност' v internet-prostranstvo [Elektronnyj resurs] // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2014. № 5 (sentjabr' — oktjabr'). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Kozlova_Emotional-Orientation-Internet/ [arhivirovano v WebCite] (data obrashhenija: 5.07.2015)]
3. Kozlova N. S., Chjornaja E. E. Vzaimosvjaz' jemocional'nyh osobennostej podrostkov i specifiky вовлеченности v social'nye seti [Tekst] // Psihologicheskie nauki: teorija i praktika: materialy III mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, ijun' 2015 g.). — M.: Buki-Vedi, 2015. — S. 39-42.
4. Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii. SPb. : Piter. 2002. - 720 s.

Фотекова Т.А.

Доктор психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им.Н.Ф.Катанова»

Публикация подготовлена при поддержке фонда РГНФ, грант № 14-06-00293

ОСОБЕННОСТЬ ЛЕВО- И ПРАВОПОЛУШАРНЫХ ФУНКЦИЙ У СЕЛЬСКИХ И ГОРОДСКИХ ДЕТЕЙ

Аннотация

В статье рассматриваются результаты нейропсихологического обследования 70 второклассников, живущих в селе, 70 детей того же возраста, проживающих в городе. Выявлено, что городские условия проживания стимулируют развитие функции левого полушария мозга, у сельских младших школьников, напротив, лучше сформированы правополушарные функции.

Ключевые слова: высшие психические функции, социокультурные факторы, лево- и правополушарные функции

Fotekova T.A.

Doctor of Psychology, Associate Professor,

FSBEI HPE "N.F. Katanov Khakass State University"

THE FEATURES OF THE LEFT AND RIGHT HEMISPHERE OF RURAL AND URBAN CHILDREN

Abstract

The total neuropsychological study has been conducted among 70 second-class pupils living in the country, 70 children of the same age living in the town. The results indicate that the type of settlement influences the formation of higher mental functions. In the city more successful left-brain functions, in the village - right hemisphere

Keywords: higher mental functions, socio-cultural factors, left and right hemisphere functions

Функциональная асимметрия является одним из основных принципов мозговой деятельности и проявляется в различных психических функциях. Мозг – это парный орган, при этом каждое полушарие имеет свой язык, свои способы переработки информации и знаковые системы. А.В.Семенович так характеризует когнитивные стратегии, обусловленные функциональной специализацией полушарий: «Одна из них – правополушарная – в качестве точки отсчета (и критериев оценки полученного результата) использует внутренние, невербализуемые, чувственные соматогностические состояния. Другая – левополушарная – социокультурные, то есть извне приобретенные и усвоенные, вербализованные...» [6, с.30]. Особенности преобладания лево- или правополушарных стратегий связаны с профилем латеральной организации, который является важной характеристикой индивидуальности человека и синдромообразующей особенностью мозга.

Функциональная специфика мозговых структур и специализация полушарий с одной стороны генотипически обусловлена, с другой стороны формируются прижизненно [7]. Развитие полушарий происходит неравномерно. Считается, что к моменту рождения правое полушарие развито в большей степени, чем левое, и на ранних этапах онтогенеза оно продолжает опережать левое, и сохраняет ведущие позиции. Обсуждая механизмы лежащие в основе этого явления, Н.Г. Манелис указывает на связь правого полушария с диэнцефальными структурами, отвечающими за вегетативную регуляцию и гомеостаз, которые являются жизненно важными, следовательно, приоритетными задачами постнатального развития. Активность гипоталамо-диэнцефальных структур стимулирует развитие связанного с ними правого полушария [4]. Таким образом, существует тенденция развития справа на лево, однако «...в отношении каждой конкретной функции на определенных этапах онтогенеза становление идет от доминантного по ней полушария к субдоминантному». [4, с. 24.].

Поскольку процесс функциональной специализации полушарий протяжен во времени и завершается, вероятно, лишь к окончанию подросткового возраста, на него должны влиять обучение, условия жизни и развития, т.е. различные социокультурные факторы. Одним из таких факторов может выступать городской или сельский тип поселения. В.М.Поляков изучал сельских и городских детей в рамках скринингового популяционного исследования, где основное внимание уделялось латеральным признакам асимметрии мозга. Было выявлено накопление праволатеральных признаков, указывающих на ведущую роль левого полушария, у городских детей и амбилатеральности у сельских. Эта особенность закономерно сочеталась с большей успешностью слухоречевых функций у детей, живущих в городе, дети из села лучше справлялись со зрительной информацией [5].

В нашем исследовании анализируются результаты нейропсихологического изучения 140 второклассников, 70 из которых проживают в сельских районах Республики Хакасия и 70 - в г. Абакане.

Были использованы методы, разработанные А. Р. Лурией [3] и адаптированные в лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Т. В. Ахутиной [2]. Обработка данных осуществлялась с применением пакета программ IBM SPSS Statistics 20. Применялся t-критерий Стьюдента.

Среди параметров выполнения нейропсихологических проб можно выделить такие, которые свидетельствуют о качестве переработки информации преимущественно по лево- или правополушарному типу [1,2]. К «левополушарным» были отнесены показатели праксиса позы пальцев правой руки, орального праксиса, грамматического и лексического оформления текста, понимания названий предметов и действий, близких по звучанию и значению, понимания пассивных логико-грамматических конструкции, объема кратковременной и долговременной слухоречевой памяти. В качестве штрафных оценок учитывались общий показатель «левосторонних» ошибок в пробах на зрительно-пространственную память («обтаивания» фигур, «улучшение» гештальта, упрощения фигур), количество звуковых замен и замен слов по семантическому сходству при запоминании, число вербально-перцептивных ошибок в пробах на зрительный гнозис.

Состояние правополушарных функций оценивалось на основе показателей праксиса позы пальцев левой руки, оценок копирования стола, опознания недорисованных изображений, объема произвольной слухоречевой и зрительно-пространственной памяти. Принимались во внимание также штрафные параметры: количество перцептивно близких, перцептивно далеких ошибок и ошибок фрагментарности в пробах на зрительный гнозис; количество случаев выхода за границы изображения при работе с кубиками Коса; количество координатных ошибок при копировании стола; общий показатель «правосторонних» ошибок в пробах на зрительно-пространственную память (комплексные искажения фигур, «разложение» гештальта, дизметрии); количество искажений слов в пробах на слухоречевую память.

Анализ полученных данных подтверждает наличие выраженных различий между сельскими и городскими детьми по уровню сформированности функций левого полушария мозга (таблица 1)

Таблица 1 – Показатели состояния преимущественно левополушарных функций

Название показателя	село	город	Уровень различий
Продуктивность называния глаголов	7,5	11,2	0,000**
Продуктивность называния растений	6,9	10,7	0,000**
Количество вербально-перцептивных ошибок в пробе на зрительный гнозис	2,6	2,0	0,056~
Слухоречевая память: 2-е воспроизведение	4,3	5,0	0,002**
Слухоречевая память: 3-е воспроизведение	4,4	5,5	0,000**
Слухоречевая память: отсроченное воспроизведение	3,9	5,0	0,000**
Слухоречевая память: количество звуковых замен	0,7	0,2	0,014*
Смысловое программирование текста пересказа	0,9	1,7	0,000**
Грамматическое оформление пересказа	0,9	1,5	0,000**
Лексическое оформление пересказа	0,9	1,6	0,000**
Слоговая структура слова	2,7	4,4	0,000**
Понимание названий предметов, близких по звучанию	2,3	3,3	0,000**
Понимание названий действий, близких по значению	2,0	3,1	0,000**
Количество правильно обоснованных исключений лишнего понятия	1,9	3,5	0,000**

Все выявленные различия указывают на то, что в городских условиях левополушарные функции развиваются гораздо успешнее. Из таблицы видно, что все показатели имеют отношение к речи. Это актуализация глаголов и названий растений, объем кратковременной и долговременной слухоречевой памяти и избирательность следов данной модальности, а также способность к формированию связного высказывания и такие параметры импрессивной речи, как понимание фонетически и семантически близких слов, вербальное мышление, способность к четкому установлению связи между зрительным образом и его наименованием, выстраивание послоговой программы при произношении сложных слов. Очевидно, что все эти способности, точнее навыки, формируются в процессе обучения и зависят от социокультурной среды, в которой происходит развитие ребенка. Можно предположить, что речевое окружение ребенка, проживающего в городе, более богато и разнообразно в лексическом и синтаксическом отношении. Вербальным аспектам в обучении городских детей отводится больше места и придается больше значения, чем это делается в селе.

Различия в состоянии правополушарных функций не столь абсолютны и однозначны, но все-таки позволяют говорить о преимуществе сельских школьников (Таблица 2).

Таблица 2 – Показатели состояния преимущественно правополушарных функций

Название показателя	село	город	Уровень различий
Продуктивность выполнения левой рукой проб на праксис позы пальцев	3,4	4,3	0,015**
Количество соматотопических ошибок в пробах Хэда	0,5	1,2	0,001**
Количество случаев выхода за границы образца при складывании кубиков Кооса	0,7	1,0	
Количество правильно узнаваемых недорисованных изображений	2,3	2,0	
Количество перцептивно-далеких ошибок при узнавании зашумленных изображений	1,0	0,4	0,000**

Окончание табл. 2 – Показатели состояния преимущественно правополушарных функций

Название показателя	село	город	Уровень различий
Количество ошибок фрагментарности при узнавании зашумленных изображений	0,9	1,1	
Зрительно-пространственная память: 1 воспроизведение	1,5	0,9	0,005**
Зрительно-пространственная память: 2 воспроизведение	2,5	1,8	0,002**
Зрительно-пространственная память: 3 воспроизведение	2,8	2,3	
Количество «правосторонних» изменений при воспроизведении фигур	1,8	2,7	0,024*
Количество «правосторонних» искажений при воспроизведении фигур	0,5	0,8	
Количество нарушений порядка следования фигур	1,5	2,4	
Количество ошибок зеркальности при воспроизведении фигур	0,7	1,3	

Сельские дети лучше ориентируются в пространстве собственного тела, у них в большей степени сформировано целостное «гештальтное» восприятие, они успешнее копируют трехмерный объект, реже неверно ориентируют рисунок в пространстве листа и не соблюдают строку, лучше опознают недорисованные изображения, имеют больший объем зрительно-пространственной памяти, реже допускают ошибки, обусловленные дефицитом переработки информации по правополушарному типу и по типу зеркальности при воспроизведении невербализуемых фигур. При этом дети из села чаще искажают слова, допускают грубые перцептивно далекие ошибки в пробах на зрительное восприятие, хуже, чем городские дети, понимают логико-грамматические конструкции, передающие взаимное расположение предметов в пространстве. Это как будто противоречит нашим выводам о том, что функции правого полушария мозга у сельских детей сформированы лучше, чем у городских. Но, почти все неуспешные показатели, хотя и являются правополушарными, так или иначе связаны с речью, которая у сельских детей выступает как дефицитарная функция.

Так как правое полушарие в онтогенезе развивается раньше, а созревание левополушарных функций требует больше времени и более явно зависит от обучения, можно сделать вывод о темповых различиях в формировании высших психических функций у сельских и городских детей. Дети, живущие в городе, опережают сельских сверстников, так как более информированы и лучше обучены.

Наше исследование подтверждает, что тип поселения оказывает выраженное влияние на состояние лево- и правополушарных функций младших школьников.

Сельские условия проживания замедляют формирование левополушарных функций. Городские дети по уровню развития левополушарных функций значительно превосходят сельских сверстников, но по степени сформированности правополушарных отстают от них.

Литература

1. Ахутина Т.В., Меликян З.А., Зрительно-пространственная память у младших школьников в норме и с задержкой психического развития // Методы нейропсихологической диагностики / Под ред. Е.Ю. Балашовой, М.С. Ковязиной. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК». – 2009. – С.288-300.
2. Ахутина Т.В. Полонская Н.Н., Пылаева Н.М., Максименко М.Ю. Методики нейропсихологического исследования детей // Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Под ред. Т.В. Ахутиной, О.Б. Иншаковой. М.: Секачев. - 2012. - С.11-33
3. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. 3-е изд. М.: Академический проект, 2000. – 512 с.
4. Манелис Н.Г. Нейропсихологические закономерности нормального развития // Школа здоровья. – 1999. – Т.6.- № 1. – С.8-24
5. Поляков В.М. Нейропсихология в скрининговых исследованиях детских популяций / В.М. Поляков // Доклады второй международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Р. Лурия / Под ред. Т.В. Ахутиной, Ж.М. Глозман. – М.: «Смысл», 2003. С. 198-206.
6. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста. М.: Генезис, 2005. – 319 с.
7. Хомская Е.Д. Об асимметрии блоков мозга // Нейропсихология сегодня / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, - 1995. – С. 14-27.

References

1. Ahutina T.V., Melikjan Z.A., Zritel'no-prostranstvennaja pamjat' u mladshih shkol'nikov v norme i s zaderzhkoj psihicheskogo razvitiya // Metody nejropsihologicheskoy diagnostiki / Pod red. E.Ju. Balashovoj, M.S.Kovjazinoj. – М.: Izd-vo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODJeK». – 2009. – С.288-300.
2. Ahutina T.V. Polonskaja N.N., Pylaeva N.M., Maksimenko M.Ju. Metodiki nejropsihologicheskogo issledovanija detej // Nejropsihologicheskaja diagnostika, obsledovanie pis'ma i chtenija mladshih shkol'nikov / Pod red. T.V.Ahutinoj, O.B. Inshakovo. М.: Sekachev. - 2012. - S.11-33
3. Lurija A.R. Vysshie korkovyje funkcii cheloveka i ih narushenija pri lokal'nyh porazhenijah mozga. 3-e izd. М.: Akademicheskij projekt, 2000. – 512 s.
4. Manelis N.G. Nejropsihologicheskie zakonomernosti normal'nogo razvitiya // Shkola zdorov'ja. – 1999. – Т.6.- № 1. – С.8-24

5. Poljakov V.M. Nejropsihologija v skringovyh issledovanijah detskih populjacij / V.M. Poljakov //Doklady vtoroj mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 100-letiju so dnja rozhdenija A.R.Lurija / Pod red. T.V. Ahutinoj, Zh.M. Glozman. – M.: «Smysl», 2003. S. 198-206.
6. Semenov A.V. Vvedenie v nejropsihologiju detskogo vozrasta. M.: Genezis, 2005. – 319 s.
7. Homskaja E.D. Ob asimmetrii blokov mozga // Nejropsihologija segodnja / Pod red. E.D.Homskoj. M.: Izd-vo Mosk.un-ta, - 1995. – S. 14-27

НАУКИ О ЗЕМЛЕ / SCIENCE ABOUT THE EARTH

Красноярова Н. А.¹, Гладких М. А.², Курганова Е.В.³

¹Кандидат геолого-минералогических наук, доцент, ФГБУН Институт химии нефти Сибирского отделения Российской академии наук, ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский Томский политехнический университет;

²старший преподаватель, ФГБОУ ВПО Национальный исследовательский Томский политехнический университет;

³ассистент, ФГБОУ ВПО Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-05-03910

ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВИЙ ОСАДКОНАКОПЛЕНИЯ ПО СОСТАВУ УГЛЕВОДОРОДНЫХ СОЕДИНЕНИЙ В РАССЕЯННОМ ОРГАНИЧЕСКОМ ВЕЩЕСТВЕ ОТЛОЖЕНИЙ НИЖНЕГО МЕЛА СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Аннотация

В статье представлены результаты исследования рассеянного органического вещества (РОВ) пород нижнего мела ЯНАО. Рассмотрен молекулярный состав РОВ, особенности распределения нормальных и изопреноидных алканов, фенантронов, стеранов, гопанов, алициклических и ароматических углеводородов. Полученные данные свидетельствуют о субокислительных условиях, существовавшие в бассейне седиментации, а также существенном вкладе в исходное органическое вещество как фитопланктона, так и наземной растительности. Состав стеранов и пониженное их количество по отношению к гопанам указывает на континентальный генезис ОВ.

Ключевые слова: рассеянное органическое вещество, состав углеводородов, условия осадконакопления.

Krasnoyarova N.A.¹, Gladkich M.A.², Kurganova E.V.³

¹PhD in Geology and Mineralogy, Institute of Petroleum Chemistry SB RAS, National Research Tomsk Polytechnic University; ²Senior Lecturer, National Research Tomsk Polytechnic University;

³Assistant, Research Tomsk Polytechnic University

THE CHARACTERIZATION OF HYDROCARBON COMPOUNDS IN THE DISPERSED ORGANIC MATTER LOWER CRETACEOUS DEPOSITS OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

Abstract

The paper presents the results on the study of dispersed organic matter (DOM) in Lower Cretaceous rocks of the Yamal-Nenets Autonomous Area. DOM molecular composition, features of distribution of normal and isoprenoid alkanes, phenanthrenes, steranes, hopanes, alicyclic and aromatic hydrocarbons have been considered. The data obtained testify sub-oxidizing conditions that existed in the sedimentation basin, as well as substantial contributions of phytoplankton and terrestrial vegetation to the initial organic matter. Composition of steranes and their reduced amount relative to hopanes indicate continental genesis of OM.

Keywords: dispersed organic matter, composition of hydrocarbon, conditions of sedimentation.

Северные территории России в долгосрочной перспективе будут основой стабильности экономики для воспроизводства минерально-сырьевой базы. Территории ЯНАО характеризуется исключительными запасами как минерально-сырьевых, так и топливно-энергетических природных ресурсов. Изучение данной территории позволит определить направления рационального использования природных ресурсов и обеспечить их воспроизводство.

Изучение молекулярного состава рассеянного в породах органического вещества позволяет определить его фациально-генетическую принадлежность и специфику диагенетических и катагенетических преобразований. По данным о молекулярном составе реликтовых структур, унаследовавших основные черты строения исходных биологических молекул, можно получить представление об основных источниках ОВ в осадках [1]. Совокупность полученных результатов позволяет дать оценку исследованной территории на перспективность обнаружения в них новых залежей углеводородов.

В качестве объектов исследования были выбраны песчаники, алевролиты, алевроаргиллиты, аргиллиты и углистые аргиллиты ачимовского комплекса (нижний мел) Нижнепуровского района ЯНАО. С целью определения степени преобразования и условий трансформации РОВ пород был исследован состав нормальных и изопреноидных алканов, фенантронов, стеранов, гопанов, алициклических и ароматических углеводородов (табл. 1).

В разрезе исследованных отложений выделяют сортымскую свиту (K1/srt), которая перекрывается тангаловской (K1/tng, валанжинский и аптский ярусы). Южная окраина территории изучена в пределах Южно-Пырейной (скв. 21 и 22), северо-западная часть – в пределах Уренгойской (скв. 11 и 62) площадей.

Органические компоненты выделяли из кернового материала экстракцией раствором 7 % метанола в хлороформе (ХБ) при 60 °С. Молекулярный состав органических соединений исследовали методом ГХ-МС с использованием магнитного хромато-масс-спектрометра DFS фирмы "Thermo Scientific" (Германия). Содержание отдельных структур

определяли по площади соответствующих пиков на хроматограммах с использованием внутреннего стандарта и поправочных коэффициентов, определенных для каждого класса соединений.

Для оценки степени термической преобразованности рассеянного в породах органического вещества (ОВ) были исследованы распределение и состав фенантронов, по которым рассчитаны метилфенантеновый индекс $MPI = 1,5 \cdot (2MP+3MP)/(P+1MP+9MP)$ и расчетная отражательная способность витринита $Rc = 0,6 MPI + 0,4$ [2].

Полученные результаты (табл. 1) характеризуют ОВ северо-западной зоны как термически мало зрелое (стадия катагенеза от ПК₃ до начала МК₁), а южной зоны – более термически преобразованное (МК₁ до середины МК₂). Величина отношения П/Ф указывает в основном на субокислительные условия, существовавшие в бассейне седиментации.

Таблица 1 – Характеристика исследованных пород и параметры состава фенантронов и алканов

№ образца	Глубина, м	Возраст/свита	ХБ, %	Rc	П/Ф	П/C ₁₇	Ф/C ₁₈	СРП
Южная зона								
1	2724.2	K ₁ /tng	0.23	0.64	1.9	0.52	0.34	1.49
2	3011.2	K ₁ /srt	0.12	0.66	1.8	0.59	0.48	1.08
3	3108.5	K ₁ /srt	0.15	0.77	1.7	0.52	0.56	1.03
4	3242.0	K ₁ /srt	0.07	0.55	0.9	0.54	0.60	1.04
5	3005.4	K ₁ /srt	0.07	0.54	1.4	0.45	0.51	0.86
6	3240.5	K ₁ /srt	0.04	0.54	1.3	0.51	0.47	1.01
7	3240.6	K ₁ /srt	0.11	0.54	1.0	0.69	0.54	1.32
8	3263.0	K ₁ /srt	0.09	0.65	1.5	0.52	0.51	1.00
Северо-западная зона								
9	2653.9	K ₁ /tng	0.08	0.49	1.1	0.72	0.57	0.99
10	2743.1	K ₁ /tng	0.03	0.68	2.4	0.73	0.40	1.01
11	2758.1	K ₁ /tng	0.06	0.49	1.4	0.46	0.39	1.06
12	2792.3	K ₁ /tng	0.41	0.77	1.7	0.40	0.61	1.04
13	2879.5	K ₁ /tng	0.09	0.59	1.3	0.73	0.52	0.97
14	2707.8	K ₁ /tng	0.41	0.59	1.7	0.76	0.47	1.43

Характер молекулярно-массового распределения н-алканов свидетельствует о существенном вкладе фитопланктона в состав ОВ – максимум их распределения практически во всех образцах приходится на область C₁₅-C₁₇.

В составе УВ всех пород за одним исключением (обр. 12) преобладают насыщенные структуры, среди которых кроме алканов идентифицированы структурные группы стеранов, гопанов, бициклических сесквитерпанов (дриманов и кадинанов).

Среди ароматических УВ, представленных моно-, би-, три-, тетра- и пентациклическими структурами, преобладают биарены. Содержание тетра- и пентациклических очень мало.

О существенном вкладе наземных растений в исходное ОВ свидетельствует повышенное относительное количество ретена и особенно кадалена (табл. 2), а также присутствие частично ароматизированного производного абietiновой кислоты симонеллита [1].

Таблица 2 – Параметры состава ароматических углеводородов ОВ пород

Образец	Содержание, % отн.				реген/ фенантрен	кадален/ фенантрен	симонелит/ фенанатрен
	алканов	цикланов	биаренов	триаренов			
Южная зона							
1	71.0	0.26	22.7	5.6	0.011	0.051	0.003
2	57.5	0.18	28.2	13.7	0.003	0.003	0.002
3	45.9	0.20	43.3	9.9	0.006	0.005	0.003
4	73.0	0.23	23.5	2.9	0.002	0.007	0
5	52.6	0.13	27.6	19.2	0.008	0.011	0.017
6	83.0	0.06	4.3	12.2	0.003	0.008	0
7	74.9	0.33	16.6	7.7	0.013	0.078	0.007
8	62.3	0.57	26.3	10.4	0.009	0.003	0.002
Северо-западная зона							
9	81.9	0.17	10.5	7.1	0.0004	0.003	0
10	77.3	0.44	11.1	10.7	0.0007	0.010	0
11	78.5	0.11	13.6	7.4	0.0005	0.008	0
12	28.9	0.17	54.5	16.0	0.007	0.005	0
13	73.0	0.09	16.6	9.9	0.002	0.014	0
14	47.1	0.75	44.7	6.9	0.016	0.091	0.007

Среди гопанов состава C₂₇-C₃₄ в большинстве доминирует C₃₀ гопан (Н). Близкое содержание C₃₀ и C₂₉ гопанов характеризует отложения тангаловской свиты северо-запада. Практически во всех образцах (за исключением обр. 2) в составе стеранов доминируют изомеры C₂₉. Состав стеранов и пониженное их количество по отношению к гопанам

($C_{29}St/C_{30}H$) указывает на континентальный генезис ОВ тангаловской и сортымской свит исследованного участка северных территории Западной Сибири [3].

Сесквитерпаны являются наиболее представительным классом терпанов в большинстве образцов исследованных пород. Их относительное содержание в смеси цикланов составляет 61-99 %. Только в образце 6 среди цикланов преобладают гопаны и содержание сесквитерпанов снижается до 32 % отн. Сесквитерпаны исследованных пород, включают изомеры нордримана, дримана и гомодримана. Кроме дриманов среди сесквитерпанов обнаружены бициклические кадинаны (рис. 1).

Трициклические терпаны присутствуют только в образце 8, где они представлены C_{23} и C_{24} гомологами. Здесь же обнаружен и тетрациклический терпан C_{24} . В других образцах три- и тетрациклические терпаны отсутствуют.

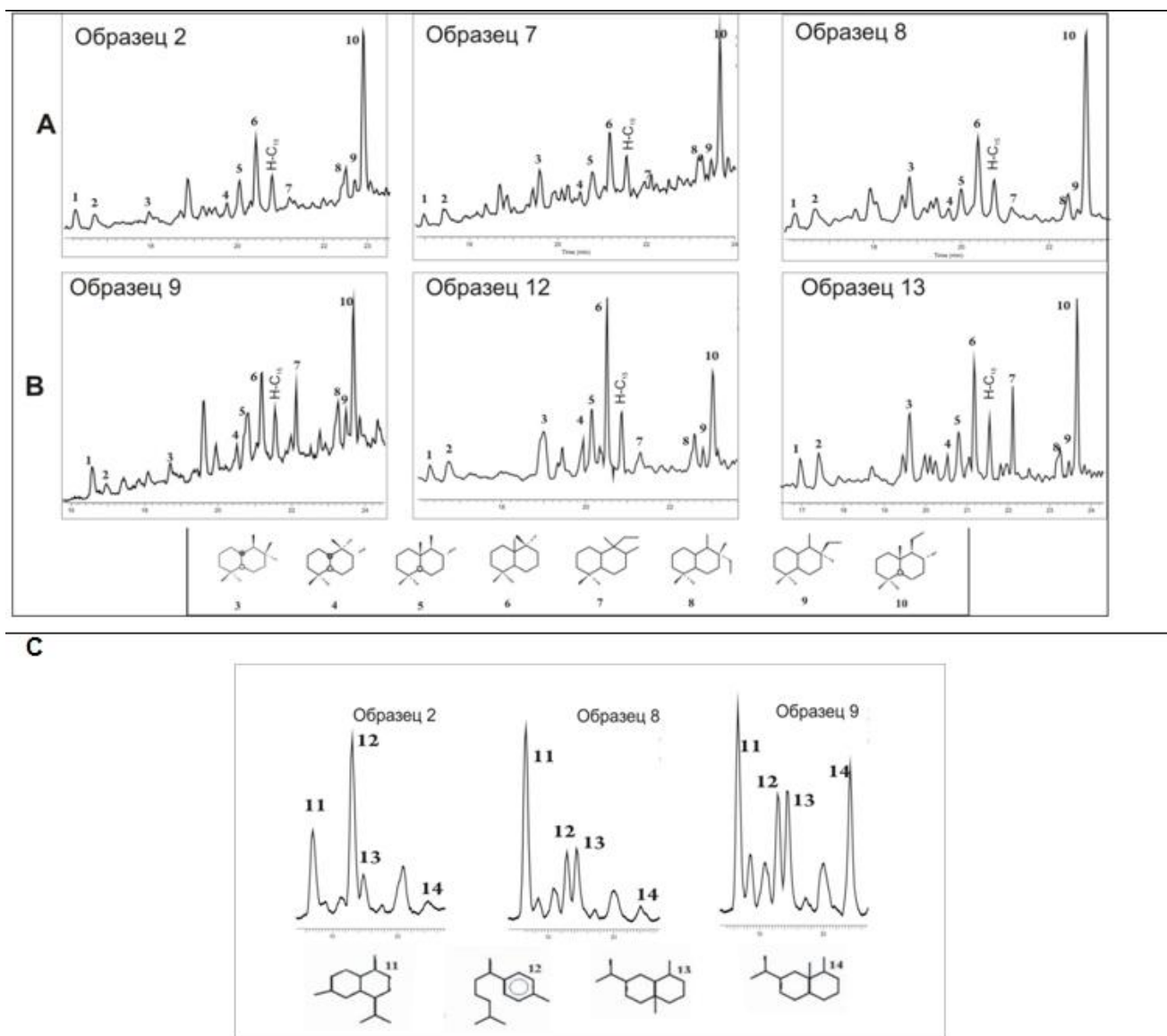

Рис. 1 – Масс-фрагментограммы (m/z 123 и m/z 165) РОВ исследованных пород в разрезе южной (А) и северо-западной (В) зон: 1,2 – нордриманы (C_{14}); 3-6 – дриманы (C_{15}); 7-10 – гомодриманы (C_{16}); 11-14 – кадинаны.

Таким образом, полученные данные указывают на субокислительные условия, существовавшие в бассейне седиментации, а также на существенный вклад в исходное ОВ как фитопланктона, так и наземной растительности. Состав стеранов и пониженное их количество по отношению к гопанам указывает на континентальный генезис ОВ. ОВ меловых пород севера Западной Сибири имеют значительные вариации в составе бициклических сесквитерпанов при значительном вкладе в состав ОВ кадинановых структур. Отмечено нарастание термической преобразованности ОВ с севера (от ПК₃ до начала МК₁) на юг (от МК₁ до середины МК₂).

Литература

1. Peters K.E., Walters C.C., Moldowan J.M. The Biomarker Guide: Biomarkers and isotopes in petroleum systems and Earth History. // Cambridge: University Press, 2005. V. 2. – 1155 p.
2. Radke M. Application of aromatic compounds as maturity indicators in source rocks and crude oils // Mar. Petr. Geol. – V. 5. – 1988. – P. 224-236.
3. Waples D.W., Machihara T. Application of sterane and triterpan biomarkers in petroleum exploration // Bulletin of Canadian Petroleum Geology (CAN). – 1990. – Vol. 38, N 3. – P. 357–380.

References

1. Peters K.E., Walters C.C., Moldowan J.M. The Biomarker Guide: Biomarkers and isotopes in petroleum systems and Earth History. // Cambridge: University Press, 2005. V. 2. – 1155 p.
2. Radke M. Application of aromatic compounds as maturity indicators in source rocks and crude oils // Mar. Petr. Geol. – V. 5. – 1988. – P. 224-236.
3. Waples D.W., Machihara T. Application of sterane and triterpan biomarkers in petroleum exploration // Bulletin of Canadian Petroleum Geology (CAN). – 1990. – Vol. 38, N 3. – P. 357–380.

Литвин В.Т.¹, Хромых Л.Н.², Фарманзаде А.Р.³, Орлов М.С.⁴, Рогожинский Р.А.⁵, Карпунин Н.А.⁶

^{1,3}Аспирант, ⁴магистр, ^{5,6}студент, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»;

²доцент, Самарский государственный технический университет

ПРИМЕНЕНИЕ РЕНТГЕНОВСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТОМОГРАФИИ КЕРНА ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИЗОЛЯЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ГЕЛЕОБРАЗУЮЩИХ СОСТАВОВ

Аннотация

В настоящее время в мире неуклонно продолжается уменьшение запасов легких нефтей с невысокой плотностью и вязкостью, и увеличивается доля трудноизвлекаемых запасов углеводородов (сланцевая нефть и газ, высоковязкие нефти, природные битумы и т.д.), одновременно с этим существует тенденция к повышению требований при оценке достоверности информации, полученной в результате лабораторных испытаний по изучению керна материала и тестирования различных технологий. Все большую популярность среди специалистов нефтегазовой отрасли приобретают исследования, в которых применяется рентгеновская компьютерная томография керна материала. В данной статье рассмотрено одно из исследований по изучению проникновения гелеобразующего состава в керна, проведенное в условиях, близких к пластовым.

Ключевые слова: томография керна, инновационные технологии, трехмерное моделирование, фильтрационные испытания, пористая среда

Litvin V.T.¹, Khromykh L.N.², Farmanzade A.R.³, Orlov M.S.⁴, Rogozhinskiy R.A.⁵, Karpunin N.A.⁶

^{1,3}Postgraduate student, ⁴MSc, ^{5,6}Student, National Mineral Resources University (University of Mines);

²Associate professor, Samara State Technical University

APPLICATION OF X-RAY COMPUTER TOMOGRAPHY FOR ESTIMATION OF EFFICIENCY OF GELLING AGENTS SHUTOFF TREATMENT TECHNOLOGIES

Abstract

There is steady decreasing of light oil reserves with low density and viscosity at the present time. The reserves of unconventional hydrocarbons (shale oil and gas, heavy oils, natural bitumen etc.) are stable increasing. At the same time there is a tendency of uptrend requirements when assessing the reliability of information obtained as a result of laboratory studies of core material and testing different technologies. X-ray computed tomography of core material at the different researches becoming increasingly popular among the oil and gas industry. This paper discusses one of the studies on the penetration of the gel-forming composition in the core sample, carried out in conditions close to the reservoir.

Keywords: core sample tomography, innovation technologies, three-dimensional modeling, filtration studies, porous medium.

На сегодняшний день многие месторождения углеводородов в России и мире находятся на поздней стадии разработки, характеризующейся высокой обводненностью добываемой продукции, низкими дебитами добывающих скважин, прорывами воды от нагнетательных скважин к добывающим и т.д. [1,2,4,5,9,10]. Кроме того, даже на ранних этапах разработки нефтяных и газовых месторождений могут происходить прорывы воды вследствие неоднородности пластов-коллекторов, а также их высокой трещиноватости [7]. Дополнительным осложняющим фактором может являться повышенная или высокая вязкость нефти, вследствие чего, даже на начальной стадии разработки таких месторождений, продукция скважин может быть сильно обводненной [4,5,10]. Помимо указанных факторов необходимо учитывать то, что многие месторождения легкой нефти представлены плотными слабопроницаемыми или осложненными коллекторами, для которых требуются специальные обработки пластов-коллекторов [6, 11].

В современной практике лабораторных исследований эффективности водоизоляционных технологий на основе гелеобразующих составов специалисты руководствуются, по большей части, данными реологических испытаний, фильтрационных исследований на специальном оборудовании позволяющем провести оценку повреждения пласта (например, установка FDES 645 компании Coretest Systems) [7,10]. В ходе испытаний на таких установках оценивается степень увеличения фильтрационного сопротивления при закачке гелей, проявляющаяся в увеличении градиента давления при прокачке воды. При этом визуально наблюдать распределение самого геля и других веществ в таких кернах невозможно. Однако, высокий интерес представляет именно распределение вещества в открытом поровом пространстве образца породы-коллектора. Для визуализации результатов испытания гелеобразующих составов и их распределения в поровом пространстве образцов породы возможно применение компьютерной рентгеновской томографии, сведения о которой представлены в ряде работ [3, 12 - 28].

Прежде чем говорить о возможностях такого исследования в данной статье, необходимо описать ход проведения эксперимента. В качестве образца для проведения фильтрационного исследования был выбран карбонатный керна с высокой абсолютной проницаемостью (560 мД). Предварительно керна был проэкстрагирован, высушен, затем была

создана остаточная водо- и нефтенасыщенность по методикам, описанным в работах [8,10]. Достаточно хорошее описание методик подготовки исследуемых материалов также представлено в диссертационной работе «Обоснование технологии повышения нефтеотдачи залежей высоковязких нефтей в трещинно-поровых коллекторах с применением гелеобразующего состава на основе силиката натрия» автора Никитина М. Н.

Гелеобразующие композиции были приготовлены с применением нескольких видов рентгеноконтрастных веществ: соли йодида калия и урографина. Наибольшую эффективность показал йодид калия в концентрации 10% масс. На рисунке представлен разрез трехмерной модели образца горной породы-коллектора, полученный на компьютерном рентгеновском томографе SkyScan 1173. Цветом показаны модель порового пространства (светло-серый), скелета породы (серый), гелеобразующего состава (красный). Известен ряд патентов, который близок по исполнению к представленной технологии [27,28].

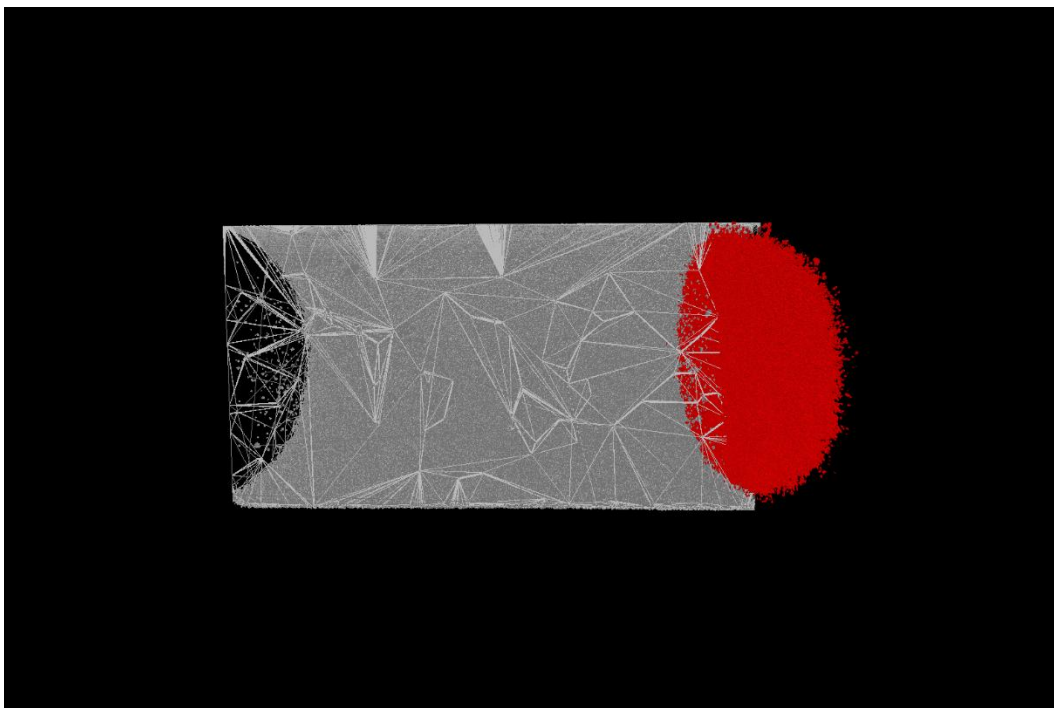

Рис. 1 – Изображение трехмерных моделей, показывающих распределение веществ в пространстве (поровое пространство светлого серого цвета, скелет породы (серый), гелеобразующий состав (красный))

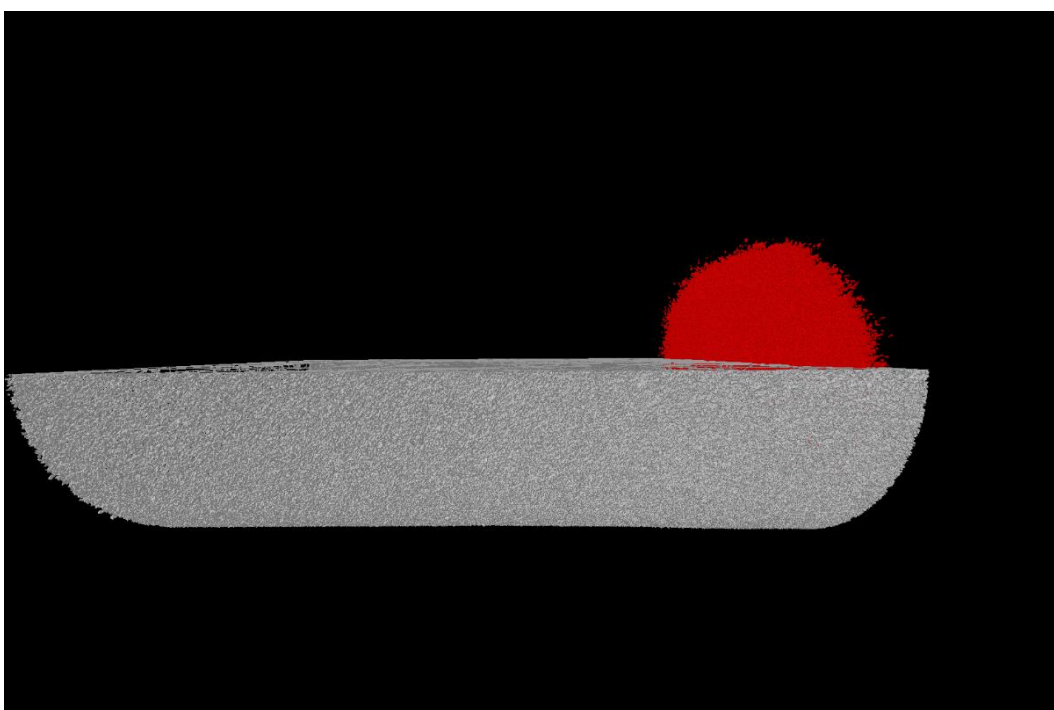

Рис.2 – Изображения трехмерных моделей, показывающих распределение веществ в пространстве (поровое пространство светлого серого цвета, скелет породы (серый), гелеобразующий состав (красный))

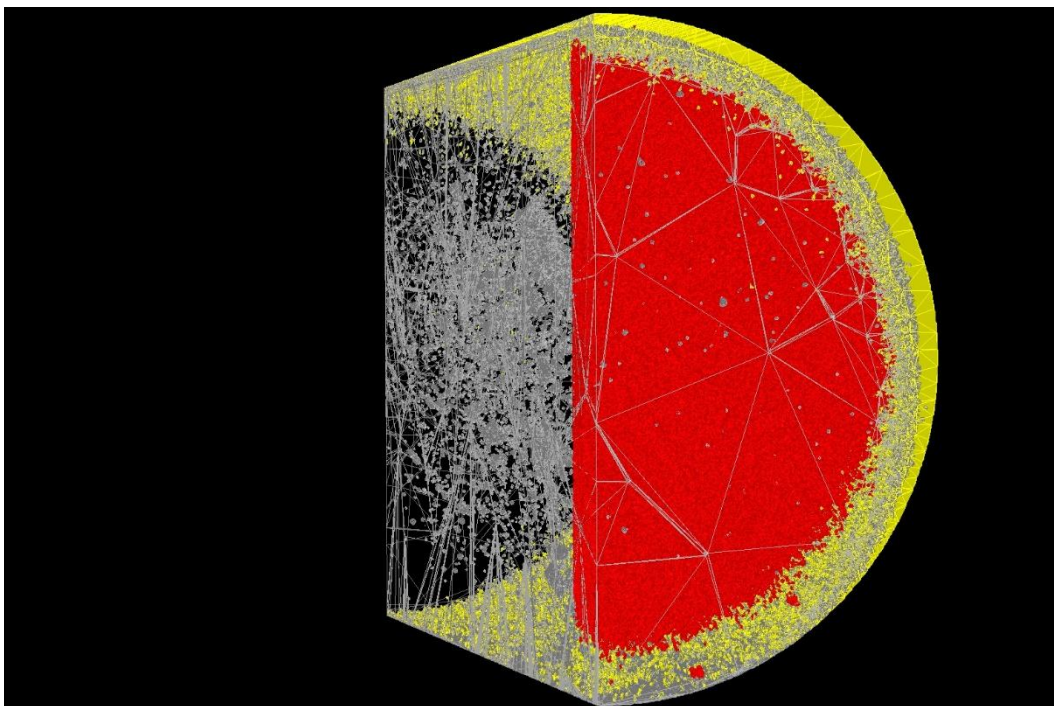

Рис. 3 – Изображения трехмерных моделей, показывающих распределение веществ в пространстве (гелеобразующий состав – красный, поровое пространство светло-серого цвета, форма – желтый)

На представленных рисунках хорошо заметно насколько глубоко гелеобразующий состав проник в керн и какой толщины экран возможно создать при применении данной технологии проведения работ. Данная информация, несомненно, будет интересна специалистам компаний, занимающимся созданием технологий изоляции водопритока в добывающих скважинах и выравнивания профиля приемистости в нагнетательных.

Выводы:

Технология применения рентгеновской компьютерной томографии позволяет получать высококачественные данные по открытому и закрытому поровому пространству, а также модели пространственного распределения пористой среды в общей структуре образца горной породы.

Применение рентгеноконтрастных веществ дает возможность изучения пространственного распределения различных веществ и построения трехмерных моделей.

Возможности рентгеновской томографии позволяют оценить степень проникновения гелеобразующих составов в образцы горных пород, изучить их форму в поровом пространстве.

Литература

1. Ананьев В. В., Смелков В. М., Кальчева А. В. Проблемы оптимизации системы разработки залежей нефти при опережающем обводнении скважин // Георесурсы. – 2009. – № 3. – С. 14-17.
2. Владимиров И.В., Пичугин О.Н. Исследование выработки запасов высоковязкой нефти из послойно неоднородного по проницаемости коллектора с применением полимерного заводнения и теплового воздействия // Нефтепромысловое дело. – 1965. – с. 31.
3. Жерлыгин А. и др. Применение трехмерной рентгеновской компьютерной томографии для обоснования технологии разработки месторождений высоковязкой нефти Самарской области // Материалы III Всероссийской научной конференции «Практическая микротомография». – Санкт-Петербургский Государственный Университет; Институт наук о Земле; РЦ «Геомодель», 2014. – Т. 1. – №. 1. – с. 59 - 62.
4. Котенёв М. Ю. Обоснование технологий и регулирование воздействия на различные категории трудноизвлекаемых и остаточных запасов нефти в карбонатных коллекторах // Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. – 2010. – Т. 2010. – №. 2.
5. Ленченкова Л. Е. Повышение эффективности выработки трудноизвлекаемых запасов нефти физикохимическими методами: дис. докт. техн. наук. – Уфа: УГНТУ, 2002. – 371 с.
6. Литвин В.Т., Роцин П.В., Фарманзаде А.Р. Подбор основы кислотного состава и специальных добавок для обработки призабойной зоны пласта Баженовской свиты. Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 3-4 (34). с. 68-72.
7. Никитин М.Н., Петухов А.В. Повышение эффективности извлечения трудноизвлекаемых запасов нефти в сложных коллекторах путем использования гелеобразующего состава на основе силиката натрия. Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2011. Т. 6. № 1. с. 11.
8. Никитин М.Н., Петухов А.В., Гладков П.Д., Тананыхин Д.С., Шангараева Л.А. Способ выравнивания профиля приемистости нагнетательных скважин и ограничения водопритока в добывающие скважины. Патент на изобретение RUS 2456439 11.01.2011.
9. Покрепин Б. В. Разработка нефтяных и газовых месторождений. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. – 318 с.
10. Роцин П.В. Обоснование комплексной технологии обработки призабойной зоны пласта на залежах высоковязких нефтей с трещинно-поровыми коллекторами: дис. канд. техн. наук. – СПб., 2014. – 112 с.

11. Титов В.Е., Рощин П.В. Разработка и применение технологии комплексного воздействия на призабойную зону скважин. Нефть. Газ. Новации. 2011. № 3 (146). с. 67-68.
12. Andrew M., Bijeljic B., Blunt M. J. New frontiers in experimental geoscience: X-ray microcomputed tomography and fluid flow //Microsc. Anal. – 2014. – Т. 130. – с. 4-7.
13. Berg S. et al. Multiphase flow in porous rock imaged under dynamic flow conditions with fast X-ray computed microtomography //Petrophysics. – 2014. – Т. 55. – №. 04. – с. 304-312.
14. Berg S. et al. Visualization of ASP Coreflood Experiments Using X-ray CT Imaging //IOR 2015-18th European Symposium on Improved Oil Recovery. – 2015.
15. Coles M. E., Muegge E. L. Method for evaluating core samples from x-ray energy attenuation measurements: пат. 5164590CША. – 1992.
16. Galkin S. V. et al. X-ray tomography in petrophysical studies of core samples from oil and gas fields //Russian Geology and Geophysics. – 2015. – Т. 56. – №. 5. – с. 782-792.
17. He W., Ai K., Lu L. Nanoparticulate X-ray CT contrast agents //Science China Chemistry. – 2015. – Т. 58. – №. 5. – с. 753-760.
18. Hebert V. et al. Multi-scale X-ray tomography analysis of carbonate porosity //Geological Society, London, Special Publications. – 2015. – Т. 406. – №. 1. – с. 61-79.
19. Iglaer S. et al. In-situ Residual Oil Saturation And Cluster Size Distribution In Sandstones After Surfactant Flooding Imaged With X-ray Micro-computed Tomography //International Petroleum Technology Conference. – International Petroleum Technology Conference, 2014.
20. Li X. et al. Contrast agents for preclinical targeted X-ray imaging //Advanced drug delivery reviews. – 2014. – Т. 76. – С. 116-133.
21. Liu L. et al. Characteristics of Gas-Viscous Oil Flows in a 0.1 m Diameter Pipeline Measured by an X-Ray CT System //9th North American Conference on Multiphase Technology. – BHR Group, 2014.
22. Matsuura T. et al. Modelling of ASP Flooding Using X-ray CT Core Flooding Experiments //IOR 2015-18th European Symposium on Improved Oil Recovery. – 2015.
23. Roshchin P.V., Rogachev M.K., Vasques Cardenas L.K., Kuzmin M.I., Litvin V.T., Zinoviev A.M. The research of core sample of Pecherskoe bitumen formation by SkyScan 1174v2 micro-ct scanner. Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal (International Research Journal). 8-2 (15). pp. 45 – 48.
24. Solano N. A. Characterization of cm-Scale Heterogeneities in a Tight Oil Reservoir Using X-ray Computed Tomography, Profile Permeability Measurements and 3-D Image Analysis. – Unconventional Resources Technology Conference (URTEC), 2014.
25. Wang J. Q. et al. Permeability of laboratory-formed porous media containing methane hydrate: Observations using X-ray computed tomography and simulations with pore network models //Fuel. – 2015. – Т. 145. – с. 170-179.
26. Zacher G. et al. Quantitative Investigation of Microstructures within Porous Rocks by Using Very High Resolution X-ray Micro-CT Imaging //EAGE/FESM Joint Regional Conference Petrophysics Meets Geoscience. – 2014.
27. Пат. 2467315 Российская Федерация, МПК G 01 N 23/083, C1. Способ определения пространственного распределения и концентрации глины в образце керна / Михайлов Д.Н., Надеев А.Н., Шако В.В., Рыжиков Н.И.; заявитель и патентообладатель «Шлюмберже Текнолоджи Б.В.». - № 2014102807/28, заявл. 28.01.2014; опубл. 20.04.2015.
28. Пат. 2548605 Российская Федерация, МПК G 01 N 23/083, C1. Способ определения пространственного распределения в керновом материале эффективного порового пространства / Рощин П.В., Петраков Д.Г., Стручков И.А., Литвин В.Т., Васкес Карденас Л.К.; заявитель и патентообладатель «Национальный минерально-сырьевой университет "Горный"». - № 2014102807/28, заявл. 28.01.2014; опубл. 20.04.2015.

References

1. Anan'ev V. V., Smelkov V. M., Kal'cheva A. V. Problemy optimizacii sistemy razrabotki zalezhej nefiti pri operezhajushhem obvodnenii skvazhin //Georesursy. – 2009. – №. 3. – С. 14-17.
2. Vladimirov I.V., Pichugin O.N. Issledovanie vyrabotki zapasov vysokovjazkoj nefiti iz poslojno neodnorodnogo po pronicaemosti kollektora s primeneniem polimernogo zavodnenija i teplovogo vozdejstvija //Neftepromyslovoe delo. – 1965. – s. 31.
3. Zherlygin A. i dr. Primenenie trehmernoj rentgenovskoj komp'juternoj tomografii dlja obosnovanija tehnologii razrabotki mestorozhdenij vysokovjazkoj nefiti Camarskoj oblasti //Materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Praktičeskaja mikrotomografija». – Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj Universitet; Institut nauk o Zemle; RC «Geomodel'», 2014. – Т. 1. – №. 1. – с. 59 – 62.
4. Koten'jov M. Ju. Obosnovanie tehnologij i regulirovanie vozdejstvija na razlichnye kategorii trudnoizvlekaemyh i ostatocnyh zapasov nefiti v karbonatnyh kollektorah //Jelektronnyj nauchnyj žurnal Neftegazovoe delo. – 2010. – Т. 2010. – №. 2.
5. Lenchenkova L. E. Povyšenie jeffektivnosti vyrabotki trudnoizvlekaemyh zapasov nefiti fizikohimičeskimi metodami: dis. dokt. tehn. nauk. – Ufa: UGNTU, 2002. – 371 s.
6. Litvin V.T., Roshchin P.V., Farmanzade A.R. Podbor osnovy kislotnogo sostava i special'nyh dobavok dlja obrabotki prizabojnoj zony plasta Bazhenovskoj svity. Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal. 2015. № 3-4 (34). s. 68-72.
7. Nikitin M.N., Petuhov A.V. Povyšenie jeffektivnosti izvlečenija trudnoizvlekaemyh zapasov nefiti v slozhnyh kollektorah putem ispol'zovanija geleobrazujushhego sostava na osnove silikata natrija. Neftegazovaja geologija. Teorija i praktika. 2011. Т. 6. № 1. s. 11.
8. Nikitin M.N., Petuhov A.V., Gladkov P.D., Tananyhin D.S., Shangaraeva L.A. Sposob vyравnivanja profilja priemistosti nagnetatel'nyh skvazhin i ogranichenija vodopritoka v dobyvajushhie skvazhiny. Patent na izobretenie RUS 2456439 11.01.2011.

9. Pokrepin B. V. Razrabotka neftjanyh i gazovyh mestorozhdenij. – Rostov n/D: Feniks, 2015. – 318 s.
10. Roshhin P.V. Obosnovanie kompleksnoj tehnologii obrabotki prizabojnoj zony plasta na zalezah vysokovjazkih neftej s treshhinno-porovymi kollektorami: dis. kand. tehn. nauk. – SPb., 2014. – 112 s.
11. Titov V.E., Roshhin P.V. Razrabotka i primenenie tehnologii kompleksnogo vozdejstvija na prizabojnuju zonu skvazhin. Neft'. Gaz. Novicii. 2011. № 3 (146). s. 67-68.
12. Andrew M., Bijeljic B., Blunt M. J. New frontiers in experimental geoscience: X-ray microcomputed tomography and fluid flow //Microsc. Anal. – 2014. – T. 130. – s. 4-7.
13. Berg S. et al. Multiphase flow in porous rock imaged under dynamic flow conditions with fast X-ray computed microtomography //Petrophysics. – 2014. – T. 55. – №. 04. – s. 304-312.
14. Berg S. et al. Visualization of ASP Coreflood Experiments Using X-ray CT Imaging //IOR 2015-18th European Symposium on Improved Oil Recovery. – 2015.
15. Coles M. E., Muegge E. L. Method for evaluating core samples from x-ray energy attenuation measurements: pat. 5164590SShA. – 1992.
16. Galkin S. V. et al. X-ray tomography in petrophysical studies of core samples from oil and gas fields //Russian Geology and Geophysics. – 2015. – T. 56. – №. 5. – s. 782-792.
17. He W., Ai K., Lu L. Nanoparticulate X-ray CT contrast agents //Science China Chemistry. – 2015. – T. 58. – №. 5. – s. 753-760.
18. Hebert V. et al. Multi-scale X-ray tomography analysis of carbonate porosity //Geological Society, London, Special Publications. – 2015. – T. 406. – №. 1. – s. 61-79.
19. Iglauer S. et al. In-situ Residual Oil Saturation And Cluster Size Distribution In Sandstones After Surfactant Flooding Imaged With X-ray Micro-computed Tomography //International Petroleum Technology Conference. – International Petroleum Technology Conference, 2014.
20. Li X. et al. Contrast agents for preclinical targeted X-ray imaging //Advanced drug delivery reviews. – 2014. – T. 76. – S. 116-133.
21. Liu L. et al. Characteristics of Gas-Viscous Oil Flows in a 0.1 m Diameter Pipeline Measured by an X-Ray CT System //9th North American Conference on Multiphase Technology. – BHR Group, 2014.
22. Matsuura T. et al. Modelling of ASP Flooding Using X-ray CT Core Flooding Experiments //IOR 2015-18th European Symposium on Improved Oil Recovery. – 2015.
23. Roshchin P.V., Rogachev M.K., Vasques Cardenas L.K., Kuzmin M.I., Litvin V.T., Zinoviev A.M. The research of core sample of Pecherskoe bitumen formation by SkyScan 1174v2 micro-ct scanner. Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal (International Research Journal). 8-2 (15). pp. 45 – 48.
24. Solano N. A. Characterization of cm-Scale Heterogeneities in a Tight Oil Reservoir Using X-ray Computed Tomography, Profile Permeability Measurements and 3-D Image Analysis. – Unconventional Resources Technology Conference (URTEC), 2014.
25. Wang J. Q. et al. Permeability of laboratory-formed porous media containing methane hydrate: Observations using X-ray computed tomography and simulations with pore network models //Fuel. – 2015. – T. 145. – s. 170-179.
26. Zacher G. et al. Quantitative Investigation of Microstructures within Porous Rocks by Using Very High Resolution X-ray Micro-CT Imaging //EAGE/FESM Joint Regional Conference Petrophysics Meets Geoscience. – 2014.
27. Pat. 2467315 Rossijskaja Federacija, MPK G 01 N 23/083, C1. Spособ opredelenija prostranstvennogo raspredelenija i koncentracii gliny v obrazce kerna / Mihajlov D.N., Nadeev A.N., Shako V.V., Ryzhikov N.I.; zajavitel' i patentoobladatel' «Shljumberzhe Teknologzhi B.V.». - № 2014102807/28, zajavl. 28.01.2014; opubl. 20.04.2015.
28. Pat. 2548605 Rossijskaja Federacija, MPK G 01 N 23/083, C1. Spособ opredelenija prostranstvennogo raspredelenija v kernovom materiale jeffektivnogo porovogo prostranstva / Roshhin P.V., Petrakov D.G., Struchkov I.A., Litvin V.T., Vaskes Kardenas L.K.; zajavitel' i patentoobladatel' «Nacional'nyj mineral'no-syr'evoj universitet "Gornyj". - № 2014102807/28, zajavl. 28.01.2014; opubl. 20.04.2015.

Седов В.Е.

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник

ОЦЕНКА ДОЛИ И ГОДОВОЙ АМПЛИТУДЫ АДДИТИВНЫХ СЕЗОННЫХ КОМПОНЕНТ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ ПРИЗЕМНОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ ВОЗДУХА 30-ТИ ПУНКТОВ НАБЛЮДЕНИЙ РФ ЗА 120-ЛЕТНИЙ ПЕРИОД

Аннотация

Анализируется годовой цикл приземной температуры воздуха на основе аддитивных сезонных компонент, восстановленных из временных рядов

30-ти пунктов наблюдений РФ за 120 летний период. Рассмотрена доля компонент, годовая амплитуда температуры воздуха и временной ход температуры сезонных компонент в среднем по ЕТР, РФ, Сибири и Дальнего Востока с учетом прогноза.

Ключевые слова: Амплитуда, доля, климат, компонента, температура

Sedov V.E.

PhD in Geography, Senior researcher.

SHARE AND ANNUAL AMPLITUDE OF ADDITIVE SEASONAL COMPONENT SURFACE AIR TEMPERATURE TIME SERIES 30 OBSERVATION POINTS OF RUSSIA 120-YEAR PERIOD

Abstract

Analyses the annual cycle in surface air temperature based on additive seasonal component, recovered from a 30-minute time series observation of Russia for 120 years. Considered the share component, annual amplitude of temperature and temporal temperature average component of the ETR, Russia, Siberia and the far East, taking into account the forecast.

Keywords: Amplitude, share, climate, component, temperature.

В Российской Федерации (РФ), как и везде на Земном шаре севернее или южнее тропического пояса, основным процессом климатической системы (КС) является, как известно, 12-ти месячный сезонный цикл, обусловленный годовым ходом поступающей инсоляции, зависящий от широты местности. Разные гидрометеорологические элементы, в том числе атмосферная циркуляция, циклоническая деятельность, тепловой и водный обмен с Мировым океаном и др. в годовом цикле имеют свои особенности. А такой элемент, как температура воздуха, считается ключевым для характеристики климата. На сезонный цикл накладываются слабо предсказуемые квазициклические процессы, обусловленные различными естественными и антропогенными факторами, детально рассмотренными во многих работах, например [1,2,3,4, 6,12], гидрометеорологические параметры разных сезонов не такие, как если бы они зависели только от солнечной радиации.

В данной работе годовая сезонная периодичность была восстановлена из исходных временных рядов (ВР) 30-ти станций РФ за 1893-2012 годы, а затем исследовалась на основе двух взаимозависимых переменных: доли (%) и годовой амплитуды температуры воздуха ($^{\circ}\text{C}$).

Вычисление переменных выполнялось современным методом сингулярного спектрального анализа (Singular Spectrum Analysis Catepillar SSA, в России называется “Гусеница”) [10,11], по алгоритму которого разработана довольно эффективная программа [13], которой автор пользовался ранее при исследовании климата Москвы. [8].

Можно кратко напомнить, что базовый алгоритм состоит из двух этапов:

1) разложения и 2) восстановления, включающих, в свою очередь, несколько шагов. На первом шаге этапа разложения, называемым «вложение», ВР из N значений раскладывается в последовательность скользящих векторов (временных рядов) с длиной окна, равной L , в результате чего образуется

$K = N - L + 1$ векторов вложения, которые становятся столбцами траекторной матрицы X размером $L \times K$. На втором шаге – сингулярного разложения траекторной матрицы происходит транспонирование матрицы X , а затем перемножение их, которое образует новую матрицу.

$$S = X X^T \quad (1)$$

В матрице S , с помощью специального алгоритма, находятся собственные числа λ , взятые в неубывающем порядке,

$$(\lambda_1 \geq \lambda_2 \geq \dots \geq \lambda_L \geq 0), \quad (2)$$

ортонормированная система собственных векторов U_1, \dots, U_L матрицы S и факторные векторы V_1, \dots, V_d ,

$$\text{где} \quad V_i = X^T U_i / \sqrt{(\lambda)_i}, \quad (3)$$

$i = 1, 2, \dots, d$, образуя, собственные тройки, каждая, из которых включает собственный вектор U , собственное число λ и факторный вектор V . Количество троек равно K . Тогда сингулярное разложение матрицы X может быть записано как

$$X = X_1 + \dots + X_d, \text{ где } X_i = U_i \sqrt{(\lambda)_i} V_i^T. \quad (4)$$

Каждая их матриц X_i имеет ранг 1, т.е. один собственный вектор, одно собственное число и один факторный вектор (эти три переменные матриц называются условно “тройка”). На этапе разложения производится также вычисление периодограммы в каждом скользящем векторе и последующее их усреднение по “ K ” векторам.

Этап восстановления состоит из двух шагов: шаг 3 – группировка или отбор троек с целью восстановления заданных аддитивных компонент (составляющих) для их самостоятельного исследования и, если нужно, продолжения (прогноза); – 4-й шаг – это диагональное усреднение значений сингулярной матрицы, заканчивающийся восстановлением ряда на основе отобранных троек и вычислением аппроксимирующего ряда.

В результате сингулярного разложения и последующего восстановления, ВР становится математической моделью, с возможностью его разделения на компоненты. Восстановленный ВР управляется линейной рекуррентной формулой, и он может быть продолжен на любое число точек ВР.

Сезонная составляющая, как 12-ти месячная периодичность вычисляется в виде суммы константы и шести гармоник из выражения 5

$$T(n) = c_0 + \sum_{k=1} C_k \cos(2\pi nk/12) + \phi_k + C_6 \cos(\pi n) \quad (5)$$

где $T(n)$ значение температуры СК в точке ряда n ,

π – число π , C_k и ϕ_k – произвольные константы. При условии $C_k \neq 0$, для $k = 0 \dots 5$ ряд имеет размерность 12.

В качестве исходных данных были использованы ряды средних месячных значений приземной температуры воздуха (в °С) инструментальных наблюдений 30-ти репрезентативных метеорологических станций РФ за 120 лет. Название станций с их географическими координатами приводится в табл.1. При восстановлении сезонных компонент двумерные матрицы данных автором статьи были транспонированы в одномерные последовательные временные ряды $T(Y)$, где $Y = N \times 12$.

Для общей характеристики сезонных компонент, отметим следующее.

В среднем по Земному Шару доля и амплитуда СК определяются широтным кругом с максимумом на полюсе и минимумом на экваторе [5]. Важными факторами изменчивости доли и амплитуды являются удаленность места наблюдений от океана (моря), центра действия атмосферы. Влияет на изменчивость инерционность КС [10].

Восстановление СК, если она зафиксирована в файле ВР, выполняется для любого значения окна при $L \geq 12$. Но для более точного восстановления СК значение L должно быть кратно 12-ти. Вид СК зависит от величины “ L ”: чем больше значение L , тем большую сглаженность имеет ряд СК.

В данной работе анализируются средние параметры упомянутых переменных за рассматриваемый период наблюдений, рассчитанные с окнами $L=N/2$.

Значение доли СК (далее просто доля) определялось на шаге группировки до восстановления компоненты. Как показали расчеты, в зависимости от “ L ” доля СК изменяется незначительно. Например, по станции Москва для

$L = 60, 120, 360, 720$ доля, соответственно, равна 77.21, 77.30, 77.62 и 77.86%. т.е. вычисления статистически надежны.

Полученные, с окном $L=N/2$, средние доли СК по 30 пунктам наблюдений РФ, в порядке возрастания их географической долготы, приводятся в табл.1 для трех временных интервалов: -за весь 120-летний период наблюдений (колонка 3.1), -за первое 30-летие ряда 1893-1922 (к. 4.1) и -30-летие за 1983-2012 (к. 5.1). Данные табл.1 показывают, что доли в пунктах наблюдений существенно различаются в довольно широком диапазоне. Можно отметить, что расчетные данные неплохо согласуются с общими закономерностями, отмеченными выше, т.е. наблюдается уменьшение доли от высоких широт к низким широтам и увеличение с запада на восток. Например, на станциях Онега и Сочи, расположенных примерно на одинаковой географической долготе, но на 20.1° с разницей в широте, значение доли на станции Онега на 80% больше, чем в Сочи. Правда, в Сочи более “мористый” климат, за счет чего доля также уменьшилась. Но все равно, это подтверждает правильность расчетов доли с помощью метода “Гусеница”.

Средняя доля по 30 станциям РФ составляет 77, 7%. В 21 пунктах (18 из них ЕТР) доля уменьшается, а в 9 пунктах наоборот, возрастает. В широтном поясе от 50 до 60° с. ш. в среднем градиент доли равен 5.8%/10°д. Южнее 50° с.ш. доля СК уменьшается до 15.4% (Сочи). В Западной Сибири доля СК увеличивается до 92,7% (Екатеринбург), достигая максимума на востоке Сибири (в Иркутске.) до 96.8%. Далее на восток доля уменьшается до 82.8% (Владивосток). В субарктических широтах Сибири доля СК также высокая.

Рассчитанные доли в первом и последнем 30-летии показывают, что во временном ходе доля СК под влиянием разных факторов изменяется.

За 120-летний период доля убывает на двадцати одной станции, в среднем, на 4%, в том по ЕТР – 4.7%, Сибири и Дальнего Востока – 2.9%. Но на семи станциях Сибири и Дальнего Востока доля наоборот возрастает на 2.1%. Различие в географической широте в пределах РФ не всегда является определяющим. Например, ст. Махачкала расположена южнее станции Сочи на 0.48 ш., но доля СК в Сочи на 19.5% меньше, чем в Махачкале.

Годовая амплитуда приземной температуры воздуха является важной характеристикой климата. По годовой амплитуде температуры с помощью разных алгоритмов [7] могут вычисляться индексы “континентальности” климата в пункте наблюдения. Это обстоятельство и учитывалось при выборе переменной для анализа.

СК вычислена, как разность средних месячных значений температуры июля и января. Рассчитанные значения амплитуды (далее амплитуды) приведены в табл.1. Данные показывают, что амплитуда температуры СК, по 30-ти пунктам наблюдений, вносит основной вклад в общий годовой ход параметра. Также как и доля, амплитуда СК вычислялась за весь период наблюдений, и для определения тенденции – за первое и последнее 30-летие.

Сопоставление годовой амплитуды СК с амплитудой фактических данных (колонке 3.3), показывает, что амплитуда СК является определяющей характеристикой. В среднем отношение амплитуды СК к общей амплитуде составляет 99.17%. Но в 12 случаях из 30, амплитуда СК превышает общую амплитуду. Это означает, что амплитуда СК не всегда обусловлена значением доли.

Таблица 1– Значения доли (%) и амплитуды (°C) сезонных компонент по 30 станциям РФ

1-Название метеорологической станции, 2.1- географическая широта и 2.2- долгота в градусах; 3.1-доля СК и 3.2- амплитуда всего ряда (1893-2012гг, 3.3- отношение амплитуды СК к амплитуде фактической; 4.1-доля и амплитуда первого 30-летия (1893- 1922 гг); 5.1- доля и 5.2- амплитуда последнего 30-летия (1983-2012 гг; 6.1- разность значений колонок 4.1 и 5.1; 6.2-разность значений колонок 4.2 и 5.2

1	2.1	2.2	3.1	3.2	3.3	4.1	4.2	5.1	5.2	6.1	6.2		
1.Калининград	54.7	20.6	48.2	20.4	100.5	47.2	20.9	41.2	20.0	-6.0	-0.9		
2.С-Петербург	60	30.3	73.4	25.1	89.5	76.6	25.4	64.6	24.4	-12.0	-1		
3.Севастополь	44.7	33.6	24.2	19.3	99.2	24.9	19.7	24.1	18.8	-0.8	0.9		
4.Москва	55.8	37.6	77.9	26.8	97.8	84.1	27.2	68.2	26.0	-15.9	-2		
5.Онега	63.9	38.1	95.4	37.0	100.0	95.7	37.8	94.2	35.9	-1.5	-1.9		
6.Сочи	43.6	39.8	15.4	16.7	94.4	15.2	16.6	16.2	16.7	1.0	0.1		
7.Архангельск	65	40.7	90.5	27.6	96.6	92.0	27.2	90.5	28.8	-1.5	1.6		
8.Заметчно	53.5	42.6	81.5	31.2	103.1	83.5	32.0	74.3	30.0	-9.2	-2		
9.Тотьма	59.9	42.8	89.2	29.0	97.8	91.0	29.2	87.5	28.6	-3.5	-0.6		
10.Волгоград	48.7	4.5	67.4	33.2	102.2	67.9	34.8	67.6	31.2	-0.3	-3.6		
11.Махачкала	42.8	47.6	34.9	24.8	100.4	36.0	25.1	32.7	24.2	-3.3	-0.9		
12.Астрахань	46.3	47.9	56.0	31.6	101.5	56.7	32.4	49.3	30.3	-7.4	-2.1		
13.Казань	55.6	49.3	87.7	32.8	102.2	88.3	33.6	81.4	31.4	-6.9	-2.2		
14.Ориенбург	51.7	55.1	86.5	37.5	104.2	88.5	38.2	81.1	35.8	-7.4	-2.4		
15.Троицко-Печерск	62.7	56.2	92.3	32.6	96.7	92.0	33.0	92.7	32.3	0.7	-0.7		
16.Бисер	58.5	58.9	95.1	32.4	99.4	94.9	32.8	94.2	31.8	-0.7	-1.0		
17.Екатеринбург	56.8	60.6	92.7	32.6	99.6	95.2	33.4	88.2	31.6	-7.0	-1.8		
18.Верхотурье	58.9	60.8	93.8	33.8	99.6	95.3	34.3	92.6	33.2	-2.7	-1.1		
19.Салехард	66.5	66.5	77.4	36.8	97.0	76.4	36.6	79.3	37.4	2.9	0.8		
20.Барнаул	53.3	83.5	94.1	37.8	102.4	95.5	38.5	91.2	36.0	-4.3	-2.5		
21.Туруханск	65.8	87.9	79.1	42.0	98.1	78.0	42.2	81.0	41.8	3.0	-0.4		
22.Енисейск	58.4	92.2	93.3	39.8	99.0	93.1	40.3	94.2	39.0	1.1	-1.3		
23.Иркутск	52.3	104.3	96.8	37.4	99.2	96.4	39.1	95.9	35.4	-0.3	-3.7		
24.Нерчински 3-д	51.3	119.6	94.2	46.2	100.4	94.0	47.7	95.9	44.6	1.9	-3.1		
25.Якутск	62	129.7	80.9	61.1	101.2	79.8	61.6	84.5	60.0	4.7	-1.6		
26.Владивосток	43.1	131.9	82.8	31.7	94.7	80.6	31.7	77.9	29.3	-2.9	-2.4		
27.Верхоянск	67.6	133.4	68.3	64.4	109.3	67.7	65.2	70.7	63.3	3.0	-1.9		
28.Никол-ск на Амуре	53.2	140.7	94.6	39.4	99.2	94.0	39.4	95.1	38.8	1.7	-0.6		
29.Алек-ск Саха-ий	50.9	142.2	96.2	32.9	95.3	95.8	32.9	92.2	31.8	-3.6	-1.1		
30.Корсаково	46.6	142.9	87.0	25.6	92.8	87.9	25.6	82.7	24.9	-5.2	-0.7		

Например, на станциях Калининград и Махачкала величина доли небольшая, а амплитуда СК превышает амплитуду фактических данных. Вероятно, это объясняется наличием во временных рядах больших положительных и отрицательных аномалий.

На ЕТР амплитуды изменяются от 16.7 °C (Сочи) до 33.2 °C (Волгоград). На станциях Сибири и Дальнего Востока, за исключением Корсаково, амплитуды превышают 30 °C с максимумом 64.7 °C в Верхоянске.

По временному ходу амплитуды даже без расчета индекса, можно судить о тенденции степени континентальности в пункте наблюдения. В нашем случае в 27-ми пунктов наблюдений амплитуды убывают от первого

30-летия к последнему 30-летию от -0.2 до -3.7 °C. Это означает, в этих регионах степень “континентальности” за рассматриваемый период в среднем уменьшилась. Исключение составляют лишь три пункта наблюдения (пункты 6,7,19), где годовая амплитуда температуры СК увеличивается и, следовательно, в этих регионах уровень климатической континентальности возрос.

Для общей характеристики временного хода температуры СК на рис.1

приводятся временные ряды за июль и январь в среднем по ЕТР, РФ, Сибири и Дальнего Востока с учетом прогноза на 120 лет. Чтобы исключить высокочастотные климатические квазициклы, ряды рассчитаны для L= 120.

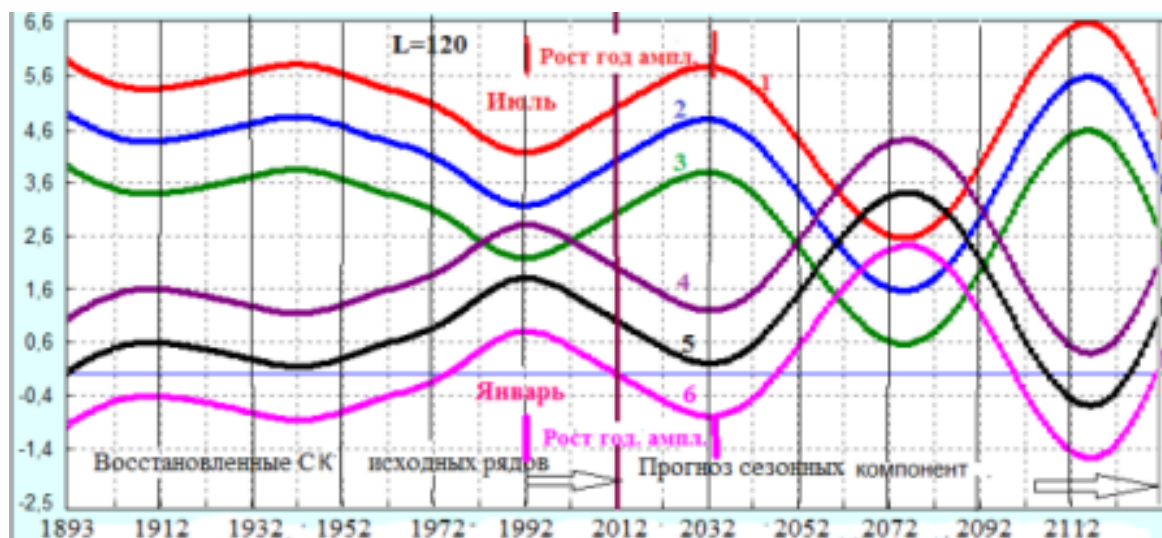

Рис. 1 – Временные ряды СК за июль и январь
По ЕТР (1 и 4), РФ (2 и 5), Сибири и Дальнего востока (3 и 6)

В среднем за период 1940-1992 гг., как видно на рис. 1, температура сезонных компонент в июле падает, в январе растет т.е. годовая амплитуда СК уменьшается и, следовательно, степень “континентальности”, в этом случае, убывает. В среднем за период 1940-1992 гг., как видно на рис. 1, температура сезонных компонент в июле падает, в январе растет т.е. годовая амплитуда СК уменьшается и, следовательно, степень “континентальности”, в этом случае, убывает.

Далее, в отличие от среднего значения, годовая амплитуда температуры сезонной компоненты увеличивается, т.е. степень “континентальности” стала возрастать. Этот процесс согласно прогнозу будет продолжаться примерно до 2032 года.

В заключение отметим, восстановление сезонной компоненты в гидрометеорологических временных рядах, в особенности приземной температуры воздуха, как ключевого элемента, весьма важно для дополнительной характеристики климата, в том числе для определения тенденции степени “континентальности” климата региона или даже “геоклимата”.

Сезонная компонента годового климатического цикла под влиянием естественных и антропогенных факторов, так же, как и климатический процесс в целом, подвержена различной степени изменчивости, а наибольшую долю в эту изменчивость вносят естественные (внутренние и внешние) факторы. Вклад радиационных факторов в сезонном цикле, в зависимости от региона существенно различается. Наибольшая доля инсоляции в сезонном цикле наблюдается в центральной части Сибирского региона. Судя по прогнозу, настоящий период в РФ увеличивается годовая амплитуда температуры СК. А это свидетельствует о возрастании степени “континентальности” и этот процесс может продолжаться примерно до 2030 года.

Литература

1. Будыко М.И. Причины естественной изменчивости климата. –В книге Достижения в области гидрометеорологии и контроля природной среды. Л. Гидрометеоиздат, 1987. С 201-229.
2. Груза Г.В., Ранькова Э.Я. Оценка предстоящих изменений климата на Территории Российской Федерации. Метеорология и гидрология, 2009, № 11 с.15-29.
3. Гусакова М.А., Л.Н. Карлин. Оценка вклада парниковых газов, водяного пара и облачности в изменении глобальной приповерхностной температуры. Метеорология и Гидрология, -2013, № 3
4. Зверев И.И., С.К.Гулёв. Сезонность и нестационарность изменчивости Европейского климата в двадцатом веке. Доклады Академии Наук, 2007, том 416, № 5, с.1-4
5. Кислов А.В. Климат в прошлом, настоящем и будущем. –М.: Наука/Интерпериодика. 2010. -352 с.
6. Монин А.С. Д.М. Сонечкин. Колебания климата. –М. Наука. 2005.-192с
7. Российский Гидрометеорологический Энциклопедический словарь/Под ред. А.И. Бедрицкого. –СПб., Москва, Летний сад, 2008.-Т1 А-И.-336с.
8. Седов В.Е. О климатических колебаниях и тенденции климата современной Москвы. Метеорология и Гидрология. -2012, № 8.
9. Шерстюков Б.Г. Региональные и зональные закономерности изменений современного климата. –Обнинск: ГУ ВНИИГМИ-МЦД. 208. -246 с.
10. Elsner J., Tsonis A. Singular Spectrum Analysis. A New Tool in Time Series Analysis. New York: Plenum Press, 1996. 163 p
11. Golyandina N., Nekrutkin V., Zhigljavsky A. Analysis of Time Series Structure: SSA and Related Techniques. Boca Raton: Chapman & Hall/CRC. 2001. 305 p.
12. Oliver J.E., Hildreth J.J. Climatology. An atmospheric science. Prentice Hall. New Jersey. 2002. -410 p.
13. www.gistatgoup.com/gus/

References

1. Budyko M.I. Prichiny estestvennoj izmenchivosti klimata. –V knige Dostizhenija v oblasti gidrometeorologii i kontrolja prirodnoj sredy. L. Gidrometeoizdat, 1987. S 201-229.
2. Gruza G.V., Ran'kova Je.Ja. Ocenka predstojashhih izmenenij klimata na

- Territorii Rossijskoj Federacii. Meteorologija i gidrologija, 2009, № 11 s.15-29.
3. Gusakova M.A., L.N. Karlin. Ocenka vklada parnikovyh gazov, vodjanogo para i oblachnosti v izmenenii global'noj pripoverhnostnoj temperatury. Meteorologija i Gidrologija, -2013, № 3
 4. Zverev I.I., S.K.Gul'jov. Sezonnost' i nestacionarnost' izmenchivosti Evropejskogo klimata v dvadcatom veke. Doklady Akademii Nauk, 2007, tom 416, № 5, s.1-4
 5. Kislov A.V. Klimat v proshlom, nastojashhem i budushhem. -M.: Nauka/Interperiodika. 2010. -352 s.
 6. Monin A.S. D.M. Sonechkin. Kolebanija klimata. -M. Nauka. 2005.-192s
 7. Rossijskij Gidrometeorologicheskij Jenciklopedicheskij slovar'/Pod red. A.I. Bedrickogo. -SPb., Moskva, Letnij sad, 2008.-T1 A-I.-336s.
 8. Sedov V.E. O klimaticeskikh kolebanijah i tendencii klimata sovremennoj Moskvy. Meteorologija i Gidrologija. - 2012, № 8.
 9. Sherstjukov B.G. Regional'nye i zonal'nye zakonomernosti izmenenij sovremennogo klimata. -Obninsk: GU VNIIGMI-MCD. 208. -246 s.
 10. Elsner J., Tsonis A. Singular Spectrum Analysis. A New Tool in Time Series Analysis. New York: Plenum Press, 1996. 163 p
 11. Golyandina N., Nekrutkin V., Zhigljavsky A. Analysis of Time Series Structure: SSA and Related Techniques. Boca Raton: Chapman & Hall/CRC. 2001. 305 p.
 12. Oliver J.E.,Hidore J.J. Climatology. An atmomospheric science. Prentice Hall. New Jersey.2002.-410 p.
 13. www.gistatgoup.com/gus/

Соколова Д.В.¹, Кузьмин В.А.²

¹Аспирант кафедры гидрогеологии и геодезии; ²доктор технических наук, заведующий кафедрой геодезии и гидрогеологии, Российский государственный гидрометеорологический университет

ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ «MLCM2» ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДОЖДЕВЫХ ПАВОДКОВ НА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ВОДОСБОРАХ

Аннотация

В статье рассматривается разработанное в РГТМУ программное обеспечение, предназначенное для моделирования и прогнозирования стока на основе гидрологической модели MLCM2 (от англ. «Multi-Layer Conceptual Model, version 2» многослойная концептуальная модель, вторая версия). Программное обеспечение «MLCM2» отличается высокой эффективностью моделирования и прогнозирования дождевых паводков на малых водосборах, обладающих различной степенью гидрометеорологической изученности.

Ключевые слова: прогнозирование, малый водосбор, дождевой паводок.

Sokolova D.V.¹, Kuzmin V.A.²

¹Postgraduate student of the department of hydrogeology and geodesy; ²PhD in Engineering, Head of the Department of Geodesy and hydrogeology, Russian State Hydrometeorological University

THE SOFTWARE «MLCM2» FOR FORECASTING RAIN FLOODS ON SMALL AND MEDIUM-SIZED WATERSHEDS

Abstract

In this paper, recently developed in RSHU new software based on the Multi-Layer Conceptual Model (MLCM2), which can be applied for the streamflow modelling and forecasting, is presented. This software is found very efficient in the flashfloods modelling and forecasting in small gauged, poorly gauged and ungauged catchments.

Keywords: forecasting, small watershed, flash flood.

Введение

Своевременное и безошибочное прогнозирование наводнений, вызываемых дождевыми паводками, является одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед международным гидрологическим сообществом. В условиях изменяющегося климата использование существующих традиционных методов для расчёта и прогнозирования речного стока становится малоэффективным. Это происходит так же из-за переменной антропогенной нагрузки на речные водосборы и низкой плотности сети станций гидрометеорологического мониторинга.

Особую сложность представляет моделирование и прогнозирование дождевых паводков при сравнительно невысокой пространственно-временной дискретности наземных гидрометеорологических наблюдений. Для достижения этой цели в РГТМУ в рамках НИР «Автоматизированное прогнозирование опасных гидрологических процессов и явлений на малоизученных и неизученных водосборах Российской Федерации» была разработана современная технология прогнозирования дождевых паводков на неизученных и малоизученных (в метеорологическом и гидрологическом отношении) водосборах, основанная на использовании гидрологической модели MLCM2 [1].

Концептуальная гидрологическая модель MLCM2

Гидрологическая модель MLCM2 – многослойная концептуальная модель, вторая версия) является моделью типа «осадки – сток» с гибкой структурой и высоким уровнем концептуализации. С технической точки зрения, при выполнении калибровки модели ее можно легко свести как к сравнительно простым моделям водосбора или руслового стока, так и к более сложным гидрогеологическим моделям, учитывающим гидравлические свойства почвогрунтов рассматриваемого водосбора.

Процедура моделирования стока состоит из двух основных функциональных элементов:

1) *Формирование «входа» гидрологической модели MLCM2* может быть сделано как в ручном, так и в автоматическом режиме, путём использования данных наземных наблюдений.

2) *Настройка и непосредственное использование модели MLCM2.*

Автоматическое формирование «входа» гидрологической модели MLCM2 выполняется при помощи специального программного обеспечения. Обязательными являются оперативные данные о сумме осадков с дискретностью 1 ч, 6 ч, 12 ч или 1 сутки, получаемые, например, наземной сетью Росгидромета или локальными сетями наблюдений потребителя прогностической информации [2]. При отсутствии таковых, цели фоновое прогнозирование стока могут быть вполне удовлетворительно достигнуты путем использования в качестве входных данных модели MLCM2 «выходных» данных мезомасштабной синоптической модели WRF. Для калибровки гидрологической модели MLCM2 необходимы синхронные массивы данных об осадках, стоке и полном испарении. После калибровки выполняется валидация найденных параметров. Данная модель MLCM2 реализована в текущей версии программного обеспечения «MLCM2.v2».

Описание принципов работы программного обеспечения «MLCM2.v2»

На рисунках 1 и 2 представлен пользовательский интерфейс ПО «MLCM2.v2». Данная программа была написана на языке программирования C++ и является на данной стадии настольной.

Данное ПО может быть использовано как для «управляемого», так и для полностью автоматизированного прогнозирования стока. «MLCM2.v2» является программным обеспечением, обладающим такими ключевыми опциями оперативной гидрологической модели, как оптимизация параметров (калибровка) и валидация [3]. Калибровка проводится при помощи способа квазилокальной оптимизации в физически предопределенном районе области определения целевой функции – SLS, так же есть возможность производить калибровку при помощи оптимизационного метода Нелдера-Мида и методом случайного перебора (см. рисунки 1, 2).

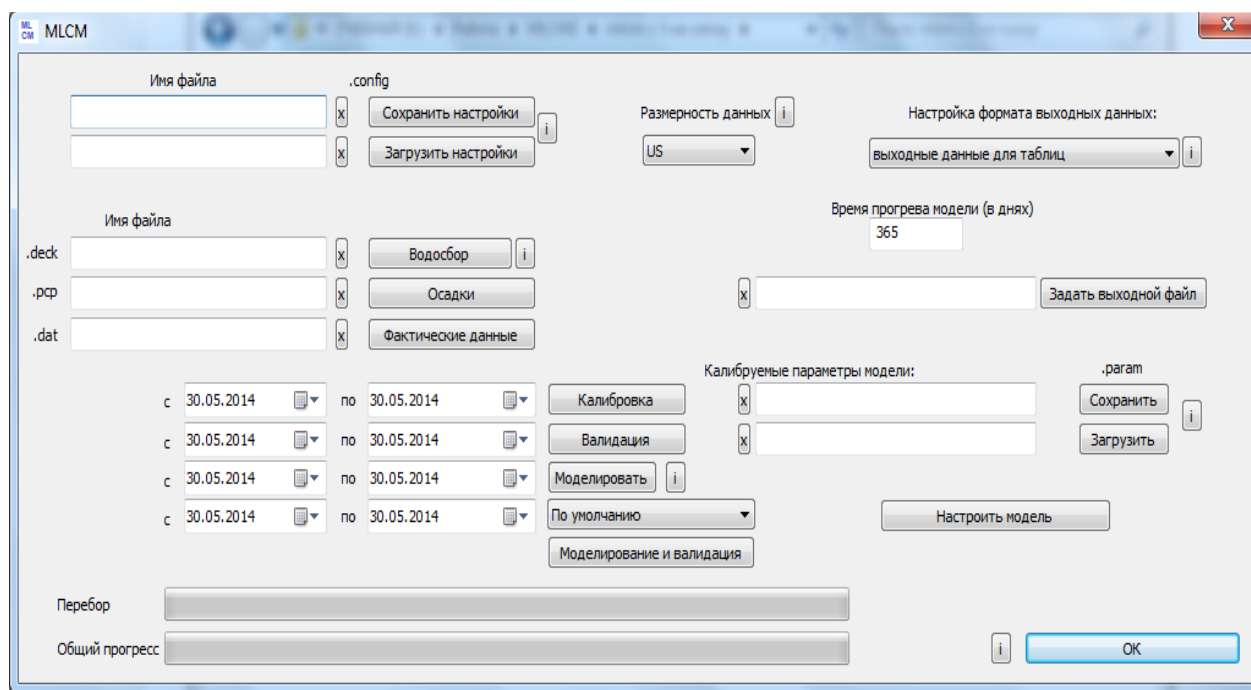

Рис. 1 – Интерфейс программного обеспечения «MLCM2.v2»

В настоящее время пользователь может выбрать один из трёх вариантов целевой функции для валидации: среднеквадратическая ошибка, критерий S/σ и мультимасштабная целевая функция MSOF.

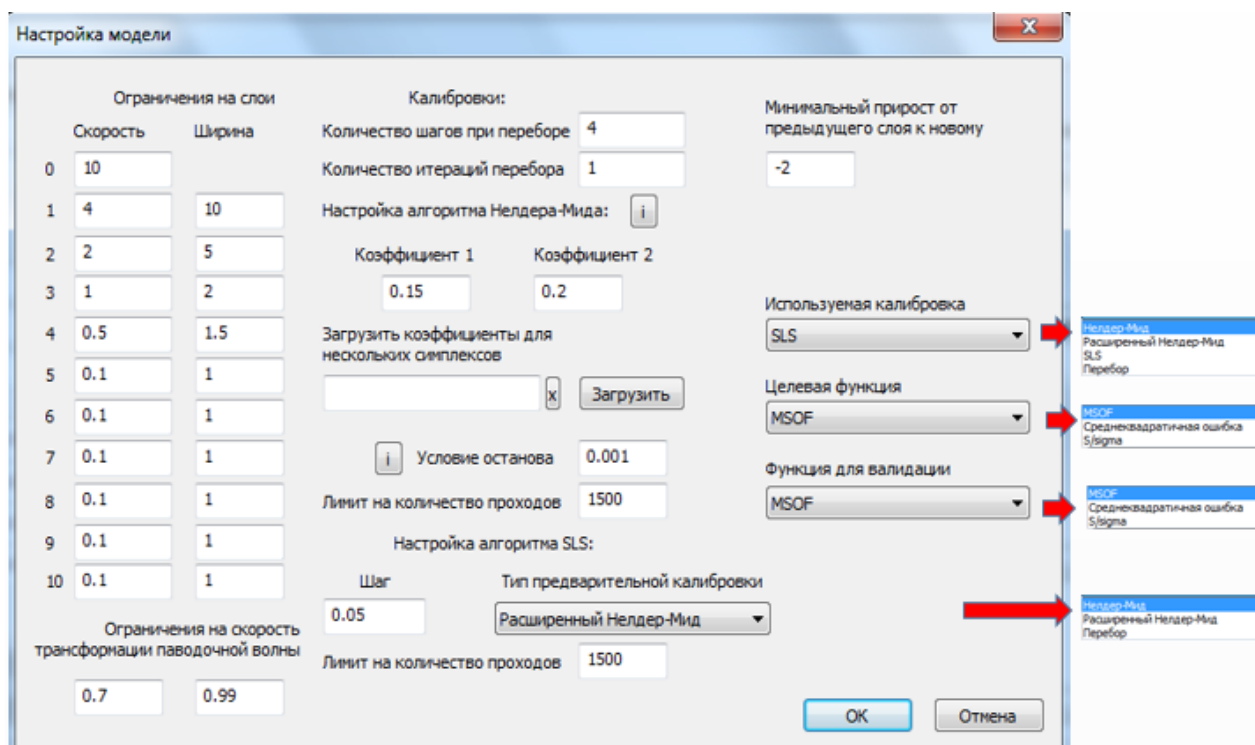

Рис. 2 – Интерфейс программного обеспечения «MLCM2.v2»: настройки модели

Основными конструктивными и технологическими особенностями разработанного ПО являются высокая прогностическая эффективность прогнозирования стока на основе модели MLCM2 и возможность использования разработанной технологии для эффективного фоновое прогнозирования стока на неизученных и малоизученных реках. Программа позволяет получить сопоставимые результаты моделирования стока при более низком уровне обеспеченности исходными данными. Данное ПО обладает значительным потенциалом для дальнейшего совершенствования и коммерциализации.

Сейчас идёт разработка новой версии данного программного обеспечения «MLCM2.v3». Данное улучшение будет произведено при помощи web-реализации программы. Программа будет так называемой «облачной» и обладать в дальнейшем рядом как очевидных преимуществ, так и новыми функциями полезными для индивидуальных потребителей гидрометеорологической информации.

Данное изменение позволит сделать удобную графическую реализацию комплексных графиков в программе. Так же смогут быть добавлены дополнительные опции для вывода прогностических ошибок. Увеличится удобство в использовании программы, произойдёт ускорение выполнения исследований, так как будет произведена web-реализация программного обеспечения, при которой все обновления устанавливаются автоматически, что является современным и удобным.

За счёт web-реализации так же будет улучшена совместимость ПО с различными операционными системами помимо Windows, что так же должно учитываться в наше время. Из-за web-реализации программного обеспечения «MLCM2.v2» произойдёт повышение его конкурентоспособности в мире.

Литература

1. Кузьмин В.А. Основные принципы автоматической калибровки многопараметрических моделей, используемых в оперативных системах прогнозирования дождевых паводков — Метеорология и гидрология, 2009, № 6, с. 92–104.
2. Кузьмин В.А. Алгоритмы автоматической калибровки многопараметрических моделей, используемых в оперативных системах прогнозирования паводков. — Метеорология и гидрология, 2009, № 7, с. 74–85.
3. Guide to Hydrological Practices, World Meteorological Organization №168, Vol. II – Management of Water Resources and Application of Hydrological Practices // WMO, Geneva, 2009, 302 p.

References

1. Kuzmin V.A. Osnovnye principy avtomaticheskoy kalibrovki mnogoparametricheskikh modelej, ispol'zuemyh v operativnyh sistemah prognozirovaniya dozhdevykh pavodkov — Meteorologiya i gidrologiya, 2009, № 6, s. 92–104.
2. Kuzmin V.A. Algoritmy avtomaticheskoy kalibrovki mnogoparametricheskikh modelej, ispol'zuemyh v operativnyh sistemah prognozirovaniya pavodkov. — Meteorologiya i gidrologiya, 2009, № 7, s. 74–85.
3. Guide to Hydrological Practices, World Meteorological Organization №168, Vol. II – Management of Water Resources and Application of Hydrological Practices // WMO, Geneva, 2009, 302 p.